

ЕКАТЕРИНА БОБРОВА

ЖИЛА-БЫЛА

ХОЗЯИКА

ИЛИ

ДОРОГАМИ ИНЫХ МИРОВ

Annotation

Покупка квартиры — дело хлопотное, особенно, если тебе предлагают квартиру с маааленьким таким обременением, как портал между мирами. И вот уже непонятные личности пытаются втереться в доверие, ты соглашаешься на престраннейшую работу, а твоя жизнь стремительно обрастает новыми друзьями — кое-кого ни в коем случае нельзя знакомить с мамой, новыми проектами — всем обездоленным по дому, и новыми тайнами, которые сильно беспокоят твою семью. Но в главное в твоей жизни появляется он — сильный, красивый и смелый. Жаль, что вы не всегда с ним по одну сторону баррикад.

- [Боброва Екатерина](#)
 - [Глава первая](#)
-

Боброва Екатерина
Жила-была Хозяйка или дорогами иных
миров

Глава первая

— Прощу, — мужчина распахнул дверь, приглашая пройти в квартиру. Анна шагнула, привычно оценивая жилище прямо от порога. Входная дверь была двойной, добротной — и это радовало. Дальше тянулся длинный коридор, вправо уходил маленький — на кухню.

— Не разувайтесь, — замахал руками хозяин.

— Нет-нет, — не согласилась с ним девушка, достав из кармана бахилы. Нацепила и, шурша полиэтиленом, прошла дальше.

Какой это был визит по счету? Где-то не нравился этаж, где-то двор, где-то солнце не заглядывало в комнаты, а ей непременно хотелось много солнца, тепла и стройный ряд орхидей на подоконнике.

Поиском квартиры Анна занялась с месяц назад. Можно сказать, случайно и неожиданно. Умерла родная тетка в Томске, оставив после себя аж трехкомнатную квартиру, которую изъявила приобрести для детей ее соседка. Так и вышло, что в одночасье Анна стала и наследницей, и собственницей, и продавцом.

Мать сразу же ухватилась за этот вариант.

— Пойми, глупая, — говаривала она дочери, — никто тебя не гонит от нас с отцом, живи, но годков-то тебе уже не восемнадцать, пора и о своем доме подумать. А тут такой шанс! Продашь квартиру и купишь здесь. Будешь и рядом, и в то же время отдельно. Сама себе Хозяйка. А там, глядишь, и мужа найдешь.

Анна со вздохом сомнения посмотрела на свое отражение в серванте. После предательства Вадика, легкомыслия Толика и занудства Леши она считала себя экспертом в области отношений мужчин и женщин. Нет, прошли те времена, когда мужчины были стоящими. Когда на них можно было положиться, а не прыгать вокруг, постоянно ущемляя себя в чем-то или считая неполноценной. Хватит ей и своих тараканов, чтобы еще и на чужих готовить и убирать.

Она купит квартиру и переедет туда вовсе не из-за мужа. Нет-нет, только этого «счастья» с грязными носками и пустыми банками из-под пива ей не хватает. Ее уютное гнездышко не для него. В нем будут орхидеи, полки с книгами, желтый свет абажура и по-теплому обнимающее кресло. Бутылка вина на полке, нарезка сыра в холодильнике и ветка винограда. Много ли надо одинокой молодой женщине, которая хочет остаться одинокой?

— Здесь гостиная, — мужчина провел Анну в большую комнату. Она поморщилась от желтых в зеленый цветочек обоев — однозначно переклеивать.

— А вот здесь спальня.

Двухспальная кровать занимала почти всю комнату. Скромно, конечно, но на имеющиеся у нее деньги особо не разгуляешься. Либо маленькая двушка, либо однокомнатная. Анне хотелось две комнаты, и ничего, что кухня маленькая. Она же там только готовить будет.

Выглянувший из кухни второй мужчина кивнул Анне и скрылся обратно. Послышался шум воды. Похоже, хозяйева спешно домывали посуду. Смешно. Все равно видно, что квартира нежилая.

— А здесь что? — Анна озадачено остановилась напротив еще одной двери. Ванну и туалет она посмотрела, обе комнаты видела. Кладовка? С такой широкой дверью?

— Открывайте, — с милой улыбкой неожиданно предложил мужчина. Анна приподняла бровь, но за ручку двери потянула. Та поддалась с натугой, неохотно, словно приклеившись к притаившейся за ней стене из вязкого мармелада. А затем резко распахнулась, и тугая волна воздуха ударила в лицо, заставив задохнуться от восторга. Пахло лесом, деревянными полами и домом: большим, уютным с камином и печкой, и бором высоченных сосен за окном.

Сердце остановилось, чтобы тут же сорваться в галоп. Анна ухватилась за косяк. Почему-то стало весело, ну словно она в пять лет бежит утром к елке, а под ней гора подарков.

За дверью лежал коридор. Просторный такой коридор, залитый розовыми лучами закатного солнца, падающими вниз сквозь стеклянный потолок. Прямо напротив — стена из светлых, отполированных досок. Анна заглянула дальше, чувствуя себя Алисой у порога кроличьей норы: слева, метра через четыре, коридор заканчивался стеной, сложенной из дымчато-серых камней, а справа, через те же четыре метра, уходил в поворот. И не было, не было его на плане, который Анна изучала, прежде чем договориться о просмотре квартиры.

Ноги сами шагнули за порог. Глухо бумкнув, за спиной закрылась дверь, оставив ее в коридоре одну. Стало немного страшно, точно вместо куклы под елкой обнаружился дробовик.

Обернулась — за спиной была дверь. Обычная дверь из белого шпона с позолоченной ручкой, мастерски выполненной в виде дракончика. Холодно поблескивали глазки из прозрачного стекла, а кончик хвоста закручивался у основания.

Где она? Что это за место?

Не пойдешь, не узнаешь.

Анна отдернула руку, которую протянула было к двери. Вернуться она всегда успеет. Да и возвращаться, честно, не хотелось. Дробовик был не единственным подарком, под елкой виднелись еще не открытые коробки.

Шаг. Еще один. И коридор внезапно поплыл перед глазами, сильная боль пронзила основание затылка, накатила тошнота. Анна зашаталась и, сжав зубы, попыталась удержаться в сознании.

Удалось. Правда, с глазами творилось что-то странное. Своевольная дверь решила сначала раздвоиться, а потом и вовсе размножиться. Анна с беспомощным видом смотрела, как белые двери выступают из стен коридора справа и слева от нее.

Сглотнула. Нервно хихикнула и потерла лоб. Пересчитала — теперь их было восемь абсолютно одинаковых белых прямоугольников с металлическими ручками-драконами.

Дожилась... Двери не могут так себя вести, а коридоры возникать там, где по плану им быть не положено.

Сказка становилась похожа на больной кошмар. Надо вернуться, но где нужная ей дверь? Проклятье, они все выглядят одинаково!

Анна выдохнула и нажала ручку двери, ведущей обратно в квартиру, а затем медленно раскрыла ее. За дверью закатное солнце уходило за пики гигантских гор и тонуло в тених заросшая вереском долина. Пушистыми великанами стояли сосны, сверху донесся пронзительный крик хищника, и Анна отшатнулась, обернулась, с беспомощным видом посмотрев на выглядевший таким домашним коридор, на белые прямоугольники дверей. Снова перевела взгляд на открытый проем. Ветер лениво гнал волны по фиолетовому озеру цветущего вереска, покачивали ветвями могучие сосны, а белые шапки гор розовели в лучах прячущего за них солнца. Воздух был одуряюще свеж, с привкусом горькой сладости и терпкой, нагретой за день смолы. И что самое грустное, он был до реальности настоящим.

— Это не сон, — прошептала Анна, в ступоре глядя на чудный и абсолютно не имеющий права здесь находиться пейзаж. Это даже не дробовик под елкой, а нечто похуже — пулемет «максим», не меньше.

Внезапно сбоку, среди колючих кустов мелькнула рыжая тень с темными полосками на шкуре.

Отчаянный рык наполнил коридор, Анна, прижавшись спиной к двери, с ужасом смотрела на глубокую рваную царапину на ноге, и набухающие от крови джинсы. В спину били тяжелым, а огромная лапа с черными блестящими когтями шарил по полу в десятке сантиметров от ее ноги, пытаясь вновь дотянуться до «ужиной».

Ботинки в скользких бахилах постепенно ползли по полу, и щель становилась все шире.

Рывок. Анна в прыжке перемахнула коридор, рванула на себя дверь, с удивительным проворством захлопнув ее прямо перед рыжей мордой с горящими зелеными глазами.

Дверь закрылась, отрезав ее от клыкастой смерти. Анна выдохнула и буквально сползла вниз... на песок и тут только оглянулась. Здесь тоже царил закат, солнце уходило в сине-зеленый горизонт, легкий бриз шелестел в прибрежных зарослях, а волны с шипением накатывали на белый песок пляжа. Рядом высились нагромождения черных скал, сама дверь тоже была вделана в скалу, выделяясь на черном ярким пятном, вот только у этой двери дракончик сиял зелеными камушками глаз.

Анна потрогала ручку — теплая. И накатила тоска, а сердце сжалось от боли и отчаянья. Девушка прижалась лбом к ручке, глаза защипало. Она неизвестно где, неизвестно как сюда попала, а там, за дверью, ее караулит рыжая смерть. И как теперь вернуться домой?

Девушка прислонилась спиной к двери, сняла порвавшиеся бахилы с ботинок, свернула и убрала в карман. Отлично сходила на просмотр, просто замечательно! А главное, сколько всего нового увидела. Прямо удивительное разнообразие вариантов. Тут и горные долины, и чудный пляж с морем, а в довесок рыжая зверюга с вот такими когтями.

И ничего удивительного, что ей до слез хочется вернуться домой.

Она заставила себя встать, перетянула ремнем ногу, оторвала рукав рубашки и кое-как перевязала рану. Зашить бы, да чем?

Оглянулась в поисках хоть какого-нибудь орудия. Камень? Ха! Такую харю камнем только насмешить. Тут разрывные на слона нужны, не меньше.

И закат, как назло, дразнил розово-синим великолепием. И пляж, и море, ну словно с обложки: «Красивейшие места на планете».

Вопрос лишь: на какой планете, и не водятся ли здесь собратья рыжего и полосатого?

Сколько она отсидела на песке, сказать было сложно. Солнце практически скрылось за горизонтом, море потемнело, и сумерки вовсе подбирались к озябшей девушке. С моря тянуло сыростью, острее запахло водорослями и солью, а с берега временами накатывал дурманяще-сладкий аромат цветов.

На небе выступили первые звезды, и в зарослях шуршали невидимые зверьки. Один раз тишину пронзил трубный рев, Анна вздрогнула, вскочила на ноги, поморщившись от резкой боли в ране. Порез пульсировал, наливший тягучей горячей болью.

Внезапно ей показалось, что на скалах мелькнула тень. Анна замерла, до боли в глазах вглядываясь в сиреневый полумрак, потом перевела дыхание — никого.

Подступающая ночь стерла очарование этого места, и пляж больше не казался ни притягательным, ни безопасным. Выбор был, правда, невелик. Остаться здесь или рискнуть вернуться в странный коридор с восемью дверьми. Если хищник ушел бродить по дому, у нее есть шанс успеть найти путь домой.

Решено.

Анна поправила повязку и медленно, затаив дыхание, потянула ручку двери на себя.

Коридор был пуст. На полу валялась выпотрошенная и изрядно пожеванная сумочка, которую она обронила, удирая от хищника. Погрызенный телефон печально смотрел в потолок разбитым экраном.

Анна всхлипнула. Новый, купленный с месяц назад телефон было откровенно жаль.

— Чтоб ты подавился, — прошептала, высовывая голову. Огляделась — никаких следов рыжего. Распахнутая дверь напротив темнела россыпью звезд на темном небе. Оттуда тянуло горной свежестью и горьким ароматом вереска.

Анна поежилась и быстро, пока кто-нибудь не прыгнул с той стороны, захлопнула дверь.

Выдохнула, еще раз огляделась. Ей кажется или в коридоре действительно кто-то есть? Но вокруг было пусто, все двери плотно закрыты, и лишь рассыпанная из кошелька мелочь — прогрыз сволочь —

блестела на полу.

Девушка покачала головой — нервы, милая, нервы — и принялась быстро собирать все, что уцелело. Сжала сумочку в руке, встала посередине коридора и попыталась вспомнить, где она стояла, когда двери начали расползаться по стенам.

Постояла, обозвала себя головой садовой и шагнула к ближайшей двери. Коснулась рукой позолоченного дракончика, как внезапно ощутила тяжесть на правом плече.

— Не стоит, — человеческим голосом проговорила пустота. Девушка оглушительно взвизгнула, шарахнулась влево и, уже открывая соседнюю дверь, успела заметить, как из пустоты проявилась фигура в темном плаще с вытянутой в ее сторону рукой.

Анна, чувствуя, как скользят по спине, не успевая зацепиться пальцы незнакомца, буквально выпала за дверь, и та почему-то захлопнулась сама, оставив мужчину с той стороны.

Девушка перевела дух, встала с колен и огляделась. Ну, здравствуй, коридор с бежевыми полосками, двумя комнатами и крошечной кухней. Ее бывшая мечта на уютное гнездышко с желтым абажуром. Почему бывшая? Так не сможет она здесь спать, зная, какой ужас притаился за дверью. И кто его знает, куда эта дверь ведет на самом деле и что будет за ней в следующий раз. Нет-нет, подальше от таких чудес. Она девушка взрослая, разумная, в привидения, чужие миры и полтергейст не верит и верить не хочет.

Так что быстренько, пока в квартире никто не объявился, ходу отсюда.

Некоторое время Анна молча разглядывала входную дверь. Потом дергала за ручку. Потом ругалась. Потом пыталась найти запасной ключ или реанимировать телефон.

А потом в замке заскрипел ключ, и метаться, как и прятаться, стало поздно.

Хозяин квартиры, при первом знакомстве представившийся Олегом,

вошел, бросил взгляд на стоящую в конце коридора напряженную девушку с тяжелой вазой в руках, и широкая улыбка, возникшая было на его лице, угасла сама собой.

Зашедший следом мужчина закрыл за ними дверь, захлопнув ловушку.

— Анна, — Олег выставил вперед руки, — спокойно. Это всего лишь недоразумение. Я сейчас объясню.

Анна медленно кивнула, продолжая удерживать перед собой вазу. Жаль, на кухне не было топора, но кухонный нож она припрятала в ботинке под джинсы на всякий случай. А случай-то, похоже, настал. Двое мужчин, чужая квартира, седьмой этаж... скверный расклад.

В это время коридор огласила веселенькая мелодия, и второй мужчина, извинившись кивком, достал телефон.

— Да. Здесь.... Не волнуйся, все пройдет нормально, обещаю... Ранена? Да, вижу. Хорошо, займемся в первую очередь... Да, мы поняли, что ты ее напугал. Ладно, забыли. Сейчас все исправим.

Он нажал кнопку отбой и убрал мобильник в карман.

— Анна, э-э-э, как вас по батюшке?

— Можно просто Анна, — девушка облизнула пересохшие губы.

— Тогда я — просто Алексей, — улыбнулся мужчина. — Вижу, вы устали, ранены, может, пройдемте на кухню, поговорим и попьем чай?

Анна замотала головой. Соблазнительное предложение, но в коридоре проще обороняться.

— Хорошо, — не стал возражать Алексей. Похоже, он здесь был главным, — но рану вашу я могу осмотреть?

Анна лишь судорожно вздохнула, перехватив вазу поудобнее.

Мужчины обменялись растерянными взглядами.

— Кричать буду, — на всякий случай предупредила девушка.

— Анна, — почти простонал Олег, взъерошив темные волосы, которые длинными прядями падали ему на лицо. — Вам ничего не угрожает, честное слово.

Девушка криво усмехнулась и сменила позу, чтобы ноги не затекли.

— Он прав, — подтвердил Алексей, чей короткий ершик светлых волос и широкий подбородок делали его похожим на отставного военного. — Впрочем, не верить — ваше право, но рану обработать надо. Если в кровь попала зараза, вылечить будет сложнее. Позвольте я помогу. Обещаю, даже прикоснуться не буду.

Анна нерешительно кивнула. Остаться без ноги, а гангрена — вещь серьезная, не хотелось.

Алексей медленно, не сводя с девушки спокойного взгляда, приблизился, остановившись в метре от нее, потом так же медленно опустил на одно колено и протянул руку к ноге. Анна вскрикнула — рану будто кипятком обожгло, но жжение скоро прошло, и приятное тепло поползло по ноге.

— Вот и все, — выдохнул он через некоторое время. Слабо улыбнулся, попытался встать, но тут же покачнулся.

— Да ты весь резерв высадил, — ахнул Олег, подхватывая товарища под руку.

— Ничего, ничего, — успокоил его Алексей, — домой схожу и быстро восстановлюсь.

— Домой... — задумчиво протянул Олег и тут же поправился: — Да кто же тебя туда отправит?

— Да вот хоть бы она, — Алексей кивнул на девушку, и оба с напряженным ожиданием уставились на Анну.

Тем временем Анна погрузилась в состоянии тихого офигевания. Повязку она сдвинула, и от вида розового шрама на месте страшной рваной раны девушка впала в легкий шок, не сразу поняв, что обращаются именно к ней. Чудо, сотворенное обычного вида мужчиной за пять минут, не вписывалось в рамки здравого смысла.

— Экстрасенс? — уточнила с надеждой.

Алексей поморщился и кивнул с обреченным видом:

— Экстрасенс.

— Аннушка, я вам больше скажу, у нас таких экстрасенсов целый мир, то есть дом. Хотите познакомлю? — предложил Олег, радостно улыбаясь.

— Секта? — с подозрением осведомилась Анна.

— Да Бог с вами, какая секта, — замахал руками Олег и, прижав ладонь к груди, клятвенно заверил: — Никаких сект, никакого обмана, мошенничества и надувательства. Правда и только правда.

— А там? — она махнула рукой на проклятую дверь.

— А давайте посмотрим, что там, — вдруг предложил Олег. — И мы с вами пойдем, чтобы страшно не было.

Анна прищурилась, окинула внимательным взглядом мужчин, но лица у обоих были серьезными, ни тени юмора в глазах.

— Не могу, — опустила голову, — там рыжий гуляет. Ну тот, который мне ногу распорол.

— Этот рыжий за свое отвратительное поведение усыплен и возвращен на родину, — ответил Алексей. — Обещаю, вам больше ничего не угрожает.

— Это дом, да? — уточнила Анна, понимая, что готова согласиться.

Мужчины не ответили, да она и не жаждала ответа, понимая, что

права.

И как ни странно, чудный дом ей понравился. До появления рыжего хищника, она чувствовала себя там легко, свободно и по-детски радостно, ну словно новогодняя сказка внезапно оказалась реальностью и она нашла под елкой хрустальную туфельку. А всем известно, где туфелька — там и принц, и дворец, и королевство в придачу.

С другой стороны, глупо, конечно, верить в сказки, когда тебе уже за двадцать, когда давно не ребенок, а взрослая, самостоятельная женщина, и тень первой морщинки проглядывает под глазами.

Да и принц, если разобраться по сути, всего лишь самец принцессы. Пора-пора снимать очки иллюзий.

Анна помотала головой, прогоняя видение сияющей огнями елки с хрустальной туфелькой под ней. Нет-нет, хватит жить розовыми надеждами на чудо. Год назад, до предательства Вадика, она, быть может, и согласилась, но сейчас... Спасибо, сказки не надо. Дайте лучше миллион, а еще лучше два, ну или квартиру продайте. А вот гулять по чужим домам и мирам... Увольте, такого счастья ей не надо.

Вдруг это все-таки обман? Распылили газ в квартире, вот и потянуло на видения, ну а рыжий... Да не было никакого рыжего. Не было и все тут!

Она осторожно поставила вазу на пол. Алексей, видимо, что-то прочитал в ее взгляде и разом погрустнел.

— Мне пора, — громко объявила Анна, делая шаг к выходу из квартиры. Внутри зрела уверенность — задержись она хоть на полчаса «испить чайку» и тогда уж точно согласится и на елку, и на туфельку, и на другие миры.

— Может, все-таки останетесь? — без тени надежды предложил Алексей. Второй мужчина переводил растерянный взгляд с Анны на своего товарища, и в его глазах горькой пылью оседало понимание.

— В другой раз, — светски улыбнулась девушка. — Провожать не надо, дорогу сама найду.

— Но послушайте, — с жаром вскинулся Олег, однако Алексей остановил его взмахом руки.

— Пусть идет. Дорога у нее все равно одна.

Мужчины посторонились. Анна, по привычке оберегая ногу, похромала мимо с гордо поднятой головой.

Елка осталась за дверью. Ну и пусть. Она уже не маленькая девочка. У нее есть отличная работа, семья и... И вообще, давно пора самой пригласить Женю с технического отдела прогуляться вечером после работы. Сколько можно бросать взгляды и стесняться подойти!

«Дорога, дорога...» — ворчала про себя. Настроение падало с каждым шагом. Вспомнилось обжигающее чувство восторга от распахнутой в неизвестность двери. Вереск, горы, пляж...

Подумалось, а не зря ли сбежала? И даже слушать не стала объяснения Алексея.

Что же... не захотела рисковать, так нечего теперь и жалеть.

Спустилась на лифте, вышла во двор. Воздух города вдруг показался отвратительно грязным, и Анна, стараясь дышать пореже, пошла к остановке. На полпути поняла, что хромать не обязательно. Проверила рану — даже шрама не осталось. Подумалось, что доедет домой и джинсы окажутся целыми. Ну точно, газ.

Портал в центре Питера. Надо же такое придумать! Смех, да и только.

ГЛАВА вторая

В понедельник утром офис встретил Анну предновогодней суматохой, а вот настроение у девушки было под стать серому свинцовому небу, прочно обосновавшемуся над городом. Снег в этом году запаздывал и, похоже, не собирался радовать их даже на праздники. Не зима, а вечная осень.

— Смельцова, к начальству! — даже не поздоровавшись, объявила секретарша Света, и ее светлые, очень мягкие и вечно пушащиеся волосы дернулись тревожным облачком.

Сердце у Анны екнуло. Вызов с утра пораньше не к добру. Вообще все было не к добру. Вчерашний визит в квартиру, порванные джинсы, любимые, между прочим, собака... Ах да, собака. Она попалась ей на глаза вчера у подъезда. Черная, страшная, лохматая с очень умными карими глазами и унылой вытянутой мордой. Белый галстук на шее и белые носочки на лапах придавали ей почти официальный вид. Эдакий офисный бродяга.

Анна свистнула, но пес даже ухом не повел, оставшись сидеть около скамейки. Ошейника на нем не было, грязи, впрочем, тоже. Непонятно — то ли потерялся, то ли настолько самостоятелен, что гуляет сам по себе.

— Ловцов на тебя нет, — бросила ему Анна, бочком пробираясь мимо скамейки. Вот именно таких собак — огромных, черных и зубастых — она боялась с детства.

Пес по-человечески вздохнул и ответил укоризненным взглядом.

— Иди-иди, — махнула она рукой, второй придерживая ручку подъезда, — расселся, понимаешь. Не у себя дома.

Пес, словно поняв ее слова, медленно встал и с герцогским достоинством удалился. Настроение испортилось окончательно.

А ночью еще и сон приснился. Такой... реальный, что утром Анна долго лежала в постели, привыкая к мысли, что не бежит больше по белоснежному песку, проваливаясь в него и отпрыгивая от накатывающихся волн, не валяется на земле, вдыхая горьковатый аромат вереска и разглядывая огромные, повисшие над ней звезды, а лежит в кровати, слушая противное пиликанье будильника.

Мрак. После таких снов серость становится настолько серой, что удавиться впору.

И пес... Утром у подъезда опять был он.

Анна остановилась, разглядывая собаку. Нечесан и наверняка блохаст, но в глазах светится ум и...

Она, удивляясь сама себе, медленно открыла сумку, достала сверток с бутербродом, сняла с хлеба розовый кружок колбасы и со словами «Голодный, поди» бросила псу.

Тот все с тем же достоинством благородной особы приблизился к угощению, вильнул хвостом и, одарив девушку внимательным взглядом, слизнул колбасу с асфальта. Ам — и словно ничего и не было.

— Проглот, однако, — Анна уважительно покачала головой, — извини, больше нет. И так на тебя самое вкусное перевела.

Девушка кинула взгляд на часы и заторопилась. Она уже опаздывала. Когда заворачивала за угол дома, оглянулась, пса уже не было видно.

Мелькнула мысль, что вечером стоит сделать набросок собаки, уж больно выразительной была морда с лохматыми ушами и гладким широким носом.

Анна в свободное время увлекалась карандашными зарисовками, и рабочий блокнот всегда был щедро украшен миниатюрами. А чем еще заниматься на совещаниях? Нет, свою работу девушка любила. Ей нравилось жить в постоянном поиске свежих идей, в подборках лучшего цвета, фона, дизайна. Нравилось критиковать, выслушивать чужие мнения и мучительно искать тот единственный вариант, который выстрелит на все сто. Мир рекламы был ей близок по духу, но нудные совещания сводили с ума.

И вот сейчас она готовилась бездарно провести время, выслушивая прописные истины, которыми так любило делиться драгоценное начальство.

— Смельцова, — по-крокодилы широко улыбнулся Павел Григорьевич, и остальные пять начальников отделов синхронно повернули головы в ее сторону. Комок дурных предчувствий подкатил к горлу девушки, она кивнула всем, стараясь выглядеть невозмутимо, и прошла к

свободному стулу.

Павел Григорьевич, управляющий директор их маркетингово-рекламной компании, для своих сорока пяти лет выглядел подтянуто-молодцевато. Он гладко брил голову и с аккуратной бородкой и серьгой в ухе напоминал собой пирата, а не респектабельного бизнесмена.

— Итак, все в сборе, — Павел Григорьевич окинул собравшихся пронзительным взглядом хищника, и коллеги разом опустили глаза в стол. Директор не был тираном, но управлял компанией жестко, больше всего на свете ненавидя малейшие заигрывания с конкурентами. И потому их служба безопасности могла поспорить с банком средней руки.

— А у нас, милые мои, ЧП. Да, — он подтверждающе кивнул, — именно ЧП. Один из ваших коллег слил Акрели последние разработки по рекламной компании чистящих средств. Напоминаю тем, у кого короткая память, — этот контракт должен был стать крупнейшим за последний год. **КРУПНЕЙШИМ!** — повысил голос Павел Григорьевич. — А теперь, как мне стало известно, бывшее нашим предложение уже утвердили в Акрели. И теперь они получают контакт и, соответственно, премию за квартал. Это ясно?

Бледные, растерянно переглядывающиеся и прячущие друг от друга глаза коллеги разом кивнули.

— Павел Григорьевич, а известно, кто? — подала голос Эля, эффектная блондинка с выдающимся бюстом, который помогал ей успешно продвигаться по карьерной лестнице.

— Известно, — бросил в ответ Павел Григорьевич, сделав театральную паузу. В кабинете повисла мертвая тишина.

— Смельцова, ты ничего не хочешь сказать? — ласковым тоном осведомился Павел Григорьевич.

— Я? — сипло спросила Анна, чувствуя, как ужас сжимает горло плотным кольцом.

Поймала полный отвращения взгляд Танечки из отдела технического

обеспечения, и на плечи разом по мешку с песком навалилось.

— Ты-ты, — с улыбкой крокодила подтвердил Павел Григорьевич. — Сегодня утром, пока ты не успела удалить следы, мы с ребятами комп проверили. Ты сделала копии всех разработок, еще и с сервера информацию скопировала. А потом записала на флешку. И отнесла в Акрель, так?

Анна разом сгорбилась, до крови прикусив губу.

— Так, я спрашиваю? — спокойно и оттого очень страшно спросил Павел Григорьевич.

— Нет, — очень тихо ответила Анна, — не было этого.

— Еще и скажешь, что Акрель контракт не получили?

— Может, и получили, — голос девушки твердел с каждым словом, она подняла на начальство заблестевшие от слез глаза, — но не я сделала копии, пусть и на моем компьютере нашли следы.

— Тогда, что ты скажешь на это? — и Павел Григорьевич бросил перед ней фото. Она взяла его дрогнувшей рукой. Снято было сквозь витрину кафе. Анна сидела за столиком, а рядом, чуть наклонившись, оперся о край стола неизвестный ей молодой человек.

— Это сотрудник Акрели, — пояснил для остальных Павел Григорьевич, — тебя видели с ним, Анна, отпираться бесполезно.

И она вспомнила. Неделю назад ей действительно назначила встречу в кафе подруга, которая потом не пришла, прислав извиняющуюся смс-ку. И парень был. Уронил под столик телефон, долго доставал и витиевато извинялся.

Осознание истины наполнило горечью рот. Анна сглотнула ставшей горькой слюну. Так вот зачем все это было! Как просто и как подло.

Она обвела коллег просящим взглядом — неужели никто не усомнится в чудовищной лжи? Нет, никто. В переполненном людьми кабинете Анна

осталась одна. Предательницей для ставших почти родных за годы работы коллег.

Чувство обиды душило, и сдерживать слезы было трудно, но она справилась.

Улица встретила девушку легким снежком. Зима наконец вспомнила о своей обязанности, подморозив грязь на асфальте.

На душе было отвратительно. Горько и гадко от несправедливых обвинений, от увольнения — хорошо хоть по собственному желанию разрешили написать. А внутри горело желание вернуться, найти того, кто подставил, и... свернуть ему шею.

Она дошла до сквера и села на скамейку. Идти домой не хотелось. Начнутся ненужные расспросы, глупые ахи и охи.

Рядом послышался шорох, зашуршала мерзлая трава, на дорожку выбрался уже знакомый ей пес, отряхнулся и сел рядом.

— Что, дружок, несладко бродяжничать? — сама удивляясь своим словам, спросила Анна. Спросила, чтобы отвлечься от нестерпимого желания разрыдаться. Ей хотелось плакать долго, со вкусом, с причитаниями и никому не нужными обещаниями. И пришло осознание — зачем еще нужна отдельная квартира. Чтобы вот так порыдать над своей горькой судьбой одной, без свидетелей.

Пес зевнул, продемонстрировав белоснежный оскал внушительных зубов, встряхнулся и вдруг, насторожив уши, уставился на вход в сквер. Оттуда двигался упругой походкой молодой человек. Одет он был в кожаную косуху, кожаные штаны, а в руках держал мотоциклетный шлем. Загорелое лицо в обрамлении черных волос делало его похожим на бандита, а черные глаза и нос горбинкой придавали облику цыганский мотив.

И Анна вслед за псом насторожилась.

Насторожилась не зря.

Молодой человек прошел было мимо, но вернулся и остановился напротив. Широкие плечи, тонкая талия, дорогая одежда, уверенный вид и цепкий, гипнотизирующий взгляд. Такие предпочитают быстрый секс без обязательств и дорогих, очень дорогих женщин в престижных клубах. Знакомство на улице не для них.

Анна напряглась, с благодарностью ощутив, как теплый бок собаки прижался к ноге.

— Какая красавица, одна и без охраны, — широко улыбнулся мужчина. Красивая у него была улыбка, ничего не скажешь, вот только взгляд остался холодным, изучающим.

— Вы куда-то шли? — подняла брови Анна, стараясь выглядеть как можно более отстраненной. У нее практически драма в жизни. Не до шуточек.

— К вам, — «честно» признался незнакомец, сияя белоснежной улыбкой.

Пес внезапно оскалится, обнажив свои не менее белоснежные клыки.

— Я сегодня не принимаю, — покачала головой девушка, — попробуйте записаться на следующую неделю.

— А телефончик подскажете? — молодой человек мгновенно включился в игру, старательно делая вид, что тихо рычащая собака в метре от его ноги — просто предмет пейзажа.

— Конечно, — Анна встала, взяла подмышку коробку с личными вещами из офиса, левую руку положив на холку собаки, — пошли домой, Вальдемар, а телефон, — она пожала плечами, — звоните 112. Вам подскажут.

Так они и пошли в сторону выхода. Пес медленно, приноравливаясь к ее мелким шагам, трусил рядом. Она шла, не торопясь и не оглядываясь.

Странно, но после глупейшего разговора с незнакомцем настроение стремительно улучшилось. И слезы отступили куда-то за горизонт. И

мысли сосредоточились на насущном: зайти в магазин, купить шампунь, поводок, намордник, а еще лекарства для обработки бродяги. И что она скажет маме с папой? Ничего, что-нибудь придумает.

А работа... Да плевать на эту работу. Пусть сами теперь выкручиваются с проектами, которые она вела. Нашли, понимаешь, шпиона.

— Сидеть, — приказала она собаке около входа в магазин. Пока покупала все необходимое для питомца, нервно оглядывалась на дверь — а если уйдет? Если не дождется. Но пес дождался. Встретил одобрительным покачиванием хвоста, ткнулся носом во вкусно пахнущий кормом пакет и тихонько гавкнул. Настроение у Анны улучшилось окончательно.

— Пошли уже, лекарство от депрессии, — улыбнулась она и зашагала к дому, благо тот был рядом.

Дома их встретила тишина. Отец был на работе, а мама, видимо, ушла в магазин. Анна забросила коробку под кровать — потом разберет, быстро переоделась и приступила к тяжкому труду владельца четырехлапого питомца — мытью.

Вальди позволил затащить себя в ванную, затем обмазать, облить и запенить тремя разными средствами. Анна не меньше часа возилась с собакой, высушивая, расчесывая и даже укладывая феном в красивую волну лохматую голову пса, чувствуя себя при этом совершенно счастливой.

А потом просигналил домофон. Анна загнала Вальди в свою комнату, приказав сидеть тихо, и пошла открывать дверь.

— Ты дома? — тут же встревожилась мама. Девушка ловко выхватила у нее пакеты из руки уже из кухни крикнула:

— Не волнуйся. Я уволилась с работы. Надоели они, да и заказчик такой козел оказался...

— Приставал? — охнула мама.

— Э-м-м, — неопределенно ответила Анна.

— Я так и знала, — Клавдия Петровна встала в дверях, — это все ваш Павел Григорьевич, да? Красивый мужчина, красивый мужчина, — передразнила она дочь, — сам пол-офиса к себе перетаскал. Теперь до тебя добрался?

— Да нет, мам, — попыталась объяснить Анна.

— И не спорь! — повысила голос Клавдия Петровна. — Я давно чувяла, что у тебя не все ладно на работе. Ушла и ушла, — добавила она уже спокойно. — Давно пора. Квартирой вон займешься. Не переживай только. Ты же помнишь, нервные клетки...

— Не восстанавливаются, — закончила за нее Анна.

Клавдия Петровна десять лет отработала врачом на Дальнем Севере, мотаясь с отцом по экспедициям. После рождения дочери, они перебрались в Петербург, где Клавдия Петровна нашла себя сначала врачом на скорой помощи, а потом заведующей в частной клинике. Год назад ушла на пенсию, но все еще консультировала по просьбе коллег особо тяжелые случаи.

— Мам, а у меня сюрприз, — встрепенулась Анна.

— И какого месяца? — прищурилась Клавдия Петровна.

— Не месяца, — надулась девушка, — а пушистости, веса и умности.

— Ты меня интригуешь, — покачала головой Клавдия Петровна. — Давай сюда свой сюрприз, посмотрим.

— Вальди, — позвала Анна. Скрипнула ручка двери, послышалось звонкое цоканье, и в кухню, жизнерадостно махая хвостом, степенно вошел Вальдемар.

Мама охнула, прижала ладони к щекам, и Анна торопливо, боясь услышать твердое «Нет!», начала объяснять:

— Ты не волнуйся. Это ненадолго. Как только куплю квартиру, так и съедем. Я постараюсь что-нибудь быстро найти.

Все детство Анна мечтала о собаке, но когда мама — медицинский работник с четким убеждением, грязь — причина большинства болезней, о собаке остается лишь мечтать. Хомяки, морская свинка и попугай — это здорово, но совсем не то.

— Переедет она, — хмыкнула вдруг мама, — на работу пойдешь, а животину кто выгуливать да кормить будет?

Животина согласно кивнула и предвкущающе облизала черный нос. Мол, кормить, да, обязательно.

— Так утром и вечером, — растерянно ответила девушка.

Мама покачала головой.

— Никто вас никуда не гонит. И учти, пока не сделаешь ремонт, не устроишься на новую работу, никаких переездов, тем более с псом.

Она присела на корточки и протянула руку:

— Ну давай знакомиться, Вальди.

Пес степенно поднял лапу. Никаких лизаний в лицо, никакого дурацкого напрыгивания, мама, впечатленная, подняла брови.

— Да, ты ученый, я смотрю. И кстати, что за дурацкое имя?

— Вальдемар, — машинально ответила девушка, пребывая в странном неверящем состоянии. Надо же, как бывает! Она всю жизнь считала свою маму чудовищно упрямой в собственных убеждениях, а та, оказывается, может идти навстречу.

— Вальдемар, значит, — Клавдия Петровна с чувством пожала лапу собаки, — ну, если Бегемота к нам не приведешь, живи. Добро пожаловать в семью. А теперь, — она поднялась, — быстро мыть руки. Будем готовить обед.

В припаркованной около Аниного подъезда машине звонко запиликал телефон. Мужчина, сидящий на переднем сидении, посмотрел на номер, затем провел пальцем по экрану.

— Да?

— Как идет наблюдение? — осведомилась трубка строгим и немного усталым голосом.

— Все по плану. Внедрение прошло успешно, можно переходить ко второй части.

— А тенивики? Выходили на контакт?

— Да, — подтвердил мужчина, — контакт был зафиксирован, однако агент вмешался, и поговорить им не удалось.

— Это сейчас не удалось, — возразила трубка, — но следующая попытка может быть удачной. Так что повнимательнее там. Не спать.

— Есть, не спать! — бодро отрапортовал мужчина, невольно выпрямляя спину.

В трубке раздались гудки отбоя.

Мужчина несколько мгновений смотрел на потухший экран, затем убрал телефон в карман куртки, положил руки на руль и откинулся на сидении. Ожидание обещало быть долгим.

После отличного обеда Анна засобиралась на прогулку. Надо было, конечно, заняться квартирой, просмотреть объявления, разместить резюме на сайте, но на улице выглянуло такое редкое в декабре солнце, блестел свежесвыпавший снег, неожиданно просыпавшийся за утро, и она просто не могла заставить себя сесть за компьютер, вернуться к мыслям о работе. Нет-нет, она займется делами завтра. Сегодня выходной.

Было странно идти по улице в светлое время буднего дня. Еще более странно идти не одной в сторону небольшого сквера и слышать реплики

редких прохожих:

— Смотри, какой симпатяга. Похож на сенбернара.

— Да не-е-е. Помесь ньюфика и борзой. Видишь, морда вытянутая и уши вислые, а сам коренастый, лапы недлинные.

Вальди вышагивал степенно, не тянул поводок в сторону столба или чужой собаки. Он слегка притормаживал, отводя морду и давая понять, что ему надо во-о-он туда, если, конечно, Анна не против.

Анна не возражала, отпуская поводок свободно разматываться с катушки.

Она шла, не до конца веря в происходящее. Еще вчера утром жизнь казалась скучно-размеренной, а сейчас события менялись с такой быстротой, что мозг отказывался принимать их. Квартира, двери, увольнение и собака. Еще бы понять, что из этого к добру, а что — явная неудача.

Анна уже ступила на проезжую часть, от сквера ее отделяла дорога в две полосы, как справа оглушительно взревел двигатель. Она шарахнулась назад, поскользнулась и, балансируя на одной ноге, успела заметить, как мимо пронесся мотоцикл, как он ложится на бок, гася резкое торможение.

Вальди, встав на дыбы, словно лохматый пони, взрыкнул по-львиному и рванул в сторону соседнего двора. От неожиданности Анна рухнула на четвереньки, выпустила поводок из рук, и пес крупными скачками помчался за угол дома.

Девушка оглянулась — мотоциклист уже поднимался на ноги, придерживая мотоцикл. Значит, с ним все в порядке, а вот пес, поганец, ударился в бег. Или он почуял прежнего хозяина?

Анна вскочила и бросилась за беглецом. У нее за спиной опять взревел мотор, но уже гораздо тише. Заворачивая между домами, она успела заметить, как мотоцикл медленно едет следом.

Дворы, дворы... Впереди несся Вальди к одной ему известной цели, за

ним Анна, а замыкал погоню мотоциклист. А у нее даже времени не было подумать, зачем он за ними увязался? Если спросить, не ушиблась ли она, так по ней, бодро скачущей по поребрикам тротуаров, это и так видно. Если отругать — так пожалуйста. Вот только она сначала придушит одного лохматого поганца, а потом будет разбираться со всем остальным.

Вадьди тем временем заскочил в следующий двор и заметался у закрытой двери подъезда. Анна вздохнула с облегчением, переходя на шаг. Одумался, мерзавец. Но пес, словно издеваясь, подцепил когтями тяжеленную железную дверь, приоткрыл и шмыгнул в щель.

Девушка негромко выругалась и рванула за ним. Дверь подъезда действительно была не закрыта, похоже, сломался домофон, а пес этим нагло воспользовался. И зачем его сюда понесло?

Наверху раздавалось шумное сопение и цоканье когтей.

— Вальди, ко мне! — негромко позвала девушка. Цоканье на мгновение замерло, а затем пес отправился дальше, ну словно к себе домой. Пришлось и ей подниматься вслед за собакой по чужой лестнице.

Шла, злясь на себя — купила, называется, баба порося; на собаку — какая вожжа ему под хвост попала; на мотоциклиста — ездить не умеет, а за руль садится.

Цоканье затихло. Анна ускорила шаг, успевая заметить, как этажом выше медленно закрывается дверь квартиры.

Она в нерешительности остановилась перед обитой еще старым, советским дерматином дверью. Она помнила этот коричневый, потертый дерматин, эту фигурную ручку. И номер квартиры был ей знаком. Она была здесь недавно, буквально вчера!

Внизу гулко хлопнула дверь подъезда. Раздались тяжелые шаги, загудел лифт, и ей внезапно стало страшно. Инстинктивно она шагнула к двери, нерешительно взялась за ручку.

Что она им скажет? «Простите, моя собака забежала к вам в квартиру?» А почему она, собственно, туда забежала? Анна потрясла

головой, прогоняя безумные фантазии.

Лифт загудел вновь, устремляясь наверх. И собственное зимнее пальто вдруг показалось ужасно тонким, а она сама — слишком заметной на фоне серо-зеленой стены подъезда. И никакого оружия под рукой!

И вместе с остановившимся лифтом Анна потянула дверь на себя, скользнула внутрь, успев бросить укоризненный взгляд на Вальди, сидевшего с высунутым языком в центре коридора, и прильнула к глазку. Из лифта на площадку, держа в руках шлем, вышел мотоциклист.

Он повернулся в сторону двери, и Анна резко отшатнулась. Его лицо было ей знакомо. Очень хорошо знакомо, как и дверь, и квартира... Круг замыкался, вбирая в себя разрозненные детали. Мажор, решивший вдруг познакомиться на улице с незнакомой девушкой, квартира, оказавшаяся набитая тайнам, словно шкаф английского поместья, собака, которую она выбрала сама и которая привела ее сюда. Все это промелькнуло в голове у нее за одно мгновение, и, собственно, дальше выбор был невелик. Остаться или уйти. Встретиться с преследующим ее мужчиной в пустой квартире или рискнуть и открыть так и манящую к себе дверь, ведущую в странный коридор с не менее странными дверьми, рыжими хищниками и идеальными закатами.

Ручка входной двери медленно повернулась. Девушка одним прыжком оказалась около Вальди, рванула пса за собой и выскочила в уже знакомый ей коридор. Слава Богу, пустой.

Прислонилась к стене, переводя сбившееся дыхание, и подпрыгнула от раздавшейся веселенькой мелодии. Сердце подкатило к горлу, а затем резко ухнуло вниз, и только потом до нее дошло, что это звонит ее собственный телефон.

Вальди вопросительно гавкнул, и Анна, чувствуя себя по-дурацки, со вздохом полезла в сумочку.

— Да, — нажала «ответить».

— Анна, мы не знакомы, но прошу вас меня выслушать, — приятный мужской баритон говорил твердо и уверенно. Девушка прикрыла глаза,

представляя, как он стоит в пустой квартире, со шлемом подмышкой, и аромат дорогого парфюма перебивает затхлость нежилых комнат.

— Вам скоро сделают одно предложение, от которого будет очень сложно отказаться. Я лишь хочу, чтобы вы знали — отказ возможен. Вы не обязаны выполнять работу, которую вам будут так настойчиво предлагать. Ваш отказ мы поддержим. Не бойтесь, у вас есть настоящие друзья.

На фразе: «Ваш отказ мы поддержим» Вальди, до этого момента чутко прислушивающийся к разговору, неожиданно чихнул, развернулся и потрусил к выходу.

Собственно, окончание разговора девушка дослушивала уже на бегу. И на бегу же бросила в трубку:

— Да, я поняла, — хоть ничего и не было понятно, — учту, спасибо. А теперь мне пора.

И она нажала «отбой».

ГЛАВА третья

Дом был тих и пуст. Он, словно затаившейся котенок, предлагал поиграть в прятки всем троим: себе, Вальди и девушке. Вот только Анна была уже сыта по горло и догонялками, и тем более прятками.

Коридор привел ее в просторный холл. Наверх уходила лестница, справа и слева виднелись закрытые двери, а впереди черной тенью мелькнул хвост за закрывающейся входной дверью.

— Вот же, поганец, — выругалась Анна, распахивая дверь.

Здесь уже всю хозяйничала зима. Пушистые сугробы высились по обе стороны от аккуратной дорожки, высокие, заметенные снегом ели обрамляли берег уснувшего подо льдом озера. Сквозь стоящий на том берегу лес алел диск красного солнца, и сизые тени ползли от деревьев по озеру, линую снег прямыми линиями.

Было холодно, мороз сразу же полез колючими иголками под одежду.

Анна зябко передернула плечами и зашагала к стоящей на берегу беседке. Девушка зашла внутрь, провела рукой по сугробу на перилах, и снег пушистым облачком слетел вниз.

Как же тихо! Так тихо бывает только далеко за городом, в стороне от шумных трасс и поселений. Анна с наслаждением вздохнула полной грудью. Свежий, морозно острый воздух был сладок на вкус.

— Всегда любил вид отсюда, — раздался за спиной мужской голос, — вижу, он вам тоже по душе, Анна.

Она не вздрогнула, не шарахнулась в сторону и даже не вскрикнула. Видимо, подсознательно ждала такого — ну не просто так ее сюда заманили, да и парень на мотоцикле предупреждал о подобном.

Чуть развернулась, скосив глаза — мужчина встал рядом, положил руки в черных кожаных перчатках на перила, глубоко вздохнул, и пар облачком за клубился около его рта.

Незнакомец был в возрасте. На висках щедро серебрилась седина, вокруг глаз были видны залежи глубоких морщин. Дорогое пальто говорило о неплохом денежном доходе и парфюм... Анна невольно принялась — чуть горьковатый запах цитрусовых — необычный выбор для мужчины.

— У вас очень красивый мир, — внезапно поведал мужчина, поворачивая голову в ее сторону. Анна смело встретила его взгляд, отмечая серый цвет глаз, их необычный разрез. И вкупе с едва уловимым акцентом у нее в голове сложилась четкая картинка — иностранец. Богатый, привлекательный, скорее всего занимающий немаленький пост, уж больно властным и уверенным веяло от незнакомца.

— Не жалуясь, — пожала плечами Анна. Значит ли это, что она в своем мире, а ведь готова была поверить во все, начиная от инопланетян и заканчивая параллельными мирами. А может, она впала в кому или это сложное гипнотическое воздействие?

Анна собрала снег в маленький снежок, отмечая холод, окутавший ладонь, покатила в руке. Нет, слишком реально для сна или гипноза. Про

кому сказать сложнее. Практического опыта, слава Богу, не было.

Холод от снежка в ладони каким-то образом перебрался внутрь, и девушка зябко поежилась. Становилось неуютно. Сначала увольнение, потом собака, или, нет, собака была первой. Хотя нет, началось все с квартиры.

— Ваш пес? — уточнила Анна, стряхивая воду с ладони. Снежок растаял, а вместе с ним растаяло и мирное настроение. Девушка подобралась. Что, собственно, она здесь делает? А главное — где?

— Теперь ваш, — улыбнулся мужчина. Снисходительно так, словно видел насквозь ее страхи и опасения.

— Держите, — он протянул ей платок, и Анна взяла его автоматически, секундой позже осознав, что не стоило так быстро сокращать дистанцию. А если он враг?

— Меня зовут Арвель, — представился «враг» и добавил: — Арвель валь Хорл.

Анна вытерла мокрую ладонь, поколебалась, но платок возвращать посчитала неприличным.

— И откуда вы, Арвель? — уточнила, убрав платок в карман.

— Моей страны нет на карте вашего мира, — спокойно ответил мужчина, словно речь шла о вещах абсолютно обыденных: покупка молока к завтраку или, скажем...

— Как нет? — опешила Анна. В голове внезапно загудело, и затылок потяжелел.

— Не волнуйтесь, — успокаивающе улыбнулся Арвель. — Все не так страшно, как кажется.

— А что мне кажется? — спросила девушка, чувствуя предательскую дрожь в голосе. Одно дело читать роман, сидя в уютном кресле за надежными стенами дома, и совсем другое — стоять лицом к лицу с живой

идеей романа.

— Вам кажется, что я вам угрожаю, — поведал ей Арвель, — что вас попытаются обмануть, запугать, но это совсем не так. Поверьте, здесь никто не причинит вам вреда. Да это и невозможно сделать. Это ваш дом, Анна, — и он указал рукой в сторону дома.

Анна нервно сглотнула. В горле пересохло. Мысли путанно носились в голове, без всякой надежды выдать что-нибудь здравомыслящее. Она потеряла рукой лоб, подивившись холоду пальцев.

Сначала собака, теперь дом. Что следующее? Принц на белом коне?

— Понимаю, вы растеряны, — сочувствующий вид Арвеля напоминал собой доброго доктора, а именно доктора душевных болезней, и Анна вскинулась, чувствуя, как ее затапливает раздражение.

— Я — не растеряна, — отчеканила, — удивлена, не скрою. И с какой радости мне выпало такое счастье: и дом, и собака, и ваше внимание?

— Вы забыли о квартире, — поправил ее Арвель.

Анна подавилась воздухом, закашлялась.

— И квартира, — согласилась, махнув рукой на здравый смысл в происходящем. — И что вы за это попросите? Надеюсь, не душу?

Арвель улыбнулся.

— Нет, вы путаете меня с другим, эм, персонажем. Я душами не занимаюсь. И у меня к вам, Анна, исключительно деловое предложение, без всякой мистики и эзотерики. Давайте пройдем в дом, выпьем чаю. Вы немного успокоитесь и перестанете воспринимать меня с такой враждебностью.

Анна хмыкнула и с независимым видом повела плечом. Страх не было, лишь легкая досада на мужчину, который отвлекает от чего-то важного.

И дом, и озеро, и беседка... У нее было странное чувство, что она знает это место и вернулась сюда после долгого отсутствия.

— Хорошо, — согласилась, с неохотой отворачиваясь от озера. Вид и, правда, был чудесен, но одета она была не по погоде и успела изрядно озябнуть.

Дом встретил их легким запустением, и на девушку снова накатило дежа вю. Высокие светлые комнаты, скрипящие под ногами половицы, пыль на подоконниках и затянутая в чехлы мебель. Все было родным и знакомым. От накотившей беспричинной радости защипало в носу, и Анна прикусила губу, чтобы не выдать охвативших ее эмоций.

Хватит глупостей на сегодня. Этот не ее дом, она не может знать, что за дверью их ждет кухня, из потемневшей от времени сосны и большой, овальный стол темно-коричневого цвета с белой салфеткой в центре, а над ней желтой тыквой висит круглый абажур.

Это сказки, а их не бывает.

— Простите, мы не успели прибраться, — извиняясь, словно она была настоящей гостьей, проговорил Арвель, раскрывая дверь и пропуская вперед.

Анна прошла к столу, поправила салфетку, качнула абажур. Реальность стремительно осыпалась.

Солнце блесело в стеклах старинного серванта, и Анна четко знала, что за резными дверцами стоят двенадцать бокалов и один чайный сервиз из китайского фарфора — с зелеными дракончиками, вольготно разлегшимися на блюдцах и боках чашек.

Дико хохоча, прозвенел бубенцами колпак дурака.

Она сходит с ума.

В груди стало тесно и горячо. Тронь — и сердце не выдержит, взорвется от страха, от противоречий реальности.

Мокрый нос ткнулся в ладонь. Анна вздрогнула, опустила руку на собачью голову, ощущая под пальцами мягкую шерсть и... боль отпустила.

Девушка потрепала собаку по голове. Пес стоял смирно, словно понимал, что нужен сейчас, как никогда.

— Ваш чай, Анна, — на стол перед ней опустилась чашка. Да-да, та самая, с зелеными дракончиками по бокам. Парок поднимался над поверхностью, и на девушку пахнуло солнцем, летом и горечью чайных листьев.

Она и не заметила, когда Арвель успел приготовить чай. Н-да... она бы сейчас не заметила, появившись на кухне кто-то еще.

— Что это за дом? — спросила глухо, не делая попыток присесть на заботливо выдвинутый стул. И сама неприятно поразилась ставшего чужим голоса.

В комнате резко похолодало, захлопали наверху ставни, от стен повеяло тоской, и дом стал ощущаться обиженным щенком, но Анна крепче сжала зубы, не поддаваясь на жалость. Она не верит в сказки. Она должна разобраться и найти логичное объяснение происходящему.

— Анна, вы, главное, не волнуйтесь, — засуетился вдруг Арвель, — чаек сладкий, с сахаром. Пейте, пейте.

И чуть ли не силой усадил за стол, впихивая в руки чашку с чаем.

Тепло в руке подействовало успокаивающе. И желание сорваться с места, убежать, куда глаза глядят, стало слабее.

— Так что это за дом? — уже спокойнее повторила вопрос и даже сделала глоток чая. Пес положил голову на колени, и стало совсем хорошо.

— Ваш дом, — улыбнулся Арвель, вытирая выступивший отчего-то пот на лбу. Очередной платок был безупречно белоснежен, и Анне подумалось, что мужчина неуловимо напоминает собой аристократа. Обходительные манеры, правильная речь и несколько платков под рукой.

— Хорошо, пусть мой, — неожиданно для себя согласилась Анна. Чудеса продолжались, все ощутимее пахло елкой и... бредом. Где-то там, за дверью, бродил принц, а по берегу прогуливался единорог. У нее самой должны вырасти крылья и найтись пара хрустальных туфельек. Как говорится, не можешь отменить безумие, возглавь его.

— Вы — чудо, Анна, — Арвель пригубил чай, и девушка с раздражением подумала, что она опять не заметила, откуда на столе взялась вторая чашка. Нет, так с ума сойти можно!

"Не торопись", — появилась в голове чужая мысль и пропала.

— Так вот, — Арвель сделал еще один глоток, не переставая внимательно наблюдать за девушкой — ну, словно доктор, раздумывающий открыть правду больному или нет. От нарастающего внутри напряжения девушку подмывало вскочить с места, грохнуть кулаком по столу и крикнуть что-нибудь нецензурное, но она сдержалась. Сидела, кусая губы, и ждала приговор.

— Как вы уже поняли, я родом не из этого мира.

Тишина затаившегося дома и перезвон бубенцов на шляпе безумца. Мир сошел с ума, и она вместе с ним.

— Не волнуйтесь, нас здесь немного, и мы не собираемся, эм, вас захватить.

Какое ей дело до мира? Они захватили ее, заразили своим безумием, и она пьет чай, медленно теряя связь с реальностью.

— Не буду скрывать, нам требуется помощь. Ваша, Анна, помощь.

Колпак, издевательский хихикая, опустился на голову. Добро пожаловать в дурдом.

— Мой мир умирает. Давно. И его не спасти.

Боль в его голосе, опущенная голова. Она готова поверить. Почти.

— Мы вынуждены искать новый дом. Стабильный канал удалось пробить только в ваш мир. Не бойтесь, мы не готовы убивать, чтобы выжить самим.

Она представила себе войну и содрогнулась. А если это ложь? И она сейчас беседует с тем, кто хочет уничтожить ее мир ради выживания своего народа?

— Но нам нужно где-то жить, это правда. И чтобы отыскать новый дом, требуются такие, как вы, Анна.

Звон бубенцов и холод по спине. Нет, она обычный человек. Новые миры, каналы, поиски — слова обтекали сознание, неся с собой привкус безумия и зов к протесту. Она не обязана никому помогать! У нее своя жизнь. Нормальная. Абсолютно нормальная жизнь. Без принцев, единорогов и хрустальных тувелек.

— Кто я? — спросила сипло, с трудом выдавливая слова.

— Назовем это просто, — Арвель смотрел с сочувствием, от которого у Анны защипало в носу, и абажур стал двоиться в глазах, — Хозяйка.

И торопливо продолжил:

— Видите ли, Анна, портал можно проложить во многие места. Но каждое открытие отнимает массу энергии, и крайне тяжело удержать портал долгое время, это раз, а во-вторых, миры смещаются. Чем дальше удобное место уходит от нашего мира, тем сложнее туда попасть. Не буду вас утомлять теорией, скажу одно, эвакуировать густонаселенный мир таким способом и силами сотней магов-портальщиком невозможно.

Но вы, Анна, можете сделать то, что недоступно нам. В каждом мире есть подобное место, откуда открываются стабильные каналы в другие миры. Как я уже сказал, наш мир сильно пострадал. Из оставшихся точек мы получили доступ только в ваш мир. Но здесь уже занято, так?

Анна кивнула. В голове было мутно от напряжения, и она с трудом понимала, о чем говорит Арвель.

— Единственный вариант — использовать ваш мир в качестве, эм, пересадочной станции. Вы позволите нам воспользоваться вашим домом, Хозяйка?

Анна не сразу поняла, что это был вопрос. Взглянула с недоумением. Дом... какой дом? Ах, этот? И какая, к черту, Хозяйка?

— Хотите, пользуйтесь! — бросила, едва сдерживая раздражение. И снова захотелось сбежать, оказаться в родной квартире и забыть про все эти глупости.

— Спасибо, Хозяйка, — серьезно поблагодарил Арвель, точно она ему графский титул пожаловала.

Анна пожала плечами — дурдом затянулся, пора кончать.

— Анна, я вижу, вам непросто, и понимаю, насколько. Но дом выбрал вас, не отталкивайте его. А знаете, давайте, я покажу вам свой мир, — неожиданно предложил Арвель, поднимаясь с места.

Знакомый холодок побежал по спине. Все еще может оказаться неправдой. Принц обернуться менеджером строительной фирмы, единорог — лошадью, а туфельки... просто разбиться. Ведь хрусталь так легко бьется, как и мечты.

— Прощу, — он требовательно протянул руку, и Анне захотелось зажмуриться, замотать головой — нет, все ложь, все выдумки.

— Бойтесь?

Это был нечестный прием, но он сработал. Внутри у девушки словно образовался комочек льда — и бояться стало неприлично.

Она поднялась, царственным жестом вложила ладонь в его руку.

— Ведите.

Королева, идущая на эшафот. За спиной шлейф безумия, впереди — принц, единорог и туфельки, а в голове одно желание: хочу домой, к маме.

Мягко вздохнул пес, пристраиваясь рядом, и безумие отступило, испугавшись черных когтей и белоснежных зубов.

И снова знакомый коридор. Двери, ручки-драконы и предательский страх в ослабевших ногах.

— Не бойтесь, — ласковый шепот Арвеля погладил по голове, прогоняя страх.

Они прошли мимо дверей и замерли напротив пустой стены-тупика. Но пустой она оставалась недолго. Подернулась дымкой поверхность, проступили на ней очертания прохода, и оттуда пахнуло чужим миром. Больше всего это напоминало кузню, в которой Анне довелось побывать, абсолютно случайно оказавшись в одной из этнических деревень. Из прохода тянуло гарью, раскаленным камнем, серой и еще чем-то непознаваемым.

— Идемте.

Арвель неожиданно сильно ухватил ее за локоть и буквально втащил в проход. И правильно сделал — Анна не смогла бы заставить себя шагнуть на ту сторону.

Мир умирал. Это чувствовалось в воздухе, его агония дрожью землетрясения била по ногам, осыпались камни со склона горы, тяжелое дыхание рождало завесу пыли.

— Мы на пограничной точке, — спокойный голос Арвеля за спиной дико контрастировал с проходящим перед ними извержением вулкана. — Я не могу показать вам защитную стену, просто поверьте, она есть и не дает добраться до нас лаве.

И действительно, большая часть пепла кружилась в отдалении, словно удерживаемая на месте невидимой силой.

— Извержения — не вся беда. Наводнения, цунами. Природа оставляет нам все меньше безопасных мест, где мы могли бы жить. И силы, которые мы тратим, чтобы ее сдержать, тают. Вы нужны нам, Анна. Это не

пустые слова. Мы примем вашу помощь на любых условиях.

Принц оборачивается всадником апокалипсиса, единорог — шестиглавым чудовищем, а туфельки нужны для того, чтобы перерезать себе горло. Хрусталь может стать оружием, если захотеть.

— Я...

Из горла вырвался полусип-полувздых.

— А давайте снова пить чай, — тоном безумного шляпника предложил Арвель, и Анна не стала сопротивляться, когда они шагнули обратно.

Знакомый коридор, щемящее чувство радости — она дома, в безопасности. И снова можно дышать, и перед глазами нет огромного вулкана, по склону которого красными жилами течет лава.

— Вот видите, Анна, ничего страшного.

Ей внезапно становится смешно. Бубенцы уже не звенят, они оглушительно трезвонят и почему-то прямо в голове. Она начинает смеяться.

Лицо Арвеля перекашивается, словно ему наступили на ногу, и Ане становится еще смешнее. Слышится звон стекла, хлопанье дверей, чьи-то шаги, взволнованные голоса.

— Успокоительное, быстро, — командует кому-то Арвель.

Ей зажимают голову, горькое льется в рот. Сознание мутнеет, бубенцы затихают, и Анна проваливается в омут сна.

Первыми сквозь сон прорываются тихие голоса, дальше приходит понимание — она лежит на чем-то мягком, сверху прикрыта теплым пледом.

Голоса то отдаляются, то приближаются. И странное дело, они звучат незнакомо, но влетают в уши, переворачиваются в правильную сторону и становятся понятными.

— Ты не должен был рисковать, Арвель. Девочка еще не готова.

— Я статс-маг, Тахмар. Так что мне решать, готова она или нет. Вспомни старика. Он вообще долгое время считал нас результатом белой горячки.

Это голос Арвеля. Анна его сразу узнала.

— А тебя называл белочкой, — хмыкнул собеседник. — А если она откажется?

— Не откажется. Я полностью контролирую ситуацию. Мы полгода в простое. Сам знаешь, еще немного и потеряем три области, а уплотняться больше некуда.

— Знаю. И все равно это риск. Не лучше ли дать ей время?

— Мы можем дать ей время, мир — нет. Он уже вычеркивает ее. Начни сопротивляться — станет только хуже.

Наступило задумчивое молчание.

Анне очень хотелось услышать что-нибудь еще... из Матрицы или из деревенских баек, но нестерпимо зачесался нос, и пришлось проснуться.

Она лежала на кожаном диване в комнате, которая по виду больше всего напоминала кабинет. Полки, выстроившиеся вдоль стены, были забиты книгами, у окна стоял письменный стол, а в центре находился еще один — побольше, предназначенный, видимо, для совещаний. Шесть стульев с высокими спинками, точно стражи, окружали его потертую поверхность, знававшую явно лучшие времена.

От мужчин, сидящих за столом, не укрылось ее пробуждение, и Арвель, поднимаясь, с обеспокоенным видом уточнил:

— Анна, как вы себя чувствуете?

Девушка прислушалась. А нормально она себя чувствует. Никаких

поползновениям удавиться, утопиться или разбить башку о стену не наблюдалось. Голова была ясной и приятно пустой. Жить можно.

— Терпимо. А долго я? — решила внести ясность.

— Пару часов, не больше, — успокоил ее мужчина, и девушка подпрыгнула на диване. Вскочила, засуетилась, лихорадочно надевая сапоги.

— Анна, вы куда? Что-то не так? — встревоженно спросил Арвель.

— Простите, мне пора. Понимаете, я же только собаку прогулять, — застегивая сапоги, пояснила девушка.

— Анна, не волнуйтесь, ваша мама уже звонила, — в разговор вступил второй мужчина, и Анна, мельком взглянув, тут же отметила его непохожесть на Арвеля. Мужчина был одет в длинную рубашку черного цвета, расстегнутую на пару верхних пуговиц, просторные штаны, а рядом с подлокотника стула свешивался, подметая собой пол, темно-синий плащ.

И если до его слов девушка не слишком волновалась, то теперь тревога поднялась в полный рост.

— Что вы ей сказали? — замерла с сапогом в руках.

— Вы ей сказали, — мягко поправил ее мужчина, и Анна даже дышать перестала, — сказали, что встретили подругу, зашли с ней в кафе и поэтому немного задержитесь.

— Ясно, — выдохнула Анна. Внутри колыхнулось раздражение — уже ее жизнью распоряжаются, задавившее робкие ростки благодарности. И как интересно, они подделали ее голос?

— Меня зовут Тахмар.

Сапог занял наконец свое место на ноге, и девушка выпрямилась, глядя в глаза мужчины. Впалые щеки, мохнатые брови и черные, встрепанные волосы делали его похожим на ворона. Немолодого, лет за пятьдесят, а потому опытного и опасного.

— И кто вы? — спросила с раздражением. — Статс-маг? Или?

— Анна, — начал было Арвель, но девушка остановила его взмахом руки.

— Нет, не надо меня больше водить кругами и поить чаем. Я хочу знать правду, ВСЮ правду.

— Но вы и так...

— погоди, Арвель, девочка права, — вмешался Тахмар. — Ты не забывай, она здесь на своей территории. Размажет нас по стенам, даже пикнуть не успеем.

В черных глазах блеснула что-то озорное, словно его забавляла одна возможность быть размазанным. Анна представила себя в роли убийцы и... напряжение отпустило, дышать стало легче, а злость прошла.

— Ладно, давайте ваш чай.

Прошла, села напротив мужчин.

— Что вы хотите знать? — уточнил Арвель, усаживаясь напротив. Судя по облегченному вздоху, он был готов к худшему — к еще одной истерике или?...

Девушка усмехнулась — разговор будет явно непростым и не совсем нормальным, но опасности она не ощущала. Ворон, как окрестила Анна Тахмара, был прав — вопреки здравому смыслу она ощущала себя если не Хозяйкой, то очень хорошей знакомой этому дому.

— Откуда взялся рыжий, распоровший мне ногу? Как я смогла попасть сюда из квартиры? Как вы меня нашли? И зачем я вам нужна? Если я правильно поняла, статс-маг означает именно маг? Вы что, маги?

Вошедший в комнату молодой человек словно ждал с подносом за дверью. Глянул с любопытством на девушку и принялся споро расставлять чашки с уже знакомыми дракончиками на боках, сахарницу и тарелку с

печеньем — самым обычным на вид, которое так любят продавать в сельпо.

— Вы позволите начать с последнего вопроса?

Арвель пододвинул к Анне печенье и жестом предложил — угощайтесь, сам же продолжил разговор:

— Мы действительно маги, и, как говорят у вас, слава Богу. Без нашей силы мы давно были бы уже мертвы. Спаслась бы пара тысяч человек, не больше, успев уйти в другие миры.

— И давно вы здесь?

— Если быть точным: три года и семь месяцев. Эвакуация только начала разворачиваться в полную силу, когда, — он сморщился, словно речь пошла о чем-то неприятном, — прошлый хозяин этого дома покинул нас.

— Умер? — переспросила Анна, удивленно вскидывая брови.

— Увы, все мы смертны, а старик, ему действительно было много лет, еще и сделал все, чтобы его жизнь не продлилась слишком долго.

— Он пил, — счел нужным пояснил Тахмар, не заботясь о произведенном впечатлении, — был горьким пьяницей. Мы, конечно, сделали все, что смогли, и старик протянул чуть больше трех лет, но его тело было слишком изношенным, чтобы жить дальше.

— Ясно, — помрачнела девушка.

Верить или нет? Но у квартиры явно был хозяин, как и у дома. И все вещи здесь выглядели чересчур земными, чтобы сомневаться в словах магов.

— Квартира его?

— Да, — подтвердил Арвель, — он специально проложил к ней связующий портал, хоть мы и были против. Как оказалось — зря. Именно квартира стала маячком, притянувшим нового хозяина, точнее, Хозяйку, —

и он улыбнулся Анне, выжидательно смотря на девушку.

Внутри Анны мгновенно вспыхнул протест, и резкие слова сами сорвались с губ:

— Считаете, я способна вам помочь? Проложить какие-то там порталы, обеспечить эвакуацию?

Она с раздражением поставила чашку на блюде. Потянулась за печеньем, взяла одно и стала его методично разламывать на кусочки. Чувство безумности происходящего вернулось вновь, и ее неудержимо потянуло домой, к маме. Сбежать в нормальный мир и забыть об этом дурдоме.

— Анна, — Арвель тяжело вздохнул и обменялся понимающими взглядами с Тахмаром, — порталы уже открыты. Из одного и пришел зверь, поранивший вас. Вы и сами все понимаете, просто боитесь признаться.

— Ничего я не боюсь, — Анна упрямо мотнула головой, а перед глазами уже возникали картины чужих миров: пляж с идеальным закатом, горы и колышущееся море вереска.

Нельзя сбежать от самой себя. Нельзя зарыться с головой под одеяло и считать, что ты спряталась от мира. Он все равно найдет тебя, войдет в комнату, сбросит одеяло и потребует ответа. За все. И страхи будут лишь мешать, сбивая с толку.

Реальность сходит с ума? Единственный вариант остаться в здравом рассудке — сойти с ума вместе с ней.

— Анна.

Ладонь Арвеля накрыла ее руку и сочувственно сжала.

Она и не заметила, когда мужчина оказался рядом. Замерла, напряженно вслушиваясь в слова мага.

— Мы понимаем, как вам трудно, но поймите и нас. Последняя партия ушла полгода назад. И ситуация у них непростая. Нужны инструменты,

лекарства. Магия, увы, не всеильна. За каждое, эм, чудо, мы платим свою цену. А новый дом приходится не только строить, но и защищать, если не от людей, то от хищников.

Миры, Анна, в большинстве своем похожи, просто каждый движется по-разному. Где-то есть люди, где-то они еще не появились, и там правят хищники. Мы везде будем чужаками, но на другой чаше весов — наша смерть. И мне не хочется стать свидетелем гибели своего народа.

— Если так, — она сбросила руку мужчины, встала, практически опрокидывая стул — Арвель в последний момент успел его подхватить, — зачем тянуть? Порталы открыты? Так начните ими пользоваться. Я не стану мешать.

— Анна, — ей заступил дорогу Тахмар, — не торопитесь. Мы ждали полгода, подождем пару дней. Вы сейчас пойдете домой и, как у вас говорят, переспите со всем произошедшим. Утро вечера мудреней, так?

— Так, — кивнула девушка, — а вы неплохо знаете наш язык.

— Пришлось, — едва уловимо поморщился Тахмар, — старик был любителем народного языка, и чтобы правильно толковать все его обороты...

— Понимаю, — усмехнулась Анна, прекрасно понимая о каких оборотах идет речь. Похоже, магам пришлось нелегко с прошлым хозяином. Интересно, кому из них поручили пить со стариком? Тахмару или Арвелю? Или обоим? Впрочем, не важно.

— Как скажете, — опустила глаза Анна. Действительно, пора домой. Завтра утром все будет выглядеть не так страшно.

ГЛАВА четвертая

В коридоре к ним присоединился Вальди. Пристроился сбоку, и она положила руку к нему на голову, погладила и не удержалась от еле слышного:

— Предатель.

Вальди по-человечески вздохнул, лизнул руку, словно извиняясь. И девушка поняла, что не в силах на него сердиться.

— Арвель, — обернулась к магу, — Вальди — собака?

— Вижу, вы засомневались в этом? — хитро улыбнулся мужчина, а пес, поганец, насмешливо фыркнул. — Вальди — собака. Не обычная, но собака. Он из породы королевских тафаргов. Умен, бесстрашен и предан хозяину. Отличный охранник. Нам повезло, что он согласился вас охранять.

Вальди широко зевнул, демонстрируя великолепные клыки, и согласно вильнул хвостом, мол, да, повезло.

Анна улыбнулась — как есть поганец, знающий свою цену. И непонятно, кто из них двоих будет настоящим хозяином.

Тахмар, идущий впереди, распахнул дверь, и знакомый коридор встретил ароматом нагретого за день на солнце дерева. Блестели ручки восьми дверей, горели настенные светильники — тонкие, черные, выполненные в виде факелов. Все было так, как она помнила. Так, и в то же время по-другому.

Анна шла, с любопытством оглядываясь по сторонам и мысленно гадая, что скрывается за каждой из дверей. Жаль, нельзя заглянуть хоть за одну, хоть на пару минут.

«А почему нельзя?» — пришедшая мысль шаловливо подмигнула, призывая плюнуть на запрет магов — не они здесь хозяева — и отправиться навстречу приключениям.

Это ведь другие миры! Неужели не заглянешь?

Анна сжала руки в кулаки, чтобы скрыть охватившую ее дрожь. Да, что с ней творится? Откуда такая смена настроения? То тряслась от страха, то сама лезет неизвестно куда.

Ну, почему неизвестно? Она замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду. Одна из дверей просто тянула к себе магнитом. Рядом

глухо заворчал пес. Начал медленно, очень медленно поворачиваться Арвель, но он уже не успевал.

Рывок — и дверь открыта. Еще шаг — и она проваливается в темноту, а затем истошный визг бьет по ушам — собственный визг. Нечто толстое и упругое обхватывает ее за талию и тащит неизвестно куда.

Визжала она долго и качественно, пока не охрипла и не поняла, что от ее визга толку не будет. Нечто тащило в темноту с упорством трактора «Беларусь», и визг полностью игнорировало.

Постепенно включился мозг, паника перестала сдавливать грудь, и Анна смогла вздохнуть, и даже начать мыслить здраво.

Темно, как у... Неважно. Просто очень темно. Воздух теплый и влажный, но без затхлости. Пахнет... Странно пахнет. Вроде бы травой и цветами. К непонятным запахам, к ее удивлению, примешивался аромат грибов. Она в лесу? Если это лес, то очень необычный и тихий. Шелест, вот и все звуки, которые она могла различить.

Анна осторожно потрогала держащую ее конечность — мягкая, теплая и округлая по форме. Щупальце, да и только. Но если это щупальце, то какого размера тварь? Мамочки!

Интересно, ее тащат в берлогу, чтобы без помех пообедать? Если так, пусть подавится. Сорок второй размер не из питательных. "Кости и кожа" часто называла ее мама.

При мысли о маме в глазах защипало. И собственная дурость предстала в черном свете.

"Не жди меня, мама, хорошего сына. Твой сын не такой, как был вчера"...

Да-да, все именно так и происходит. Сначала теряешь работу, потом подбираешь собаку, а затем ввязываешь в полную авантюру, в результате которой оказываешься неизвестно где, главным блюдом на ужин неизвестно у кого.

Скорость упала, тварь притормозила, аккуратно ставя девушку на землю, а затем щупальце исчезло с талии.

"Все. Сейчас жрать будет", — мелькнула паническая мысль, и позорно захотелось прикрыть глаза, однако девушка осталась стоять, вглядываясь в темноту и ожидая нападения монстра.

"Хоть пальцем в глаз ткнуть. Хоть поцарапать".

Идиотские мысли толклись в голове, требуя крови и отмщения, но победило безумие. А кто же еще мог создать гигантские, размером с две ладони, парашютики одуванчика, окрасив их для полного сюрра в фосфоресцирующий нежно-фиолетовый цвет.

Парашютики медленно всплывали с земли, поднимались в воздух, и скоро все пространство вокруг Анны было залито фиолетовым светом, а сама она была окружена семенами-переростками, чье неспешное фланирование напоминало собой медуз в толще воды. Над головой девушки уже собралось целое облачко, а светящиеся семена не спешили заканчиваться.

Зрелище завораживало своей непохожестью ни на что земное.

Вот оно, безумие. И где почти родной принц с хрустальными туфельками? Уж лучше он, чем такое...

Если Анна надеялась, что семенами все закончится, она жестоко ошибалась. Творящемуся сумасшествию не хватало главного — хозяина. И он пришел. Соткался человеческим силуэтом из светящихся нитей, завис в воздухе напротив.

Вот, собственно, и принц. Подумаешь, фиолетовый да прозрачный. Принцы, они разные бывают.

Главный по дурдому между тем висел в паре метров от Анны, и его неподвижность нервировала девушку больше, чем недавний полет в темноте. Но чем дольше она вглядывалась в пульсирующие фиолетовым цветом нити, тем более знакомым казался ей мерцающий силуэт.

Девушка изучающе склонила голову набок, и неизвестный повторил ее движение.

Осознание накатило разом — это она. Это ее скопировал фиолетик, а теперь повторяет каждое движение.

Полный капец! Пора думать о смирительной рубашке, мягких стенах и баночке с таблетками. Правда, до них еще добраться надо.

Анна на инстинкте протянула руку, и светящаяся рука потянулась ей навстречу, коснулась кончиками пальцев, и... Это было похоже на мысленное цунами, затопившее сознание. Чужие образы, настолько чужие, что не воспринимались целостно, обрывки эмоций, а следом шла боль. И так же инстинктивно Анна отдернула руку, разрывая контакт.

Выдохнула, переводя дыхание. Потрясла головой, прогоняя остатки чужого присутствия. Боль притихла, но полностью не ушла, оставшись давящим чувством в висках и затылке.

Пришедшей информации было много, но девушке удалось вычленить главное — вокруг действительно лес, покрывающий довольно большую площадь и вдобавок полностью разумный.

Помнится, господин Арвель говорил, что миры похожи. Ну да, ну да. К разумному лесу не хватает только остроухих эльфов для полноты картины, и будет почти как дома.

Вот даже интересно, есть ли здесь ушастые?

Вопрос был безумен, как и все происходящее, а потому Анна даже сомневаться не стала. Постаралась в деталях вообразить людей, протянула руку, и когда ее фиолетовый двойник коснулся руки, отправила мысленную картинку.

На этот раз общение пошло плодотворно. Никаких волн, никакого хаоса. Ответ пришел однозначный — нет, такого в здешних местах не водится.

Животные? Птицы?

И снова отрицательный ответ.

А следом пришла целая гамма эмоций: скука, одиночество и явный интерес к Анне.

Девушка разорвала контакт, перевела дух и вытерла пот со лба. Мысленное общение напоминало забег на длинную дистанцию — вроде по началу нормально, но с каждым километром все тяжелее и тяжелее.

Можно подвести первый итог. Она ухитрилась открыть дверь в мир с разумным лесом. Не просто разумным, а, похоже, юным и сильно скучающим от одиночества.

Есть ее никто не собирался, и это хорошо, но и отпускать, скорее всего, не планировал. Была Хозяйкой, стала живой игрушкой. Карьерный рост, однако.

А если попробовать договориться?

Девушка сосредоточилась, собирая в один узел воспоминания о гибнущем мире. Добавила собственные эмоции: ужас, жалость и желание помочь. И все это буквально выплеснула на двойника. Тот разорвал контакт сам. Фиолетовые нити сменили цвет на алый с оранжевым, а парящие над ними парашютики резко рванули в стороны.

Стало темно, и Анна сразу почувствовала себя неуютно. Пожалуй, только сейчас она полностью осознала собственную малость перед лицом этого существа, у которого было по миллиону рук, ног, глаз и ушей. И каждое дерево, каждое растение являлись его продолжением, частью целого.

Протянутая рука. Двойник явно желал продолжить общение.

На этот раз ей тоже показали картинку: темноту разрывают яркие вспышки света, огненные кнуты золотыми языками вспарывают воздух, файерболы улетают, чтобы взорваться звездой. Красиво и одновременно страшно.

Анна вглядывалась в силуэты людей, сражающихся непонятно где и непонятно за что. Картинка была дерганой, часто переключалась с разных ракурсов, но затем взгляд выхватил белеющий на заднем плане прямоугольник. Знакомый такой, дверной проем.

У Анны сердце ухнуло вниз, взгляд заметался между силуэтов. А вспышка, словно специально, высветила Арвеля. Маг сгенерировал сразу две сферы, за метнув их непонятно во что. Сбоку орудовал светлой цепью Тахмар, рядом сражались незнакомые Анне люди, и больше всего среди них выделялся один — высокий в темной одежде. Черные волосы были собраны в короткий хвост. В руках он сжимал пару огненных хлыстов. Мужчина сражался на переднем крае, и в каждом его движении ощущалась дикая сила варвара, от которой у Анны пересохло горло, а мысли потекли совсем в ненужную сторону.

Точно ненужную. Картинка дернулась и сменилась вопросительным: два цветочка обвивают друг друга со вполне очевидными намерениями.

Анна отдернула руку. Прижала ладони к щекам, чувствуя кожей их жар. От того, кто пребывает у тебя в голове, не спрятать эмоции. Даже такие, как интерес к мужчине.

Твою мать. Мать твою. Дожилась.

А вслед за стыдом пришел страх. Они там... Да он их сейчас...

Едрить их всех за ногу! И лес, и магов... Но спасти ситуацию надо.

Требовательно протянула руку, еще не зная, что говорить, но четко понимая — если не вмешаться, маги полягут там, около двери.

Двойник, вновь вернувший себе фиолетовый цвет, немного помедлил, но руки все же коснулся.

"Они не враги. Они за мной. Не причиняй им зла. Пожалуйста".

В ответ легкое недовольство — мелкая мошка не может навредить. И удивление: "Беспокоишься не только за них, но и за меня?!"

"Верни. Верни сейчас, чтобы я могла прийти завтра. Обещаю, приду сама. Принесу альбомы, расскажу о своем мире, научу играть в игры. Если захочешь — вернусь не одна".

В ответ раздраженное: этих — не надо. А вот остроухих — углядел-таки в мыслях — можешь привести.

Разорвал контакт, отступил и пропал. Исчез разом вместе с погаснувшими в один момент парашютиками. И Анну тут же обступила кромешная тьма.

Она задержала дыхание — на талию скользнуло щупальце. И снова был полет в темноте. И все ближе становились всполохи света, запах гари, треск молний и азартные крики.

А затем все смолкло.

"Лес отступил", — поняла девушка и с благодарностью погладила щупальце, обхватившее ее за талию.

— Что происходит? — раздался совсем близко растерянный голос Арвеля.

— Нас дурачат, — сердито ответил Тахмар, и над его головой вспыхнул еще один огонек света.

Первым ее учуял, конечно же, Вальди. С рычанием бросился в темноту и замер, наткнувшись на тихое, но твердое:

— Фу, свои.

Щупальце аккуратно поставило ее на край огромного листа, ласково погладило по плечу и исчезло, оставив после себя шлейф надежды "Ты обещала вернуться".

В ладонь тут же ткнулся мокрый нос, а затем ее тщательно и, не взирая на сопротивление, облизали.

— Прекрати, — Анна пыталась спихнуть лапы с плеч, но пес был

настойчив, облюнявив лицо от лба до подбородка. Пока она судорожно вытиралась, Вальди сдал свою Хозяйку — весело твякнул, и до девушки донеслось негромкое:

— Анна, это вы?

Выходить вдруг стало стыдно и неудобно, но и прятаться было глупо. Девушка глубоко вздохнула и шагнула вперед, на второй лист, где стояли маги.

Опустила глаза, успев заметить изрядно потрепанный вид мужчин. Слава Богу, крови заметно не было.

— Прошу меня извинить, — начала она, но ее тут же перебил Арвель:

— Хвала Жизни, вы целы, — и улыбнулся широко, радостно.

— Да вы авантюристка, Анна, — с ехидцей поддел ее Тахмар, но и в его глазах читалось облегчение.

— Не сваливай все на девочку, — вступился за подопечную Арвель, — там такой ментальный зов был. Даже меня прошибло.

— Не спорю, — поднял руки маг, тряхнул ими, с недовольством оглядывая порванную ткань рукава. — Претензии скорее к нам, чем к вам. И кстати, пользуясь случаем, разрешите представить вашего начальника охраны.

И вперед шагнул тот самый черноволосый, которого Анна мысленно обозвала варваром, и которого лес так прямолинейно представил цветочком.

— Анна, — он вдруг склонился, завладев ее рукой, а в следующее мгновение горячие губы коснулись кожи запястья. И четкая, до малейших деталей картинка: два цветка, сплетенные в одно целое, сама собой возникла перед мысленным взором девушки. Первым порывом было — выдрать руку, но она удержалась. Хороша же будет, выставив себя трусихой перед собственным телохранителем.

— Кажется, так у вас представляются женщинам?

Маг наконец соизволил выпустить ее руку и выпрямился, оказавшись на голову выше Анны.

— Вам будет удобнее называть меня Павлом.

Его низкий, с легкой хрипотцой голос, словно умелый настройщик, затронул невидимые струны внутри девушки, и ей внезапно захотелось слушать его бесконечно долго.

Еле различимый смех прошелестел на краешке сознания, подействовав на манер холодного душа. Здесь невозможно ничего утаить! По крайней мере по эту сторону двери.

— А не пора ли нам вернуться? — предложила Анна, мастерски скрывая досаду, и маги, о чудо, дружно с ней согласились.

Уже в коридоре, когда была закрыта дверь, и Арвель наложил на нее невидимую Анне защиту — дабы некоторые не лезли сюда ментально — мужчины оживились, отходя после драки с лесом. А девушка стояла посреди возбужденных фраз, ободряющих похлопываний по плечу и шуточек, чувствуя на себе внимательные взгляды "опекунов", и с тоской думала о завтрашнем дне.

Рассказать сейчас? Попытаться уговорить? Нет, одну точно не пустят. Улизнуть без спроса?

Добрый дядюшка Арвель закончил водить руками над поверхностью двери и повернулся к девушке:

— Анна, вы не хотите нам ничего поведать?

— Да, Анна, мне тоже любопытно, что с вами произошло? — тоном не менее доброго следователя осведомился Тахмар.

Павел стоял молча, но смотрел так, что девушке захотелось встать по стойке смирно и признаться во всем: что делала и не делала.

Это было нечестно — втроем на одну, и Анна нашла единственный выход — бежать.

Выразительно зевнула, прикрывая ладошкой рот.

— Простите, сегодня был тяжелый день. Я цела, со мной все в порядке, но вы сами говорили, мне надо прийти в себя. Давайте поговорим обо всем завтра.

Точно, завтра. Заодно она придумает, как вернуться к фиолетовому чудика, чтобы дядюшек и варвара не хватил сердечный удар. Интересно, если успеть захлопнуть за собой дверь, они смогут ее открыть?

— Хорошо, — очень медленно, по слогам, ответил Арвель, и сразу стало понятно — все совсем не хорошо, и завтра ее выпотрошат, но ответы получат. Под пронзительным взглядом мага по спине девушке пробежала трусливая дрожь. С лица мужчины стек образ дядюшки-аристократа, и этот новый Арвель вызывал у Анны страх — раздавит и не заметит.

Трусливую дрожь девушка проигнорировала. Хозяйка она или нет? Спокойно выдержала тяжелый взгляд мага, и тот нехотя кивнул, признавая ее право не отвечать на вопросы. Моргнул и улыбнулся, возвращая себе облик дядюшки. Но девушку эта улыбка уже не ввела в заблуждение.

Хорошо, что маги готовы с нее пылинки сдувать. А если она пойдет против них? Нет, даже думать о таком страшно.

— Павел, проводи нашу дорогую Хозяйку, ребята уже ждут. Анна, до встречи.

Они распрощались, и Павел, точно сторожевой пес, пристроился справа.

— Вам сюда, — показал на одну из дверей, и девушка вскользь подумала, что надо их подписать, а то ерунда получается: она — Хозяйка, а своих владений не знает.

За дверью действительно обнаружился знакомый прямоугольный коридор, а вместе с ним и знакомый байкер, подпирающий стену, рядом с

выходом из квартиры. Анна шагнула первой, Павел то ли не успел, то ли постеснялся применить силу и оттолкнуть девушку с дороги, но в квартиру он попал только третьим, вторым проскользнул Вальди, и тишина сразу взорвалась грозным рычанием.

— Стоять, — приказ сорвался сам, и пес нехотя замер в центре коридора. Вздрыбленная шерсть, оскаленная пасть и в противовес — наглая, ленивая ухмылка байкера. Он даже позу не изменил, глядя на здоровую и очень злую собаку, как на визгливого цуцика, размером чуть больше ладони.

Захлопнувшаяся за спиной дверь — снова это непонятное самоуправство — отрезала встревоженный гомон голосов. А затем Анну мягко взяли за плечи и отодвинули с дороги, и к Вальди шагнуло весомое подкрепление. Байкер это тоже понял, потому как перестал подпирать собой стену, выпрямился, и даже стер улыбочку с лица.

Она не видела, что делают мужчины. Впрочем, достаточно было взглянуть на напряженные лица, на вытянутые вперед и чуть подрагивающие пальцы, чтобы понять: "Хана квартирке".

Анне вдруг стало жутко обидно — между прочим, в перспективе, это ее квартира. И все эмоции, обуревающие сейчас девушку, легко было свести в одно: достали!

— Так, граждане маги, — она обошла Павла и встала между мужчинами, чтобы видеть обоих, точнее троих — с Вальди станется проигнорировать ее приказ и спровоцировать драку, — на сегодня поединки закончились.

Взгляд вдруг зацепился за ноги с ботинками, торчащие из кухни в маленький коридорчик, и девушка вспомнила о ребятах, которые должны были ее здесь ждать.

Ждали ее, а дождались байкера. Вот только трупов в ее будущей квартире не хватает! Мужчина проследил за взглядом Анны, едва заметно поморщился, однако соизволил пояснить:

— Не бойся, живы. Скоро придут в себя.

Опочки, они уже на "ты"? Да вы, господин цыган, редкостный наглец.

Анне очень хотелось высказать все, что она думает о байкерах, вламывающихся в чужие квартиры и вырубающих охрану, но заставила себя досчитать до пяти, больше не успела, потому как Павел махнул рукой, и байкер шустро так пригнулся, а стена над ним пошла трещинами.

Вот тут Анна испугалась по — настоящему и заорала с испуга:

— Стоять!

— Ты! — ткнула пальцем в грудь выпрямившегося мужчины, и ловя нехороший блеск в его глазах. — Выметайся отсюда. Если хочешь поговорить, позвони мне, — она запнулась, — завтра, нет, лучше послезавтра, когда я остыну и не буду желать тебя прибить.

— А вы, оба, — вторая рука описала полукруг между варваром и собакой, — желаете познакомиться с ОМОНОм, который вызовут соседи, испугавшись за рушащийся дом? Меня, между прочим, загребут вместе с вами. Сначала в камеру, а потом в психушку после рассказа о... — тут она запнулась повторно.

— Я понял, Анна, — тихо и очень спокойно сказал Павел, бросил взгляд в сторону и поправился. — Мы поняли.

Вальди виновато вильнул хвостом, принимая вид послушного и крайне вежливого пса.

— До встречи, синеглазка, — раздалось от двери, и Анна успела заметить, как мелькнула в проеме кожаная куртка. Ушел.

Сначала они еще немного поспорили, окончательно и бесповоротно перейдя на "ты". Анна требовала объяснений, а маг утверждал, что пыль, лежащая под ногами, в представлении не нуждается. А если эта пыль посмеет еще раз возникнуть у Анны на дороге, то он ему все ноги и руки переломает. Вальди согласно кивал, высунув язык.

Девушка с отвращением посмотрела на парочку — спелись и сдалась:

— Хорошо, я сама у него спрошу.

Мужчина недовольно нахмурился, но спорить не стал — и то хлеб.

— Анна, откроешь дверь? Ребят надо срочно вернуть, — Павел подхватил под мышки Олега и потащил в коридор. Лицо у хозяина квартиры было бледным, но девушка усмотрела вздымающуюся грудь — жив.

Открыть дверь — легко. Но если попросили, значит, сами открыть не могут. Интересная информация. А главное, какие перспективы открывает.

— И не закрывай, пожалуйста, — Павел выпрямился и отправился за вторым павшим, — у нас завтра много дел в городе, надо подготовиться.

— Каких еще дел? — мигом насторожилась Анна.

— Ри... ре... регистрация, — донеслось из комнаты. Павел не сразу вспомнил нужное слово. Говорил он довольно чисто и правильно, лишь на сложных словах проскальзывал легкий акцент, придавая речи мужчины еще больше шарма. Хотя, кажется, куда уж больше.

Итак, надо что-то делать с его очарованием, с раздражением подумала Анна. Попросить Арвеля сменить начальника охраны? Основания? Излишняя профпригодность? Смешно.

Нет, милая, твои демоны — только твои и тебе их умирять.

— Регистрация? — повторила, посторонившись.

Павел волоком дотащил второго пострадавшего. Уложил рядом, окинул презрительным взглядом и еле слышно произнес:

— Слабаки, — и повернулся к ней. — Да, Анна, мы передадим в собственность квартиру, передадим по законам вашего мира. Естественно, бесплатно.

Она честно пыталась нащупать иронию в его словах, но взгляд мага

оставался серьезен, и Анна не смогла удержаться от подколки:

— Не торопитесь? А если я, получив квартиру, пошлю вас далеко и надолго?

Павел покачал головой.

— Я знаю, вы верите бумагам, особенно с круглыми оттисками, — вот теперь ирония щедро плескалась в черных глазах, — для твоего спокойствия мы подготовим отдельный договор найма на работу.

— А вы, я вижу, хорошо изучили наш мир, — усмехнулась Анна. Собственное спокойствие поражало. Что может быть нормальнее разговора в чужой квартире, с двумя полутрусами на полу, и обсуждение условий передачи квартиры, и найма на работу в чужие миры.

— Пришлось, — кивнул маг и выжидательно посмотрел на нее.

— Значит, я открываю дверь и отправляюсь домой, так? — на всякий случай уточнила девушка.

— Не совсем, — и снова ироничный взгляд, — ты открываешь дверь, а потом я везу тебя домой.

И Павел, наклонившись, достал из кармана куртки Олега ключи от машины.

— Не доверяешь?

— Не тебе, а, — мужчина запнулся, — некоторым.

Ну да, некоторым, которые пыль под ногами. Интересно все же, кто он такой, этот байкер, и почему так добивается встречи, и почему этого так боятся маги?

— Прости, дорогой, — Анна выразительно посмотрела на Павла, взглядом указав на тонкую рубашку и кожаную длинную жилетку, которая больше напомнила плащ, только без рукавов, — но у нас зима, а не середина лета. И ничего со мной не сделается. Да и Вальди присмотрит,

правда?

Пес мотнул хвостом, соглашаясь.

— Вальди, — мужчина подарил долгий взгляд собаке, — не всегда адекватно оценивает свои возможности.

Пес опустил морду и... вильнул хвостом, соглашаясь с магом.

Двуличная скотина, выругалась про себя Анна.

А между тем Павел, ничуть не стесняясь, снял с Олега теплую куртку и надел вместо жилетки-плаща.

Девушка отвела глаза. Абсолютно стандартный пуховик китайского производства был ему чуть маловат в плечах, но даже в нем Павел выделялся среди окружающих, как овчарка среди пуделей.

— Так лучше? — осведомился маг и выжидательно замер. Анне стало стыдно. Кто она такая, чтобы указывать, как и во что одеваться взрослому человеку?

Девушка не ответила. Прошла, открыла дверь, и в коридоре сразу стало тесно от хлынувших внутрь магов.

Пострадавших унесли, Арвель выслушал тихий доклад Павла, из которого Анна смогла уловить лишь одно слово: тенивики.

А дальше их встретил на улице пронзительный ветер, свинцовые тучи и колючий, сыплющийся с неба снег. Питерский вечер был в своем зимнем репертуаре.

На площадях стояли украшенные к Новому году елки, торопились пройтись по магазинам пешеходы, а она ехала домой в компании мага и собаки королевской породы. Ехала и физически ощущала, как усталость высасывает последние силы. Сегодняшний день был слишком долгим и слишком насыщенным для нее одной.

ГЛАВА пятая

У подъезда они попрощались. Анна сухо кивнула в ответ на просьбу быть готовой к десяти, повернулась и, не оглядываясь, шагнула в подъезд. Пес затрусил следом.

Глупо. Они взрослые люди, а она дует, словно ребенок, которому запретили смотреть поздний фильм. Нет, поправила себя Анна, не ребенок, а взрослая, самостоятельная женщина. Ей двадцать шесть лет. Она, считай, успела и замужем побывать, только без печати в паспорте. И в походы ходила, и в отпуск с подружками ездила. Да ей отдел должны были под руководство на следующий год передать!

А тут... домой одной дойти нельзя. И всего-то пару кварталов пешком.

Анна злилась, пока поднималась на лифте, злилась, когда открывала ключом квартиру, а потом все мысли выветрились из головы под тревожным взглядом мамы.

— Ну, слава Богу, нагулялись, — улыбнулась она, а голос звучал надтреснуто и глухо, — давайте мыться и за стол. Или вас покормили?

Вальди облизнулся и выразительно гавкнул.

— Голодные?

Мама рассмеялась уже легко и свободно, отгаивая и становясь прежней.

Когда, намыв лапы собаке и умывшись, Анна появилась на кухне, там стоял такой одуряющий запах, что все мысли отказаться и пойти спать, испарились сами собой.

Пес весело хрустел кормом в углу. На столе дымилась жаренная с луком картошка, высился горкой салат из капусты, а на отдельном блюде лежали румяные, пухлые котлеты, именно такие, какие она всегда любила.

От понимания, что этого больше не будет, в горле образовался комок. Вот переедет она и придется самой жарить котлеты. Эх...

— Садись, садись, — подтолкнула ее мама, потом принялась. — Не пила вроде, — и неожиданно добавила: — Зря.

— Мама! — возмутилась Анна. — Ты же знаешь, я не пью.

— Знаю, знаю, — отмахнулась Клавдия Петровна, — и целиком поддерживаю, но иногда, в стрессовой ситуации, алкоголь помогает достичь нужного расслабления. И поверь мне, как медику, лучше раз нарушить собственные принципы, чем заполучить долго и нудно лечащийся невроз с депрессией.

— Или еще более долго лечащийся алкоголизм, — хмыкнула Анна.

— Золотая середина, дорогая, — пропела мама, подкладывая котлеты на тарелку.

Девушка в легком шоке переварила услышанное. Она всю жизнь считала мать ярой противницей животных и алкоголя. Даже по праздникам у них нередко вместо вина был сок или компот. А тут... Нет, безусловно, сегодня день сплошных сюрпризов.

Поздно вечером дверь в затемненную комнату тихонько приоткрылась, и туда заглянули Клавдия Петровна с мужем. Николай Александрович поздно вернулся с работы и не застал знаменательных событий, произошедших в семье, а потому сейчас с легким удивлением рассматривал черную зверюгу, вольготно развалившуюся на кровати дочери. На темной шерсти была четко видна рука девушки, обнявшая шею собаки.

Зверюга приоткрыла один глаз, подняла голову, оглядела стоящих на пороге, задержав более внимательный взгляд на мужчине, затем шумно вдохнула и, удовлетворенно мотнув хвостом, вернулась к прежнему занятию.

За эти жалкие секунды звериного взгляда Николай Александрович почему-то ослабел в ногах, вновь ощутив себя зеленым студентом на первом экзамене в институте.

Наваждение нахлынуло и ушло, оставив после себя привкус легкого одобрения — проверку прошел.

Клавдия Петровна, уже одобренная ранее, а потому не ощутившая ничего, ойкнула и рванулась было согнать наглеца с кровати, но муж не дал, придержав за плечо и поманив обратно, в коридор.

— Не мешай, пусть спит, — добавил он шепотом, закрывая за ними дверь.

Утром встретило Анну столь редким в Петербурге солнцем и тишиной в квартире.

— Вальди, — позвала девушка, не узрев собаку в комнате.

Ответа не дождалась. Пришлось вылезать из-под теплого одеяла и идти искать пса.

Вальди обнаруживаться не захотел, как, впрочем, и мама. Отец, понятное дело, на работе, но маму куда понесло с утра пораньше?

Рука девушки уже потянулась за телефоном, когда повернулся ключ в замочной скважине, и в квартиру, громко цокая когтями, вошел Вальди. Следом, держа поводок в руке, вошла мама — румяная и свежая от мороза, и коридор наполнился запахом собачей шерсти, морозного утра и свежесвыпавшего снега.

— Встала, — улыбаясь, объявила Клавдия Петровка, — а мы прогуляться решили, пока ты спишь. Представляешь, — заговорила она, снимая пуховое пальто, — Нинка с пятого этажа, ну длинная такая, худая и с лошадиным лицом. Ходит вечно задравши нос, словно звезды на небе ищет. Так вот у нее, оказывается, мопс. Смешной, раскормленный, но точно кирпич на лапках, но умный... На Вальди даже не гавкнул. А еще у нее сын...

Анна смотрела на маму, на ее блестящие глаза, на красные с мороза щеки. Смотрела, почти не вслушиваясь в слова, и думала, что если Вальди нельзя будет оставить, она попросит щенка. Пусть не королевской породы и поменьше, но умного и преданного. Потому что даже самому щепетильному в отношении микробов доктору-пенсионеру не хватает общения. А собачники всегда найдут, о чем поговорить. Даже с

задирающей свой длинный нос Нинкой с пятого этажа.

Взгляд упал на висящие в коридоре часы, и Анна подпрыгнула, как ужаленная — полдесятого! Мамочки, она же катастрофически опаздывает! Голова не помыта, сама не накрашена, про завтрак думать уже поздно.

— Мам, у меня собеседование, — крикнула из ванны, — пойду к подруге на работу устраиваться.

К мускулистой такой и черноволосой подруге, ага. Врать нехорошо, но правда выглядит настолько пугающей, что лучше промолчать.

Ответ мамы она не расслышала из-за шума воды. Собралась, высушилась и накрасилась за рекордные двадцать минут. Тряхнула светлыми, пшеничного оттенка волосами, поморщилась — влажные, но досушивать некогда.

Критически осмотрела себя в зеркало. Бледновата, да и лицо чуть осунулось. Зато в серо-голубых глазах лихорадочный блеск и губы неприлично алые, словно она всю ночь с кем-то целовалась.

Так, стоп, а что там ночью было?

Напряглась, вспоминая, что именно ей снилось, но вместо этого вспомнила, что опаздывает, а надо еще шахматы не забыть захватить и парочку игр, то же УНО, например. Одевалась на ходу и в сумку забрасывала, что под руку попадет.

Мама заняла стратегическое положение — в коридоре и настроена была решительно, держа в одной руке чашку с чаем, в другой — бутерброд с красной рыбой.

Пришлось давиться бутербродом и торопливо глотать горячий чай. К завтраку в их семье относились серьезно: с полезными овсянками, сырниками и пышными омлетами. Никаких уходов из дома на пустой желудок.

— Ну, мам, — промычала Анна, быстренько сунула обратно полупустую кружку с чаем и рванула к вешалке за пальто.

Вальди вопросительно тявкнул.

— А ты куда собрался? — удивилась мама. — Все-все, дома. Сейчас будем чай пить, я тебя печеньем угощу, хочешь?

Судя по недоуменной морде пса, что такое печенье он не знал, зато четко знал, что должен быть рядом с Анной, но маме этого не объяснить! На собеседование с собаками не ходят.

— Извини, — одними губами проговорила девушка и развела руками, мол, придется посидеть дома ради конспирации.

Анна бросила маме короткое «До вечера. Позвоню, что и как» и ускакала по лестнице, не став дожидаться лифта.

Во дворе, около подъезда спиной к девушке стоял коротко-стриженный бугай и сосредоточенно разглядывал противоположную стену дома. Она на всякий случай посмотрела туда же, но ничего интересного не нашла.

— Почему без Вальди? — вдруг осведомился мужчина и повернулся.

Анна замерла, обшаривая Павла растерянным взглядом. Между вчерашним магом из другого мира и мужчиной, одетым в дорогое пальто, успевшего обзавестись короткой модной стрижкой и следами не менее модной небритости на лице, лежала целая пропасть. Павел вчерашний походил на варвара или истребителя вампиров. Павел сегодняшний прекрасно смотрелся бы за столиком в ресторане «Достоевский» или в фойе отеля «Англетер».

— Где Вальди? — терпеливо повторил маг, и Анна посмотрела на него непонимающим взглядом, постепенно до нее дошел смысл его вопроса.

— Ах, Вальди, — зачем-то повторила, чувствуя себя глупее не придумаешь, — остался дома.

Павел удивленно вскинул брови, но уточнять не стал.

— Поехали.

Пиликнул замок на машине.

Они выехали со двора, а на девятом этаже дрогнула, поправляемая на место занавеска.

Клавдия Петровна вздохнула, отходя от окна. Дочке уже двадцать шесть, а сердце все так же болит. Вот и сейчас — кто он? Здоровый, Анечка ему по плечо. И говорить не стала, а ведь она только бы обрадовалась, появившись кто у дочери. После Вадима год, как ни на кого смотреть не хочет. А ведь о детях пора подумать, не девочка уже.

В кухне зацокали когти, и Клавдия Петровна отняла руки от плеч. Странное тепло прошло ласковой метелкой по спине, и сердце перестало ныть в груди.

— Ну что, милый, — улыбнулась она Вальди, — чайку с печеньем?

Пес сел, выразительно облизнулся, и совсем повеселевшая Клавдия Петровна пошла ставить чайник и доставать из духовки печенье.

Анна сидела в машине с напряженно выпрямленной спиной. На вчерашнего Павла можно было орать, ругаться, а этот, с потрясающим запахом парфюма, с внешностью, достойной Голливуда, вызывал желание обожать, восхищаться и вообще поставить на полку и любоваться, стирая иногда пыль. Рядом с ним в голове начинала твориться полная ерунда, в коленках обнаруживалась предательская дрожь, а слова рвались на части, не желая складываться в предложения.

И как себя вести с этим чудом, Анна категорически не представляла. Дошла до единственной здравой мысли: попросить Арвеля заменить начальника охраны.

Ох, и дура же ты, Анна! Тебе с ним работать, так что собрала быстро всю свою кошачью натуру и запихнула куда поглубже!

Регистрация на удивление прошла быстро и без неожиданностей. Заполнили договор, сдали документы. Уже знакомый ей Олег оказался на самом деле хозяином квартиры, получив ее меньше года назад по

дарственной. И паспорт у него был вполне себе обычным, и вел мужчина себя по-земному — не заподозришь чужака из другого мира. Как именно маги легализовались здесь, Анна спрашивать не стала. Какая разница — маги же.

Главное, документы были оформлены по всем правилам, с единственной поправкой — квартира станет ее собственной после исполнения пятилетнего контракта с фирмой «Новый мир». Говорящее название.

Владельцем фирмы по документам значился некий Петр Петрович Афонский. И сам контракт девушке тоже вручили. На десяти страницах в завуалированной форме описывались ее обязанности: обеспечить работу офиса, быть готовой к командировкам, исполнять требования к технике безопасности и так далее. И зарплату прописали — с хорошей такой надбавкой к ее предыдущей.

Радоваться и радоваться, но на душе у девушки, что называется, кошки скреблись. А если она не справится? Это не в офисе сидеть да рекламу выдумывать. А если...

— Анна, не терзайтесь, — поддержал ее за локоть Олег, помогая спуститься с лестницы, — все будет хорошо. Мы всегда будем рядом и поможем.

Они стояли на проспекте. Мимо проносились машины, ажурные снежинки кружились, оседая на одежде, тротуаре и газонах. Зима нерешительно, но все же вступала в свои права. И отсюда все казалось нереальным: разумный лес, миры, погибающие и живые, и рыжий с когтями.

Сказка... новогодняя сказка.

— Анна, прошу, садитесь, — распахнул перед ней дверцу Павел.

А вот и принц. Храбрый и самую малость жестокий. Жаль, она потеряла корону и не может считаться принцессой. И хрустальная туфелька не подошла.

— Анна, вы...

— Мне кажется, мы были уже на «ты», — раздраженно заметила девушка, усаживаясь на переднее сидение. Олег остался доделывать какие-то дела, и в ее новый дом они возвращались вдвоем.

Непонятно почему, но она злилась. Вроде все правильно сделала, а вроде и нет. Словно продалась за квартиру. Словно позволила чужим распоряжаться своей жизнью.

— Анна, все будет хорошо, — проговорил Павел, выруливая на шоссе.

Девушка фыркнула. Мужчины только и умеют твердить: все будет хорошо! Ничего не будет хорошо! Будет погибающий за дверью мир, измученные люди, которым она должна подарить новую жизнь, которые надеются на нее, а что она может? Лезть, куда не следует? Заводить опасные знакомства и нарываться на неприятности?

— Ты завтракала? — вдруг спросил Павел и, не дождавшись ответа, резко притормозил около «Штолле». — Люблю ваши пироги, — пояснил, словно извиняясь.

Голливудский красавчик, поедающий пироги с капустой...

Да какой он голливудский? Наш, русский, а что родом из другого мира — ерунда.

— Нет, я вообще сегодня проспала, — призналась Анна, чувствуя, как пропадает скованность, как мир перестает пугать серой тоской. А ответственность... Павел прав — помогут, не оставят одну.

В квартиру она вошла, чувствуя себя сытой и размякшей. Павел преуспел, отвлекая от тяжелых мыслей, преуспел настолько, что о своем обещании вернуться к фиолетовому чудику она вспомнила, лишь переступая порог квартиры.

Идеи или даже намек на то, как повернуть столь щекотливое дело под носом у магов, у нее не было от слова «совсем».

Дом встретил запахом свежеструганного дерева, краски, звонким стуком молотка. Кто-то решил затеять ремонт? И дому, похоже, эта затея нравилась.

Анна так и не поняла, как или чем она воспринимает эмоции дома. Но когда она появлялась здесь, на краю сознания словно возникало облако. Не видя его глазами, Анна тем не менее всегда четко знала, какого оно цвета. Белое, значит, настроение дома нейтрально, серое — дом тоскует, черное — злится, а оттенки голубого и синего с каплей розовой краски означали удовлетворение и радость.

Путано, но по — другому девушка объяснить происходящее между ней и домом не могла. Сейчас облако было нежно-голубым. Значит, дом совсем не против ремонта.

— А почему раньше вы не держали открытым проход между домом и квартирой? — спросила Анна у Павла, замедлив шаг. Искомая дверь, третая по счету от выхода, медленно приближалась. Девушка вцепилась в сумку, крепко сжав пальцы. Напряжение нарастало, решимость признаться слабела, а вариант — улизнуть — приобретал все более привлекательные черты.

— Через три-четыре дня проход закроется, — Павел, оказавшись чуть впереди, тоже замедлил шаг, принаравливаясь к девушке, — если хозяин или Хозяйка его не возобновят. Нужно время от времени выходить в город и этого будет достаточно.

— Ясно, — кивнула Анна и... рванула в сторону третьей двери. Коснулась ручки-дракончика и тут же дернулась назад, зашипев от боли. Металл отозвался обжигающим холодом.

— Анна, — ее тут же заключили в объятия — вроде и утешить и в тоже время мягко заблокировать, — все в порядке?

Рука занемела до локтя, но еще больший урон понесла гордость. Маги угли ошибку и просто прикрыли дверь заклинанием.

Сволочи! Между прочим, это ее дверь, ее дом и ее жизнь! А некоторые... много на себя берут, вот!

— Дай посмотрю?

— Не надо, — Анна дернулась, но ее все так же блокировали — аккуратно удерживая на месте.

— Что здесь происходит?

Арвель уже спешил к ним, и Анна медленно, но верно заливалась румянцем. Гордость не просто пострадала. Ее растоптали. Растерзали в клочья.

Слава Богу, Павел счел нужным отстраниться, а то мысли от растоптанной гордости начинали плавно перетекать в другую сторону, например, к широкой груди, к которой она прижималась лицом.

Арвель быстро оценил ситуацию: алые щеки девушки и напряженный вид Павла.

— Анна, — маг ободряюще улыбнулся, — столовая почти готова, и чай только что вскипел.

Чай. Они еще не начали толком работать, а она уже ненавидит это слово — синоним своих неудач.

— Ну же, — Арвель был сама доброжелательность, — вы нам все расскажете, и мы вместе решим, как быть.

Теперь ее точно посадят на цепь, мрачно подумала девушка, все еще переживая провал. И на что она надеялась? Авось проскочит?

Столовая, и правда, была почти готова, только окна пустовали без занавесок. Зато стол красовался свежей полировкой, полы сияли натертой желтизной, потолок мог соперничать белоснежным видом с сугробом за окном. Пахло мастикой, краской, намытыми полами, а из приоткрытого окна тянуло морозной свежестью.

— Вот, — сказал Арвель, расставляя чашки на столе. Павел с видом сторожевого пса сел рядом с Анной, и девушку вновь потянуло на бунт. —

Обновить дом решили. Старик, он непритязательный был, а молодая, да еще такая симпатичная девушка — совсем другое дело, верно?

Анна тряхнула головой, избавляясь от сладкой дремы, которую навевал голос Арвеля. Ему бы воспитателем работать в детском саду с такими данными — любого ребенка уговорит успокоиться и лечь в кровать.

— Давайте так, — она решительно встала, подошла к окну — двое мужчин во дворе пилили дрова. Пилили обычной такой пилой и без всякой магии, — вы мне про теневиков, а я вам про лес. Только учтите, я все равно туда пойду и обязательно сегодня, потому как слово дала. И, кстати, пойду одна. В крайнем случае, Павел меня на пороге подождет и проследит, чтобы со мной ничего не случилось.

Повернулась, оценивая хмурые выражения лиц, и интуитивно поняла, что этот раунд она выиграла. Условия будут объявлены и сто раз обговорены правила безопасности, но главное — в лес ее отпустят.

— Анна, — со вздохом начал было Арвель, но девушка остановила его взмахом руки.

— Хочу извиниться. Я повела себя глупо, надо было рассказать вчера, но у меня не было гарантии, что вы согласитесь с моей точкой зрения на случившееся.

— И что же случилось вчера? — осторожно спросил Павел, обменявшись с Арвелем многозначительными взглядами.

И тут девушку озарило: они считают, что она попала под ментальное воздействие фиолетового чудика и все ее действия — результат заклятия. Но она не чувствует себя зачарованной! Ни на единый клочок волос!

— Если бы он действительно хотел вас убить, вы бы не продержались и пяти минут, — фыркнула, присаживаясь за стол.

Маги напряженно молчали, ожидая продолжения, и Анна с горечью подумала, что либо они начнут доверять друг другу, либо каждый раз она вынуждена будет совершать дурацкие в их глазах поступки.

— Да вы сражались на листе, который он специально подставил под дверь, чтобы никто не расшибся, упав с высоты!

Это был убойный аргумент, и на лицах мужчин отразилось смущение.

— А может... — начал было Павел.

— Он ответил ударом на удар? — перебила его девушка. — Вы вломились к нему и сразу атаковали. Что ему еще оставалось делать, кроме как защищаться?

— Но он похитил вас, Анна, — с мягким укором произнес Арвель, и девушка почувствовала себя виноватой, тут же ощутив потребность вспылить от досады. И вспылила бы, но принесли поднос с чаем и все теми же каменными печеньями в вазочке.

Чтобы отвлечься, девушка перехватила у вошедшего мужчины поднос, расставила чашки на столе и принялась разливать крепко заваренный чай. Зеленые дракошки на боках одобрительно подмигивали красными глазами и потягивались длинными телами. Дурдом! Но чай, этот горячий миротворец, снизил градус напряженности в комнате.

— Я сама позволила себя похитить, — буркнула девушка, пододвинув к Павлу его чай, и скрестила пальцы под столом. Почему-то врать в присутствии магов получалось с трудом.

— Анна, — с усталым вздохом сказал Арвель, принимая свою чашку из рук девушки, — уж простите за прямоту, вы ничего не смыслите в магии. Ваша сила ограничена четкими границами. За ними вы — обычный человек, да и в доме не защищены полностью, особенно от таких вот сущностей. Лес, как вы его называете, обладает огромной ментальной силой. И ваше спонтанное желание сходить к нему в гости не что иное, как результат принуждающего зова. А ваша настойчивость этот визит повторить...

— Да-да, — раздраженно кивнула Анна, — результат все того же воздействия. Но, уважаемый Арвель, вы забываете одно. Если бы лес хотел причинить мне вред — ему было бы достаточно утащить меня поглубже в чащу — и все. Вы бы искали меня до второго пришествия, ну, или пока

портал сам не начал бы закрываться.

— Вот поэтому ты туда не пойдешь, — вмешался Павел, и чашка в его широкой ладони подозрительно хрустнула, — слишком большой риск не увидеть тебя больше.

— Да как вы не понимаете! — с отчаянием воскликнула Анна. — Пусть он тысячу раз сильный и умный, но при этом он ровно на эту тысячу одинок. Нравится вам это или нет, но я открыла дверь в его мир, и мне за это отвечать. И хороша будет Хозяйка, которая не держит слово!

Маги разом поскучнели. Судя по их постным лицам, им было все равно, сдержит она слово или нет. Главное, чтобы сама Хозяйка осталась жива и здорова, хотя бы физически. Про бодро съезжающую крышу никто и не заикался.

— Я готова сегодня же проверить оставшиеся миры и открыть вам в них доступ — эвакуируйтесь сколько угодно, но один час мне нужен, — выложила последний аргумент Анна.

— Не надо ничего проверять, — несколько испуганно возразил Арвель, а Павел даже дернулся в ее сторону, словно она собиралась прямо сейчас рвануть к порталам, — мы, э-э-э, не готовы обеспечить вашу безопасность, Анна. Дайте нам время на подготовку, и мы обязательно обследуем все миры.

Анна представила себя в окружении группы спецназа, одетой в бронежилет, шлем, с гарнитурой в ухе и тяжелых ботинках. Сбоку напряженно сопят фланги, перетаптывается сзади тыл, сжимая в руках автоматы, и она тихонько тянет за ручку двери, а там... Н-да, с ее «везучестью» там может быть все, что угодно. И в чем-то магов можно понять. Торопливость здесь действительно не к месту.

— Анна, одна из дверей ведет в Кардвэллу — мир, который был выбран для основной эвакуации. Наша задача — определить какая. Все остальное — подождет.

— Понятно, — покусала губы девушка.

— Но мы готовы выслушать ваш рассказ, — с милой улыбкой предложил Арвель. Анна открыла было рот, чтобы выложить все: про полет, удивительные парашютики и фиолетового чудика, но тут поняла, что ее легко обвели вокруг пальца.

— Теневики, — объявила громко, берясь на чашку. Сделала маленький глоток и чуть не выронила, ощутив, как по пальцу скользнул мокрый язычок.

Твою мать!

Ей чудом удалось сдержаться и без визга и выплескивания чая вернуть чашку на место. Тихо звякнуло блюдце. Анна бросила испуганный взгляд на зелено-чешуйчатую сволочь. Но дракончик уже врос обратно в фарфор.

Попила, называется, чаю!

И почему она точно уверена, что ей не показалось? На что там надеются маги, если еще парочка чаепитий и, здравствуй, палата с мягкими стенами и смирительными рубашками!

— Анна, что-то не так? — тут же заметил ее реакцию Павел.

Все не так! И очень хочется закатить скандал с разбитием этих самых дракончиков. А еще пройтись по родословной дома и его ненормальному чувству юмора!

— Нет, все хорошо, — ответила, с усилием заставив себя отвести взгляд от фарфора, — просто я чай не люблю.

— Вот и старик не любил, — вспомнил вдруг Павел.

Анна понимающе кивнула. Она бы тоже не любила ТАКОЙ чай. Принести что ли из дома свою кружку без всяких там оживших рисунков?

Задумавшийся о чем-то Арвель, кажется, ничего не заметил.

— Хорошо, Анна, я вижу для вас это действительно важно, — заговорил он вдруг, и девушка насторожилась — вид у мага был обреченно-

суровым. Арвель сделал выбор, и хотя тот ему явно не нравился, менять что-либо он не собирался, — вы можете идти в, эм, лес. Павел составит вам компанию. Постарайтесь убедить, что его присутствие не мешает вашей беседе.

Даже так! На языке девушки вертелся с десятков вопросов, но озвучивать их она не торопилась. Здесь точно нужны пытки или сыворотка правды, иначе о теневиках ей не расскажут. Неужели они надеются, что она забудет о своем вопросе?

Анна мысленно ухмыльнулась. Выйдет только хуже. Она теперь не успокоится, пока не узнает, кто такие теневики и почему их существование скрывают от нее.

И одна идея у нее уже появилась...

— Спасибо! — расцвела искренней улыбкой девушка. — И за понимание, и за доверие. Я уверена, все будет хорошо.

— Мне бы твою уверенность, — пробормотал Павел, бросая неодобрительный взгляд на Арвеля. Он явно не разделял решение старшего товарища и, похоже, жаждал одного: запереть девушку в одной из комнат в доме и никуда не выпускать.

ГЛАВА шестая

Они еще немного поспорили. Павел настаивал на сопровождении боевой группой, девушка упорно отказывалась. Маг упирал на ее неопытность, Анна аргументировала внутренним чутьем.

— Анна, можно вашу руку, — вдруг вмешался молчавший во время их спора Арвель, и девушка удивленно протянула ему левую руку, но мужчина покачал головой:

— У вас болит правая.

— Откуда? — нахмурилась она.

— Я эмпат, но мысли читать не умею, если вы за это беспокоитесь.

Анна, вы попали под мое заклинание, мне вас и лечить.

Под насмешливо-понимающим взглядом мага Анне стало стыдно, и она поспешно, чтобы тот не успел этот самый стыд уловить, подала ему правую руку. Теплые пальцы пробежались по ладони, цепко обхватили запястье, и горячие иголки проникли под кожу — не больно, и в чем-то даже приятно.

Анна расслабленно откинулась на спинку стула. Надо же... эмпат. Хорошо, что не телепат.

Тепло от руки распространилось по всему телу. Оно убаюкивало, призывало прикрыть глаза и вздремнуть, наплевав на тревоги мира. Мир подождет... Лес подождет...

Стоп! А чья это была мысль?

Анна резко вырвала руку, с ненавистью взглянула в серые глаза мага.

— Я вам доверяла!

Она вскочила, чудом не опрокинув стул.

— Анна, вы все не так поняли, — запротестовал Арвель.

— Нет! Я все правильно поняла. Вы называете меня Хозяйкой, а сами лепите заклинания на двери, определяете в какой из миров ходить, скрываете, черт знает что, а главное — манипулируете мной!

В комнате резко потемнело, словно на солнце надвинулось темное облако. Наверху громко захлопали ставни, раздался чей-то предупреждающий крик, грохот — и все стихло.

Сжав кулаки, Анна стояла напротив сидящих за столом мужчин. Никто из них даже не двинулся с места, и правильно. Если бы они попытались встать или дернуться в ее сторону, она бы точно сбежала. А так... белая королева начинает ход и пока непонятно, кто выигрывает.

— Анна, мое поведение было недостойным, и я приношу свои

извинения, — очень спокойно и с достоинством проговорил Арвель. Ни тени раскаяния в его голосе девушка не уловила, и злость волной поднялась в душе.

Маг дернулся, на его лице отразилось глубочайшее удивление, и он потер большой палец на руке, с сомнением косясь на чашку.

Да-да, у маленьких фарфоровых драконов могут быть очень даже острые зубки.

— Анна, это смешно, — с места поднялся Павел, — все, что мы хотим — уберечь тебя.

— Даже если для этого придется засадить меня в клетку, — закончила за него девушка, скрестив руки на груди. — Я прекрасно все поняла.

Почему-то спорить с Павлом становилось все труднее. Взгляд черных глаз словно лишал ее силы воли, заставлял думать о совсем других вещах, например, принце и хрустальной туфельке, а собственная независимость становилась не такой уж важной.

— Так мы идем? — спросила она с вызовом и, подхватив увесистую сумку, устремилась в коридор. Раздавшиеся сзади шаги показали, что оставлять ее одну никто не собирался, но и останавливать тоже.

Анна с усмешкой подумала, что в глазах мужчин похожа на избалованную дамочку, упрямую буйволицу, ну или как там ее костерит про себя Павел...

А... сами виноваты. Нечего было доводить ее до открытого бунта и пытаться усыпить заклинанием. И кстати, почему у Арвеля получилось?

Мысленный вопрос, адресованный в воздух, неожиданно нашел отклик. Дом не видел угрозы в магах. Он им доверял, в отличие от нее. И сейчас винился, обещая следующий раз проявить бдительность и в нужный момент просигналить. Ага, дракончиком за мягкое место.

Все им доверяют... со всех сторон они положительные. Одна только сумасбродная Хозяйка пытается отвоевать себе место и независимость.

Ну не может она ходить по струнке и на поводке. И любое давление лишь ухудшает ситуацию — мгновенно хочется все сделать наоборот.

Анна замешкалась на пороге коридора, пытаясь осознать, что с ней происходит. Разговор оставил тягостное впечатление. Вроде и добилась своего, а все равно внутри пакостное чувство неправильности.

Странно... для подросткового бунта поздновато, для маразма рановато, тогда почему здравый смысл отправился погулять, прихватив с собой душевное равновесие? Почему она все время срывается на крик или ультиматумы?

Ответ, естественно, не нашелся, будучи надежно спрятан в чертогах разума. И, плюнув на несурзости собственного поведения, Анна отправилась выполнять обещанное — наносить визит фиолетовому чудику.

Все же маги подстраховались. Как только Анна открыла дверь, с которой сняли заклинание, вперед скользнул некто невидимый — именно невидимый, девушка уловила лишь шевеление воздуха около лица.

Метнулась длинная плеть, и разгневанный возглас заставил девушку замереть на пороге. Медленно приобретающий видимость маг, точнее, магесса висел вниз головой.

Черные волосы красивой волной струились вниз, женщина раскачивалась, силясь освободиться, и ругалась так, что Анна невольно заслушалась.

За доли секунды до того, как Павел ухватил бы ее за плечо и втащил обратно, девушка шагнула в пустоту и тут же была подхвачена широким листом. Фиолетовая поверхность мягко прогибалась под ногами, и Анна расставила руки, ловя равновесие, а потом и вовсе плюхнулась на попу — путешествовать так было сподручнее.

Повинуясь мысленной просьбе, лист поднес ее к ругающейся магессе. Анна уже хотела попросить освободить пленницу, но замерла. Снизу что-то громко выговаривал Павел, и ее имя мелькало в его речи слишком часто для вежливого обращения, однако Анне было не до того.

Мягкий с розовой начинкой свет падал сбоку, высвечивая точеный нос, красные гневные пятна на скулах, огромные потрясающе зеленого цвета глаза.

— Не вертитесь, пожалуйста, — попросила Анна, роясь в сумке. Она точно брала с собой альбом и карандаш. Да, вот он.

Глаза у магессы стали еще больше, но дергаться она перестала.

Анна села удобнее, скрестив ноги, и принялась быстро, пока не поменялся свет, набрасывать рисунок. Черные кожаные штаны, заправленная в них рубашка, туго стянутые лианой ноги, руки, вцепившиеся в широкий пояс в попытке добраться до лианы, и волна густых волос: борьба за жизнь и трогательная беспомощность. Пленница фиолетовых лесов, чем не сюжет рисунка?

Плеча осторожно коснулись. Анна повернула голову — сбоку заглядывал фиолетовый цветок на бесконечно длинной ножке. Девушка встретила с ним взглядом и кивнула, как старому знакомому.

Магесса снова принялась дергаться, в глазах появилось затравленное выражение. Нет, так не пойдет. Девушка припомнила уроки художественной школы: как заставить натурщицу расслабиться и позировать, а не отвлекаться, меняя положение, пусть и подвешенного вниз головой тела.

— Вы так здорово ругаетесь, — решила начать она с комплимента. Compliment вышел так себе, но магесса застыла, перестав изображать червяка на крючке. И Анна продолжила развивать тему:

— Правда, я не все слова поняла. Вы не могли бы пояснить, что такое «жухлить по наземре» или «тархан тебе в дымлу».

Тут свет поменялся, став более насыщенным. Нет, присмотревшись, поняла Анна, это лицо магессы стало густо-красным.

— Я плохо говорю по — вашему, — выдавила она с натугой и отвернулась. Анна досадливо поморщилась. И так каждая минута на счету,

а тут некоторые портят композицию.

— Простите, вы не могли бы повернуться, как было?

Фиолетик оказался быстрее. Он высунулся из-за плеча девушки, быстро сравнил набросок с оригиналом и в одно движение развернул магессу, как надо. Та испуганно замерла, кровь отхлынула от ее лица, а глаза стали совсем круглыми. Большой, размером с голову девушки цветок сдвинулся в сторону, оценил работу и вернулся обратно к Анне.

Та благодарно улыбнулась и вернулась к наброску, но сегодня все словно сговорились не дать ей закончить рисунок. Снизу раздались шум, возня, а затем натурщиков стало двое — Павел закачался в паре с магессой.

Светлая рубашка, с классическими брюками в стрелочку и завязанный на блестящих туфлях шуточный бантик из лиан — полный сюр, помотала головой девушка. Какая из него жертва леса? С такой-то рожей и улыбкой-оскалом.

Фиолетик заглянул ей в лицо, кивнул на мага и удивился: почему не рисуешь? Два же лучше, чем один. Можно их раскачать. Здорово будет, а?

«Здорово, — согласилась девушка, — но не очень». Почему-то при виде Павла, раскачивающегося рядом с другой женщиной, настроение стремительно испортилось, и желание рисовать пропало. Анна захлопнула альбом.

«Сними их, пожалуйста. Я потом дорисую».

Фиолетик замер, раздумывая и что-то решая для себя. Магессу мягко перевернули и поставили рядом с Анной на лист, а вот Павла уронили на пару метров вниз — в воспитательных целях — и только потом поймали.

— Анна, — тихо и напряженно сказал Павел, оказавшись рядом с девушкой, — не пора ли нам...

— Не пора, — перебили его, и с верхнего листа к ним спрыгнул еще один Павел. Нежно-сиреневая рубашка, темно-фиолетовые брюки и едва заметно отливающая голубым кожа лица вкупе с ярко-синими волосами и

такого же цвета небритостью смотрелись просто потрясающе.

Чужая сила знакомо хлестнула по нервам, заставив Анну вдруг вспомнить, что у нее одна голова и только один мозг, тогда как чудик — везде и всюду: миллионы воплощений и миллиарды мыслей. Но сейчас перед ними явно было сердце леса, его, так сказать, главное воплощение.

Маги напряженно замерли, но атаковать, слава Богу, не стали. И то хлеб. Идея разнимать Павла, эм, бледного с Павлом фиолетовым Анну не прельщала. Мужчины стояли друг напротив друга: один расслабленный, второй — комок нервов, и изучали друг друга.

Анна потянулась было за альбомом, но решила отложить. Павла-фиолетика она еще нарисует, пришла пора выполнять обещание.

— А я, эм, книги принесла, — Анна решила привнести в почти боевую обстановку нотку умиротворяющего искусства.

Фиолетик заинтересованно повернул голову, ухитряясь при этом не упускать из виду Павла. Маг тяжело дышал, по ставшему красным лицу катились капельки пота, на шее вздулись вены.

Анна удивленно вскинула брови, а альбом с репродукциями сокровищ Эрмитажа вдруг показался ужасно глупой затеей и жег руки своей тяжестью.

— Павел? — она предупреждающе окликнула мужчину.

Маг застыл иллюстрацией к борьбе: я и невидимый змей, которого сейчас придушу, ну или он меня.

— Нас блокируют, — с жутким акцентом сказала магесса, и вид у нее при этом был кислее перебродившего варенья.

Фиолетовый Павел позволил себе самодовольную ухмылку и неожиданно подмигнул девушке. Собственно вопросов больше не осталось. Чудик учел прошлое нападение и придумал отличный план для незваных гостей: лишить их силы.

Павел медленно поднял правую руку, провел ее невидимую черту. Ухмылка чудика стала откровенно вызывающей. Она так и говорила: машите руками, машите, все равно не поможет.

— Раз все в порядке, — Анна с сомнением оглядела кислые рожи магов и одну довольную сиреневого цвета, а потом мысленно махнула рукой — пусть развлекаются, лишь бы не убивали друг друга, — я предлагаю начать. И кстати, — она обратилась к чудику, — как мне тебя, эм, вас, называть.

— Павел, — не моргнув глазом ответил лес и добавил с наглой ухмылкой: — Тебе это имя нравится.

Анна растерянно моргнула. Чудик мастерски копировал не только внешность, тембр голоса, но и манеру говорить. Полное ощущение, что настоящего Павла с дублировали, покрасив в оттенки синего цвета. Сам маг почему-то густо покраснел и принялся усиленно разглядывать окрестности.

— Давай показывай, что принесла, — Фиолетик плюхнулся на лист, сделав приглашающий жест.

Анна пожала плечами — в некоторые ситуации лучше не вникать — и опустилась рядом.

Сначала они вместе — голова к голове — разглядывали красоты Зимнего дворца. Чудика интересовало все — от самого здания до мебели и картин. Потом Анна достала репродукции Айвазовского, и тут посыпались вопросы о кораблях, а когда они дошли до журнала «Вокруг света», у девушки пересохло в горле.

Зато выяснилось, что лес знает, что такое море и с трех сторон омывается соленой водой, а с четвертой граничит с горами. Ни живности, ни даже птиц здесь нет. Но с одного берега видна земля, похожая на большой остров.

Фавел, как прозвала его про себя Анна, из уважения, а может, еще по какой причине, общался исключительно вербально. Никакого мысленного обмена. И у девушки возникло стойкое ощущение, что блокада Арвеля не

сработала, иначе где еще чудик мог выучить язык?

Маги настороженной парочкой сидели поодаль, напряженно прислушиваясь и присматриваясь, ну точно сторожевые псы у забора, разглядывающие чужаков на улице.

— Все, перерыв. Следующий раз азбуку принесу, будешь сам читать. А давайте, — Анна заглянула в сумку, решив, что шахматы она отложит на потом, — в УНО сыграем?

Круглые глаза магов ясно продемонстрировали, что такими глупостями, как игра в карты они не занимаются. А вот Фавел заинтересовался. Повертел карты, выслушал инструкцию и азартно ухмыльнулся.

— Господа не побоятся сыграть? — чудик повернулся к магам. Он все больше впитывал в себя человеческих черт, переставая казаться чужим и странным.

Господа переглянулись, а потом Павел нерешительно кивнул.

— Только, чур, не жульничать, — тут же предупредила Анна, памятуя о способности некоторых рыться в чужих головах.

— Тархан мне в дымлу, если буду, — поклялся Фавел. Магесса смущенно отвела взгляд, а Анна почувствовала себя ребенком, знающим плохое слово, но не понимающим его значения. Нужно будет Павла запытать, пусть объяснит.

— Играем? — и девушка раскинула карты на четверых.

Это была самая странная за всю историю игра в УНО. Два мага, один разумный лес и Хозяйка порталов сидели на листе посреди густой растительности и азартно бились, меняя козыри, направления игры и подкидывая карты противнику. Элемент неожиданности колоды напрочь сбивал возможности жульничать. Хотя некоторые пытались.

— Х-р-р, — захрипел цветок, пойманный за подглядыванием и придавленный рукой Павла.

Анна предупреждающе кашлянула, и цветок был отпущен. Маг демонстративно отряхнул руки, но острый взгляд, кинутый в сторону фиолетового двойника, дал понять: бдят и будут бдеть. Не одной лишь магической силой сильны маги. И если потребуется в морду дать — всегда пожалуйста.

Словом, час пролетел незаметно. Чудик первым вспомнил о времени. Кажется, Павел, проигравший во второй раз, был не прочь отыгаться, но Фавел поднялся:

— Вам пора. Оставишь книги?

— Конечно, — девушка кивнула, убрав в сумку альбом и карты.

Чудик окинул взглядом насторожившихся магов и насупился.

— Придешь?

Анна протянула руку, коснулась плеча Фавла и тут же в голову хлынули чужие эмоции. Ожидание, тревога и Павел, висящий вниз головой над обрывом, а потом лиана разматывается...

Нет, точно детский сад на выезде. Она отдернула руку и укоризненно покачала головой.

— Конечно, приду. Завтра. И книжек еще принесу.

— Хорошо, — с явным облегчением проговорил Фавел и вдруг шагнул с листа вниз.

Анна ахнула, ступила на край, но под листом густела тьма, пронизанная лучами солнца, и видно ничего не было, а затем лист мягко заскользил к белому прямоугольнику двери.

— Ничего ему не сделается.

На плечи легли теплые руки.

— Он здесь хозяин. И, кстати, познакомься, Таймара — моя подчиненная и одна из тех, кто будет тебя охранять.

Анна повернулась к магессе, окинула ее пристальным взглядом, встретив такой же открытый взгляд изумрудно зеленых глаз.

— Хорошо, что именно вы будете меня охранять, — заявила девушка, — у вас потрясающее лицо. Я обязательно должна его нарисовать.

— Если не здесь и не вниз головой, — смутилась Таймара, — то я не против.

— Анна, ты портишь мне сотрудников. Охрана должна быть незаметной и показываться лишь в случаях опасности.

— А как же ты? — удивилась Анна.

— Я, — маг почесал кончик носа, — другое дело. У меня задача, эм, несколько шире.

Девушка приподняла брови, но уточнять не стала. Время шло, а у них оставалось еще одно задание на сегодня.

В коридоре их дружно встречали уже знакомые Арвель с Тахмаром и еще пятерка незнакомых магов, с одинаковым на всех обманчиво-расслабленным выражением лиц, что делало их похожих на братьев.

Арвель излучал доброжелательность, Тахмар разглядывал ее с интересом энтомолога, пятерка молча подпирала стены, грамотно рассредоточившись по периметру. Словом, все как всегда, и она в центре внимания.

— Анна, милая, как прошел визит?

— Тебя не съели?

— Нет, — она заставила себя улыбнуться дядюшкам. — Мы чудно провели время. Играли, читали и говорили.

Лица мужчин выразили крайнюю степень недоверия, но тут вмешался Павел:

— Что они здесь делают? — спросил, указывая на пятерку «братьев».

Дядюшки смутились. Точнее Арвель стал еще больше походить на аристократа, далекого от всего низкопробного, а Тахмар впал в мудрую задумчивость.

— Так надо, Павел, — после паузы мягко ответил Арвель.

— Конгресс считает, наблюдатели нам не помешают.

Судя по едва сдерживающемуся Павлу, ему наблюдатели явно мешали, но устраивать разборки в присутствии Анны никто не стал. Мужчины посверлили друг в друга взглядами, да на них, собственно все и закончилось.

— Анна, если вы не устали, мы могли бы приступить к поискам.

— Не устала, — медленно ответила девушка. От взглядов пятерки — скрытных, но все равно ощутимых, ей было не по себе. Да и вся ситуация напрягала, однако отказаться она не могла. Обещала, значит поможет.

— Тогда приступим, — оживился Арвель.

ГЛАВА седьмая

Все оказалось проще простого. Анна подходила к двери, ей позволяли дотронуться до ручки и потянуть на себя, приоткрывая крошечную щель. Дальше поочередно Арвель с Тахмаром прислушивались к чему-то, припав к щели одним глазом. Качали головой, и вся процессия перемещалась дальше, плотно закрыв дверь.

На пятой по счету двери Арвель замер, подняв руку вверх, а потом Анну оттеснили в сторону, дверь распахнулась, оттуда пахнуло дождем, болотной сыростью. Анна привстала на цыпочки — стена дождя стояла сплошным серым занавесом, и где-то там, за этой водяной серостью был новый дом магов.

Сначала ничего не происходило, и лишь шелест дождя разбавлял напряженную тишину, стоящую в коридоре, а затем раздался звук тугого чавканья, и сквозь тугие струи воды к ним шагнула фигура в темном, блестящем дождевике.

Арвель первым бросился приветствовать чужака. Не побоявшись ни намокнуть, ни испачкаться, он шлепал мужчину по спине, обнимал, тряс за плечи, вертел в разные стороны. Тот шутливо отбивался, но было видно, что не меньше Арвеля рад встрече.

Капюшон был снят, и Анне бросился в глаза усталый вид мага, ввалившиеся щеки — голодают они там, что ли? — нездоровая серая кожа с язвочками на подбородке и негустые светлые волосы, подстриженные под ежик. По виду было сложно определить, сколько ему лет. Могло оказаться как тридцать, так и пятьдесят — морщины и синяки под глазами никого не красят.

На полу сразу натекла лужа грязи, в коридоре было шумно от оживленных голосов. И опять, как и в прошлый раз, у Анны возникло странное ощущение «переворачивания» в голове незнакомых слов в понятные русские слова.

А потом из-за завесы дождя пришли еще трое. Дышали тяжело, словно долго бежали, а может, так оно и было. В коридоре еще больше запахло сыростью и болотной тиной. От мокрых дождевиков шел пар, а лужа на полу угрожающе подбиралась к стенам.

И снова обнимания, похлопывания по спине, вопросы о семье, о знакомых, друзьях.

Анна отступила в сторону. Сейчас она была здесь явно лишней.

«А не пойти ли попить чай», — мелькнула мысль. Пришлось признать, что мысль здравая, хоть и пахивала плагиатом Арвеля.

Кухня обнаружилась в соседней со столовой комнате. Анна с грустью оглядела просторное, но совершенно неуютное помещение. Было чисто, однако кухня уже вошла в ту пору старости, когда ни одна уборка не может

скрыть давность ремонта. У стены стояла еще советского образца засаленная мебель, в наличие так же имелись покрытые слоем жира стены, пожелтевший потолок, потертая клеенка на разделочном столике и коричневая, в черных разводах нагара, газовая плита. В углу скромно белел маленький холодильник, продемонстрировавший пустоту внутри.

— Мышей они здесь едят, что ли?

Анна раздраженно захлопнула дверцу. Полки и шкафчики были так же пусты, лишь половину одной из полок занимали круглые печенье с отвратительным ванильно-содовым вкусом, упаковки макарон и риса, чай в пакетиках, соль — вот и все кухонное богатство.

Думать о скудности бытия было некогда. Гости, конечно, не ее, но они пришли в ее дом. Анна замерла, переваривая внезапную мысль. Как же быстро она свыклась с идеей, что дом — ее собственность. Странная, полная непонятностей и пугающих вещей, но собственность.

— И куда ты направилась? — догнал ее полный иронии вопрос Павла. Этого вопроса она ждала, потому бросила на ходу, не останавливаясь.

— Я в тюрьме и не могу ходить, куда хочу?

— Можешь, — не согласился с ней маг, пристраиваясь рядом, — но в моей компании.

— Вот как! — она все же остановилась, посмотрела на него. Красивый, но не слащавой красотой обложечных мальчиков, а настоящей, чуть грубоватой, с квадратным волевым подбородком, прямым носом и жестким взглядом черных глаз. — В туалет ты тоже мне компанию составлять будешь?

Грубо, конечно, но сегодняшние события как-то пошатнули ее воспитание. Или это присутствие мага так на нее влияет, что вместо принцессы все время пытается занять трон ее тела хулиганистая пацанка.

Нарвалась! Лицо Павла закаменело.

— Если вынудишь — буду.

Все понятно. Это Арвель может позволить себе быть добрым, а вот Павлу не обязательно. Его задача проста — Хозяйка должна быть живой, здоровой и, желательно, но не обязательно, в здравом уме и рассудке.

— Тогда идешь ты.

Она всунула в руки удивленного мужчины кошелек и список, который быстро набросала на кухне.

— Что это?

Его растерянность приятно согрела сердце, прогоняя обиду. Н-да, редко какой мужчина не пасует перед подобной задачей. Сам виноват, нечего было цепляться. Хранитель тела выискался, понимаешь...

— Это нужно купить, — медленно, словно маленькому, принялась объяснять она, — вот тут деньги, должно хватить. Если что-то не найдешь, спросишь у продавцов. Это такие тети...

— Я знаю, кто это, — перебил ее Павел, поняв, что над ним издеваются, — деньги оставь себе.

Положил кошелек на подоконник, крутанулся на каблуках, махнув зачем-то стене сбоку от нее, и ушел в коридор порталов.

Совість шепнула было, что она не права, но Аня отмахнулась — размышлять было некогда, и вернулась на кухню.

— Так, — громко озвучила она свои планы. Кухня ответила недобрым молчанием. Готовить здесь явно не любили, как и убирать за собой.

Ничего, мы это быстро исправим, думала Анна, повязывая фартук. Не то чтобы она сама любила готовить, но гости — это святое. А голодный гость в доме — вопиющее нарушение всех правил гостеприимства.

Вскоре на плите варился рис, в другой кастрюле подрагивали в кипятке макароны, гудел чайник, а на столе расставлялась посуда.

Заглянул Арвель, что-то одобрительно пробормотал и удалился. Зашел Тахмар, но удрать не успел и был озадачен подносом с намытыми бокалами.

Незаметно нарисовался один из пятерки наблюдателей, за что был немедленно пристроен к сервировке стола.

— Держи.

Стопка тарелок приятно сочеталась с округлившимися глазами мужчины.

— Неси в комнату и быстро.

Тот благоразумно спорить не стал и неспешно удалился, позерски удерживая в одной руке тарелки. Больше наблюдатели ее не беспокоили.

— Ух, я такая командирская, — похвалила сама себя девушка, одной рукой мешая рис, второй вылавливая макароны на пробу.

Павел обернулся минут за сорок. Слава Богу, что в этом мире есть гипермаркеты с готовыми салатами, котлетами и нарезками. Быстро и сытно — что еще нужно, чтобы накормить ораву голодных мужиков.

— Анна, вас ждут, — заглянул в дверь Арвель и, заметив нерешительность девушки, добавил: — Без вас никто есть не станет.

Анна сняла фартук, одернула свитерок, поправила ремень на джинсах — одевалась, чтобы в лесу по листьям прыгать, а не за столом восседать. Пригладила волосы и мудро решила, что голодные мужчины за столом смотрят на еду, а не на Хозяйку, а потому переживать за внешний вид дело бесполезное, и вошла в столовую.

Ее действительно ждали. Четверо переселенцев, Тахмар и, конечно, Павел. Переселенцы сняли дождевики, умылись, наспех причесались и выглядели вполне себе обычными лесовиками в темно-зеленых свитерах. Из-под закатанных рукавов были видны широкие кожаные поручи, через плечи крест-накрест шли ремни с вставками. Запах мыла, впрочем, не смог до конца перебить ароматы болота, а обломанные грязные ногти уже не

поддавались мытью. Нормальные такие заросшие мужики с голодными взглядами. Перехватив один такой, Анна с беспокойством подумала, что надо было брать еще и пельменей. И стоило всерьез озаботиться заполнением холодильника и кухонных шкафов продуктами.

— Знакомьтесь, наша Хозяйка Анна, — с отеческой гордостью представил ее Арвель.

Тот самый маг, что появился первым, поднялся, с трудом отведя взгляд от уставленного едой стола, и, приложив руку к сердцу, прочувствованно сказал:

— Очень, очень рад. Вы даже не представляете насколько.

Трое его товарищей согласно закивали. Все они смотрели на Анну с детским восторгом, точно она была доброй феей, пришедшей освободить их из лап злого волшебника.

Анна смешалась. Ни феей, ни тем более доброй она себя не ощущала. Скорее, дилетанткой, случайно открывшей путь в нору кролика. Правда, Алиса из нее так себе...

— Анна, знакомьтесь, Риштар, Лаваэр, Азур и Кейпас. Наши, так сказать, коллеги из Кардвэллы.

— Очень приятно, — улыбнулась Анна и, скрывая собственное смущение, махнула рукой в сторону стола: — Ну что мы стоим, все же стынет.

Второй раз никого приглашать не пришлось. Кардвэловцы честно пытались сдержаться и есть медленно, но еда так быстро исчезала с тарелок, что Анна и глазом не успела моргнуть, как на столе практически ничего не осталось.

— Чай? — предложила, видя, как с осоловевшими глазами откидываются на спинки стульев мужчины и замирают с блаженными улыбками на лицах.

— Я принесу, — сорвался с места Павел. Он так и не притронулся к

еде, сидел, кусая губы и бросая тревожные взгляды на товарищей. Да и Арвель с Тахмаром больше делали вид, чем ели.

— Вы — волшебница, — выдохнул Риштар, поглаживая себя по животу, — все было восхитительно вкусно.

По-русски маг говорил довольно чисто, хоть и с акцентом. Впрочем, Анна была уверена, стоит ему заговорить на своем языке, и она его поймет. Ответит ли — другой вопрос, но понять точно сможет.

— Благодарите наши магазины, — улыбнулась девушка, — мой вклад минимален.

— Вы — Хозяйка, — не согласился с ней маг и, поймав ее вопросительный взгляд, пожал плечами: — Не понимаете сейчас, ничего страшного, поймете позже.

И почему у нее такое ощущение, что они говорят о разных вещах?

— Анна, у нас к вам серьезный разговор, — Тахмар разломил булочку и начал методично крошить ее на тарелку. Девушка вскинула брови — настолько серьезный, что даже старый ворон ищет слова, чтобы начать?

— Видите ли, Анна, — инициативу перехватил Арвель, — когда мы исследовали все три открытых стариком мира, оказалось, Кардвэлла — наш единственный вариант.

— Единственный, — подчеркнул Риштар, с явным неодобрением глядя на перевод магом продукта, — остальные два, увы, заселены, а один к тому же уцербен магией. Кардвэлла, хоть и не богата источниками, но сила в ней есть. И если бы не этот проклятый дождь...

Он замолчал, а девушка с содроганием вспомнила завесу воды.

— Сколько? — спросила севшим голосом. — Сколько у вас идет дождь?

— Три-четыре месяца, потом короткое, месяца два, лето и снова сезон дождя, с мягким переходом в снег. Мы думали, что справимся, — голос

Риштара звучал все тише. Остальные сидели, опустив головы. Они это уже слышали. Маг повторял рассказ специально для девушки. — Когда была поддержка извне, все переносилось легче. Да и жить под дождем казалось лучше, чем смерть на сошедшей с ума от землетрясений земле. Но выяснилось, что дождь — та же смерть, только медленная. Наши дети стали болеть, наши тела покрываться язвами. Исцеление помогало лишь на короткое время, но это еще не все. Дождь превращал землю в болото, по которому нельзя ходить, и ядовитые змеи не самая большая из наших проблем.

Анна представила, что чувствовали переселенцы, оказавшись отрезанным от родного мира. Как боролись не только с болезнями, но и с отчаянием. Как ждали, как надеялись...

— Анна.

Девушка моргнула, прогоняя жуткую картину полузатопленных домов, и посмотрела Арвеля.

— Решение пока не принято, но без вашего согласия оно не осуществимо в принципе.

— Хотите сказать, вам нужен новый дом? — спросила и по глазам прочитала, что угадала. — Я не против. Жить в болоте, — Анна посмотрела на переселенцев, — и врагу не пожелаешь.

— Тогда завтра и начнем, — разом повеселел Арвель.

Вернулся Павел с чаем. Анна кинула взгляд на часы и, извинившись, сорвалась с места. Давно пора домой, а то мама опять волноваться будет.

Конечно, домой провожать ее вызвался Павел. Анна пыталась возразить, но больше для проформы. Она слишком устала, чтобы снова воевать с ним.

Обратную дорогу они молчали, и странно, но ее это молчание не тяготило. Переселенцы из мира дождя показали, что есть гораздо более важные вещи, чем глупые разногласия с начальником твоей охраны.

— Павел, а зачем вообще меня охранять? — спросила она, когда машина припарковалась у ее дома.

— Миры могут быть очень опасны, Аня, особенно для неопытной хозяйки. Позже, когда ты войдешь в силу и сможешь сама себя защитить, мое присутствие будет необязательно, но до этого времени тебе лучше находиться под охраной. Мы, — он помолчал, и видно было, что этот разговор ему неприятен, — постараемся быть менее заметны. Я провожу, — предложил, выходя из машины.

Дома уже ждали. В ладонь ткнулся мокрый нос, а укоризненный взгляд был красноречивее любых слов.

— Завтра попробую взять тебя с собой, — шепнула девушка Вальди, и пес благодарно лизнул пальцы, мол, здесь хорошо и вкусно кормят, но служба-то стоит.

— Мам, у меня две новости, — сказала, входя на кухню, — и обе хорошие. Во-первых, меня взяли на работу, во-вторых я внесла залог за квартиру. Завтра сделка, мне и ключ сразу дают. Ремонта особого не требуется. Можно сразу заезжать.

Клавдия Петровна медленно осела на стул. Вид у нее почему-то был нерадостный.

— И квартира рядом с вами, пара кварталов. Мы с Вальди будем часто бывать у вас. Ему твои котлеты тоже пришлось по душе.

Подхалимаж был грубым, но пес поддержал, облизнувшись. А потом и того больше, подошел, положил голову на колени. Клавдия Петровна рассеянно потрепала его по ушам.

— Хоть кем работать-то взяли? — спросила бесцветным голосом.

— Да все тем же, только вместо шампуней буду рекламу кирпичей придумывать. Утрирую, конечно. Это строительная фирма. Они и дома строят, и много чего сами производят.

Врать было неловко, а потом Анну захватило вдохновение, и история о

знакомом начальника отдела с новой работы, который как раз продавал квартиру, сочинилась сама. Сама сочинила, сама и поверила.

После чая девушка отправилась в комнату, прикидывая, что возьмет с собой в первую очередь. Зазвонивший телефон прервал сортировку вещей. Номер был незнаком, а вот голос очень даже да.

— Анна, добрый вечер. Вы просили перезвонить позже.

— А вы настойчивы, — хмыкнула девушка, представляя, как байкер прижимает телефон к уху, как едва заметно морщится на неласковый прием.

— Вы угадали, я очень настойчив, — голос стал ниже, проникновеннее, и Анне вдруг сделалось весело и страстно, до дури, захотелось пошалить.

Она забралась на кресло с ногами, откинулась на спинку, прикрыла глаза.

— И что вам нужно, господин Настойчивость?

— Вас уже познакомили с болотниками?

Сравнение было точным, и уточнять, кого именно он имеет в виду, не требовалось.

— И обрисовали планы новой экспансии?

Разговор открыто напоминал допрос, о чем Анна тут же и сообщила, предложив мужчине прогуляться... да хотя бы в то самое болото. И выслушала в ответ залиvistый хохот.

— Молодец, Синеглазка, — отсмеявшись, похвалил ее маг, резко переходя на «ты», — с характером. Готов поспорить, ты не самая покладистая Хозяйка. Признайся, у вас случаются, эм, сложности?

Анна вспомнила свой визит к чудику и призналась:

— Случаются. Разумные, но с корнями, листьями и цветами.

— Как бы я хотел это видеть, — мечтательно протянул байкер и добавил: — Зайти, что ли, в гости?

Представить последствия такого визита было несложно.

— Не стоит. Свежий ремонт, знаешь ли...

Байкер хохотнул.

— Боишься? И правильно, Синеглазка. Моего резерва, даже в вашем мире хватит, что бы разнести пару домов на части. А своим не верь. Болотники все, что угодно пообещают, лишь бы выбраться из трясины.

— Как будто ты поступил бы иначе, — хмыкнула девушка. Слушать гадости про переселенцев было неприятно. К тому же хороводы вокруг да около начинали выводить Анну из себя.

— Говори, зачем звонишь, иначе заканчиваем разговор, — одернула она байкера.

— Сурова. Люблю таких. Меня, кстати, Тагир зовут.

Анна выразительно хмыкнула. Настырная наглость — вот он кто, а не Тагир.

— А скажи-ка мне, господин теневик, какого вы не поделили с болотниками и какого вам надо от меня?

Трубка выразительно замолчала.

— Сильно, — после паузы признался маг, — не ожидал, что ты так быстро разберешься в теме. И более чем уверен — болотники здесь ни при чем. Раз так, вот тебе загадка. Три мира, три пути. Один в болото, второй в пустоту, а третий, всем хорош, но уже занят. Ищи ответ в третьем мире, синеглазка.

— А просто ответить нельзя?

— А простому ответу ты не поверишь. Но, так и быть, дам подсказку. Сражение у Кардьерских озер. Попытай своих, может, и расколются. И думай, синеглазка, кого пускаешь в дом и кому помогаешь.

Некоторое время она слушала тишину в трубке, затем положила телефон на стол. Настроение было под стать разыгравшейся к ночи метели: темно, холодно, и огромные снежинки суматошно бьются об стекло.

Ерунда какая-то! Зачем звонил? Ничего не рассказал, только больше запутал. А она, точно рыба, с каждым разом все глубже заглатывает наживку.

Надо было сразу послать наглую тeneвую морду далеко и надолго, так нет же... любопытно стало. Полюбопытствовала.

Теневик мастерски сыграл на ее опасениях и страхах. Действительно, кого она пускает в дом, кому открывает миры, и что сделают болотники, если не найдут подходящий необитаемый мир или малозаселенный мир?

Квартира погрузилась в тишину. Погас свет, телефоны были поставлены в режим самолета, и ровное дыхание наполняло комнаты скромной квартиры на девятом этаже в одном из стандартно серых домов спального района Петербурга. Едва слышно повизгивал во сне Вальди, забравшись на кровать к Хозяйке — ему снилась погоня или возня с другими собаками, глухо похрапывал Николай Александрович, устав после рабочего дня, и лишь Клавдия Петровна не могла найти успокоения, ворочаясь на кровати.

Не выдержав, она встала, нащупала телефон, лежащий на тумбочке, и по — шпионски прокралась на кухне. Плотно прикрыла дверь, не став зажигать свет. Глянула на время — телефон показал полдвенадцатого. Поздновато. С другой стороны, Травка редко ложилась спать раньше одиннадцати.

На память набрала номер подруги. После долгих гудков в трубке раздался сонный голос:

— Але.

— Травка, не спишь? — вежливым шепотом осведомилась Клавдия Петровна.

— Клава, если я взяла телефон, значит уже не сплю, — с изрядной долей ехидства в голосе ответил Анна Сергеевна Травкина, она же Аннет, она же Травка, верная подруга детства, вдова подполковника полиции и страстная почитательница детективов. Именно ей выпала честь в столь поздний час выслушать тревоги Клавдии Петровны.

— Случилось чего? — сладко зевнула Аннет, увлекая зеванием подругу.

Клава Петровна зевнула, потом вздохнула и одним махом выложила все: увольнение дочери, собаку, новую работу и даже квартиру, а главное — незнакомца около подъезда.

— Он ее сегодня и встречал, и провожал. И за руку они во дворе держались, а она ни словом, будто ничего не происходит, но я же вижу, Травка, не слепая. У нее и взгляд стал другим и держится отчужденно. Спросишь чего, ответит одним словом и вся в себе.

— А что ты хочешь, мать, — скрипуче рассмеялась Анна Сергеевна, — девке двадцать шесть, не тринадцать. Могут у нее быть секреты от матери. Придет время — расскажет.

— Да понимаю я, — отмахнулась Клавдия Петровна, — и про секреты, и про самостоятельность. Но Анечка никогда скрытной не была. Даже когда с Вадимом жила, каждый день звонила. А тут, понимаешь, в один день — новая работа, даже название говорить не стала, новая квартира — залог внесла, не посоветовавшись, и документы отцу не показала, да еще мужчина этот... Ни намека, что у нее кто-то новый появился. Боюсь я, Травка, как бы ее в секту не уволокли, да деньги не выцыганили. Бог с ними, с деньгами, но она и сама там пропасть может.

— Может, — согласилась Анна Сергеевна, и в голосе у нее прибавилось заинтересованности, — но зная Аню, в секту не верю, а вот мошенники всякие могут ее окрутить. Все-таки немаленькие деньги за квартиру выходят. И ты права, странное совпадение. По отдельности —

ерунда, а вместе сложить — подозрительная картинка выходит. Вот что, подруга, к дочери с расспросами не лезь — совсем закрыться может. Лучше телефон ее тихонько просмотри, да последние номера выпиши. Сможешь?

— Не знаю, — неуверенно протянула Клавдия Петровна, — у нее сенсорный, я блок снимать не умею.

— Эх ты! Говорила, давно пора кнопочницу менять. Ходишь, как немощная, с бабушкофоном.

— Зато он удобнее, а на экране я все время не в те иконки пальцем попадаю. И совсем я не немощная, вон даже скайп освоила на планшете!

— Конечно, освоила, когда счета за звонки к сестре на Украину стали приходить, — фыркнула Анна Сергеевна, — ладно, делаешь так. Скажи, что хочешь фото собаки сделать, и попроси ее телефон. Сделаешь, отвлеки чем-нибудь. И не забудь поелозить пальцем по экрану, чтобы снова не заблокировался.

— Будет сделано! — отрапортовала Клавдия Петровна.

— А утром, как твоя красавица побежит на работу, постарайся номер машины записать. Хотя... — Анна Сергеевна задумалась, — девятый этаж, высокогато. Во сколько она выходит?

— В десять, вроде бы.

— Поздновато для работы, — заметила Анна Сергеевна, — значит так. Завтра жди к десяти на чай. Покараулю этого хахаля, номер запишу, ну еще что по мелочи угляжу. Он же меня в лицо не знает. А потом Андрею позвоним — номерочек пробить. У него еще знакомый детектив есть, но это на крайний случай. Думается, и по номеру все ясно будет, что за компания вокруг твоей дочери вертится.

На том и порешили.

ГЛАВА восьмая

— Прошу снять меня с Проекта.

Павел стоял, держась за спинку стула. В столовой до сих пор витали ароматы обеда, и оттого маг чувствовал себя вдвойне неуютно, но принятого решения менять не спешил.

— Опять, — вздохнул Арвель, устало потерев переносицу, — и что на этот раз? Только давай оставим твои угрызения совести. Ты мне нужен здесь и точка.

— Я — боевой маг, плюс погодник и принесу гораздо больше пользы там, чем здесь. Зачем я вам, Арвель? — голос Павла сделался вкрадчивым. — Угождать глупой девчонке, которой не хватает мозгов держать себя в руках? Старик со своей белочкой был в разы мудрее и не лез туда, куда не просят. А вы идете у нее на поводу! Зачем вы отпустили в лес? Ясно же, этот мир нам не подойдет, более того он — опасен.

— Сядь, — голос координатора стегнул кнутом, и Павел сел, точнее плюхнулся на стул.

— Снять он просит, — проворчал, смягчаясь Арвель, — и кого я возьму вместо тебя? Кто лучше всех изучил этот мир?

— Ольфера, — пожал плечами Павел, — хватит ему дурью маяться и наружкой заниматься. Или вы решили переквалифицировать его из боевых магов в ремонтников?

— Надо будет, переквалифицирую, — отрезал Арвель, — но ты правильно заметил он — боевой маг и только, а мне нужен специалист широкого профиля. Сам видишь, Хозяйка у нас, гм, непростая...

— Дурная она, а не простая, — тихо поправил его Павел, но координатор сделал вид, что не расслышал.

— И работать с ней сложно, но нужно. У нас четыре новых мира.

— Три.

— Я бы не сбрасывал мир леса, но хорошо, пусть будет три. Сам знаешь, нам нужен результат. И пусть Хозяйка окажется истеричкой или

полной дурой, мне все равно.

«Конечно, не вам с ней нянчиться», — хотел было возразить Павел, но промолчал. Координатор прав. Все равно, какой окажется Хозяйка — плохой, хорошей, дурой или умной, главное — результат.

— Но вы же видели, что она натворила вчера!

— Видел и сочувствую, — кивнул Арвель, — но девочка — небезнадежна, к тому же у нее адаптационный период. И вообще, постарайся сойтись с ней поближе. Женщины любят, когда за ними ухаживают. Если она, эм, отвлечется на что-нибудь или кого-нибудь, то оставит в покое свои идеи.

Павел выразительно хмыкнул и сделал вид, что намек не понял. Вдруг вспомнились прежние времена. Как было просто — бутылка, огурцы, грибочки, иногда рыбалка все с той же водкой. Сан Саныч был своеобразным, порой вредным, но в целом покладистым мужиком. Не то, что ныншняя... Одни глаза чего стоят — в них то буря, то штиль, то не пойми какая пакость зреет. А резкая какая... С ней он чувствует себя, словно с файерболом в руках — постоянно следишь, чтобы не спалил чего.

Сколько раз он просился отпустить его с Проекта. Его друзья, товарищи, им всем сейчас приходилось сражаться за свои жизни, а он здесь, точно на курорте. Водка, сигареты, рыбалка. А теперь магазины, вредная девчонка, да еще и теневик этот, чтоб ему собственным проклятием подавиться, активировался.

— Я понял, — проговорил сухо, едва разжимая губы, — постараюсь не подвести.

И вышел из столовой, твердо решив, что спуску девчонке не даст, что бы там она о себе не навоображала. Надо будет — запрет в комнате.

Утром Анна встала в восемь. Ночь не принесла отдыха. Часто просыпалась, ворочалась. И мысли в голову лезли... разные.

— Вальди, гулять, — позвала пса. Улица встретила серым холодом. Мела по асфальту поземка, ветер колючками кидался в лицо. Низкое небо

висело над городом, задевая рыхлым брюхом за крыши небоскребов.

Зима...

А ведь там, в паре кварталов, ждала совсем другая жизнь. Пляж с белым песком, заросшая вереском долина, Фиолетик с джунглями. Там тепло, там не надо ходить на работу и просиживать нудные часы в офисе. Там в тебе нуждаются, там ты можешь принести пользу, ну, или нанести вред, это уж с чьей стороны посмотреть.

Вот именно эти стороны и сводили с ума. Ей нравился дом, она давно прониклась сочувствием к переселенцам, и впервые ее работа была нужна людям. Это не сочинять тупые слоганы к очередной новостройке или придумывать сюжет для рекламы стирального порошка. Это настоящее дело, местами даже опасное, но...

Анна потрепала подбежавшего пса по голове.

Но она готова на риск и на неудобства. Золушка нашла хрустальную туфельку, и теперь из сказки ее только через собственный труп выкинешь.

— Мам, я заберу Вальди, — сказала, войдя на кухню, — заедем в клинику, пусть его посмотрят, потом заброшу на квартиру — и сдавать документы.

— Решила?

Клавдия Петровна отвернулась от плиты, где на сковородке золотились оладушки.

— Да, решила. И не переживай, квартира чистая. Документы мне проверили. К тому же первая сделка, все нормально. Да и цена хорошая, хозяева со всей мебелью отдают — заезжай и живи. Отличный вариант.

Анна хватанула верхний оладушек с тарелки, обжегшись, задула на пальцы, перебрасывая его с ладони на ладонь. Вальди, пристроившись под столом, делал вид, что оладушки его несколько не интересуют. Ну разве самую малость, особенно если носом подпихнуть под локоть Хозяйку.

Шлеп. Ам.

И на один оладушек в кухне стало меньше.

— Наглость, — прокомментировала Анна, а Клавдия Петровна только улыбнулась и кинула под стол еще один. Девушка вздохнула — разбалует вконец, но говорить ничего не стала. И так понятно, что бабушки, на то и есть бабушки, что бы баловать, и все равно кого: внуков, собак или котов.

В десять позвонил Павел, и Аня быстро спустилась вниз. Маг одобрительно кивнул Вальди, кинул на заднее сиденье старое одеяло, и пес привычно занял свое место.

Ощущение пристального взгляда заставило Анну закрутить головой. Нет, вроде все чисто, лишь за угол торопливо уходила старушка. Чувство, что они знакомы, заставило девушку нахмуриться, но старушка уже исчезла из виду — не догонять же! Паранойя — поставила себе диагноз и села в машину.

— Доброго утра, Анечка, — поприветствовал ее Павел, садясь за руль, — как спалось?

А вот и нужный момент. Можно было, конечно, попросить Фиолетика покопаться в голове у мага, но это несколько неэтично — раз, а во-вторых, девушке хотелось дать Павлу шанс рассказать все самому.

— Доброго. Отвратительно. И, кстати, мне вчера звонили.

— Кто? — сжал руки на руле Павел.

— Наш общий друг, любитель байков и кожаных курток.

Следующую тираду она не поняла, выловил лишь одно знакомое слово «тархан».

— Я приму меры, — очень убедительно пообещал Павел, но Аня криво усмехнулась про себя — как бы ни пытались делать вид маги, что они освоились в здешнем мире — наивность их иногда поражала. Например, телефон. Те же тенивики откуда-то взяли номер Анны, и все

попытки ограничить с ними контакт натыкались на неумолимость прогресса: захотел — позвонил. Отбирать мобильник — глупость, а блокировка или отслеживать входящие — дело, конечно, полезное, но выполнимое для спецслужб, а не для магов.

— Павел, мне нужны не меры, а информация, и главное не в том, что у вас случилось с теневиками, а в доверии. Вы не доверяете мне, как я могу доверять вам?

— Анна, — помолчав, ответил мужчина, — твое желание разобраться понятно, как и опасения, но даже у вас есть такое понятие, как уровень допуска. Прости за прямоту, ты для нас тоже новый человек. Я обсужу этот вопрос с координатором.

Машина вырулила со двора на шоссе, вклиниваясь в поток машин. Рабочий день начался.

Коротко пикинул телефон — смс. Анна разблокировала экран, прочитала сообщение и выругалась про себя. День обещал быть насыщенным, а вечер тем более.

Незнакомый номер в ультимативной форме предлагал:

«Сверим показания болотников? Заеду в восемь. Покормлю заодно, тощая — смотреть страшно».

— Что там? — настороженно осведомился Павел, перестраивая машину в крайний ряд.

— Спам, — кратко ответила девушка, торопливо удаляя коварную смс. Мобильный какое-то время нервирующе по зависал, потом смилостивился и стер смс. Анна перевела дух, удивляясь сама себе. Врет, что называется, и не краснеет. Но встретиться надо. Сверить показания, заодно еще чего полезного узнать от самого теневика. Фактически сейчас она — слепой котенок, которого выбросили в большой мир.

Да и запрета на подобную встречу ей никто не объявлял — посмели бы, ха! А уж ухитриться и провести встречу приватно, без чужих ушей — пусть у теневика голова об этом болит.

Услышав звонок, Клавдия Петровна бросилась к двери, чудом разминувшись с углом прихожей. Долго возилась с замками — руки тряслись, потом, наконец, замки поддались, и дверь открылась.

— Фух, — выдохнула Анна Сергеевна, впадая в коридор. Ее лицо было румяным от мороза, темно-карие глаза светились лихорадочным блеском, да и сама госпожа Травкина словно скинула за утро лет десять, не меньше. А может, все дело было в короткой мальчишеской стрижке, в осветленных волосах и крупных, украшенных сапфирами серьгах, придающих лицу восточное очарование.

— Ох, Клава, утомили меня твои голубки, — она грузно уселась на тумбочку, та опасно закрипела под монументальными формами, но разваливаться не спешила, — еле ноги унесла, чтобы не раскланяться с твоей красавицей.

Клавдия Петровна и по лицу подруги поняла, что ноги пришлось уносить не по возрасту быстро.

— Ну что там, Травка, что? — от волнения она принялась дергать Анну Сергеевну за рукав пуховика.

— Погоди, дай отдышаться, — Травка была неумолима. — Иди лучше чайник ставь.

Когда по кухне поплыл горький аромат свежесваренного чая с летней сладостью ромашки — для нервов полезно, Анна Сергеевна вплыла в кухню, царственно прошествовала к столу и присела на табурет. Кухня как-то сразу съежилась, устыдившись своих скромных восьми метров перед лицом полноценного пятого размера.

Несмотря на объемы, Анна Сергеевна ухитрялась двигаться плавно, голову держать высоко, спину прямо, а плечи расправленными. Назвать ее «толстой» язык не поворачивался. Анна Сергеевна была из той особой категории русских женщин, у которых широким было все: лицо, кость и... душа. Именно за последнее ее и ценил покойный муж, а его сослуживцы продолжали ценить.

В доме Травкиных в любое время дня и ночи можно было рассчитывать на чашку чая, кофе и кусок пирога, которые у Анны Сергеевны выходили просто изумительными. Она никогда не скандалила из-за поздних возвращений мужа — знала за кого шла, стойко переносила внезапные командировки и всегда имела наготове дорожный набор. И двоих сыновей воспитала в уважении к госструктурам. Один ныне служил на границе, изредка наезжая в Питер, второй обитал в Москве, работая у федералов.

До ухода в декрет Анна Сергеевна считалась талантливой журналисткой. Собственно, с мужем они и познакомились на работе, когда недавняя выпускница ЛГУ взяла себе колонку криминальной хроники. После свадьбы вполне удачно сотрудничали — газетенка стала набирать тираж, но пара покушений на коллег, и муж встал намертво: хватит нам одного ходящего под пули. И не бойся, прокормлю всех.

Так Анна стала домохозяйкой с тремя мужчинами в доме. А потом неожиданно увлеклась блогами, заключила пару сделанных контрактов с интернет-изданиями. Острое не писала, но и того, что зарабатывала, на «чулки» хватало, став сейчас хорошей прибавкой к пенсии.

— Ну что, — Анна Сергеевна сделала глоток чая, откашлялась, — вкус у Анечки хороший. Одобряю. Мужчина видный, симпатичный. Одет хорошо, недешево. Иностранец, между прочим.

— Как иностранец? — ослабевшим голосом переспросила Клавдия Петровна, разом представляя, как ее драгоценную Анечку увозят в дальние края...

— Как-как, — передразнила ее Анна Сергеевна, — по телефону он говорил с кем-то, я и подслушала. Что за язык, понять не смогла.

Клавдия Петровна побледнела — дальние края, куда могли увезти дочь, стали совсем уж дальними.

— А машина у него простая, не из крутых. Мой племянник салон держит, так я насмотрелась. Ну ты его помнишь — Витька. Он еще на мымре из бывших манекенщиц — кожа да кости — женился. Освенцим, а не женщина. Зато кормить дешево — фигуру блюдет.

Анна Сергеевна поймала умоляющий взгляд подруги, и следующая фраза о непутевом Витиньке осталась не озвученной.

— Кхм, — кашлянула, вспоминая, на чем остановилась, — о чем это я? Ах да. Машина неприметная. Слушай, а может, он из этих? Работников невидимого фронта? — спросила Анна Сергеевна и тут же сама отринула эту идею: — Нет, не похоже, да и больно ловко по-иностранному говорил, видно, что родной язык. А если...

И она замерла, осененная догадкой.

— Шпион, — стукнула кулаком по столу, — как есть шпион.

Клавдия Петровна подпрыгнула на стуле, хватилась рукой за сердце, глазами ища пузырек с корвалолом.

— Да ну тебя, — рассердилась. — Начиталась детективов. Шпион, шпион, — передразнила она Травку. — Придумаешь черт-те что на ровном месте. Да и зачем иностранной разведке моя Аня? Она же не секретчица.

— Может оказалась не в том месте не в то время? Или встретил и раз, — она азартно рубанула ладонью воздух, — и твоя Аня его прямо в сердце поразила. Но ты права, версий много, а истина, как обычно, на поверхности. Номер я записала, сейчас допью чай и позвоню младшему. Пусть не только на государство поработает. У тебя есть что?

— Вот, — почему-то смущаясь, Клавдия Петровна достала смятый тетрадный листок из кармана халата. Положила на стол, разгладила.

— Так-так, — Анна Сергеевна взяла лист в руки, придирчиво осмотрела пять телефонных номеров. Цифры были выведены явно впопыхах и напозлали друг на друга, а то и вовсе скакали вверх и вниз, не замечая линейных строк.

— Не уверена, что все верно, — проямлила Клавдия Петровна, смотря в стол.

— Проверим, — хмыкнула Анна Сергеевна и вдруг прищурилась: —

Ты это брось! — практически рывкнула. — Совесть замучила, да? За дочкой следить стыдно стало? А я тебе вот что скажу: лучше перебдеть, чем потом локти кусать. У моих оболтусов муж никогда не стеснялся телефоны проверять, да друзей... Так, на всякий случай. И один раз вовремя ухватили — парень дилером оказался. Не знал, видать, чьему сыну дозу предлагал. А твоя всегда примерной девочкой была. Но знаешь, если она в тебя пошла...

— А я что? — испуганно отозвалась Анна Сергеевна.

— Да ничего, — усмехнулась госпожа Травкина, — только кто-то сразу после института рванул на Дальний Север, хотя тебе предлагали отличное место здесь, в Питере. И сколько? Пять лет по тундре да тайге с мужиками в экспедициях отбегала. И замуж там же за бродягу вышла.

Клавдия Петровна фыркнула, выражая несогласие.

— Ладно-ладно, — поспешила пойти на попятную Анна Сергеевна, — вполне ничего оказался, как сюда приехал. Так что, подруга, сама никуда не лезь, что бы подозрений не вызвать. Мы тихо все проверим и, если нормально, порадуемся, да на свадьбу надеяться будем. Ну, а если нет... — и Анна Сергеевна сделала паузу, — тогда по обстановке. Ну а теперь, давай звонить и ждать результата.

И она достала из кармана ярко-оранжевой кофты мобильный телефон.

— У меня для тебя сюрприз, — произнес Павел, придерживая дверь квартиры и пропуская вперед Вальди с Анной.

Девушка насторожилась. Последнее время сюрпризы попадались исключительно забористые, после которых, несмотря на отвращение к алкоголю, хотелось выпить или послать всех причастных гулять куда подальше. Да и сюрприз от Павла... странно все это, странно.

— Надеюсь, приятный, — пробормотала она, входя в квартиру и по — новому оглядывая свое неожиданное приобретение. Жить она здесь, понятное дело, не собиралась, но ведь мама с отцом обязательно заглянут в гости. Надо что-нибудь придумать с ремонтом. И ведь не наймешь бригаду, чтобы потом откачивать какого-то бедолагу, испуганного внезапным появлением толпы народа из дверного шкафа. Засада...

— Тебе понравится, — обнадежил Павел, прибавил шаг, и она пошла за ним мимо коридора на кухню — хоть простенькую из ИКЕА поставить, — мимо дверей в комнаты, — вот те обои точно ободрать, да и линолеум — прошлый век.

Они прошли пустой, но изрядно затоптанный грязными следами коридор порталов — здесь Вальди активно принимался, пару раз рыкнув для превентивного устрашения невидимого противника, и поднялись на второй этаж, оказавшись в темном холле, откуда вели еще две двери.

Одну и распахнул перед ней Павел. Девушка зашла в комнату и замерла. Огромное, во всю стену окно мерцало нарощими на стекла узорами. Здесь царило солнце, и солнечными были обитые сосновой вагонкой стены, потолок, уложенные на пол толстые, широкие доски и мебель — светлая и тоже из сосны: шкаф, комод, письменный стол. Плетеные стулья и диван украшали собой дальний угол, а слева дверь вела в спальню, где стояла только кровать, зато какая! Двухспальная, с запакованным в полиэтилен ортопедическим матрасом. А главное — здесь было много-много света и свежего, морозного воздуха, напоенного ароматами древесины.

А около окна в спальне стоял мольберт. Простенький, самый обычный, НО мольберт. Значит, заметили, запомнили и решили купить.

Неужели Арвель постарался?

Анна расчувствовалась, моргнула, прогоняя набежавшие вдруг слезы. Стало жутко приятно и одновременно неудобно от такой заботы.

— Нравится? — тихо спросил Павел, стоя за спиной. Вальди сделал проще — прошелся везде, обнюхал углы и одним прыжком завалился на кровать.

— Очень, — не стала отрицать девушка, стаскивая собаку с кровати: а лапы у кого грязные, а? — очень, очень нравится. Но не стоило, наверное...

— Стоило, — твердо возразил маг. — Дом — твой. И он по — настоящему должен стать домом для тебя. В эти комнаты никто не войдет

без твоего разрешения.

Это явно был намек на «совместный поход по туалетам».

Анна прошлась по комнатам, дотронулась до теплых батарей — в доме стоял твердотопливный котелок, пожирающий ведра угля или охапки дров.

Арвель рассказывал, что старик — прежний хозяин дома — купил его по дешевке, как недострой. Он и был недостроем. В советские годы здесь, в глубинке Тверской области, собирались построить небольшой санаторий на шесть мест для своих из партийной номенклатуры — рядом с озером обнаружился источник с особо полезной водой, но грянувшая перестройка внесла изменения в эти планы. Строительство забросили. Дом стоял заколоченным, забор вокруг озера и части леса ветшал, а дорога сюда потихоньку зарастала, пока все это богатство — озеро и лес сдали в аренду — не купил себе под дачу старик.

Купил, можно сказать, мечту детства — до того, как переехать в Москву, он вырос в деревне неподалеку, и озеро это всегда любил. Купил на полученную премию — старик, оказывается, проектировал секретные подлодки, и даже имел правительственные награды. Купил, что бы выйти на пенсию и здесь жить, но у жены оказались другие планы.

Она мечтала съездить в круиз, купить норковую шубу и новую машину. Деревенская глушь с комарами и слепнями ей была не нужна.

В семье начались скандалы. Старик уперся, она тоже. Так и разошлись. Она осталась в Москве, он уехал в тверскую глухомань, оставив себе только доставшуюся от матери отца двухкомнатную квартиру в Питере, которую сдавал и неплохо жил, истратив все накопленные деньги на ремонт дома.

А потом появились переселенцы. И жить стало веселее. И компания для выпивки образовалась, и деньги перестали быть проблемой. Жаль, что сердце не выдержало нагрузки, как ни старались маги вытянуть старика.

У Арвеля во время рассказа блестели глаза — девушка видела, он искренне жалеет об утрате. И ей очень хотелось верить и в рассказ, и в искренность.

Как бы то ни было, теперь она Хозяйка дома со всеми его тайнами, проблемами и оживающими дракончиками.

— Нет, — ответила твердо, — ничего менять не надо. Мне, правда, нравится.

Павел с облегчением улыбнулся, и девушка невольно улыбнулась в ответ. Тревога, сжимавшая с утра сердце, рассеялась сама собой. Дом будто вселял в девушку силу и уверенность, а Павел, несмотря на всю его суровость, привносил в мысли совсем не деловой настрой. И Анне вдруг захотелось, что бы быстрее наступила весна, чтобы за окном шумела листва, а с озера тянуло прохладой, и можно было открыть окно и улыбнуться, подставляя лицо под прохладные объятия ветерка.

«Надо быстрее переселяться», — подумала она, с наслаждением представляя, как останется вечером одна, с Вальди, как достанет чистый лист, поставит на мольберт, возьмет в руки карандаш. Как давно она не рисовала по велению сердца, а не тупую рекламу за деньги? Очень давно... А ведь учителя в изошколе прочили ей высокое будущее, но художницы из нее не получилось. Не хватило смелости — в мире рекламы платят больше за меньшее. Там можно быстро заработать на квартиру, машину, не прозябая годы в нищете в надежде обрести великую славу.

— Наши комнаты напротив, — Павел махнул рукой в коридор. — Там всегда есть кто-нибудь из дежурных магов. Если что-нибудь понадобится — зови. Санузел чуть дальше по коридору. Он только твой. Мы пользуемся тем, что внизу. Душевую кабину поставили новую, все работает.

В голосе мага явственно слышалась гордость. Анна примерно понимала объем работы, что проделали переселенцы здесь за несколько дней — гордиться действительно было чем.

— Отлично, — Анна все больше приходила в хорошее расположение духа, решив отложить трудный разговор на обед и не портить такое замечательно утро. Эх, прогуляться бы сейчас на лыжах по лесу, но сначала работа, — тогда пошли искать вам новый мир.

— Готова?

К визиту в другие миры, к новому посещению дурдома, в который она теперь идет добровольно? Конечно, нет.

— Готова, — кивнула девушка.

В сопровождении Вальди они вернулись в коридор порталов — здесь тоже произошли изменения. Часть дверей обзавелась опознавательными знаками.

Первым в глаза бросился колокольчик с длинным шнурком, висящий слева от одной из дверей, и коврик с надписью «Home». На другой обнаружили нарисованные крупные фиолетовые цветы, которые начинали сладко пахнуть, стоило к ним приблизиться, и Анна могла поклясться, что слышала тонкий перезвон. На третьей двери от порога до середины разросся самый настоящий мох, а сверху летала крохотная тучка, из которой периодически подкапывала вода.

Весьма наглядно и удобно, о чем девушка и сообщила Павлу. Тот не преминул согласиться:

— Да, хорошо придумала.

— Придумала? — вздернула брови Анна, не понимая при чем здесь она.

— Твой дом — твоя сила, — еще более непонятно пояснил Павел, — мы здесь лишь гости. И наших возможностей хватит на, эм, разовую работу. Но постоянно поддерживать подобное... не в нашей власти.

Анна недоуменно посмотрела на тучку, парящую в коридоре, на коврик с колокольчиком — не хватало только дупла и совы для полноты сходства со сказкой, на живые фиолетовые цветы, пусть и нарисованные.

Это она? Бред! Полный бред!

Но если правда? Тогда получается, она — фея сказочного домика. Живого дома, который чувствует ее желания и выполняет их в меру своего понимания.

Анна нервно сглотнула, вдруг осознавая себя Хозяйкой не то доброго монстра, не то строптивой избушки на курьих ножках. И как вести себя с подобным чудом? Как контролировать свои желания? И как понимать, что этот дом с его шуточками выкинет в следующий раз? Одним словом — жуть.

— А давайте работать! — выпалила Анна, чувствуя, что еще немного — и от мыслей вскипят мозги.

— Хорошо, — немного удивленно согласился Павел, махнул рукой — от стены отклеилась призрачная фигура, становясь с каждым шагом все более осязаемой.

— Передай Арвелю, мы готовы, — приказал маг, и фигура, кивнув, направилась в сторону выхода.

— Они всегда здесь? — шепотом уточнила девушка, оглядываясь по сторонам.

— Конечно, — пожал плечами мужчина, — после нападения на тебя хищника, здесь всегда дежурит пара магов, да и порталы без присмотра оставлять нельзя. Мало ли кто решит прийти с той стороны.

— А могут? — заинтересовалась девушка.

— Могут, — со вздохом подтвердил маг. — Никогда не знаешь, что ждет тебя на той стороне.

Через несколько минут в коридоре стало тесно. Появились отмытые и чуть отдохнувшие болотники, с оживленными лицами и лихорадочным блеском в глазах, оба старших мага и таинственные наблюдатели, молча рассредоточившиеся по сторонам.

Пока все обменивались приветствиями с Анной, девушка успела заметить, как Павел отводит Арвеля в сторону и что — то тихо ему говорит. По мере его слов лицо координатора становилось все более недовольным, а в конце он жестко остановил Павла и знаком велел замолчать.

— Аннушка, вы точно готовы? — к ней Арвель подошел, сияя знакомой улыбкой аристократа.

— Давайте попробуем и пойдем, — предложила девушка. Она повернулась спиной к «домашней» двери, вспоминая, где именно были горы, прошлась вдоль, ища царапины от когтей, не нашла и сдалась.

Пожала плечами и просто распахнула одну из дверей.

ГЛАВА девятая

За спиной кто-то сдавленно выругался, по коже прошлась волна холода — некто более хладнокровный заменил ругательства на магическую защиту, а в лицо швырнули пригоршней песка, уши оглушило от рокота волн, и вода, докатившись белой пеной до самого порога, отхлынула, открывая песчаный пляж. На море царил шторм.

Анна застыла на пороге, не в силах отвести взгляд от царящего буйства стихии. Соленый ветер трепал тонкую кофту, взбивал волосы, брызгал в лицо водой. Остро пахло солью, водорослями и дождем. За скалами слышались глухие удары, там злобно шипела вода, пытаясь сломить сопротивление камней. Темно-серое небо заволочло тучами, и где — то там, на границе горизонта, висела стена дождя.

— Работаем? — неуверенно произнес кто — то за спиной девушки.

— Работаем, — Анна улыбнулась шторму и шагнула прямо в набежавшую волну. Пусть от нее мало пользы, но сидеть в комнате под охраной, когда решается судьба открытого ею мира, она точно не станет.

Анна устроилась на скале, наблюдая, как маги рассредоточились по пляжу. Мокрые сапоги стояли рядом, сушась. Вальди носился между людьми, везде суя свой любопытный нос. Вода его почему — то раздражала, и он смешно удирал от очередной волны, упорно возвращаясь на пляж. Когда внезапной волне удавалось его догнать, пес заливался обиженным лаем и долго отряхивался, осыпая брызгами всех, кто оказывался рядом.

Как объяснил Павел, первый этап — сканирующие заклинания. Их

отправляли веером, собирая информацию. Все данные стекались к Арвелю, и в руке мага практически постоянно вспыхивал искрами крупный кристалл, записывая все, что удалось узнать.

Лично Анне мир нравился. Темно-зеленое море с крупным барашками волн, белый песок небольшого пляжа в обрамлении скал и густая зелень кипарисов и сосен, растущих прямо на крутых откосах вздымающейся к небу горы. Сбоку сизыми тенями на фоне черных туч виднелись склоны невысоких гор.

Над водой пронеслась стая птиц. Гроза слабела, уходя в море, и ветер устало, без прежнего рвения, раскачивал деревья и гнал волны на берег. А солнце уже пробивалось сквозь тучи, и редкие лучи отвесными столбами спускались вниз, разлиновывая темное небо на полосы.

Маги работали, Вальди сражался с водой, Анна скучала, чувствуя себя лишней.

А если есть время, пока все заняты делом, почему бы не навестить Фиолетика?

И девушка, подхватив сапоги, направилась к выходу. В коридоре еще раз оглянулась на бушующее море — искупаться бы, морщась, надела мокрые сапоги на подсохшие колготки — и зачем вырядилась в шерстяное платье, надо было практичные джинсы надевать, и тут же столкнулась с одним из наблюдателей.

Шагнула влево, дабы обойти, но маг плавно перетек на другую сторону, блокируя собой проход. Его ничего не выражающее лицо напоминало маску, неясность намерений пугала, и Анне стало не по себе.

— Хотите закрыть дверь? — со страшным акцентом спросил маг.

— А нужно? — кивнула на пляж. Внутри росло непонимание — и чего привязался?

Наблюдатель, коротко стриженный мужчина с холодным цепким взглядом серых глаз, нахмурился.

— Анна, вы очень легкомысленны.

— А вы невежливы! — парировала девушка, начиная злиться. — Начинать разговор с обвинений, не представившись...

— Прошу прощения, — с явным усилием произнес наблюдатель, — но...

— Анна, ты куда-то собралась? — рядом появился Павел, и взгляд, которым он одарил наблюдателя, был далек от дружелюбия.

— Да вот, хочу Фиолетика навестить.

— А-а-а, — протянул Павел, и оба мужчины неодобрительно поджали губы.

Да они сговорились, вспылила девушка. Пусть он странный, пусть не стал терпеть незваных гостей и ответил на нападение, но ведь никого не убил, хотя мог бы. И вообще... нет у них никакого права указывать ей, с кем общаться, а с кем нет.

— Он хороший, — она бросилась на защиту Чудика.

— Анна, — тяжелый вздох Павла показал, что маг иного мнения, — у нас сейчас несколько ограничены ресурсы. Я бы попросил воздержаться от визитов.

— Вот как! — девушка прищурилась. Нет, это уже не смешно. Сейчас они просят, потом будут требовать. Сегодня они не пускают ее в другой мир, а завтра одну в туалет не отпустят?

Анна никогда не терпела неоправданных запретов. Стоило кому — то начать претендовать на ее личное пространство, как внутри возникала стойкая волна протеста, сносящая порой здравый смысл, а порой ввергающая в неприятности.

— Вот как! — повторила, сжимая кулаки. Мокрые сапоги неприятно холодили ноги, на лице чесалась кожа от соли, а еще хотелось наорать на Павла, заставить поверить в то, что Чудик не причинит ей вреда. Станным

образом Анна ощущала разумный лес младшим братом — гениальным братом, но все же младше ее самой.

— Вальди, — она подозвала пса и посмотрела в глаза Павла. — Я не претендую на охрану или еще какие — то ресурсы. Занимайтесь новым миром. Дверь вообще могу убрать, если она вас так волнует.

Лицо наблюдателя стало отсутствующим, словно разговор его не касался.

— Но ходить буду, куда захочу и когда захочу. Я не маленькая, понятно!

Голос в конце сорвался на крик, и стало еще противнее.

Анна развернулась, подошла к цветочной двери, та сама распахнулась, пропуская девушку, пес просочился рядом, а затем дверь воинственно громко захлопнулась. Тоже сама.

И только оглянувшись на огромные деревья-великаны с листьями, размером от футбольного поля до лужайки, на ползущие по коричневым стволам лианы, на цветочные громадины, большей частью фиолетового цвета всех оттенков и тонов, Анна поняла, что сумка с книгами осталась в комнате.

Настроение упало до отметки: как вы меня все достали!

— Тяжелый день? — Чудик материализовался на краю листа.

— Разница менталитетов, — отмахнулась Анна, рассматривая Фиолетика.

На этот раз он принял облик Вальди. Пес, углядев странного двойника, мотнул головой и недоверчиво принялся, а затем непонимающе посмотрел на девушку — что еще за зверь? Та лишь сочувственно подняла брови. Говорящая фиолетовая собака — добро пожаловать в дурдом!

Кажется, Вальди и сам это понял. Демонстративно отвернулся, но все же подошел к черенку листа и поднял лапу — на всякий случай.

Фиолетик издал странный, явно возмущенный вопль, и гибкая лиана попыталась ухватить пса поперек туловища. Тот отпрыгнул в сторону, клацнул зубами и помчался по кругу, уворачиваясь от зеленого щупальца.

Фиолетик держался недолго и скоро уже мчался третьим. Листья сгрудились ближе. Анна приставила руку ко лбу, высматривая псов — те уже были на пятом по счету листе. Вальди не бежал, а стелился, перепрыгивая с листа на лист.

Анна заметила, как пару раз его подхватывали, не давая упасть, и успокоено выдохнула — погоня была игрой. Фиолетик несся следом, откровенно жульничая в прыжках — просто перебирая в воздухе лапами, перемахивал через трехметровые куски.

Девушка подошла к краю и, сама удивляясь своей смелости, села на лист, свесив ноги. Земля не проглядывалась. Внизу сплетались лианы, соприкасались листья, образуя под собой прохладный теневой шатер. На зеленом мелькали световые пятна — солнце уже начинало клониться к закату, вытягивая у деревьев тени в сторону от заката.

Этот мир и мир супер пляжа существовали в примерно одинаковом часовом поясе. И Анне вдруг захотелось пройтись по коридору, распахнуть все до единой двери, узнать, что за мир скрывается за каждой.

Глупо как! Она — Хозяйка, связанная по рукам и ногам чужими правилами и ограничениями.

Анна легла на лист, прикрыла глаза. В лицо дыхнуло горячим, а потом к боку привалилось лохматое тело, а через пару минут с другого прижалось еще одно — прохладное, но тоже лохматое.

И настроение стремительно поползло вверх.

Она запустила руку в кучерявую шерсть Фиолетика, почесывая у него за ухом. Мокрый язык благодарно лизнул кожу.

— Знаешь, странная эта сущность — Вальди, — в голове вдруг зазвучал голос Чудика, — не могу понять, почему у меня начинает

дергаться отросток на задней части спины от твоего поглаживания?

Анна коротко рассмеялась.

— Этот отросток называется хвост. И собака им виляет, когда испытывает положительные эмоции.

— С ума сойти, — выдал в ответ Фиолетик.

— А ты попробуй еще кого-нибудь скопировать и точно сойдешь, — посоветовала девушка, — нельзя же перевоплощаться во все, что видишь.

Чудик надолго замолчал, видимо осмысливая неприятные стороны перевоплощений.

— Везет тебе, — внезапно сказал он, — у тебя есть дом, семья, Вальди и этот, который начинает резко пахнуть рядом с тобой, а я совсем один.

— Фиолетик, — вспыхнула девушка, догадываясь о чем, точнее, о ком, идет речь. Вот интересно, с чего бы Павлу начинать «пахнуть» в ее присутствии? Никак от злости, — никто никем не пахнет, это раз, а во-вторых, разве ты можешь быть один, когда тебя много?

— Как ты меня назвала? — голос в голове звучал ошалело.

— Прости, если имя не нравится...

— Фиолетик, — повторил Чудик и усиленно засопел, положив голову на грудь девушки, — а знаешь, нравится. Буду Фиолетом, но ты можешь звать Фиолетиком. А много, мало... не важно. Суть все равно одна. Я даже сам с собой поспорить не могу! Одно сплошное единодушие, аж противно! Не то что ты с этим сильно пахнущим! Приятно за вами наблюдать!

Анна потрясла головой, переваривая услышанное, уловив одно:

— Ты за нами шпионишь?

Сопение сделалось виноватым.

— Наблюдаю, и это была честная сделка.

— Сделка?

Прямо дни откровений! То наблюдатели шалют, то переселенцы разводят тайны Мадридского двора, а вот теперь Фиолетик, оказывается, заключает сделки у нее за спиной. И с кем? Хотя здесь легко догадаться.

— И что ты пообещал дому в обмен на право шпионить за мной?

— Наблюдать, — в который раз поправил ее Чудик, — мне сложностей никаких, а вот тебе польза большая. Он тоже считает, что ты слабая и подкормить тебя не мешает. Так что пользуйся, вот.

И сеть из лиан плюхнулась рядом с девушкой, заставив вздремнувшего было Вальди испуганно подскочить. Анна села, разглядывая «плату» Чудика. Крупные зеленые плоды напоминали собой дыни, вот только шкура у них была плотной и блестящей.

И что ей делать с этими доброжелателями? Один ожившими дракошками пугает, второй облик меняет, а вдвоем они тайно сговариваются исключительно из добрых помышлений, ага.

Сущий дурдом! И непонятно, то ли плакать, то ли смеяться от такой заботы!

— Классно, правда! — фиолетовый пес ткнул носом в один из плодов. — Моя собственная разработка. Для таких задохликов, — и он без всякого стыда мотнул головой в ее сторону. — Одного в день хватит, что бы сделать из тебя нормальную Хозяйку. Но я щедрый, можешь с пахнущим и его друзьями поделиться.

Анна вспомнила серые лица болотников и поняла, что отказываться не станет, но и смолчать сил нет.

— Ну, спасибо, — тихо проговорила уже вслух. Злость мешала мысленной речи, — и за подарок, и за дохлую Хозяйку, и за пахнущего.

— Эй, ты чего? — попятился пес, обеспокоенно заглядывая ей в лицо.

— Не злись! — примиряюще попросил. — Ну хочешь, не стану больше за вами наблюдать, только ты приходи чаще, а?

Анна посмотрела на фиолетовое чудо, на его виноватую морду, на нервно дергающийся хвост.

— А... — махнула рукой, — что с тобой делать — смотри. А читать я тебя все же научу, хоть какое — то занятие.

— Ань, — пес сел, склонил голову набок, — ты это... не обижайся. Мы, сущности, в особенности нечеловеческие, по — иному думаем.

— По-дурачки вы думаете, но я не обижаюсь, правда. А за подарок спасибо. Пригодится, и не только мне.

Павел мерил широкими шагами коридор. Внутри все клокотало от злости.

Она опять ушла туда одна! Он с трудом удержался, чтобы не сказать вслух все, что думает о сумасбродной Хозяйке и ее самостоятельности! Хорошо, Вальди с собой взяла, а то было бы совсем погано.

— Видишь?

Рагмарио выглядел таким довольным, словно перед его носом помахали должностью президента.

— Конгресс не зря опасается за судьбу Проекта. Или ты считаешь, это нормальным?

Наблюдатели... Еще одна головная боль. Ходят, смотрят, делают свои выводы и докладывают. А уж что там выдадут правители, собравшись на Конгресс... С них станется для собственного спокойствия потребовать взять Проект под полный контроль. В чем-то он их понимал. Аню, порой, придушить хочется, но и губить девчонку жаль.

— Нормально, — сказал исключительно, что бы позлить наблюдателя, — а ты хотел, чтобы Хозяйка сидела в комнате и боялась высунуть за дверь нос? Мы как-то забываем, что это ее миры, и она имеет полное право по

ним ходить.

— Вижу, ты теряешь связь с реальностью, — лицо Рагмарио застыло, став напоминать собой маску, лишь по глазам можно было догадаться, что наблюдателя душит злость, — или готов загубить Проект ради местной шлюхи? Кривишь рожу? Как будто сам не знаешь, они здесь все помешаны на физиологических удовольствиях. Ради них готовы с первым встречным...

— Заткнись, — выдавил с трудом. В голове шумел, он с трудом мог себя контролировать, останавливало одно — начни сейчас драку и точно вылетит с Проекта. Эта... мстительная сволочь не остановится, пока не добьется его увольнения.

Павел и сам хотел уйти. Это была правда. Здоровый мужик, сильный маг, он мог бы принести много пользы своему миру, спасти не одну жизнь, а вместо этого в няньках у девицы. А Проект... три года отдал ему, достаточно. Пусть другие здесь прохлаждаются.

Но и уйти прямо сейчас, без подготовки, означало бросить Аню на растерзание наблюдателям. И это была другая правда. Взбалмошная, упрямая, но добрая и отзывчивая девочка и неделю не продержится, наделает глупостей, не понимая, какой будет расплата. Сожрут ее твари, не побрезгуют. Нет, нельзя ее бросать вот так.

— Заткнись, понял. И учти, — он уже успокоился, голос звучал ровно, — я за тобой слежу. Один прокол, и ты отсюда вылетишь, понял? И если думаешь, что о твоих походах в этот мир никто не знает, ошибаешься. Мне плевать, куда или к кому ты шастаешь. Хочешь и дальше получать удовольствие, заткнись. Мы с тобой в одной лодке, как здесь говорят. Поэтому думай, что писать в отчете, и желательно головой.

Рагмарио стоял с помертвевшим лицом, крепко сжав побелевшие губы и, видимо, жалел лишь об одном — невозможности без последствий заехать в морду наглому магу.

— И последнее, Аня не такая. А попробуешь оскорбить девушку — прибью по-тихому, никто не узнает.

Павел уловил скрип зубов, и настроение резко улучшилось. Нет, господин наблюдатель, так просто боевого мага не взять, да на рукоприкладство не развести. А теперь и подавно подловить его будет сложно. Кто предупрежден, тот на проклятие не поддастся.

Она с трудом, с помощью лианы перевалила сетку в коридор, махнула рукой Фиолетику и повернулась к Павлу. И поняла, что после слов Чудика не может спокойно смотреть в его мрачное лицо, на котором явственно читалось желание ее придушить.

Невольно принялась, но от мага ничем необычным не пахло. Неужели Чудик соврал? Или имел в виду нечто другое, чем запах?

— Видишь, и от него есть польза, — она с гордостью указала на фрукты у себя под ногами, — это природный энергетик. Фиолет будет снабжать нас каждый день. Отнесешь болотникам, им нужнее.

— Надо проверить, — вмешался наблюдатель, отлипая от стены.

Так они вдвоем ее тут поджидали? Вот только лицо у мага было какое-то кислое.

Мужчина вытащил нож, перерезал лиану и достал один из плодов. Надрезал, поймал каплю сока на лезвие ножа и задумчиво рассмотрел на свет.

— Удивительно, но похоже на правду. Я проведу дополнительные исследования.

И как-то слишком поспешно скрылся в портале мира переселенцев.

— Анна... — начал было Павел, но девушка его перебила.

— Знаю. Я — глупая, самонадеянная, думающая только о себе. Но я не могу оставаться в стороне, не могу запереть себя в комнате. Ты сам называешь меня Хозяйкой, а относишься словно к неразумной девчонке. Пора начать доверять.

— Ты все не так понимаешь, — мужчина взъерошил волосы жестом

отчаяния.

— Я все понимаю правильно, — жестко отрезала девушка и повернулась в сторону кухни: — Обед через час. Не задерживайтесь, есть разговор.

Готовка помогла успокоиться. Маги сдержали обещание и натащили кучу продуктов. Осталось только объяснить им разницу между дешевой колбасой из бумаги и нормальным мясом, и за качество обеда можно будет не беспокоиться.

Вот как, спрашивается, дальше с ними жить! Где найти аргументы и добиться свободы? Одних слов о том, что она чувствует свою полную безопасность рядом с порталами, пожалуй, маловато будет. Но, кроме слов, у нее пока ничего нет.

Дом прикрывает. Дом защищает, заботится, хоть и своеобразным образом, и его заботу принимать легко, а вот от опеки магов у нее все внутри переворачивается! И хочется делать глупости или ругаться, особенно при таком опекуне, как Павел.

Борщ кипел на плите, рядом варились пельмени, а в голове было взрывоопасно от горячих мыслей. И очень хотелось сделать что-нибудь эдакое, чтобы от нее отстали с ограничениями, отстали раз и навсегда.

ГЛАВА десятая

На обед пожаловали оба координатора, и оба светились от восторга.

— Анечка, это просто чудо, — Арвель шагнул было в ее сторону, намереваясь выразить свой восторг от свежести открытого мира, но, натолкнувшись на взгляд девушки, отступил. И правильно. Нечего сбивать настрой. Зря она последние полчаса репетировала их беседу? Зря выстраивала аргументы, требуя свободы действий, четких объяснений, а главное — согласованности! Должна же она знать, что происходит у нее в доме или не должна?! А то на словах у переселенцев все гладко, а копнешь глубже, и такие нестыковки вылазят, словно в них ЦРУ с ФСБ всем стадом потоптались.

Тахмар шумно втянул воздух и одобрительно улыбнулся запаху обеда.

— Анечка, — маг растянул улыбку еще шире, став похожим на косящего под чеширского кота ворона, — данные предварительны, но климат — субтропический без отклонений в сторону обильных осадков, магические линии в наличии, а главное — никаких следов разумной жизни.

— А что еще вы обнаружили? — заинтересовалась девушка, расставляя тарелки.

— Портал стоит на острове, рядом есть еще острова, их только начали обследовать. Надеюсь, мы нашли новый дом.

— Да, — активным кивком подтвердил слова коллеги Арвель.

Вот так... новый дом, подумала Анна, с тревогой осознавая, что это вполне может оказаться правдой. И чем она тогда займется? Чем она вообще будет заниматься, если работа делается помимо нее? Держать двери открытыми? Швейцар, блин. Готовить обеды? Да... ради этого стоило учиться пять лет в институте. А ведь ей понравилось быть нужной. Делать что-то полезное. И что теперь? Спроведят наверх, чтобы не путалась под ногами?

— Простите, задержался, — наблюдатель быстро вошел в столовую, вешая на вешалку плотный прорезиненный плащ.

— Опять вулканические осадки? — со вздохом уточнил Арвель, и в его взгляде промелькнула застарелая боль.

— Сегодня, как никогда, плотно, — согласился он, приглаживая волосы.

Да фиг там с моей полезностью, решила Анна, глядя на посуровевшие лица мужчин. Пусть уж скорее найдут себе мир, да покинут гибнущий. А дело она сама себе организует, не маленькая.

Тихой группкой возникли на пороге болотники. На ботинках песок, на лицах выражение блаженства — такого, что слова только мешают.

С пляжа, решила Анна, глядя на вновь прибывших, и принялась разливать первое.

Запах наваристого борща вернул всех на землю, то есть в столовую, и усадил за стол. А потом стало не до разговоров.

— Анна, вы были правы, — отложив ложку и с сожалением глянув в пустую тарелку, произнес наблюдатель. Она вспомнила его имя — Рагмарио, — эти... — он едва уловимо поморщился и, сделав над собой усилие, продолжил: — Плоды, похоже, имеют определенную ценность.

— Похоже или имеют? — поддела его девушка.

Маг насупился. Признать полезность плодов, и уж тем более полезность вредоносного организма, до маниакальности любящего фиолетовый цвет, ему не хотелось.

— Их можно есть, — выдавил он из себя, не отрывая взгляд от стола.

— Отлично, — улыбнулась Анна, поздравив себя с маленькой победой, — отнесите их, эм, в болотный мир. Раздайте больным и детям. Мне пока ничего не надо.

Мужчины переглянулись.

— Почему бы вам этим не заняться, — предложил Арвель с невинным лицом.

Наблюдатель помрачнел, но возражать открыто не стал. Поднялся, извинился и вышел. Даже на чай оставаться не стал.

Странные у них отношения, подумала Аня. Недолюбливают друг друга. Впрочем, не ее это дело.

Она поднялась, что бы принести пельмени, но Павел первым сорвался с места, притащив с кухни большую кастрюлю.

Пельмени ели вдумчиво, смакуя в сметане и посыпая перцем.

Анна успела сделать самый простой салат из консервированной горбуши, и он явно не оставил магов равнодушными. Глядя на исчезающую со стола еду, девушка предположила, что все эти годы переселенцы не заморачивались ни с готовкой, ни с едой. Мол, переедем, тогда и отъедемся, а пока на сухариках продержимся. А сейчас в их понимании наступил золотой период переезда. Новые миры, новые возможности, обедами кормят и пить горькую вместе с собой не требуют.

Когда был разлит чай, Анна настороженно покосилась на дракошек — свою кружку забыла дома, но те вели себя смирно, как и положено рисунку на фарфоре, и девушка решила — пора.

— Нам давно надо поговорить, — она повертела в руках конфету и положила на блюдце. Маги закупили целую кучу шоколадных конфет, решив подкупить суровость хозяйки. Просчитались. Сладкое Анна не любила. Под настроение могла съесть горький шоколад, а вот такие конфеты — с начинкой и орехами — гадость. Зато болотники умяли аж по три штуки, да еще и в карманы украдкой положили.

— Мне плевать на ваши внутренние тайны, но все, что касается порталов, прежних миров и хозяина, я хочу знать. Более того, информация по перемещениям и порталам мне жизненно необходима. Я хочу сама оценивать риски и понимать, что меня ждет за дверью. Короче, так. Или мы работаем вместе, или я ищу ответы у других, эм, источников.

Павел первым догадался о каких источниках идет речь и теперь буравил ее тяжелым, испытующим взглядом. Ну и пусть, подумала девушка. Может, перестанет изображать из себя партизана на допросе.

— А что вас интересует в первую очередь? — осторожно уточнил Арвель. Счастливым он больше не выглядел.

Девушка не ответила, но ее молчание было весьма красноречиво.

— Ну хорошо, — сдался координатор, выдав пальцами раздраженную дробь, — я обещаю каждый день давать вам урок и отвечать на любые вопросы. Время выберете сами.

Девушка вздернула брови, показывая, что уроки — это хорошо, но

явно недостаточно для умиротворения выведенной из себя хозяйки.

Между тем дракончик на чашке ожил, потянулся розовым языком к конфете, опустил одну лапу на блюдце и принялся слизывать шоколад раздвоенным алым языком. Анна только головой покачала — распустились! Интересно, драконам, пусть и нарисованным, шоколад есть можно?

— Анечка, зачем ворошить прошлое? — дипломатично уточнил Тахмар. — Вы нас в чем — то подозреваете?

Да, во вторжении, захвате миров, геноциде и убийстве Кеннеди. Кеннеди, конечно, к слову пришелся, но все остальные причины вполне могли иметь место. Однако, как уяснила девушка из собственного жизненного опыта, молчание иногда работало лучше слов, а потому ответа не последовало.

Маги занервничали всерьез. Они знали, что она общалась с теневиками, но не знали, что именно ей стало известно.

— Считаю, надо рассказать, — Павел положил руки на край стола и стиснул их так, что побелели костяшки пальцев.

Старшие товарищи ответили неодобрительными взглядами. Болотники, как и дракошка с ее чашки, продолжали есть конфеты.

— И расскажу, — упрямо гнул свое Павел.

— Мальчишка, — фыркнул Тахмар.

— Хорошо, — неожиданно согласился Арвель и добавил что — то на другом языке. И опять слова перевернулись в голове девушки, и Анна услышала: ответишь жизнью, если загубишь Проект.

Павел побледнел, но решимости не растерял.

— Анна, — он повернулся к девушке, — ты помнишь о трех открытых мирах. Один, Кардвэлла, был выбран для переселения, второй нам не подходил из-за отсутствия в нем магии, ну а третий... Третий был населен

теми, кого мы называем теневиками. Их мир идеален и очень напоминает наш собственный до момента катастрофы. И эта привлекательность сыграла с нами злую шутку. Понимаешь, Анна, мы все помним, каким был наш мир раньше, и переезжать в Кардвэллу с ее дождями и болотами было непросто. Там один крупный материк, лежащий на экваторе, с крайне сырым климатом. Есть еще острова на севере и юге, но их площадь не может вместить всех. Да и портал привязывает нас к определенной точке, обеспечивая первое время всем необходимым. Нельзя выкинуть людей на голое место, не дав им минимальные удобства. Переместить целый мир... поверь, занятие не из простых. К сожалению, — Павел замолчал, на его лице явственно читалось желание закончить разговор побыстрее, но и рубить правду с плеча он явно опасался, — не все разделяют взгляды о не населенном мире. Некоторые, — и снова пауза, а тишина в комнате стала осязаемо плотной, — придерживаются более радикальных взглядов, предпочитая брать, а не искать.

Анна сощурилась, пытаясь уловить зерно истины в словах мага.

— У вас похожая ситуация на востоке, — включился Арвель, — есть те, кто придерживается мирных взглядов, а есть те, кто взрывают автобусы и здания.

— Хотите сказать, у вас тоже есть террористы?

— Да нет, — поморщился Тахмар, — у нас есть идиоты, считающие, что можно захватить чужой мир из одной точки выхода, не рассчитав ни пропускной способности портала, ни проведя нормальной разведки. Точнее, на разведке их и засекли. И если бы у кого-то хватило ума отступить, не пришлось бы проводить военную операцию по их высвобождению. Понимаете, Анна, большинству тех придурков едва исполнилось восемнадцать. Фактически дети. И бросить их умирать, пусть они оказались там из-за собственной глупости, было бы жестоко.

Значит, дети. Значит, была попытка захвата мира теневиков — глупая, безумная, как все идеи молодости, и захватчикам крепко дали по морде, а потом вмешались взрослые дяди — наших бьют, и пошла уже серьезная заварушка. Теперь Анне стало понятно, откуда растут ноги взаимной неприязни переселенцев и теневиков.

Однако это понимание не объясняло затянувшейся вражды. Переселенцы с теневиками должны были объясниться, принести извинения, а не устраивать войну Белой и Алой розы по всем мирам.

А еще более непонятны пляски с бубном вокруг сего досадного эпизода. Хотя если подумать... Кто знает, сколько откликов собрало это «детское» вторжение. Не было ли оно репетицией чего — то более глобального, и сколько взрослых на самом деле поддерживают мирный путь переселения, а сколько готовы построить его на трупах?

И что будет, если ни один мир не устроит магов? Или если устраивающий их мир окажется заселен? Что тогда они станут делать?

Кажется, она нашла свой личный кошмар и теперь не осталось сомнений — она должна встретиться с Тагиром. А кто еще ответит ей на вопрос: сможет ли Хозяйка уничтожить порталы, если на то возникнет необходимость? Сможет ли остановить вторжение, дабы спасти другие миры. И так ли неудобен для переселения ее собственный мир, как желают показать маги?

— Я изучал историю вашей страны, вы много раз вмешивались в дела других стран, когда речь шла даже не о ваших гражданах, а просто единомерцах.

Вот оно, с раздражением подумала девушка. Аргументы, ссылки на не отличающейся чистотой историю России — глупо требовать гигиены от собеседника, когда у самого белье в грязи. Политика и неизменное: цель оправдывает средства. Гибнущий мир — убойный аргумент, что бы удрать с него подальше, но недостаточный, чтобы стать убийцей.

А что она сама бы сделала на месте магов, если бы речь шла об ее семье?

Нет, плохая мысль. Синдром заложницы, оправдывающей своих похитителей, еще никого до добра не доводил. Это не ее решение, но ей отвечать за его последствия, если дело обернется дурной стороной.

— Вы ошиблись, Тахмар, я — не политик и не президент. Мое отношение к прошлому ничего в нем не изменит. Оно свершилось —

хорошее или плохое. С этим ничего не поделаешь. А вот о будущем мы можем с вами подискутировать, как и о пользе вмешательства в дела других стран или миров.

— И каким вы видите наше будущее? — напряженно спросил Арвель.

— Бескровным. Без уничтожения себе подобных. Незаселенный мир — редкость, но можно попытаться найти свободные площади. Вряд ли они будут хуже Кардвэллы.

— Уверенность хозяйки — половина успеха, — склонил голову Арвель, и остальные мужчины согласно закивали, словно она им эти площади только что на блюдечке принесла. Нет, они точно говорят на разных языках.

Когда они в конце дня вернулись в квартиру, та встретила их запахом краски, виниловых обоев и мокрой штукатурки. Из комнаты выглянул Олег. В старых спортивных штанах, полинялой футболке и со следами побелки на волосах он выглядел заурядным гражданином, затеявшим ремонт. Обычный такой ремонт без всякой магии.

Вальди оглушительно чихнул и неодобрительно посмотрел на рулон старого линолеума, лежащего поперек коридора.

— Всем привет, и осторожней, у нас тут не убрано, — махнул валиком маг и скрылся в комнате, откуда донесся мурлыкающий мотив незнакомой мелодии и шоркающие звуки.

— Объяснишь? — Анна повернулась к Павлу.

— Мы посчитали ремонт квартиры оправданным для, эм, твоей конспирации, — мужчина сделал паузу перед сложным словом.

— Конспирации, — покачала головой Анна, направляясь к выходу, даже не став заглядывать в комнату. Зачем?

Неделю назад у нее был четко выстроенный мир, работа, на которую она устроилась сама и которую, мать твою, любила. Семья. Встречи с подругами, походы в кино и тщательно спрятанная надежда встретить того

самого мужчину, который заполнит ее одиночество своим теплом.

Она мечтала ходить по магазинам, придирчиво выбирая обои, часами просиживать на форумах и порталах, ища свежие идеи по ремонту. Мечтала обустроить собственное гнездышко, позвать друзей, закатив сабантуй на новоселье. Ей так нравился бежевый цвет с видами Венеции — он бы идеально подошел для спальни.

Сегодня ее мечты казались пустыми и глупыми. Сегодня она хотела найти новый мир для переселенцев, не допустить войны и разобраться в конфликте переселенцев и теневиков, а еще научить Фиолетика читать.

В ее настоящем не осталось места для обоев с Венецией. И от этого становилось немного грустно.

— Анна, не переживай, все будет хорошо.

Они стояли около подъезда, и желтые окна домов дружески светились в ранней темноте зимнего вечера. Было тихо и безветренно — редкий вечер в Питере с легким морозцем, чистыми улицами и не успевшим покрыться копотью снегом.

А скоро Новый год, некстати подумалось Анне. Она попыталась представить себе праздник. Традиционно с родителями до двенадцати, а потом...

Рвануть в дом, устроить марш забег по мирам с купанием на пляже, шашлыками в горах, катанием на лианах и вообще... Напиться хоть раз в жизни и натворить настоящих глупостей, о которых можно будет мучительно переживать и ими же гордиться в старости.

Девушка оценивающе взглянула на стоящего напротив мужчину. Чем не глупость номер один?

— А я и не переживаю. Я привыкаю. К тебе, к Фиолету, к Вальди и к тому, что вы в любой момент можете начать оккупацию одного из миров.

— Анна, — поморщился Павел, — мы не настолько отчаялись. К тому же с твоим появлением наши шансы на бескровное переселение возросли.

— Значит, рассматривали и другие варианты, — она поддела носком сапога кусочек льда на асфальте и отшвырнула его в сторону.

Павел не ответил. Так они и стояли друг напротив друга, и новая правда удерживала каждого на месте, мешая сделать шаг навстречу.

— До завтра, — кивнула наконец Анна и услышала ответное:

— До завтра.

Павел дернулся, желая что-то добавить, но девушка не обернулась. Миг — и ее тонкая фигурка скрылась в подъезде, оставляя его пинать ни в чем не повинный лед носком ботинка.

На душе было гадко, и становилось только хуже при мысли, что он не остановил Аню, не объяснил, не убедил, что не так уж они и виноваты. Ошиблись, да, но кто не ошибается? В голове крутились десятки доводов — таких, что любого убедят. Но ему не нужен любой, ему нужно одна конкретная упрямецка, которой плевать на доводы.

И почему ему вдруг стало так важно ее мнение? Почему так плохо, словно они поссорились? Уж не вступил ли он на опасную дорожку симпатии к подопечной? Сначала симпатии, а потом...

Нет, нет и еще раз нет. Павел даже головой замотал, чтобы прогнать дурацкую мысль. Знает он, как это получается. Сначала легкая заинтересованность, потом сочувствие, симпатия, а потом... Страшно подумать до чего может дойти дело.

А какие, к проклятию, чувства, когда его мир одной ногой стоит в могиле?

Вот только сердце насмешливо стучало в ответ, и чуялось Павлу в этом стуке издевательское: «Посмотрим-посмотрим».

— Ма, мы дома, — крикнула с порога девушка.

— Молодцы, — донеслось из кухни, — мойте руки, лапы и за стол.

Запах котлет, жаренной картошки и томящегося в духовке пирога окружали с порога, заставляя вспомнить, что обед был давно, а ужин вот он, почти готов.

Вальди шумно задышал, и его хвост пришел в радостное возбуждение.

— Обжора, тебя кормили, — укоризненно заметила Анна, стаскивая сапоги, — и между прочим, еда со стола вредна для собак.

Вальди ответил выразительным взглядом, в котором явственно читалась любовь к котлетам и пренебрежение ко всем собачьим хрустикам.

Анна бросила взгляд на часы и охнула — до встречи с Тагиром оставались каких-то полчаса, а она после тяжелого дня в простом шерстяном платье, в колготках с разводами соли и забранными в хвост волосами.

— Ма, я ужинать не буду, — сказала, открывая дверь на кухню и впуская туда Вальди. Пес, оставляя мокрые отпечатки от вымытых лап, первым делом прошелся до миски, вежливо схрумкал пару сухариков корма, хлебнул воды и только после этого уставился на Клавдию Петровну преданным взглядом котлетного маньяка.

Клавдия Петровна непонимающе приподняла брови.

— Меня на ужин пригласили, — пояснила девушка, мысленно прикидывая, что выбрать из гардероба, что бы подчеркнуть деловой оттенок встречи и не выглядеть пацанкой с улицы.

Брови поползли еще выше.

— В агентстве познакомилась. Риелтор. Молодой, симпатичный, не женат. И Вальди сильно не корми, а то он в дверь скоро не пролезет. Все, я в ванную и собираться.

Клавдия Петровна хмыкнула, покачала головой и обратила взор на собаку.

— Видал? На ужин собралась. Надеюсь, с тем самым, который ее на машине возит. — И она, повысив голос, крикнула в коридор: — Познакомишь?

Невнятный ответ дочери был едва слышен сквозь шум воды.

— Все ясно, — Клавдия Петровна решила расшифровать ответ для Вальди: — Как только сочтет его достойным, так сразу и познакомит, а гадость в дом тащить у нее желания нет. Как будто эту гадость можно с первого, ну хорошо, с десятого взгляда распознать, — вздохнула она, и Вальди согласно мотнул хвостом.

— Хороший мальчик, — улыбнулась женщина и ласково потрепала собаку по голове, — ужинаем вдвоем?

Пес не возражал. Теплая, пахнувшая вкуснейшей едой женщина его расслабляла. Расслабляла настолько, что он не дернулся, уловив шелест одежды в шкафу, нервное бормотание хозяйки и аромат духов. Успел уже понять, что собак в этом мире не везде можно брать с собой. Точнее, мало куда с ними можно ходить, тем более с такими представительными, как он.

Но для порядка Вальди вышел в коридор. Постоял, разглядывая причесывающуюся у зеркала девушку. Кто такой риелтор пес не знал, зато четко знал — Аня уходит без него и пахнет от нее тревогой.

Вопросительно гавкнул. Девушка обернулась.

— Прости, дружище, туда с собаками нельзя, — рассеянно сказала, думая о чем-то своем.

Вальди недовольно заворчал. Утащить что ли плоскую коробочку, которую Хозяйка вечно таскает с собой, и та настолько пропиталась ее запахом, что пахнет исключительно Аней. Может, начнет искать и останется дома?

— Не ворчи, — бросила девушка, намазывая губы блестящей палочкой, — все равно пойду. Твои сами виноваты. Нечего было устраивать «тайны истории онлайн».

Коробочка ожила, издав короткий звук. Аня протянула руку, мельком глянула и заторопилась.

— Мне пора. Присмотри за мамой, хорошо?

Вальди понимающе кивнул. Хозяйка могла и не просить. Котлеты, а вместе с ними и Клавдия Петровна прочно завоевали место в сердце собаки.

Хлопнула дверь, и пес помчался на кухню, встал лапами на подоконник, умащивая морду между фиалкой и денежным деревом. На стекле тут же образовалось туманное пятнышко, и Вальди отодвинул нос подальше, пристально всматриваясь в темноту за окном. Он должен знать, с кем его Хозяйка проведет этот вечер.

— Переживаешь?

Свет в кухне погас, и двор стал лучше виден, а затем шторы отдернули, и рядом встала Клавдия Петровна.

— Я тоже. Столько лет, а все не могу привыкнуть, что она взрослая. О, смотри, выходит. А это еще кто? — удивилась она, разглядывая большую черную машину, из которой показался темноволосый мужчина, одетый в кожаную куртку, поздоровался с дочкой — даже руку поцеловал, вручил розу и галантно открыл дверцу машины.

Пес глухо зарычал, потом сорвался с места и отчаянно залаял около запертой двери.

— Вальди, фу! Вальди, прекрати! — Клавдия Петровна пыталась призвать к порядку разбушевавшегося пса, трясущейся рукой нажимая кнопки своего старенького, но верного телефона.

— Травка, это я, — слабо проговорила в трубку, когда та откликнулась голосом подруги.

— Клава, что у тебя там происходит? Собачьи бои? На тебя напала свора?

— Да нет, — Клавдия Петровна вернулась в кухню, прикрыла дверь, — это Вальди взбесился. Точнее, не взбесился, а сошел с ума.

— Час от часу не легче, — выдохнула Анна Сергеевна, — мне приехать? Или ветеринарную неотложку вызвать?

— Не надо неотложку, он сейчас успокоится, — пообещала подруге Клавдия Петровна, добавив про себя: — Надеюсь.

— Ну смотри, — пригрозила Травка и спросила: — А из-за чего взбесился-то?

— Аня ушла без него. Ее молодой человек на ужин пригласил.

— Значит, перестала секретничать, — удовлетворенно вздохнула госпожа Травкина. — Думаю, скоро она про него сама расскажет.

— Не уверена, — практически прошептала Клавдия Петровна, нервно меряя шагами темную кухню. Лай за дверью становился тише, перейдя в отчаянное поскуливание. Тревога росла, заполняя сердце женщины, и она потянулась за каплями. — Понимаешь, Травка, она с другим уехала.

— Как с другим? — взорвалась трубка удивлением.

— Так с другим, — Клавдия Петровна на ощупь нашла верный бутылек, на глаз отмерила пятнадцать капель, добавила воды из чайника, — машина у него здоровая, черная, ну, как бандиты обычно ездят.

— Джип?

— Ага, джип, — согласилась Клавдия Петровна, залпом выпивая лекарство. Поморщилась от горечи. — Доведет она меня, — пожаловалась трубке.

Они помолчали.

Днем Анне Сергеевне не с первого раза удалось дозвониться до младшего, а когда дозвонилась, тот пообещал все выяснить — дайте мне один час. Перезвонил только через два, когда ожидание сгрызло терпение

женщин, а чайник закипал уже в пятый раз.

Андрей Травкин был короток и до обидного немногословен. Спросил, откуда номера, неопределенно хмыкнул и вдруг заявил, что приедет завтра, а до этого момента ничего не предпринимать, никуда не звонить и ни о чем не спрашивать.

— Брось панику на ровном месте разводись, — приказала Травка, шумно дыша в трубку. — В нашем возрасте вредно волноваться. Капли выпила?

— Выпила, — покорно ответила Клавдия Петровна.

— Псу належь и выбрось свои дурацкие мысли из головы. Все будет хорошо. Анька твоя нормальная, с головой дружит, так что иди отвлекись, сериал посмотри, полы помой. Но если что — я на связи. Поняла?

— Угу, — ответила Клавдия Петровна и нажала отбой. С сомнением посмотрела на капли, представила, как уговаривает пса их выпить, затем прислушалась — в коридоре было тихо. Женщина вздохнула, убрала телефон в карман халата и пошла мыть полы. Уборка она всегда успокаивает.

ГЛАВА одиннадцатая

Тагир вел машину, словно опаздывал на собственную свадьбу, ну, или похороны. Постоянно перестраивался, обгонял, рвался на желтый свет и резко, до судорожного шараханья пешеходов, тормозил перед переходами.

Аня сидела на переднем сиденье, одной рукой вцепившись в розу, второй — в ремень безопасности, ногами упираясь в пол, и чувствовала себя, как на гонках. Дома, витрины магазинов, рекламные щиты, светофоры слились в одну сплошную стену, мимо которой они прыгали по улице, метая на свободные в плотном потоке машин места.

Сама Аня была аккуратным водителем и всегда гордилась этим — за три года ни одного ДТП, а потом машину пришлось продать. У Вадика возникли сложности, так он сказал, и срочно понадобились деньги. Она, дурашка, поверила. Продала свою любимую киашку, а потом выяснилось,

что человек, с которым она делила кров, которому доверяла, которому, мать твою, стирала носки и готовила ужин — игрок! Жалкий, не желающий, да и не могущий прервать порочный круг: деньги — игра — долги.

Знакомая горечь подкатила к горлу, и Анна приказала себе остановиться. И почему она вспомнила об этом сейчас? Не виноват ли в этом бодрый ирландский фольк, играющий в салоне? Помнится, Вадик любил вот такие зажигательные мелодии.

Ну хватит переживать, она еще хорошо отделалась. Вадик намекал, что двухкомнатная квартира для родителей слишком просторна, надо бы поменять на однушку, а деньги вложить в студию. И если бы не тот случайно подслушанный разговор — видно, ангел Хранитель постарался — не было бы у них сейчас ни студии, ни двухкомнатной квартиры. Дура, Господи, какая же она была тогда дура!

Машина свернула на мост, за окном замелькали опоры и гладь воды, не успевшей еще покрыться льдом, темноте которой отражались желтые фонари набережной, они хмуро морщились на воде нагоняемой ветром волны.

Еще один мост, и за спиной остался Каменный остров, с его загадочными дворцами, старинными усадьбами — жильем, бывшим элитным во все времена Петербурга.

Последовал резкий поворот со взвизгнувшими шинами — Анна начала бояться, что они правда куда-то опаздывают, и машина помчалась по Аптекарской набережной. Справа и чуть впереди, точно огромная елка, играла огнями телебашня. Кое-где успели украсить город, и над дорогой протянулись мерцающие золотом узоры.

Темно-серым величественным силуэтом проплыла «Аврора», впереди уже виднелся Троицкий мост, за которым вонзал в черное небо шпиль Петропавловский собор, а справа парил голубой купол мечети, с двумя девицами-минаретами.

— Забыл спросить, — Тагир повернул с набережной на Петроградку, — как ты относишься к китайской кухне?

Это были первые слова, которые маг произнес с тех пор, как машина тронулась с места.

— Скажем так, я ее ем, — с паузой ответила девушка, удивляясь про себя молчаливости Тагира.

— Отлично, — еще один лихой поворот — секундой позже, и они бы поцеловались с мордой белоснежной Мазды, — тогда я угадал со столиком. Тебе понравится. «Ветер Китая» — отличный ресторан, в котором повара — настоящие китайцы.

Он действительно оказался отличным. С печеньем-предсказанием в корзине на входе, стильным интерьером, мягкими креслами и изысканной фарфоровой посудой на столах, которую не стыдно было бы подать и на посольский прием.

Их провели в небольшой зал-кабинет, рассчитанный человек на десять, но в этот вечер принадлежащий только им двоим. С потолка к центру стола спускалась массивная хрустальная люстра, и красные подвески бросали алые блики на белый фарфор. Затянутые шелком стены, тяжелые портьеры с кистями по краям делали помещение похожим на будуар, а мягкие с позолотой стулья, картины и фарфор — на старинный будуар века эдак восемнадцатого, отделанного в моде на Китай.

Вращающийся круг в центре стола позволял гостям пробовать то или иное блюдо по своему вкусу. Эдакий шведский стол в китайском варианте. Анна, правда, даже меню не успела раскрыть. Тагир скороговоркой выпалил наименования блюд, официантка лишь кивала, строча в блокноте, а закончив, быстро удалилась, постукивая высоченными каблуками.

— Ты здесь часто бываешь, — утвердительно произнесла девушка, решив, не заморачиваться по поводу меню. Даже любопытно будет оценить выбор Тагира.

Она устроилась напротив теневика, между ними — большой круглый стол, прямо как на приеме, и это еще гигантскую вазу с красными цветами унесли, а то за ней парочку девиц можно спрятать, не только ее одну.

Для сегодняшней встречи девушка выбрала черное платье, простого,

но дорогого покроя, с бархатными вставками на рукавах и подоле, а также овальным вырезом на груди и брошью-камеей на бархатке. Светлые волосы убрала наверх, выпустив один локон. Чуть-чуть косметики, капелька духов. Ей не нужны проблемы с переселенцами, и этот ужин станет первым и последним. Больше с Тагиром она встречаться не станет.

— Люблю китайскую кухню. Она напоминает кухню моей родины — острая, с оттенками сладкого и кислого. Впрочем, для тебя я выбрал блюда помягче, — и маг чуть усмехнулся: — Ах да, прости, я не посоветовался с тобой.

— Почему тенивики? — спросила вдруг Анна, меняя тему разговора. Девушка подалась вперед, положив руки на стол и вперив в молодого человека строгий взгляд.

— А... пустое, — поморщился тот и потер подбородок, — впрочем, ничего страшного не случится, если узнаешь. Одно из наших подразделений... Хотя погоди, — он остановился, качнул головой — то ли удивленно, то ли озадаченно, — сначала ты. Что сказали болотники?

— Тенивики — это не название вашего народа, — Анна провела пальцем по блестящей поверхности стола, рисуя узор, — это прозвище одного из ваших, гм, боевых подразделений. Полагаю, они первые столкнулись с переселенцами, когда те проводили разведку в вашем мире. Так?

— Я всегда знал, ты — умная девочка, — Тагир расплылся довольной улыбкой. — На самом деле у них другое название, но так как они предпочитают появляться из тени, твои сырые друзья решили наградить их этим глупым прозвищем. А потом так стали называть любого из моего мира. Идиоты! — и он выразительно пожал плечами.

— Тагир! — нахмурилась девушка, не разделяя чувств мага. — Они были практически детьми, подростками. Зачем такая жестокость?

— Зачем? — мужчина наклонился, почти касаясь грудью стола, в черных глазах вспыхнула злость, и они потемнели. — А затем, милая моя и жалостливая Хозяйка, что когда в твой дом вламываются незваные гости и начинают его ломать, ты будешь его защищать, невзирая на возраст

хулиганов. Потому как этим детям, — он сделал ударение на последнее слово, — кто-то дал оружие, артефакты, кто-то вложил в их головы идею захвата нашего мира, кто-то пропустил их в портал и не остановил. И я готов съесть этот бокал, — Тагир кивнул на высокий, стеклянный фужер, — если ими не руководили взрослые. Например, твои драгоценные болотники, которые уже тогда понимали, что долго в своем болоте не высидят. И если бы не умер хранитель порталов, кто знает, чем дело закончилось на самом деле. Может, они и повторили бы свою попытку.

— В тебе говорят злость и обида за убитых сородичей, — качнула головой Анна, — но они кровью заплатили за свою ошибку. И кровью своих детей. Неужели нельзя было решить вопрос иначе?!

— Иначе? — вскинул брови Тагир. — Подарить им кусочек нашего мира?

— Но они умирают! — крикнула Анна, ощущая, что ее все больше захлестывает отчаяние. Стоило признать, попытка примирения вышла донельзя глупой.

— Умирают, — спокойно подтвердил этот невыносимый мужчина, — а ты не задавалась вопросом, почему их мир умирает? Что надо такого сделать с планетой, что бы она ответила апокалипсисом? Вижу, гретишь на внешние причины, но космос тут ни при чем. Наши историки считают, все миры рождаются одинаково, но живут по-разному. Например, ваш мир. На каком-то этапе у вас пошло что-то не так. Энергия переродилась. Перерождение буквально истерзало планету, оставив крохи цивилизации. Вы стали другими. Мир стал другим. Без магии. Те капли остаточной энергии, которые я улавливаю, не могут насытить даже резерв ребенка. Не могу сказать, плохо это или хорошо. Вы живете, развиваетесь, растите детей. Подобные вашему миру мы называем опустошенными, и заметь, твои предки погибли, не став затевать никакого переселения. Я понимаю, ты хочешь оправдать болотников. Но достойны ли они оправдания? Даже у вас говорят, что первыми с тонущего корабля бегут крысы.

— А еще люди желая спастись, — отрезала девушка, кусая от досады губы. Очередная ложь или полуправда переселенцев... Как же она устала от всего этого! — Хорошо, допустим, они сами виноваты в гибели своего мира, но почему должны страдать невинные? Почему не помочь им

обрести новый дом?

Тагир скривился, словно она ему предложила организовать фонд спасения орехов от белок. Но тут им принесли вино, и спор получил передышку.

Белое вино оказалось сладким, с яркой сливовой ноткой. Собственно, оно и было сливовым.

Анна пригубила, отдавая дань приятному вкусу, но и только. К вину она была равнодушна, предпочитая иметь трезвую голову при любых обстоятельствах.

— Аня, — Тагир покрутил бокал, потом парой больших глотков осушил его целиком. Он явно привык к более крепким напиткам и сейчас пил вино из-за гостя, — давай не будем ссориться. Я понимаю твоё желание прекратить вражду, но сегодня я пригласил тебя не за этим. Вы нашли нужный мир?

Аня посмотрела на бокал, перевела взгляд на Тагира и выразительно приподняла брови.

— Считаешь, я тебе скажу?

Маг тяжело вздохнул, и в его взгляде промелькнуло нечто кровожадное. Девушка поежилась. На ум пришла комната пыток, но ресторан с ней не сочетался — не станет же Тагир устраивать подобное в центре Питера? — и она лишь укрепилась в своём желании промолчать.

— Пойми, глупая, это в твоих же интересах! — заявил маг, садясь ровнее и сцепляя ладони в замок. Ну чисто профессор, убеждающий студента прийти ещё раз с зачеткой.

Аня не поверила. Имела полное право не верить. Можно было, конечно, предположить, что теневики желали удостовериться — никто больше не станет претендовать на их мир. Но только ли ради этого они оставили мага здесь, рядом с порталом? Ведь легализовать чужого человека из ниоткуда в мире, где без бумажки ты никто, это не шалаш в лесу поставить, да жить охотой с рыбалкой. А судя по тому, как быстро Тагир

нарисовался рядом с девушкой, стоило ей первый раз попасть в дом, то маг свою работу выполнял хорошо и порталы действительно отслеживались. И не для себя ли они их отслеживали? Кто сказал, что в колонизации нуждаются только те, у кого погибает мир?

— Вижу, не веришь, — проницательно заметил Тагир, полностью успокаиваясь, — хорошо, пусть так. Но ты — хорошая девушка, смелая, честная, будет жаль, если с тобой что-нибудь случится.

Холодок неприятного страха пополз по спине девушки — в устах мага угроза звучала... убедительно.

— Угрожаешь? — прищурилась она.

— Не я.

Предельно честный взгляд Тагира ее почти убедил.

— Ясно, — Аня прикусила губу, прикидывая варианты — что именно она может открыть магу без ущерба для остальных. С другой стороны, подписку о неразглашении с нее никто не брал, так что... — информация в обмен на информацию.

Маг кивнул. И снова все возвращается на круги своя. Они торгуются за слова.

— Но сказать в общем-то нечего, — чуть помедлив, продолжила девушка, — мир обследуют, данных еще нет.

— Тогда обещай сообщить, как только решение о переселении будет принято. Даже не так, сообщи, если его не примут в ближайшую пару дней.

— Но зачем такая категоричность? — удивилась Анна. — Не подойдет этот, будем проверять другой, — пожалала она плечами.

— Подожди, их несколько? Больше трех? — недоверчиво вскинул брови маг. Аня не ответила. Она вдруг поняла всю нервозность Тагира. Они считали, что портал останется прежним на три выхода и один вход со стороны переселенцев. Один в болото, второй в технический мир, третий к

теневикам, и у болотников не будет выбора. Не будет у них другого, чертова выбора, кроме как дожать теневигов, ну, или осушить болота. И еще неизвестно, что хуже по жертвам. Потому как жить без магии в мире техники они точно не смогут. Это как предложить зрячему стать слепым и глухим, но остаться в живых.

От понимания того, что она обо всем догадалась, Анна ощутила невыразимое облегчение. Все просто. Как же, оказывается, просто.

— Тагир, передай своим — опасаться нечего. Я не могу гарантироваться, что открытые варианты идеальны, но они есть. И... их больше трех. Кстати, как отличить ваш мир? Есть какие-то особенности?

По мере ее слов лицо мага вытягивалось все больше и больше, и он смотрел на нее взглядом человека, которому только что сказали, что земля — круглая, а не стоит на четырех китах, как он верил всю жизнь.

А затем Тагир откинулся на кресле, прикрыл глаза и замер. Повисла тишина.

Девушка поерзала на стуле, решая, нужно ли окликнуть заснувшего, казалось, мага или обождать.

За спиной загремели колесики по полу, и официантка вкатилась столик, уставленный блюдами. С невозмутимым видом и дежурной улыбкой, словно у нее каждый день дремлют за столиком посетители, она ловко и быстро расставила приборы, составив тарелки в центр стола, обновила вино в бокале и подала теплые полотенца для омовения рук. А когда Аня вытерла руки, официантка забрала ее полотенце, оставив Тагира дремать в кресле.

Девушка кашлянула раз, другой, потом плюнула на этикет — пахло одуряюще вкусно, да и выглядело все аппетитно — и принялась за еду.

— Советую попробовать свиные ушки и баклажаны в медовом соусе.

Раздавшийся голос мага заставил девушку замереть с вилок у рта.

— Я решила, ты заснул.

— Нет, обдумывал ситуацию, — неожиданная серьезность Тагира ее немножко пугала. Скажи, эти болотные твари хотя бы платят?

— Платят, и прилично, несмотря на собственные трудности.

— Жалеешь, — усмехнулся маг, возвращая прежнюю колючесть, — дожалеешься... Ты же чудо! Не просто вернула к жизни действующий портал, а расширила потоки.

— И что это значит? — Аня жевала, почти не чувствуя вкуса еды.

— Это значит, моя милая Хозяйка, что ты можешь не только работать с «мертвыми» порталами, но и открывать новые. А это качество идет бок о бок с универсальностью. Ты могла бы попробовать оживить не только этот портал, но и другие в ином мире.

— Например, вашем, — понятиливо кивнула девушка.

— А мы платить больше станем, — широко и нагло улыбнулся этот чернявый тип цыганской наружности.

— Да ты меня вербуешь?! — восхитилась она.

— Ценный кадр, отчего бы не завербовать. Ты ушки пробуй, не стесняйся, — и Тагир крутанул стол, отправляя в ее сторону тарелку с маринованными ушками.

Анне очень хотелось ответить, что некто скоро доиграется, и она доберется до его ушей, но... мягкие переливы мелодии, плывущей по залу, вкусная еда, приятное вино настраивали на мирный лад. И черт с ним, пусть вербует. Она все равно не собирается менять свой мир на другой.

— А дверь в мой мир ты найдешь легко. Она будет закрыта. Для всех, кроме тебя, — и Тагир неожиданно подмигнул, — постучишься — откроем.

Анна поняла: последнее, что она станет делать — это стучаться в закрытую дверь. Не хватало еще стать костью раздора в войне теневиков с

переселенцами.

Раздался звук рыкающего мотора, Тагир полез в карман, достал телефон, глянул на экран и озадаченно дернул бровями. Анна интуитивно почувствовала — смс от женщины. Любопытно. Да и пора сменить тему. Она выяснила даже больше, чем хотела.

— Скажи, Тагир, ты давно здесь? Твой русский звучит, как родной.

— Достаточно давно, чтобы обжиться, — кивнул маг, убирая телефон в карман и доставая из плетеной корзинки сваренные на пару пельмени. Сквозь нежнейшее тесто просвечивала начинка, а пахли они... И парочка пельменей с бараниной перекочевала в тарелку к Анне. Ох, пожалуй, кому-то сегодня будет плохо от обжорства.

— И девушка у тебя есть? — очередной вопрос, а следом невинный взгляд скрытого любопытства.

Тагир оторвался от пельменей. В черных глазах зажглись озорные огоньки.

— У меня есть мечта, — от мягкой улыбки Анне вдруг стало жарко, и она потянулась за стаканом с водой. Вот она коварная китайская кухня! Во рту все пересохло и горит от перца.

— Брюнетка, блондинка, а может рыжая?

— Это не мечта, это — реальность, — с толикой сожаления промолвил Тагир.

Все ясно, поставила диагноз Анна. Знает она таких. Гоняются за каждой красивой женщиной, теряя голову, а познакомившись поближе, разочаровываются и снова уходят за следующей мечтой. И обзываются такие просто — бабник.

— Уверена, реальность тебя не слишком удручает, — усмехнулась девушка. Она никогда не заводила романа с бабниками. Слишком велика была цена за подобное знакомство. Да и гордость не позволяла быть ... дцатой дурой, павшей к ногам этого красавца. И Тагир был мгновенно

перемещен в дальний круг, с единственной возможностью приблизиться — стать другом.

— Увы, она далека от мечты, — состроил скорбную гримасу Тагир. Он чутко уловил перемену отношения к нему девушки, и, похоже, она ему не понравилась.

— Расскажи о своем мире, — попросила Анна, и Тагир начал рассказывать о маленьких домах, раскиданных среди лесов и полей — маги не строили городов, предпочитая жить на хуторах, ведь с порталами и мыслесвязью расстояния теряли свое неудобство; о странных городах-призраках, полностью пустеющих ночью — там работали и учились только днем; об умных домах, умеющих и защитить, и убрать беспорядок, и еду приготовить; и о многих других чудесах иного мира.

Когда они прощались около дома, Тагир задержал ее руку в своей ладони.

— Обещай, синеглазка, — он снова вспомнил это дурацкое прозвище, — если у тебя возникнут сложности или ты почувствуешь неладное, позвони мне. А если совсем припрет, беги к нам. Около портала всегда есть кто-то, тебя защитят. Обещай!

— Хорошо, — кивнула девушка, понимая, что никогда не позвонит.

— И может повторим?

Она покачала головой, мягко высвобождая руку. Во-первых, никаких бабников, а во-вторых, ситуация с переселенцами и так непроста, глупо усложнять ее еще больше.

— Я понял, Синеглазка.

Ее вдруг прижали к себе, его губы мягко коснулись щеки девушки. Аромат дорогого парфюма, запах смазки и ментола, а может, к черту правила?

Мгновение — и он отстранился.

— Прости, не удержался.

Она, конечно, не поверила в его раскаяние. Не будь он теневином, а она Хозяйкой, у них был бы шанс, а так...

— Спасибо за ужин и... прощай.

Развернулась, стараясь быстрее выкинуть сожаление из головы.

— Я позвоню, Ань, обязательно позвоню.

Да-да, а она не ответит.

За спиной взревел мотор машины, а она уже открывала дверь подъезда.

Стараясь не шуметь, положила ключи на тумбочку. Не включая свет, сняла сапоги, стянула пуховик. Шагнула вперед и запнулась о нечто — большее и лохматое, перекрывшее коридор. Не удержала равновесия и села на пол.

— Вальди? — прошептала. В темноте тяжело вздохнули, а потом на колени легла голова собаки. Девушка провела рукой по ушам, погладила нос и наткнулась пальцами на что-то мокрое.

— Вальди, ты, что плакал? Из-за меня? — выдохнула.

Комок подкатил к горлу, и Аня ощутила себя бо-ольшой такой свиньей.

— Господи, Вальди, — она обхватила морду собаки, прижала к груди, глядя пса по спине, и быстро зашептала: — Неужели ты мог подумать, что я брошу тебя, Павла, Фиолетика? Брошу всех вас? Продамся из-за каких-то денег? Глупый, глупый пес. Никогда. Слышишь, никогда и ни за какие деньги! Мы же семья, дурашка, и не смей больше плакать.

Горячий язык прошелся по щекам девушки, слизывая слезы, а Аня сидела, покачивая голову пса на груди, понимая, что у нее действительно появилась новая семья.

Утром мама глядела на нее с легким неодобрением, да и сама Аня чувствовала себя неуютно — вчерашнее жгло чувством вины. Умом понимала — права. В ее положении хороши любые источники информации, а на Вальди смотреть все равно было тяжело.

— Весь вечер провел около двери, — проговорила мама, ставя на стол тарелку с кашей, — не понимаю, что на него нашло. Раньше спокойно на твой уход реагировал, а вчера...

Аня знала ответ, но делиться им не собиралась. Тогда придется объяснять и про теневигов, и про переселенцев, и про необычную собаку-стража. Она сама чуть с ума не сошла, узнав обо всем, а что будет с мамой? Нет, никакой правды.

— Мам, я сегодня на строй объект за город еду, возьму его с собой. Коллега говорил не против его присутствия в машине.

— Коллега? — многозначительно спросила Клавдия Петровна.

— Мам, перестань, — вспыхнула раздражением Аня, — просто коллега и ничего больше. И кстати, я ремонт уже начала делать в квартире. Мне бригаду посоветовали, толковую.

Последнее она произнесла с явным сомнением, искренне надеясь, что так оно и есть.

— Хорошо-хорошо, — в защитном жесте подняла руки мама, — но если этот коллега настолько добр, что возит твоего пса в своей машине, пригласи его к нам на ужин. Надо же поблагодарить человека. От моего фирменного рулет со щукой еще никто не отказывался.

— Я подумаю, мам.

Аня в пару глотков осушила успевший остыть чай. Подобный этому разговор у них случался регулярно. Стоило кому-то из мужчин нарисоваться на горизонте дочери, как Клавдия Петровна начинала вызнавать подробности, по намекам выстраивая картину: будущий зять или так, проходной вариант. Аня поначалу злилась, уходила от расспросов, хлопала дверью, а потом смирилась. Мама, она и есть мама, мечтающая о

внуках и нормальной семье для дочери.

В десять Аня с замиранием сердца спустилась вниз, но Павел если и знал об ужине, то ничем этого не показал, и девушка успокоилась — пронесло. Вальди весело мотал хвостом, счастливый, что его взяли с собой, солнышко опять радовало серый Питер, разбрасывая лучи по стеклам едущих навстречу машин, а впереди ждал новый рабочий день, и Аня сидела, улыбаясь своим мыслям. Все обязательно наладится. И новый мир окажется подходящим, и она обязательно сходит в остальные миры, кроме одного, того самого, с теневиками. И займется рисованием. Да мало ли чем можно будет заняться с такой работой?!

ГЛАВА двенадцатая

Клавдия Петровна открывала дверь слегка трясущимися от волнения руками. Все было готово к визиту гостей: суп сварен, в духовке томилась курочка под грибным соусом, а на плите еще недавно скворчала картошка. Селедка под шубой пропитывалась майонезом, и даже бутылка беленькой остывала в холодильнике. Клавдия Петровна почему-то была свято уверена, что именно ее потребляют фсбэшники. А если и нет, вино и коньяк можно достать из буфета.

— Анечка!

И в тесной прихожей стало теснее ровно в два раза: на Анну Сергеевну и ее сына Андрея Николаевича.

— Андрюша, вырос-то как! — всплеснула руками Клавдия Петровна.

Высокий, с цепким взглядом холодных серых глаз, коротко стриженный мужчина совсем не напоминал того веселого пацана, вечно попадающего в неприятности из-за острого чувства справедливости этого далеко не справедливого мира. Ох и непросто пришлось с ним в свое время Анне Сергеевне! Вспомнить хотя бы ту старушку, травившую собак и кошек в их дворе — а вдруг они заразят ее Масика? — к двери которой потом целый год шло настоящее паломничество котов из-за регулярно выливаемой на коврик валерьянки. А борьба с машинами, заезжающими на детскую площадку? А школьное восстание против учителя физкультуры, издававшегося над детьми? Да... много всего было и смешного, и не очень.

Сейчас перед ней стоял взрослый, состоявшийся мужчина, успевший, судя по горьким морщинкам около рта, познать и разочарование, и предательство в жизни.

— Теть Клава, — мужчина вручил Хозяйке торт, галантно поклонился. Клавдия Петровна вдруг засмузилась и упорхнула на кухню — накрывать стол.

Когда-то давно они с Травкой мечтали поженить детей.

— Смотри, какая у тебя красавица растет, — говаривала бывало Анна Сергеевна, — ну хоть один из моих оболтусов да разглядит такое чудо, а там, глядишь, и породнимся. Не разглядели, не сложилось. Старший, насколько знала Клава, был прочно повязан тремя детьми, зато младший успел жениться на московской дамочке, как ее неодобрительно называла Травка, и развестись.

За столом они обсудили погоду, приближающийся Новый год, троих внуков Анны Сергеевны, и лишь за чаем, от алкоголя гости отказались, Андрей перешел к делу.

— Умеете вы удивлять, — сказал он, доставая из кармана листок бумаги. — Ну ладно ты, мам, всегда к детективам слабость имела, но вы, тетя Клав, — и он неодобрительно вздохнул с видом государственного мужа, имевшего давний и прочный опыт в подобных делах, к которым доступ старушкам был строго воспрещен.

— Не томи, Андрейка. Клава вон второй день места себе не находит, за Анечку беспокоится.

— Хорошо, томить не буду, только пугать, — и задорная мальчишеская улыбка вдруг осветила лицо Андрея, вернув его сразу лет на десять назад к велосипедам, роликам и первым сигаретам в подворотне.

— В общем так. Машина зарегистрирована на некоего Павла Самохина. Куплена год назад у Жернова Александра Александровича. Прописан товарищ в Тверской области, работает там же в ремонтной мастерской. Не женат. Словом, ничего интересного на него нет. Чист, как

лист, и у нас нигде не числится. А вот с телефончиками есть одна занятная зацепка. Информация строго секретна, попрошу не разглашать, — и он обвел строгим взглядом притихших бабушек. — Пару лет назад недалеко отсюда, в гаражах, были найдены пять трупов. Один с огнестрельными ранениями, а вот остальные четыре... Эксперты так и не поняли, что их убило. Предварительное заключение — удар молнией. Только молнии не бьют людей в гаражах, да еще и зимой. С самим делом все ясно — разбойное нападение, баллистика подтвердила, что из стволов бандитов были произведены выстрелы в убитого, а вот чем он их уложил и кто был сам — так и не выяснили. У пострадавшего не было документов, только телефон, купленный по несуществующему паспорту. Пробили последние звонки. Один из номеров принадлежал Жернову Александру Александровичу.

Клавдия Петровна тихо ахнула, а Анна Сергеевна удовлетворенно кивнула, словно уже решила эту задачу.

— Да-да, тому самому. Но тогда этой покупки еще не было. Старика проверили, ничего подозрительного не обнаружили, а там и труп исчез. Дело закрыли, сам Жернов умер полгода назад от сердечного приступа. И вот теперь, может мне кто-нибудь объяснить, как его номер оказался в телефоне вашей дочери?

Серые глаза двумя льдинками впились в лицо Клавдии Петровны, и та невольно схватилась за сердце. Вихрастый мальчишка, которого она однажды поймала на улице за курением и не сдала родителям, окончательно растворился в воспоминаниях.

— Андрей! — осуждающе насупилась Анна Сергеевна.

Серые глаза моргнули и отцепились от лица Клавды.

— Простите, тетя Клав, привычка, но вы сами видите, как все складывается. Я могу допустить, что Жернов не просто продал машину, а еще и сим-карту с телефоном отдал, но в совпадение, что никто из них не связан с человеком-молнией, — не верю. Рассказывайте, — и он откинулся на спинку кухонного диванчика.

Клавдия Петровна замялась. Одно дело подозревать и совсем другое

— сдавать собственную дочь — а вдруг и вправду в чем-то замешана? — органам власти.

— Не бойтесь, тетя Клав, — верно истолковал заминку Андрей, — я здесь неофициально. И материалы дела получил тоже неофициально, якобы для статистики по виснякам. Так что последствий ПОКА не будет. Да и не верю я, что Анька в криминал влезла. Не такая она.

— Не такая, — с готовностью подтвердила Клавдия Петровна.

— Давайте, тетя Клав, — ухмыльнулся Андрей, — мне, как священнику на исповеди, можно и нужно все рассказать.

Она еще помедлила, взвешивая за и против, а потом выложила и о Павле, который якобы в ремонтной мастерской где-то под Тверью работает, а со слов дочери является коллегой по работе, и о купленной квартире, и о непонятной работе, и даже зачем-то про собаку рассказала.

Андрей слушал профессионально, делая пометки в блокноте, потом задал уточняющие вопросы и полез за ноутом, а затем извинившись, ушел в комнату — звонить, делать запросы.

Вернулся через полчаса — в глазах азарт, на лице выражение охотничьей собаки, вставшей на след.

— Во-первых, тетя Клав, Аня действительно купила квартиру. Сделка на оформлении, но в базу ее уже занесли, а во-вторых, угадайте, чью квартиру она купила?

Бабушки честно задумались, но вариантов, кроме как криминальную, не предложили.

— Жернова Александра Александровича! — торжественно огласил Андрей, и глаза его увлеченно заблестели. Это было уже не просто совпадение, это был серьезный зацеп, и в его мыслях громоздились догадки и теории. Новое дело с пятью трупами манило собой, обещая, как литр отличного коньяка — дубовую горечь, сладкое опьянение и тонкую кислинку лимона на языке. Он знал, что должен попасть в эту квартиру, выяснить, что связывает Аню, Павла и умершего Жернова с метателем

молний. И он это выяснит!

— Анечка, не волнуйтесь вы так. У вас все получится со временем, — Арвель промокнул белоснежным платком пот со лба и перевел дух.

Аня его надежд не разделяла. Битый час под руководством мага она пыталась разглядеть пространственные потоки энергии, образованные порталами. Чертов час пялилась на белые двери, чувствуя себя полной идиоткой. Ну как можно разглядеть нечто вместо двери, когда она ясно, выучив уже все трещинки и потертости, видела дверь, и только ее! И это при том, как пояснил ошарашенной девушке маг, что двери на самом деле и не было, а была материальная визуализация подсознательных образов хозяйки, наложенная на энергетический прорыв в пространстве.

— Поймите, Анечка, эти прорывы существовали здесь всегда. В этих лесах, можете сами в деревне поспрашивать, часто пропадали люди, скот. А конкретно за этим озером давно закрепилась дурная слава. Вода сама по себе отличный проводник, а уж в таком месте, где легко прорывается грань миров, особенно. И сколько здесь еще незакрепленных порталов, никто вам точно не скажет. Вы, как бы точнее выразиться, закрепитель. Проявитель и закрепитель. Ваше появление стабилизировало порталы, заставив их проявиться, а дальнейшее пребывание в доме закрепило их местоположение. Причем, если поначалу их было больше, может двадцать или тридцать, то в итоге осталось восемь. Конечно, модель несколько упрощена, но в общих чертах верна. И сама материя в данном случае вторична и может принимать любой облик. Если снести дом, ничего не изменится, порталные входы останутся и будут видны на уровне тонкого зрения. Ваша энергетика, как клей, удерживает их на месте. Уйдете, и порталы продержатся несколько дней, а потом вновь станут нестабильными и блуждающими.

Сказанное легко укладывалось в голове, но на практику никак не влияло. Дверь оставалась дверью, сколько Аня ни пыталась себя убедить в обратном, как ни щурила глаза или, наоборот, расслабляла, представляя потоки энергии, тонкое зрение к ней не приходило.

Почему-то вспомнились грибные опыты Кастанеды и мозгодробительные рассуждения Ричарда Баха. Вот грибов или травок ей точно не хватало. Мозг решительно не хотел принимать иную реальность,

кроме материальной. Дверь: белая, твердая — кулаком она по ней пару раз стукнула — с золотой ручкой дракончиком. И никаких сияний, дрожаний воздуха или проблесков ауры. Даже мухи, сволочи, не летали, игнорируя ее попытки заглянуть в сумрак.

Арвель отвлекся, бросив ее работать над дверью. Наблюдателей тоже не наблюдалось. Коридор был пуст — все были заняты новым миром, одна она, бедная, пыталась взломать дверь заостеневшим в своем материализме сознанием.

Аня со вздохом положила ладонь на дверь. Дерево было теплым, гладким. И оно было просто деревом, а не каким-то там сгустком энергии.

Бесполезно, подумала, выстукивая пальцами «Шутку» Баха. Клей, он же необязательно должен обрести суперспособности, а вполне может остаться обычным таким клеем. Как там выразился Арвель? Закрепитель? Вот и будем пока закреплять.

С той стороны двери явственно стукнули в ответ.

Аня замерла. Это было... неожиданно.

Она воровато оглянулась по сторонам. Вокруг не было никого, кто мог бы ее остановить, и пальца сами легли на ручку двери. Она на секундочку. На крошечную щелочку, иначе умрет от любопытства.

Можно было, конечно, дождаться Арвеля — так запретит же, или попросить Фиолетика составить компанию, но тогда вмешается невидимая охрана. А она так задолбалась с этой дверью!

Но действовать надо быстро. Легонько потянула за ручку, готовая в любой момент захлопнуть дверь. Первым ощутила знакомый аромат вереска. Значит, перед ней мир рыжика. Нога заныла, напоминая о недавней ране, и Аня уже решила не рисковать, как в щели показалось чья-то лапа — грязная, со сломанными когтями и в крови.

Она сунулась было дальше, успев заметить нечто ящероподобное, ростом со взрослого человека и беспомощно-детским взглядом на плоской морде, покрытой жесткими чешуйками. В оранжевых глазах с вытянутым

зрачком плескалась боль.

— Назад!

Невидимая сила ухватила за плечо, вытаскивая обратно и захлопывая дверь. А к ней уже спешил Арвель, укоризненно хмуря брови.

— Анечка, Анечка, вас и на пять минут без присмотра оставить нельзя.

— Да погодите вы причитать! — она вырвалась из захвата невидимого охранника. Пора, кстати, отменить эту дурацкую маскировку. Что за манера следить и хватать! — Никто меня не съел, я жива и здорова, но там, за дверью, детеныш, и ему явно нужна помощь.

Арвель поджал губы, и его выражение лица живо напомнило Ане маму. Она точно так же поджимала губы, а глаза становились отстраненными, стоило дочери завести разговор о кошке или собаке.

— Арвель, — кулаки сжались сами собой, — не заставляйте напоминать, что это мой дом и я могу приглашать сюда любых гостей.

«И тащить любую дрянь» осталось не озвученным, но прекрасно понятным магом.

— Хорошо, — вдруг сдался Арвель, — мы откроем еще один мир, если вам так хочется.

— И посмотрим, что с детенышем, — добавила Анна, пытаясь по лицу мужчины догадаться, с чего вдруг такая уступчивость. Она ожидала длительный бой, но противник сдался без единого выстрела.

— И посмотрим, — согласно кивнул Арвель.

Обрадованная Анна была только «за»! Ведь открывать новый мир гораздо приятнее, чем пялиться на дверь в тщетных попытках узреть невидимое.

Минут через пятнадцать, за которые девушка извелась от нетерпения, все было готово. Появился Павел в сопровождении Вальди. Пес занял

место рядом с девушкой, от мокрой шерсти пахло псиной, и на ней был заметен нарастающий снег. Она сама отправила Вальди погулять вокруг озера, и, судя по мокрому виду, пес отлично провел время, купаясь в сугробах.

В коридоре становилось все оживленнее. Аня заметила двух женщин. Уже знакомую ей Таймару и еще одну — высокую, светловолосую женщину, строгого вида, в серой рубашке и длинной прямой юбке, стального цвета. Охранница? Впрочем, незнакомка больше походила на учительницу, чем на боевого мага.

— Мы готовы, — прервал размышления девушки Арвель.

— Я сейчас, — вдруг сорвалась она с места и бегом устремилась на кухню.

Когда вернулась, к толпе в коридоре прибавилась парочка наблюдателей — куда без них. Анна, не дожидаясь команды, медленно потянула за ручку двери.

Горьковатый аромат вереска выплеснулся из щели, следом раздалось басовитое жужжание насекомых, где-то треснули ветки кустарника, и девушка, уже не таясь, распахнула дверь.

Фиолетовое море вереска колыхалось под тугими порывами ветра. Ярко светило солнце, вычерчивая на голубом небе пики гор. Крупные валуны, точно забытые кубики, поднимались из травы. Сбоку начинались густые заросли кустарников и тянулись дальше до самого подножия гор.

А раненного детеныша нигде не было видно, и сердце девушки сжалось — не успели? Но руки уже тянулись достать кусочек мяса из пакета, который она взяла на кухне.

Держа мясо в руке, Анна шагнула за порог, спиной чувствуя, как напряглись маги, однако мешать ей никто не стал.

— Эй, ты где? — негромко спросила.

— Выходи, не бойся, — и коротко свистнула, не особо надеясь на

результат.

В кустах затрещало, Вальди тут же оказался перед ней, зарычал, вздыбив шерсть на загривке и сморщив нос. Аня успокаивающе положила руку ему на спину.

Кусты трещали, к ним пробирался кто-то крупный. Аня, не видя того, что творится у нее за спиной, вдруг ощутила, как потяжелел воздух, и в нем появился странный жар. Она медленно повернула голову — так и есть, в руке Павла, стоящего рядом, переливался огненный шар.

— Убери, — шикнула, — испугаешь.

Она уже успела разглядеть сквозь ветки кустарника грузное тело детеныша, нелепую голову на длинной шее и теперь боялась одного — испугать.

— Иди сюда, дурашка, — позвала, перекрикивая рычание Вальди и делая шаг навстречу.

— Аня, это не смешно, — голос у Павла был напряженным и злым.

Детеныш наконец выбрался из кустов. Узрев много людей, он в нерешительности остановился, не зная, как поступить.

Вид у него был еще тот: грязно-серый, с тощим и неуклюжим телом. Часть чешуи на коже отсутствовала, и раны в этих местах гноились, привлекая больших жирных мух. Одну лапу детеныш приволакивал, опираясь на короткий, толстый хвост. Еще несколько ран виднелись на плечах и боках ящера. Впрочем, несмотря на потрепанный вид, детеныш выглядел внушительно. Был он ростом с Аню, передние лапы короче задних, и на них красовались длинные черные когти.

— Хороший мой, проголодался? — ласково улыбнулась девушка, пересиливая страх. Он маленький, ранен и напуган. А за ней целая толпа боевых магов.

— Уи, — вдруг согласился с ней ящер, но с места не тронулся.

— Тогда держи, — она бросила ему кусок мяса, и ящер с ловкостью поймал его лапами, а затем подношение мгновенно исчезло, как успела заметить Аня, в полной острогой пасти.

— Хрр, — сказал ящер и облизнулся.

Анна облегченно выдохнула — контакт налажен. Осталось малое — убедить ящера обработать раны, а для этого понадобится еще мясо.

— Если хочешь, я его полечу, — тихо проговорил Павел, и девушка благодарно кивнула. — Только если он решит подзакусить нами...

— Я его уговорю обойтись говядиной, — понимающе улыбнулась Аня.

— Так, кто это у нас? — к ним подошел Арвель, внимательно оглядел насторожившегося детеныша и вдруг присвистнул: — Мать моя, опустошение, да это же дракон!

— Где дракон? — непонимающе хлопнула глазами Аня, а затем рассмеялась: — Ой, не могу, вот это чудо — дракон?

Ящер между тем потер нос лапой, жалобно заскулил и бочком двинулся к Ане, решив, видимо, что девушка не может быть угрозой.

Дракон или не дракон, но бросать его здесь раненого и голодного на верную смерть... Нет, она не может так поступить.

— Павел, нужно еще мясо. Арвель, я понимаю, вам не терпится, но пока не вылечим драконенка, добро на исследование не даю.

Координатор глянул недобро, но возражать не стал. Девушка внимательно взглянула на мага, отмечая, что вчерашний энтузиазм почему-то угас. И впервые у нее промелькнули сомнения, а так ли хорош мир идеального пляжа, как им всем хотелось верить. Но времени уточнять подробности не было.

— Держи, — Таймара протянула внушительный кусок мяса и подмигнула. Похоже, магиня решила подружиться. Что же... Аня не против.

— Спасибо! — взяла мясо и сделала осторожный шаг к ящеру. Ну никак он не походил на дракона. Где крылья? Где горделивый силуэт и вытянутая морда?

Потом она скармливала детенышу мясо, нарезаая его выданным Арвелем ножом. Ящер глотал мясо, слушал ласковые слова и недоверчиво косился на ходящего вокруг мужчину, который периодически касался руками его кожи, и оттого по ней разливался то жар, то холод, но боль уходила, и он все больше проникался доверием к этим странным двуногим животным.

— Все, — выдохнул Павел и отступил на шаг, оценивая работу. На месте рваных ран розовела кожа, гной исчез, только лапа все еще смотрела в сторону.

— У него вывих, но вправить кости он мне не даст.

— Ты и так много сделал, спасибо, — и она одарила Павла благодарной улыбкой, а затем обратилась к детенышу: — Все, милый, нам пора работать, а тебе нужно вернуться к своим. Если хочешь, можешь остаться, мы присмотрим, чтобы тебя не обидели.

Но у ящера было свое мнение и, тихо угукнув, он двинулся следом девушкой.

Вальди снова ощерился, готовясь указать наглой ящерице ее место.

— Так не пойдет, — покачала головой Аня, мысленно представив, что скажет мама, если она притацит это чудо домой, — а впрочем...

На ум пришел рыжий. Похоже, именно с ним не посчастливилось встретиться драконенку. И второй раз он эту встречу точно не переживет.

Ящер в коридоре смотрелся странно. Крутил башкой, приняховивался и топорщил маленькие ушки. Чужие запахи, незнакомая обстановка и люди его пугали, и он старался держаться поближе к Ане.

— Надеюсь, он не откажет, — проговорила девушка, останавливаясь у

двери с фиолетовыми цветами.

— И в чем я должен или не должен тебе отказать? — фиолетовый ящер на огромном листке был раза в полтора больше настоящего, но выглядел точно так же — громоздко и неуклюже.

— Ты с ума сошел? — зашипела девушка, пытаясь прикрыть дверь от любопытных взглядов, но морда драконенка активно этому препятствовала. Аня выругалась, выталкивая того в коридор и захлопывая наконец долбаную дверь.

— Ты последние фиолетовые мозги растерял? — страх за Фиолетика придал сил, и она активно наступала на ящера, заставляя его пятиться к краю листа. — Знаешь, что будет, если они узнают о твоём шпионстве? Да они зальют дверь бетоном, наложат щиты и запретят мне здесь появляться. Ты этого хочешь, да?

Ящер замотал головой.

— Как же вы меня все достали! — выдохнула Аня, приложила ладонь ко лбу и прикрыла глаза. — Ладно, проехали, но больше, пожалуйста, без фокусов. И приютишь драконенка, пока мы его родителей не найдем?

— Конечно, давай сюда своего уродца, пока он мне дверь не выбил.

Аня прислушалась. С той стороны доносились глухие удары, потом послышался обиженный рев.

— Спасибо! — подбежала и, подпрыгнув, чмокнула в теплый шершавый нос.

Они сидели на листе: драконенок, Аня, Вальди и вторая, фиолетовая Аня. На пороге, прислонившись к косяку, делал вид, что дремлет, Павел.

Переругиваясь, обсуждали, как лучше устроить ящера.

Фиолетик заинтересовался домостроением — посмотрелся журналов — и демонстрировал выращенные домики, сложенные из лиан башни и свисающие с веток шары-комнаты, а девушка пыталась убедить друга, что

ящеру нужно нечто попроще — гнездо или пещерка. Можно устроить водоем, положить подстилку из мха — и этого будет достаточно.

Ящер сыто дремал, подтянув морду к коленям девушки, а они занимались грамотой. Фиолетик схватывал буквы на лету и скоро бегло читал, пока Аня не заподозрила неладное. Дала текст, не читая его сама, и тут же выяснилась правда — мухлевщик считывал текст с ее сознания.

Так и развлекались, пока шум в коридоре не привлек ее внимание.

Аня с Вальди выскочили из двери, чтобы увидеть, как по коридору, в направлении столовой, несут окровавленное тело.

— Нам пора, — заторопилась девушка, попрощалась с Фиолетиком, бросила ласковый взгляд на спящего ящера и отправилась следом, плотно прикрыв за собой дверь.

— И долго будете скрывать правду? — спросила у Арвеля, входя в столовую.

Тахмар уже держал руки над телом, и девушка отвела взгляд — рваные раны, развороченное мясо, сквозь которое просвечивали кости — зрелище не из приятных.

— Он жив? — сглотнула, прогоняя подступившую тошноту. Голова закружилась, день потемнел, и лишь усилием воли ей удалось не потерять сознание.

— Жив, — глухо ответил Арвель, — но оправится не скоро.

— Что случилось?

Координатор мотнул головой, и они вышли в холл. Здесь, за окном, царила красавица зима, под ледяным одеялом спало озеро, дремали в снежных шубах сосны и ели, здесь было тихо спокойно, и лишь дорожка из капель крови на светлых досках пола нарушала эту идиллию.

— Аня, я понимаю ваше беспокойство, но вашей вины здесь нет. Вы не могли знать, что этот мир принадлежит морскому народу.

— Морскому народу? — переспросила девушка. Мир идеального пляжа оказался сказкой с плохим концом. А жаль.

— Откуда, по-вашему, взялись легенды о русалках? — хмыкнул маг. — Не одной только фантазией наполнены сказки. Твари попадали сюда, но видно не прижились. И хорошо, что передохли. Они жестоки, кровожадны и мстительны. Остров, на котором открыт портал, входит в один из многочисленных архипелагов, разбросанных по океану. У нас было мало времени, но, похоже, морской народ затопил материки, оставив лишь острова, большей частью скалистые.

— Вы с ними столкнулись? — тихо спросила девушка. Вид окровавленного тела все еще стоял перед глазами.

Арвель дернул уголком губ. По лицу видно — переживает неудачу, хоть и делает вид, что все нормально.

— Когда не знаешь языка, тяжело объяснять свои намерения. Дипломатия не работает с варварами и... с русалками, Аня. Вам лучше вернуться домой, Павел проводит, — и он повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

ГЛАВА тринадцатая

Андрей Николаевич Травкин был хорошим оперативником. Коллеги не раз говорили: в отца пошел, и, несмотря на небольшой практический опыт, ему доверяли вести дела самостоятельно. У начальства он был на хорошем счету, так что продвижение по службе не должно было заставить себя долго ждать, если, конечно, сам не оплошает.

Доложить бы о расследовании, чтобы потом вопросов не было. Впрочем, было бы что докладывать... Догадки и интуицию к делу не пришьешь, да и тете Клаве он обещал не торопиться с выводами. Аньку опять же жалко. Сто процентов по глупости влетела. Ну или по любви. Она же всегда была немного того... на принцах помешана.

Он прекрасно помнил серьезную, задумчивую девочку, часто витающую в облаках и обожающую сказки. Большой частью она рисовала

именно их. Всяких там принцев, эльфов и прочую галиматью. Впрочем, не чуралась играть с пацанами в войнушку, когда предки вывозили их компанией на дачу к Травкиным, лазила по деревьям, переплывала речку и вставала в пять утра на рыбалку. Отличной была девчонкой, но иногда на нее что-то такое накатывало, и она уединялась с альбомом. Тогда к ней лучше было не соваться — могла и по шее дать.

Ему сложно было представить, что Анька, по которой серьезно сохла пара его друзей, Анька, которая учила его танцевать медляк и до колик в животе смешила рассказами о девчоночьих глупостях, Анька, которую он торжественно провожал домой с дискотеки, и которая, чуть стесняясь, подарила ему его портрет на шестнадцатилетие, эта Анька преступила черту закона и стала преступницей.

Но жизнь — странная штука, порой переворачивающая все с ног на голову.

Взять, например, Лизу. Какая стерва в ней открылась после свадьбы! Настоящая стервище. Хорошо, хоть квартиру успел взять в ипотеку до свадьбы и оформить на себя, а то бы жил в общежитии, как последний лох. Машину, правда, пришлось отдать, да и вещи она забрала все, что могла. Но квартира ей не обломилась.

А ведь повелся на красивое личико да стройную фигурку. А чудище внутри и не разглядел. Но ничего, второй раз он умнее будет и женится на... А вот хотя бы на Аньке. Отличная девчонка, да и внешне ничего так! Вот куда он смотрел пять лет назад? Давно бы и детки были, и семья нормальная.

И Андрей пообещал себе внимательнее приглядеться к подруге детства. Сначала спасти, вразумить, утереть слезы раскаяния, а там... чем черт не шутит, может и сладится. Братан вон аж троих настрогать успел, а у него еще ни одного, наследничка, нет.

С такими довольно мирными мыслями Андрей шел по Удельному проспекту. Здесь, на тихой улочке, Аня купила себе квартиру, в которую он и собирался наведаться.

В правом кармане лежало удостоверение участкового — осталось

после одного дела. Отметку московского отделения можно было и пальцем прикрыть, все равно рядовые граждане, испуганные цветом корочки, в текст не вчитывались. Пояс оттягивала кобура с табельным оружием — не поленился взять с собой, хотя в отпуске и не положено. Кстати, надо будет Glock приобрести — он и легче, и удобнее, чем пистолет Ярыгина. Вот дадут на Новый год тринадцатую, он и раскошелится на хороший ствол.

Легко взбежал на седьмой этаж, остановился перед обитой советским дерматином дверью. И вдруг испугался — а если дверь откроет она? Что он скажет? Проходил мимо? Или прости, но твоя мама просила собрать на тебя досье?

Андрей помотал головой... Ну нет, такую глупость он не совершит. Да и мало ли причин может быть у сотрудника при исполнении наведаться в квартиру, косвенно связанную с делом о пяти трупах?!

Дверь открыли быстро, даже не поинтересовавшись: кто там. На пороге стоял коротко-стриженный мужик в полинялой футболке и старых, протертых джинсах. На щеке мазок краски, на плечах побелка. Ремонт у них, что ли?

И разговор сам выстроился в голове.

— Участковый Паниров, — корочка в лицо, — вы хозяин?

— Не-е, — замотал головой белобрысый. На лице знакомая смесь удивления, гражданского почтения и легкого испуга, — Хозяйка на работе, а мы с напарником квартиру вот ремонтируем.

Андрей отметил странный выговор мужчины и присмотрелся повнимательнее. Украина, Белоруссия или Молдова? А вот сейчас и выясним.

— Будьте любезны документы, — от тона участкового белобрысый вытянулся, побледнел и тут же сорвался в комнату со словами:

— Да-да, конечно.

Андрей шагнул в коридор, притворил за собой дверь и огляделся.

Скромненько, убито, но свежий ремонт должен поправить это впечатление. Поочередно заглянул во все двери. Крохотная шестиметровая кухня, маленькая десятиметровая спальня и еще одна комната побольше, где и копался в сумке молдаванин, выуживая документы. У стенного шкафа, забитого разного рода хламом, Андрей притормозил. От полок почему-то тянуло сквозняком — вентиляция там проведена, что ли? — а еще свежим морозным воздухом с привкусом цветущего вереска. Андрей прикрыл глаза и сам себе не поверил, побыстрее захлопнув дверь в странную кладовку.

— Вот, начальник, документы, — без заискивания, но с легкой обеспокоенностью на лице белобрысый протянул паспорт.

Андрей открыл документы. Быстро проглядел. Молдаванин трансформировался в тверитянина. Любопытно, и тут Тверь! А может, это целая банда из Твери здесь промышляет?

Бросил взгляд на переминающегося с ноги на ногу мужчину, что-то было военное в его облике. Служил? Все может быть.

— Значит, Алексей Григорьевич Томилин. Проживаете, хм, в Тверской области. Чем занимаетесь у нас в Петербурге, я и сам вижу. А временная регистрация у вас есть и разрешение на работу?

— Конечно, — вдруг странно улыбнулся тверитянин, доставая из кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги. Подал Андрею, проводя зачем-то второй рукой перед его глазами. У Андрея вдруг закружилась голова, стало жарко, а мир странно поплыл, меняя краски на серые с белым. Миг — и все пропало, он опустил глаза на бумагу, которую держал в руке. Быстро проглядел. Это была временная регистрация на Алексея Григорьевича Томилина в Выборгском районе Санкт-Петербурга, а также разрешение на работу по специальности маляр-штукатур.

— Маляр, значит, — протянул Андрей, вертя бумагу в руках. Что-то не давало ему покоя, царапало на краю сознания, но бумаги были в порядке. Паспорт, печати, подписи.

— Ага, штукатурим помаленьку, — осклабился мужик, забирая из его пальцев бумагу и аккуратно складывая ее обратно.

Андрей окинул неприязненным взглядом несостоявшегося молдаванина. Зацепиться было не за что. Не будешь же задавать в лоб вопросы о банде из Твери.

— С кем работаешь?

— Так напарник мой, Олег, в магазин вышел. Скоро вернется. Земляки мы, у него с документами тоже все в порядке, — с нажимом ответил Алексей, и Андрей сразу поверил — действительно все в порядке и с документами, и даже договор на ремонтные работы найдется, если спросить.

— А в чем, собственно, дело? — тоном оскорбленного подозрениями власти гражданина осведомился Алексей.

— А дело в том, Алексей Григорьевич, что соседи на вас жалуются. Шумите, в неположенное время ремонтные работы проводите. Нехорошо, — и он огорченно покачал головой.

Тверитянин скопировал его огорченное выражение и тоже закачал головой, словно сам себе удивляясь — он, и в неположенное время, ай как нехорошо!

— Ну что вы, никаких работ после одиннадцати! Мы тоже люди и прекрасно все понимаем.

— После девяти, — поправил его Андрей, — есть постановление города, никаких шумных работ после девяти вечера, а в выходные после семи.

— Ясно, ясно, — закивал Томилин, изображая полнейшее раскаяние и готовность к содействию, — обязуемся впредь не нарушать.

И он выжидающе замер, скосив глаза на дверь за спиной мнимого участкового. Намекает на выход, сволочь, вдруг разозлился Андрей.

— Квартиру давно ремонтируете? — спросил, словно между прочим.

— Да только начали. Дней пять еще провозимся.

— Удачи, — кивнул Андрей, понимая, что больше здесь делать нечего. Надо выяснить информацию о наследнике, который продал Ане квартиру, а также съездить в Тверь, где по документам у Жернова был дом, но сначала банальная слежка. Иногда она самая эффективная.

Дверь за его спиной закрылась с разочарованным щелчком.

Андрей вышел из подъезда, набрал номер кузена, который владел несколькими автосалонами и прокатом авто, договорился, что возьмет неброскую машину на пару дней.

Через час ему подогнали Шкоду Октавию, и он устроился около подъезда — наблюдать.

Домой Аня уходила, раздираемая противоречивыми чувствами. Было жаль переселенцев — опять неудача, и в тоже время зло брало — выпроводили, отправив, словно ребенка, домой. Не хотят делиться проблемами, ну и пусть, она сама во всем разберется.

В квартире не посмотрела на ремонт, не прельстившись даже свежими поклеенными в комнате обоями. Кивнула Алексею, подождала, пока он что-то встревоженно расскажет Павлу, и спустилась во двор.

Домой ехали молча. Неудача переселенцев неожиданно сильно ударила по ней самой. И почему она приняла ее так близко к сердцу, словно лично отправила в руки кровожадных русалок?

Золушка поверила в сказку и теперь переживает за каждую, встреченную ею волшебную тварь словно за своих родных детей... А может, так оно и есть? Она открыла миры, точнее, их стабилизировала и теперь чувствует за них ответственность, как и за каждого, кто окажется за дверью?

Пиликнула смс, и девушка достала телефон из сумки.

Теневик был краток:

«Скажи жабе, за вами хвост. И я ревную, милая».

Смайлик в конце задорно подмигивал. Ревнует, что не один за ними следит... комик. И вот только хвостов ей не хватает, после сегодняшних, русалочьих.

— Павел, за нами слежка, и это не тенивики.

— Знаю, — мгновенно откликнулся маг, — передай его серости, я готов выслушать предложения.

Аня фыркнула — она им что, радистка, но все же набрала ответ:

«Твои предложения?»

«Я помогу, но с тебя еще ужин».

— Как думаешь, кто нами заинтересовался? — Аня медлила с ответом, палец завис над экраном.

— Нами порой интересуются, это нормально. Ань, не переживай, справимся. Покатаемся? — спросил Павел, резко выворачивая руль в сторону. Сзади донеслось обиженное бибикание.

Интересуются... Что за день такой! Сначала русалки, теперь спецслужбы. Кто заявится на ужин? ФСБ?

Но на этот раз она может помочь.

«Согласна».

Машина вильнула на повороте, и они проскочили на мигающий желтый. Их чуть занесло, но Павел, тихо ругнувшись, удержал машину на полосе.

И тут же запиликал телефон.

«Скажи жабе, чтоб не портил воздух от страха. Все под контролем, а то еще угробит тебя».

— Он поможет, — вздохнув, озвучила смысл смс Аня, опустив, естественно, жабу, а сама подумала: еще один ужин! Да она с ума сошла!

— Пусть поторопится, я не хочу навести на твою квартиру.

Машина снова вильнула, перестраиваясь в другой ряд.

— И передай, что его помощь ничего не меняет между нами, но так и быть еще один раз я его отпущу.

Мальчишки! Улыбнулась про себя Аня. Мальчишки, которых заставил протянуть друг другу руку помощи общий враг.

Сзади отчаянно за бибикали, раздался глухой удар. Аня вывернула шею — огромный Хаммер блокировал дорогу, давая им уйти.

Что же... ужин честно отработан. Придется идти.

Домой Андрей возвращался в настроении: убить бы кого-нибудь, чтоб полегчало. Слежка не задалась с самого начала. Теоретически он был уверен, что Анька — она стала еще красивее, с того момента, как он видел ее в последний раз — поедет сразу домой вместе с темноволосым мужиком вида а ля Джеймс Бонд. При взгляде на него Андрею на мгновение показалось, что перед ним коллега: было нечто знакомое в том, как тот двигался и в колючем взгляде мужчины, но Андрей тут же отмел это предположение, как маловероятное.

Однако «Джеймс Бонд» преподнес сюрприз. Слежку заметил быстро, с энтузиазмом начав отрываться. Навыков ему не хватало, и Андрей уверенно держался позади, решив не отставать — раз дергается, значит, есть что скрывать, но тут его нагло подрезал непонятно откуда взявшийся Хаммер.

Андрей в последний момент выкрутил руль, и машины разошлись вскользь, на крыле Шкоды осталась царапина, а Хаммер вообще не выглядел пострадавшим. Однако мужик, выскочивший с водительского места, считал по-другому. Выставив аварийку и знак, он разве что не облизал место удара, выискивая повреждения. Андрей, закончив разговор со страховой и кузенном — тот был не в восторге, но новость принял стойко,

наблюдал за ним с иронией. Он встречал таких автолюбителей с большой буквы, которые обожали свою ласточку и готовы были с нее пылинки сдувать.

Так и ездил бы аккуратно, подумал Андрей, открывая дверь машины. Танковый метод вождения: я самый большой — мелюзга разбегайся, работал не всегда.

С ненавистью мимо ползли застрявшие в тут же возникшей пробке машины.

— Может, разойдемся? — хотел было предложить Андрей. Ему не дали.

— Ты что творишь, ушлепок? Права купил, а ездить не научился? — накинулся на него мужик, хотя какой там мужик. По виду парень был не старше Андрея. Яркая внешность точно имела примесь восточной крови. Черные как смоль волосы немного курчавились, а темная кожа была такой от природы.

Похоже, ему повезло нарваться на джигита или обрусевшего цыгана, с раздражением подумал Андрей. Такие, пока не обматерят до десятого колена, не успокоятся.

А цель безвозвратно потеряна... И что теперь предпримут тверские братки? Он почему-то уже не сомневался, что перед ним банда. Лягут на дно или попробуют договориться? Ах, Анька — Анька. Как ты могла связаться с такими! И квартира, скорее всего, результат махинаций черного риелтора. Старика замочили, квартиру на кого-то из своих оформили, а потом слили через полгода «чистому» человеку.

— Спокойно, гражданин, — Андрей ни капли не сомневался, что его козырь — настоящее удостоверение сотрудника ФСБ, лежащее в правом нагрудном кармане, сработает лучше пачки денег, а главное — убедительнее. Но каков наглец! Сам подрезал, сам в бутылку лезет! Король дорог, мать твою!

И Андрей вдруг ощутил настоятельную потребность объяснить товарищу, что он неправ.

— И кто из нас права купил, урод! — вдруг выпалил, сам того не ожидая.

Парень опешил. Фраза после «Спокойно, гражданин» прозвучала неожиданно. Но «цыган» быстро сориентировался. Черные глаза радостно полыхнули жаждой крови.

— Ну ты попал, бл***!

И кулак полетел в лицо Андрея, а дальше события закрутились бешеным колесом. Вот он тычет черномазого в капот его же машины, вот сам летит на асфальт, сбивая боковое зеркало Шкоды. Рядом сигналили, снимали на телефоны, откуда-то доносилось родное завывание сирен — кто-то вызвал ментов, а они не могли остановиться, доказывая друг другу, что каждый по-своему прав. И Андрей был вынужден согласиться, что правый хук «цыгана» весьма хорош, а вот его нижний лучше. И так, пока между ними не ворвался жесткий окрик:

— Стоять! На счет три — стреляю! Раз...

— Что же вы, Андрей Николаевич, а?

Молодой лейтенант ДПС, почти коллега — он же хотел в полицию идти, смотрел укоризненно. В руках вертел права, а глазом косил на верхний карман, куда было убрано удостоверение сотрудника ФСБ.

Андрей потрогал разбитую бровь, скулу — синяк будет и еще ого-го какой. Действительно, что на него нашло? Никогда не срывался, а тут... точно, как в детстве, когда они сцепились с пацанами из соседнего района.

Он бросил косой взгляд на «цыгана», стоявшего рядом со вторым полицейским. А неплохо они провели раунд. Давно не дрался вот так, на кулаках, без защиты, да еще и с равным себе по силе партнеру. И стыдно почему-то не было, хотя приехавший со страховым агентом брат чуть ли дырку в спине взглядом пробуравил. Интересно, нажалуется матери? Некоторые привычки не искоренить даже с возрастом.

— Признаю, сорвался. Понимаете, только начал слезку за объектом, а

тут... этот под колеса. Слежка насмарку, объект ушел, ну и не сдержался.

— Понимаю, — протянул лейтенант, а по глазам было видно — не поверил ни на грош. Небось, думает — заливают московский перец и про слежку, и про объект. — Заявление писать будете?

Андрей бросил еще один взгляд на «цыганенка», с удовлетворением отмечая, как раздувается его разбитая губа и под носом темнеет вытекшая кровь. Эх, мало по вразумлял, одна надежда — этого идиота еще много раз жизнь учить будет.

— А может, без протокола обойдемся? Сами понимаете, мне огласка ни к чему, а с меня должок будет.

Лейтенант хмыкнул, всем видом демонстрируя, где он видел подобные обещания долгов, тем более от москвича.

— Ну, если не будет заявления, — и он тоже посмотрел на «цыганенка», вздохнул, — тогда можете ехать. По-хорошему, права у него отобрать на пару месяцев, чтоб поуменел. Но я понимаю, вас за такое начальство по голове не погладит. Ладно, езжайте, — и он отдал права Андрею, — но больше драк на дороге не устраивайте. Небось, еще и с оружием? — и он многозначительно кивнул на бок Андрея.

И тут только до Андрея дошло, что «цыган» — счастливчик. Он даже не вспомнил про пистолет, а мог бы... Н-да.

Они еще долгое время кружили по району, пока Павел не убедился, что хвоста нет. А когда заехали во двор, Аня еще какое-то время сидела молча в машине. События закручивались с быстротой декабрьской метели, что начинала сыпать крупу на дорогу.

— Если ты переживаешь за сегодняшнее — зря. Разберемся, — попытался «утешить» маг, — пойдем, где прокололись, и исправим.

Аня вдруг подумала, что не знает, как квалифицируются ее действия по отношению к родине. Впрочем, она не сделала ничего плохого. А если сделали они? Что случилось за те три года, что они здесь, на Земле?

— Надеюсь, это произойдет раньше, чем меня арестуют, — пошутила.

— Никто тебя не арестует, — остался серьезным Павел, — мы не допустим. Лучше подумай о переезде. Твоя комната готова.

— Подумаю, — кивнула, выходя из машины.

Павел дернулся было за ней, но выходить не стал, точно исчерпав лимит вежливости на сегодня.

Маг проследил, как девушка вместе с собакой вошла в подъезд, и только после этого выехал со двора. Около обочины его ждал знакомый Хаммер. Нисколько не сомневаясь в дальнейшем, он тронулся с места и влился в поток, стоило машине Павла появиться в его зеркале заднего вида.

Павел хмыкнул, но все же пристроился следом. Хаммер вел себя, точно гепард на прогулке с черепахой. То срывался вперед, то притормаживал, а пару раз ждал на обочине. Павел никуда не торопился, в свое время он долго привыкал к машине, к езде по дорогам, а потому старался вести аккуратно и не спеша.

Они пересекли Светлановскую площадь и по Энгельса спустились до площади Ленина, там свернули на боковую улочку и припарковались около пятиэтажного дома.

Тагир первым вышел из машины, встал, вглядываясь в дом.

— Сталинка, — сказал вместо приветствия, когда Павел подошел к нему. И маг только диву дался, насколько теневик глубоко проник в здешнюю культуру, — хорошо живет товарищ.

— Ого! — не сдержался Павел при виде разукрашенного лица коллеги.

Тагир поморщился, дотронулся до разбитой губы и проговорил:

— Зато привязку на крови удалось сделать. Неделю продержится, не меньше. А простая, сам знаешь, и пару часов не простоит. Но силен. Думал, не удастся расшатать. Носорог, а не человек. Зато после ментальной атаки как попер, ну точно носорог, — и он оцупал челюсть, — а нижний у

него хорош, пробил аж до звездочек перед глазами.

— Тренироваться надо, — снисходительно заметил Павел, — ты прошлый раз от моего левого нокаут схлопотал.

Тагир снова поморщился и мотнул головой.

— Так я до этого тебе нос подправил.

— Случайность, — парировал Павел.

— Проверим? — тут же азартно предложил Тагир.

— Может, и проверим, — не стал отказываться маг. — Ты лучше скажи, что за товарищ нами интересуется и почему?

— А давай сходим и сами у него спросим?

— Нет, — покачал головой Павел, — рискованно. А если он там не один? Ты выложил, да и я наполовину пуст. Не справимся. Лучше отследим контакты, установим причину, короче, как обычно. Поможешь?

Тагир не ответил, покачался с носки на пятку.

— Я еще не придумал, что попрошу за помощь, — ответил он, наконец, — но учти, помогать стану из-за нее. На вас мне плевать, а вот если девочку загубите — будет жаль.

Павел промолчал. Он не до конца понимал интересы теневиков по отношению к Анне. Сначала ему казалось, те хотят помешать их контакту с девушкой, настроить ее против. Но дальнейшие события продемонстрировали — не все так просто. И пусть они добились своего — Анна узнала о попытке оккупации, но на ее желание помочь это не отразилось, за что он был ей благодарен.

Больше козырей у теневиков не осталось. Так почему они все еще в деле? Почему вьются вокруг, вынюхивают? Чего хотят?

— Не хочешь ничего сказать? — с дурацкой ухмылкой осведомился

Тагир. — Хотя бы спасибо?

— Спасибо, — буркнул Павел, искренне жалея, что связался с этим клоуном. Эх, чует его сердце — испортит он все. И сам подставится, и их подставит. Вот убил бы. Первый раз не удалось, зато в следующий он своего не упустит.

И как назло, у них самих сейчас каждый человек на счету. Выделить некого. Не вовремя, ох не вовремя, тот мужик нарисовался. Придется самому выкраивать время между охраной Ани, безопасностью порталов и остальными делами.

А теневик, зараза, привязку свою повесил, да еще и на крови. Грех от такого подарка отказываться. Вот же... искушение чернявое. И Павел выругался про себя.

— Номер мой есть? — спросил, не скрывая недовольства в голосе. Да и плевать, Тагир не девушка, чтоб его любить.

— А как же, — не стал отрицать теневик. — Я же не вы, пользуюсь достижениями цивилизации, — и ухмыльнулся шире, тут же скривившись от боли в разбитой челюсти.

— Это какими же? — с нехорошим подозрением осведомился Павел.

— Разными, — пожал плечами теневик, — айпадами, айфонами, смартфонами и, представляешь, у меня даже GPS навигатор в машине стоит.

— А-а-а, — протянул маг. Слова были знакомыми, большей частью знакомыми, он себе полгода назад даже сенсорный телефон приобрел, но, кроме как звонилкой, его ничем иным не считал. Да и не нужны они были ему, все эти достижения...

— Ну, звони тогда, что ли.

Кивнул, круто развернулся и зашагал к своей машине. Червячок сомнения — как его номер оказался у теневика, неприятно грыз внутри.

Андрей избавлялся от неудачи проверенным способом — работой. Выпил чаю с пирогом, устроился в своей прежней комнате, расположившись за столом. Рядом поставил еще одну чашку с чаем, положил лимон, открыл ноут и замер над клавиатурой.

С чего начать? Или куда продолжить? Опросить соседей? Но квартира куплена недавно, вряд ли они заметили что-то странное. А что у него на предыдущего хозяина есть?

Судя по документам, квартиру у Жернова приобрели.

Андрей посмотрел выписку ЕГРН. Да, все верно, за пару недель до смерти Жернов оформил дарственную на квартиру некоему Олегу Петровичу Ставрову, и дом, который значился в Тверской области, получил по акту дарения тоже он и в те же сроки.

Точно черные риелторы сработали со стариком.

Ну хорошо, квартира досталась Жернову после развода, но дом он приобрел в браке, а значит, жена, теоретически, должна была быть в курсе продажи. Кстати, дом все еще значится на Ставрове.

Вот и вырисовывается план. Остаться в Питере не стоило — был шанс спугнуть братков, а в Москву к вдове Жернова смотаться надо, а потом и в Тверь махнуть, пообщаться со Ставровым.

Андрей героем не был, а потому прекрасно осознавал, что в Тверской глухомани его могут так упрятать — никто не найдет. Соваться туда без поддержки начальства — верх идиотизма. Решено. Завтра он едет в Москву, навещает Жернову, докладывает руководству, а потом едет в Тверскую губернию. Все ниточки ведут туда, так почему бы и не съездить?

ГЛАВА четырнадцатая

Анна проснулась с четким ощущением — сегодня пятница. Неделя показалась бесконечной — немудрено с такими-то событиями! Вчерашнее беспокойство рассеялось, и сегодня, когда робкое зимнее солнце заглядывало в окно, Анне казалось, что ничего страшного не произошло. Подумаешь, следил кто-то. Мало ли кто мог и по какой причине следить за

магами. Она тут совсем ни при чем, а они... большие мальчишки, сами справятся.

Вальди сладко зевнул, повернулся, придавив ее своим немаленьким телом. Аня проказливо улыбнулась и, упершись руками ему в бок, спихнула собаку на пол. Послышался глухой шлепок, недовольное ворчание, и обиженная Вальдина морда показалась над кроватью.

— С добрым утром, — Аня потрепала пса по голове, обняла и притянула к себе. Вальди шумно вздохнул и тут же простил свою вредную Хозяйку.

За завтраком мама чуть напряженным тоном поинтересовалась ее планами.

— На работу, а там посмотрим, — пожал плечами девушка, — еще на квартиру надо с утра заехать, посмотреть, как ремонт идет. Мне обещали к понедельнику закончить, как раз документы получу и можно будет переезжать.

— А ты не торопишься?

— Мам, — протянула девушка, и Клавдия Петровна поспешно добавила:

— Молчу, молчу, ты же взрослая, решаешь все сама. Вальди хоть не таскай с собой, дай собаке нормально провести день.

Аня виновато покосилась на пса и сдалась:

— Хорошо, пусть остается, только не закармливай и сладкое не давай.

Так и вышло, что на работу она поехала без Вальди, пообещав тому вернуться пораньше — пятница сегодня или нет!

Павел на отсутствие собаки ничего не сказал, но лицо состроил недовольное. Ну и пусть, решила девушка. В конце концов, это часть ее легенды. Не может же она вечно таскать собаку с собой на работу? Это выглядит по крайней мере странно.

— Как успехи? — поинтересовалась, сев в машину. — Все стабильно плохо?

— Можно сказать и так.

— Русалки нападали? Фейсы в гости приходили, а может, драконы искали драконенка? И тот, раненый, жив?

Вопросы сыпались сами, и Аня не переставала удивляться насыщенности своей жизни. Один Фиолетик тянул на путевку в дурдом, что говорить об остальных. А главное — как ни мир, так сплошной сюрприз. Нет, чтобы открыть нечто спокойное, тихое, пустынное. А что будет за остальными дверьми — и представить страшно.

— Мы свернули все исследования водного мира, — ответил маг, выруливая на проспект, — сейчас плотно занимаемся горами. Раненый жив и отправлен домой. Драконы не прилетали, но мы наблюдали сегодня парочку на рассвете. А с чего ты решила, что нами заинтересовалось ФСБ?

— Так, к слову пришлось. Вы же нечто вроде «Секретных материалов», а такими всегда спецслужбы занимаются.

— Не всегда, Ань, — поморщился Павел, словно вспомнив нечто неприятно, — в вашей стране нами может заинтересоваться любой, начиная от любопытной бабушки с первого этажа и заканчивая журналистом, которого принесло ловить рыбу в нашем озере.

Девушка представила себе журналюгу с удочкой в руках.

— И как? Остался жив?

— Ань, мы не убийцы, — не разделил ее юмора маг, — жив и вполне здоров, только забыл о своем желании половить у нас рыбу.

— Ого, — воскликнула Аня, — так вы опасные товарищи. А память как стираете? «Внимание, леди и джентльмены, посмотрите вот сюда» Ну, как в «Людах в черном»? Ой, прости, вы же не смотрите наше кино.

— Почему не смотрим? — вдруг обиделся Павел. — Смотрим, это помогает лучше понять ваш менталитет. Да и язык проще учить. А память мы не стираем — блокируем последние воспоминания. Это непросто и не каждому из нас доступно.

— Даже так...

Анна покусала губы, обдумывая услышанное. Значит, память они блокировать умеют. И сразу в голову полезли дурные мысли: а не постирали ли ей что-нибудь, ненужное?

— Перестань, — вдруг посоветовал маг, — тебе никто ничего не блокировал. С Хозяйкой это практически невозможно. Лучше скажи, — он помолчал, а потом спросил: — У вас можно узнать номер телефона незнакомого человека?

— Совсем незнакомого нельзя. Надо знать как минимум его адрес, номер машины. По ним можно выяснить фамилию, дальше купить базу данных сотовых операторов и пробить ФИО по ней. Ну или совсем уж заморочно — установить жучок, прослушать разговоры, собрать информацию.

— А-а-а, — протянул Павел, мысленно желая теневику подавиться, а еще лучше удавиться. И что этот продвинутый урод сделал? Как теперь понять — в базе он покопался или какой-то там жучок поставил, с которым, оказывается, можно даже разговоры слушать. Идиотский мир, где мертвый кусок пластика может хранить массу сведений о тебе, да еще их собирать.

В коридоре порталов их ждал Арвель. Кивнул Павлу, вежливо пожелал доброго утра Ане и тут же осведомился, не желает ли она капучино. Аня удивленно согласилась. Это было что-то новенькое, до сего момента в доме водилась лишь растворимая гадость, сделанная из сахарной свеклы с ароматом кофе.

Заинтригованная девушка прошла за Арвелем на кухню, где около блестящей, новенькой машины стояла Таймара и с умным видом нажимала кнопки, пытаясь сделать себе чашечку кофе. Усиленное нажатие на все подряд результата не приносило, машина упрячилась и отказывалась работать. Магиня не сдавалась, кофемашина тоже стояла на своем.

— Давай я покажу, — предложила Аня, мягко отодвигая Таймару, пока та не сломала машину, и они остались без кофе.

Магиня с радостью уступила ей место, и скоро потрясающий аромат свежесваренного кофе наполнил кухню.

Отличное утро, подумала Аня, держа в руках чашку кофе. Пусть за одной дверью постоянно идет дождь, за второй — зверствуют русалки, за третьей — летают драконы, никто не испортит ей настроения в это чудное утро.

— Арвель? — на кухню заглянул один из наблюдателей. Его лицо было спокойным, но тревога в глазах буквально вопила о проблеме. Крупной такой и крайне неприятной.

Маг с сожалением отставил чашку и вышел в коридор.

Началось, подумала девушка, и кофе тут же потерял свое очарование. Ну почему они не могут один день прожить спокойно!

— Случилось что-то? — спросила вернувшегося мужчину. Тот рассеянно взял чашку, сделал глоток, посмотрел в никуда и покачал головой:

— Нет, мы не можем, как у вас говорят, вешать на вас все подряд. Это проблемы нашего мира, хотя... — и он замялся.

— Говорите, — потребовала Аня.

— Видите ли, — маг все еще мялся, но все же начал рассказывать: — Нам пришлось здорово уплотниться, фактически часть государств вынуждены были объединиться друг с другом, чтобы эвакуировать людей из опасных областей и сократить границу, которую нужно прикрыть. Но некоторые, — и он осуждающе поджал губы, — решили, что справятся сами, но не потеряют своей, гм, независимости. И вот сейчас эти некоторые... Впрочем, зря я вам рассказываю. Мы все равно не сможем ничего сделать. У нас нет ни ресурсов, ни возможности помочь им с защитой от стихии, а выкидывать их в неисследованный мир... — и он

сделал глубокую паузу, давая время осознать всю тщетность этой затеи.

— Много их? — тихо спросила Аня.

— Порядка миллиона, может, чуть меньше. Чойгвей расположен на острове в Глубинном море. Им давно предлагали перебраться на материк, но, знаете, более упрямых идиотов в моем мире не найти. Чойгвейцы, одним словом.

— Они погибнут?

— Серия мощных толчков вызвала цунами. По нашим прогнозам, оно полностью смоет остров. Сейчас маги удерживают волну, но их силы хватит на сутки, максимум на полтора дня. Соседние государства в том же положении и помочь ничем не могут. Но на материк волна дошла, потеряв часть силы, и ее удалось рассеять. А Чойгвей обречен.

Обречен... слово горечью отозвалось в груди, и тут же внутри поднялся протест — не будет этого. Пока она здесь Хозяйка, никто не умрет. Надо только что-нибудь придумать и быстро.

Но куда деть миллион?

— Ты куда?

Девушка не ответила. Павел бросил тоскливый взгляд на кофе-машину, но все же отправился следом.

— Уже в курсе? — спросил, идя вместе с ней по коридору.

— Просветили, — отозвалась Аня, — комментарии излишни. Хотя у нас тоже хватает, гм, твердолобых упрямец и фанатиков свободы. Одного не могу понять. Ладно, взрослые. Пусть гибнут за свои интересы, это их право, но дети! Почему должны страдать дети? Разве нельзя было их отправить на материк?

— Можно. Часть семей так и поступила.

— Но не все?

— Нет, не все.

Аня поджала губы. Фанатизм в любом своем проявлении, кроме созидания, казался ей опасным. Быть фанатом в работе, в Проекте, в творчестве — даже полезно, но когда твой фанатизм калечит чужие судьбы, когда толкает людей на жестокие поступки, возникает большой вопрос о его целесообразности.

Перед мысленным взором девушки промелькнул мужской образ с ниточкой усов, и в душе закопошились сомнения — а стоит ли спасать таких? И тут же сама себе задала вопрос: где гарантия, что переселенцы говорят чистую правду? Какова истинная причина оставшихся без помощи чойгвейцев?

Девушка прошла мимо дождевой двери, хмыкнула при виде еще одной, обзаведшейся чешуйчатым низом с кокетливой ракушкой на боку, и потянула за ручку дверь с фиолетовыми цветами.

— А-а-а, — глубокомысленно протянул фиолетовый Павел, стоявший перед дверью скрестив руки на груди. Маг ответил подозрительным взглядом, и Фиолетик тут же исправился: — С чем пожаловали?

— Как поживает малыш? — спросила Аня, делая страшные глаза.

— Отлично поживает, — нарочито жизнерадостно отозвался Фиолетик, подмигивая — не спалился — все под контролем, — я его на побережье отправил. Там хорошо, в лагуне полно рыбы и безопасно.

— А можно мы к немуходим? И побережье, это там, где остров?

— Ага, прям напротив, — кивнул Фиолетик, — сходить, конечно, можно. Только на ваших примитивных средствах передвижения, — и он посмотрел на ноги Павла, — туда два дня топать будете.

— Портал ты, конечно, открыть не позволишь, — Павел скопировал позу разумного леса, и оба мужчины, скрестив руки на груди, буравили друг друга неприязненными взглядами.

— От ваших порталов у меня побеги дохнут, — нашелся с ответом Фиолетик, — но с доставкой помогу, если скорости не боитесь, — и он приглашающе махнул рукой, отступая на подлетевший к нему серебристый лист.

«Доставка так доставка», — решила Аня, шагая на лист.

— Сядь, — посоветовал Фиолетик, и девушка опустилась на колени. Лист дрогнул, загнул края, став похожим на лодочку с фиолетовым капитаном на носу и вдруг стрелой рванул вперед. Аню откинуло назад, впечатало в Павла. Тот ругнулся, влетев вместе с ней в заднюю часть листа. Серебристая поверхность спружинила, скидывая обоих вниз.

Там они и остались лежать, не рискуя подняться. Поверхность листа мелко вибрировала, свист ветра оглушал, рука Павла обхватила девушку за талию, голова ее покоилась у него на груди, и Аня расслабилась, прикрыв глаза. От мужчины вкусно пахло горьким цитрусом и чуть-чуть морем. Приключение приятным возбуждением отзывалось в груди или это реакция на мужчину, лежащего рядом?

Как давно у нее кто-то был? Вечность и один день назад? Воспоминания неприятно засадили внутри, и Аня усилием воли прогнала их прочь. Пора оставить прошлое в прошлом. Не все мужчины одинаковы, не все могут легко предать ради себя любимого, не все считают ложь обязательной приправой в отношениях между людьми.

Или она опять романтизирует? Придумывает несуществующего на самом деле Павла и потихоньку влюбляется в него? Он же ее на дух не переносит, потому что вынужден постоянно следить, чтоб ничего не натворила, никуда не влипла и осталась жива.

— Ань, — теплый шепот защекотал ухо, — что ты задумала? Я бы не стал доверять этому... Вот опять он давит своим профессионализмом, заставляя усомниться в Фиолетике. А ведь сейчас это их единственный шанс спасти чойгвейцев.

— Хотя, если это поможет, я на твоей стороне.

Аня удивленно моргнула. Что это? Проявление порядочности или

безысходности?

Лист начал замедляться, воздух резко потеплел, запахло морем и слышались крики птиц.

— Приехали, — возвестил Фиолетик, кидая на пассажиров насмешливый взгляд. Аня почувствовала, как стремительно краснеет. Действительно, разлеглась тут на мужике, да еще на виду у Фиолетика. А... плевать. Пусть смотрит. У самого небось пестики с тычинками тоже опыляются.

Лист опустился на песок, развернулся, и перед взором девушки предстало море. Оно было явно не в духе, сильный ветер гнал на песчаный берег белые барашки волн, черное мешалось с зеленым, отсвечивая темно-синим на гребнях. Вдалеке, на горизонте, туманным облаком вставал остров.

Шипя, волны накатывали на берег, а в них, погрузившись по самые плечи скакал драконенок. Всюду на песке были видны отпечатки его лап, у воды виднелись следы недавнего пиршества — плоская голова неизвестной девушки рыбы.

Заметив гостей, драконенок издал тонкий свист и торопливо выбрался на берег.

— Привет, мой хороший, — улыбнулась девушка, не зная, как себя вести. Все-таки дракон — не кошка и не собака.

Ящур тоже замялся в паре метров от Ани. Сегодня он выглядел гораздо лучше, чем вчера, раны под затянулись, грязь отмылась, а морда, с прилипшей рыбьей чешуей на носу, выглядела довольной.

— Держи, тебе подарок, — и Аня сняла перекинутый через плечо рюкзачок. Сегодня утром к детским книжкам для Фиолетика туда была добавлена косточка из сухожилий, взятая из запасов Вальди.

Кинутую кость драконенок поймал на лету, потряс головой, оценивая лакомство, и довольный поскакал по берегу, подкидывая и ловя кость. Подарок ему явно пришелся по душе.

— Павел, можешь проверить остров. Мне нужны данные о размерах, запасах воды, пригодных землях и обитателях.

Маг прищурился, окинул взглядом далекую землю и медленно кивнул.

— Займет какое-то время, сделаю.

Он шагнул в сторону, уселся прямо на песок и прикрыл глаза.

— Что это вы задумали? — почему-то шепотом спросил Фиолетик, косясь на неподвижно застывшего мага.

— Потом объясню, — отмахнулась девушка, — если ничего не получится, то и говорить не придется. Лучше скажи, ты прочитал книгу?

— Ту самую о безголовом куске дерева? — Фиолетик так же уселся на песок, и Ане ничего не оставалось, как плюхнуться рядом.

— Ну почему безголовом?

Ей вдруг стало обидно за любимого в детстве Буратино.

— Потому что был бы умным, попросил бы своего создателя настрогать еще десяток таких же, и тогда лиса с котом так просто не отделились бы, да и Карабасу досталось.

— Ну да, ну да, — кивнула Аня, думая, что в детстве ей все виделось по — другому и уж точно не было в планах создания мини-армии Буратин с насаждением своего порядка в округе, — знаешь, я тебе следующий раз принесу «Волшебника Изумрудного города», а пока держи «Маугли».

Фиолетик с довольным видом заграбастал книгу и принялся рассматривать картинки. И почему она его воспринимает ребенком? Может, потому, что Фиолетик сам этого хочет? Ведь на самом деле он совсем другой, с нечеловеческой логикой, со способностями, которые трудно представить. Зрение и слух, растянутые на километры леса, миллион конечностей и нервных окончаний. Нет, не представить. Ей проще считать Фиолетика единым воплощением леса — и точка. А возраст... хочет играть

в ребенка, пусть играет. Главное, чтобы не вредничал и не сильно доставал магов.

Потом они немного почитали вслух, про себя Фиолетик быстро заглатывал книги, а вот вслух читал еще медленно. Поиграли в шахматы. Покидали кость и палку искренно радующемуся такой игре драконенку.

Ветер чуть стих, море дружелюбно плескалось метрах в трех от них. Пахло солью, водорослями, из леса доносились крики птиц. Здесь, на побережье, деревья были нормального размера, девушка даже заметила несколько похожих на пальму и сосну. Да и вообще здешняя местность ничем не напоминала тех странных гигантов, что росли около портала.

— Готово, — очнулся Павел, — если я правильно понял, ты ищешь замену. Что же, остров подойдет. По размеру он раза в полтора больше того, что есть у них сейчас. Пресная вода, долины, пляжи. Крупных животных или хищников я не заметил.

— Жить можно, — подвела итог Аня.

— Вполне, только как ты решишь вопрос с домами или предлагаешь выкинуть людей под открытое небо?

— Я думала об этом, — сказала девушка и повернулась к Фиолетику: — Поможешь нам? Обещаю, никто не станет претендовать на твои земли. Нам нужен только остров, но без прохода к нему, без жилья и еды хотя бы на первое время ничего не получится.

— Люди, — поморщился Фиолетик, рисуя палкой узоры на песке. Он взрослел на глазах, черты лица застыли, а взгляд стал жестче, — от людей одни проблемы. Вы ломаете деревья, сжигаете их на кострах, топчите траву, вырываете цветы.

— Они умрут, если ты им не поможешь, — тихо произнесла Аня, и Фиолетик тяжело вздохнул, помотал головой.

— Если они причинят мне вред, ты не будешь вмешиваться и дашь заблокировать портал.

Аня прикусила губу. Условие было... Да какое к чертям условие — это ультиматум. Она была абсолютно уверена — Фиолетику по силам зачистить остров до последнего жителя.

— Кажется, у вас это называется «медвежья услуга», — вмешался Павел, и Ане захотелось его придушить! Какого лезет под руку в сложных переговорах. Нет, не для того она все делает, чтобы уйдя от одной смерти, люди нашли ее здесь.

— У нас есть такое понятие, как суд. Нельзя ровнять всех по одному преступлению. Озвучь свои правила и наказание за них. Виновных мы вернем домой или заставим отработывать. Вариант трудовой повинности можешь выбрать сам. Но уничтожать всех из-за одного дурака... Не выход.

— Значит, не позволишь, — кивнул Фиолетик, — я так и думал, вы — люди — сильно привязаны к себе подобным. И в тоже время норовите вцепиться в глотки друг другу, если что-то идет не так. Словно у вас два вида: хищники и травоядные. Поэтому мой ответ: хищники пусть живут на острове, убийств здесь я не потерплю — никаких, даже животных, которых вы притащите с собой, а травоядные... Могут жить на побережье. Дома я поставлю, еды дам, рыбу ловить разрешу. А этим, которые на острове, тоже жилья подкину. Я тут поэкспериментировал немножко, — и на пляж выкатились большие плотные шары, коричневого цвета. На глазах они подросли еще немного, изменив форму, став похожими на шатры. Сухой треск — и в центре каждого образовался проход.

— Прошу, — приглашающе махнул рукой Фиолетик.

Анна с Павлом подошли. Шатер оказался довольно просторным, метров пять в диаметре, по бокам открывались окна-лепестки, пол мягко пружинил под ногами.

— Это палатка, — догадалась девушка, и Фиолетик довольно кивнул.

— Не промокает, не продувается и держит тепло.

— А они не живые?

— Нет, эти плоды оторваны от меня. Полноценной жизни в них нет, но

при надлежащем уходе могут пустить корни, — хитро улыбнулся Фиолетик, — таких я могу сделать много, хоть миллион.

— Столько нам и не надо, — начала девушка, но Павел ее перебил.

— Мы не говорили, сколько людей нуждается в переселении.

Анна бросила на друга испуганный взгляд.

— А я и не знаю сколько, — подбоченился Фиолетик, — просто слово красивое — миллион.

— Все, не будем терять время, — вмешалась девушка, насторожившийся маг внушал ей опасения, — Фиолет, готовь дома-палатки, платформы и проход. Пусть сами решают, кто где будет жить. Мы все обсудим, а там, как сложится.

Уже в коридоре Павел поймал Аню за рукав, притормозив рвущуюся вперед девушку.

— Мы не можем ему доверять. Неизвестно, на что он способен. Таких сущностей нам раньше не попадалось.

— Вот и изучим.

— Он же в мозгах копается! — выдвинул последний аргумент маг.

— Тебе есть, что скрывать? — подняла брови девушка. — Нет? Я так и думала. И вообще, вы уже похоронили тех людей, так что не все ли равно, где и с кем они будут жить теперь!

Арвель, к удивлению девушки, идею с переселением воспринял спокойно.

— Попробуем, — коротко ответил и предложил: — Выступите перед ними? Вы больше всех в курсе, что из себя представляет ваш, эм, фиолетовый друг.

Аня поежилась, но отказываться не стала. Сама кашу заварила, сама и

расхлебывай.

Они прошли через портал в мир переселенцев, тут же нырнули в еще один и оказались на уютной площади, окруженной двух-трехэтажными домами с резными крышами. На крошечных балконах цвели яркие цветы. Перед каждой дверью был выложен черно-белой галькой коврик, деревянные ставни прикрывали окна от жары. На площади три дерева, увитые сиреневой цветущей лианой, дарили прохладу от стоящего в зените солнца.

Анна огляделась. Чувствовалось, что еще недавно здесь протекала обычная неспешная жизнь южного города. Гуляли по вечерам парочки, отцы семейств сидели в таверне на улице, а матери предпочитали скамейки в тени дома, откуда легко можно было наблюдать за играющими на улице детьми, сплетничая с соседками.

Сейчас в воздухе витал вкус беды. Он горчил на языке, тяжестью осаживался в желудке. И в глазах стоящих на площади людей читался приговор. Они уже смирились со смертью. Они и жили эти годы здесь, на родине, чтобы умереть у себя в доме, а не на чужбине.

Не все верили в переселение, отметила про себя девушка. Далеко не все. А так... обычные на вид люди, разве что одежда у них была странного покроя, да цвета непривычно яркие.

И ей они тоже не верили.

— Говорите, я буду переводить, — предложил Ане Арвель, и перед девушкой возникла прозрачная стена, — вашу речь услышат и увидят во всех частях острова.

Аня медлила. Слова, как назло, закончились, и в голове не наблюдалось ни одной толковой мысли. Что она им скажет? Что вообще может сказать этим людям, чья судьба случайно оказалась в ее руках.

Внезапно она ощутила, как ладонь нежно сжали, повернула голову и встретила теплый взгляд — Павел, вот она — ее сила, ее поддержка. И робость прошла.

Аня откашлялась.

— Вы знаете, кто я. Знаете, что мы пытаемся найти новый для вас мир, но на это требуется время, у вас его нет. Но я могу предложить другой вариант.

Она говорила. Рассказывала о Фиолете, говорила, что будет трудно, а поддержки ждать не стоит. Особое внимание уделила питанию. Никаких убийств на материке, только рыба в море. И честно призналась, что сама бы жить в разумном доме побоялась, но иногда жизнь не оставляет выбора, и скоро ей самой предстоит переехать в не совсем обычный дом с довольно сложным характером. И сразу предложила тем, кто не готов относиться к цветочкам с уважением, остаться здесь, на острове.

— Так будет проще, чем возвращать вас насильно. Я не пугаю, но Фиолет гораздо сильнее любого из вас и ментально, и физически. Не надо его недооценивать. На любое оскорбление он ответит, и его ответ вам точно не понравится. Я понимаю, соседство не ахти, но другой вариант гораздо хуже и агрессивнее. В лесу вас, по крайней мере, готовы терпеть, а не планируют порезать на ленточки.

Воцарилась тишина. Аня ждала бурного обсуждения, выкриков, угроз, но не тишину. А затем единственно слово было брошено высоким седоволосым мужчиной:

— Тайх.

— Они согласны, — перевел Арвель и вздернул брови. Он был тоже озадачен таким быстрым ответом.

— Все согласны? — осторожно уточнила девушка.

— Они прислали представителей от каждой деревни. Можно считать, это решение всего Чойгвея. Будем начинать эвакуацию. Не беспокойтесь, Аня, планы давно разработаны. Наши люди знают, что делать. И... спасибо.

Он улыбнулся, сбрасывая маску надменного аристократа и становясь похожим на доброго дядюшку, которого только что порадовала племянница.

— Надеюсь, мы все не пожалеем об этом, — тихо проговорила Аня, оглядывая площадь, где во вспышках открытых порталов исчезали выборные чойгвейцы.

Маятник качнулся, набирая ход, и его движение уже было не остановить.

ГЛАВА пятнадцатая

Собственно, можно было возвращаться, следить, как все происходит, но любопытство заставило Аню задержаться.

— Павел, можешь открыть портал на побережье?

Маг понимающе хмыкнул и взял девушку за руку. Шаг, легкое чувство тошноты, словно она упала с десятка метров, и вот он — берег острова. Они стояли на скале, а над ними...

Аня сглотнула и отшатнулась. Одно дело видеть в кино, как гигантская волна смывает Тауэрский мост, а совсем другое — наблюдать ее у себя над головой. Высотой с трехэтажный дом волна зависла над всем побережьем. Зеленоватая толща воды шевелилась, словно живая, вдыхала, мелко дрожа, и проплывающая по ее бокам рыба блестела серебристой чешуей на солнце. Волна была похожа на застывшего в прыжке зверя — вот-вот сорвется с места, рванет вперед, сметая все на своем пути.

— Не бойся, — Павел погладил девушку по руке, — она не опасна. Сейчас.

— А ее, эм, нельзя успокоить? — шепотом поинтересовалась Аня. Волна подавляла, заставляя ощущать себя беспомощной букашкой — как только спадут невидимые оковы, размажут и не заметят. И впервые девушка задумалась о силе, которую способны подчинить себе маги. С другой стороны, у них тоже есть, чем удивить. Той же ядерной энергией, например. И все же их цивилизации очень и очень разные.

— Увы, погодников у нас не так много, как хотелось бы. А при такой нагрузке, которая легла на их плечи... — Павел помолчал, и Аня физически ощутила, как он устал. Устал бороться за свой мир, устал мириться с

потерями, устал...

Она вдруг порывисто обняла мужчину, прижалась и прошептала:

— Мы справимся, мы обязательно со всем справимся, вот увидишь.

— Спасибо, Ань, — Павел легко, словно боясь спугнуть, провел по волосам девушки, второй рукой прижимая к себе, — ты и сама не знаешь, насколько ты удивительна. Понимаешь ли ты, что сегодня сделала? Не просто дала надежду Чойгвею, ты дала надежду всем нам.

Сердце девушки замерло, щемящая сладость разлилась в груди. Стоящий рядом мужчина вдруг показался родным и близким. И еще она поняла, что больше не боится — ни волны, ни своего дома, ни русалок с драконами. Где-то внутри появилась уверенность — рядом с Павлом ей ничего не угрожает.

В доме наблюдалась нервная активность. Тахмар с покрасневшим лицом стоял против пятерки наблюдателей. Те перекрывали коридор, морды кирпичом, поза расслабленного слона, перед которым пляшет мышь.

— А, Анечка, — повернулся к ним маг.

— Какие-то проблемы? — осведомилась девушка, правильно оценив обстановку.

— Никаких! — бодро отозвался Тахмар. — Решаем рабочие вопросы.

— Надеюсь, рабочие вопросы не помешают провести эвакуацию, — вздохнула Аня, бросив оценивающий взгляд на наблюдателей. Ей ответили такими же...

Безобразие... в собственном доме наглеют. Девушка сощурилась. Маги вернули невозмутимые лица, а затем величественно удалились, обойдя Тахмара и Павла с Аней.

Все трое синхронно перевели дух.

Выгнать бы, подумалось Ане, ну или дожать Павла на вопрос их

полномочий. Ходют и ходют, а пользы... никакой.

— Так, работаем, — потерла руки девушка, заново оценивая короткий отрезок коридора, который предстояло превратить в эвакуационный путь.

Портал из мира переселенцев был шириной во всю стену, а это почти шесть метров — есть где разгуляться. Надо коридор разбивать на проходы и что-то делать с дверью в мир Фиолетика. Иначе они за два дня не успеют столько народа переместить.

«Сделаешь?» — попросила мысленно, коснувшись рукой двери с фиолетовыми цветами, и дрогнула, с трудом оставшись на месте. Белое деревянное полотно под ладонью смягчилось, потекло вниз нагретым на солнце пластилином. Дерево стекло, впитавшись в пол, оставив вместо себя серую, колыхающуюся пленку.

Кажется, это и есть та самая изначальная структура портала, о которой говорил Арвель, решила Аня, рассматривая новшество. А пленка между тем растягивалась, становясь все более прозрачной, и вот уже стали видны темные силуэты деревьев, огромные листья, гибкие лианы. С той стороны тоже готовились к приемке гостей — в воздухе висели десятки серебристых листьев, дрожа от нетерпения, словно мотоциклы на старте. Остались сущие пустяки — начать и закончить.

Коридор разделили на пять проходов. Не заморачиваясь, просто натянули сигнальные ленты.

— Можете постоянно крутить информацию, где какой проход? И над каждым пусть висят цифры не только над выходом, но и по всему пути. Три отводим на остров, два на побережье, — рассуждала Аня, от волнения вертя кольцо на пальце. — Конечно, это временно. Потом можно будет всем перебраться на остров. И ладно палатки, но нужны больницы, школы, заводы.

— Не волнуйся, будут, — усмехнулся Павел, — мы, знаешь ли, не совсем беспомощные, как представляет твой фиолетовый друг. И кое-что из крупных зданий сможем пронести в пространственных карманах. И не смотри так, у вас тоже не все могут быть, например, хирургами, вот и у нас пространственников примерно один на сто тысяч. И резерв у них не

бесконечен. Три максимум четыре ходки за сутки с одним объектом за раз.

— И все равно, это лучше, чем ничего, — заметила девушка, мысленно прикидывая, что бы она взяла в первую очередь, потом плюнула — не ей решать. Главное — помочь Фиолетику в непростом вопросе — что такое люди и как их не убить в первый же день.

Н-да, выходные будут непростыми.

Она набрала мамин номер и сказала, что едет загород — понимаешь, с работы пригласили. Хорошие ребята, да. Вечером заеду за Вальди и одеждой. Все, работать.

Работать.

— Начнем? — повернулась к Тахмару.

— Как скажет Хозяйка, у нас все готово, — ответил маг, кивнув в сторону портала.

Стена, повинувшись невидимому приказу, слегка посветлела, словно решив стать большим экраном, а затем и вовсе истаяла, оставив легкую дымку границей между мирами. И за этой дымкой отчетливо проглядывалась долина, а на ней люди, много людей. Как пояснил Тахмар, они сдвоили порталы, выведя один стражу на остров.

Ближе к portalу толпа разделялась на четкие пять цепочек. И сейчас первые из этих пяти шагнули в коридор.

Сначала Аня просто смотрела, как идут люди, шаг за шагом проходят мимо нее, исчезая в портале чужого мира. Из одного мира в другой. Не в этом ли предназначение ее дома?

Шли молча, сосредоточенно. Дети, взрослые, старики. В глазах усталая надежда, но почти каждый улыбался при виде Ани, старики дарили скупую улыбку, дети махали рукой, взрослые сдержанно кивали. А девушка чувствовала себя... практически генералом, посылающего людей на войну.

Нет, одернула себя Аня. Никакой войны не будет. Она... не допустит.

— Кофе? — протянул ей кружку Павел. — И ты не обедала.

— Потом, — отмахнулась девушка, но кофе взяла. Надо проверить, что творится у Фиолетика, как дела на берегу.

И торопливо заглотив кофе, Аня устремила к лесному portalу.

На берегу, к удивлению девушки, все было в порядке. Листья планировали прямо к кромке воды. Там, искажая пространство, едва заметно мерцали порталы. Около них Аня заметила Таймару и еще несколько знакомых магов из тех, кто участвовал в открытиях миров. Странные дела... С чего бы помогать чойгвейцам после того, как они сами поставили на них крест? А не хотят ли маги провести некую репетицию перед глобальным перебросом населения в другой мир?

И девушка по — новому взглянула на происходящее.

Прилетали листья, высаживали пассажиров и тут же уносились обратно. Люди, следуя указаниям магов, уходили в порталы. Постоянно повторялась одна и та же фраза, магически усиленная она звучала на всем побережье. Павел перевел: все потерявшиеся должны собираться под красными кругами. И действительно в воздухе, недалеко от них, висел красный круг, а дальше, в полукилometре виднелся еще один. Под ближайшим перетапывался с потерянным видом подросток лет пятнадцати, рядом с ним стояла женщина и что-то терпеливо выпрашивала.

Получается, Павел не обманул, подумала Аня. У них действительно есть разработанные протоколы, и похоже на то, что сейчас команда магов, работающая с ней, проводит масштабные учения, тренируясь на чойгвейцах. Пусть проводит, решила девушка, лишь бы все прошло без сбоев.

Фиолетик тоже не подвел. Везде, куда дотягивался взгляд, виднелись кораблики-палатки. Они мерно колыхались на спокойной воде, увлекаемые течением к острову, и создавалось впечатление, что кто-то рассыпал по морю тысячи гигантских семян.

— Видишь, все хорошо, — мягко произнес Павел, беря ее за руку. — Если он сдержит слово и не будет вмешиваться в нашу жизнь на острове, то все действительно будет хорошо.

— Сдержит, — раздался рядом голос второго Павла, на этот раз фиолетового, — Ани, привет. Прости, не встретил. Сама видишь — работы непочатый край.

И Фиолетик проводил взглядом очередную партию листов.

— Как вас однако... много.

— Это только начало, — улыбнулась девушка, — будет еще больше. Справишься?

— Легко, — фиолетовый Павел вдруг встал на руки, прошелся колесом, затем отряхнул руки от песка и поинтересовался: — Круто?

— Дурдом, — едва слышно простонал Павел.

— Подсмотрел? — едва сдерживая смех, спросила Аня.

— Ага, — кивнул счастливый Фиолетик, — а еще меня обещали научить играть в мяч, в прятки, в вышибалу и скинь тапочек.

Аня бросила победный взгляд на Павла — что я говорила! Тот ответил хмурым — еще не вечер, но девушку это не смутило. Дети, конечно же дети, самыми первыми примут разумный лес и научат взрослых, как с ним общаться.

Они вернулись в дом. Люди шли сплошным потоком, и обстановка в коридоре царила рабочая. Хорошая такая рабочая обстановка, когда каждый знает, что ему делать, и все выкладываются по полной.

В какой-то момент, глядя на плывущий над головой толстяка огромный чемодан, следом медленно покачивала боками корзина, с пристроенной сверху подушкой, Аня поймала себя на мысли, что чувствует себя онлайн зрителем фильма про Гарри Поттера. Она так и не привыкла к магии, а здесь, в обычном земном коридоре, плывущий над головами людей багаж

смотрелся дико и непривычно.

Аня еще какое-то время понаблюдала за потоком, потом наскоро перекусила бутербродами и отправилась вместе с Павлом домой — за Вальди.

Уходила с тяжелым сердцем, словно предчувствуя беду, но Арвель заверил, что пару часов они спокойно переживут без нее — собирайтесь не спеша, мы тут за всем присмотрим.

Она и собиралась, лихорадочно запихивая в сумку все, что могло пригодиться. Вальди радостно скакал рядом и активно помогал, больше мешая, а Павла мама затащила на кухню — выпить чаю.

Аня прислушалась — судя по тихим голосам, беседа протекала мирно. То есть допрос еще не перешел в активную стадию с применением пыток. Однако Павла следовало спасать, не дай Бог, проколется где-нибудь, а мама... Она же всех на уши поставит, если заподозрит что-нибудь, еще и Травкиных привлечет. Андрюха вон как раз в органах служит.

Ей вспомнилась вчерашняя слезка и стало неудобно. Нет, ерунда. Аня тряхнула головой, и хвост светлых волос метнулся по плечам. Не могла она так быстро спалиться. Аня рассчитывала, что неделя у нее еще есть на выработку нормальной легенды, пока мама не перейдет к активным действиям, в лице тети Ани.

После Вадика мама относилась с большим подозрением ко всем, кто начинал крутиться возле дочери. Девушка и сама разделяла эту настороженность, но одна ошибка не означает патологию! Не может она всю жизнь наступать на одни и те же грабли. Хотя... как показывает статистика жертва всегда остается жертвой, ухитряясь находить одинаковые проблемы на нижние полушария мозга.

Нет, она не такая. Аня сердито скомкала свитер, который держала в руках и поняла, что последние пять минут бездумно пялится в окно, вспоминая... Первые недели после того дикого скандала, когда ее обвинили во всем, что было и не было, она фактически не жила... существовала. Оказалось, Вадик успел прочно врасти в ее душу, и теперь надо было по частям выдергивать его оттуда, прислушиваясь к себе — не вернется ли

опять острая боль в сердце. Безумно сложно было преодолеть жалость к себе, отпустить ненависть к Вадику и вернуться к нормальной жизни. Но она справилась.

Шопинг, поездка в десятидневный поход на Алтай, а вот вечеринка в клубе не пошла. Жалостливые взгляды подруг ядом бередили свежие раны. Ей не нужна была их жалость, ей требовалось забвение и силы жить дальше. Йога, танцы, курсы дизайна. Все, что угодно, чтобы вынырнуть из тяжелой пустоты и вернуться к жизни. И однажды она очнулась, удивленно посмотрела на озеро, лежащее под ногами. Белыми перышками по нему плыла пара лебедей, а за ними ровно в ряд — подросшие, но еще серые птенцы. Шелестела листва, пахло надвигающейся осенью, журчали источники, сбегая по скале и впадая в озеро. Страждущие прикладывались к ним, набирая святую воду в бутылки.

Изборск.

Аня стояла на деревянных мостках, и что-то теплое шевельнулось в груди, прогоняя боль.

— Какая пара, — вздохнула рядом старушка, всматриваясь в водяную даль, где мерно плыли лебеди, — который год здесь живут. Лебедицу-то подранили, она выжила, но летать не смогла, так и зимует, а муж, вот, остался — верность хранит.

И она мечтательно улыбнулась, сложив руки на сучковатой палке, о которую опиралась.

«Верность» — эхом откликнулось внутри девушки. Она сжалась, ожидая тянущую душу боль, но та не пришла.

— А ты сходи-ка к отцу Сергию, — вдруг посоветовала старушка, — слышишь, звонят? Служба закончилась. Там, в храме, его и найдешь.

Аня прислушалась. Над озером плыл хрустальный перезвон колоколов, отражался от крепостных стен и гулял обратно, разливаясь благовестом по округе. Хорошо, подумалось ей. Ей действительно было хорошо, стоять, глядя на озеро, вдыхать запах листвы и свежести и не думать ни о чем.

А потом был аромат ладана и свечей, добрые глаза сухощавого батюшки в старой, застиранной рясе и удивительное чувство спокойствия, оставшееся после беседы с ним.

— Все будет, — повторила его слова Аня, кидая свитер в сумку, — и горе, и радости. Главное, не унывать. А мы и не будем, — добавила она, — правда, Вальди?

Пес лизнул руку и застучал хвостом, выражая полное согласие.

Она вышла в коридор, и Павел тут же заторопился, рассыпая комплименты за чай, за вишневый пирог — с собой, конечно, возьмем, отказаться от такого вкусного пирога — выше его сил.

Обычные слова вежливости, нормальное поведение, и не скажешь, что Павел не отсюда.

Аня застегивала сапоги, думая, что все они притворяются. Вальди делает вид, что он — обычная собака, которая радуется прогулке, виляя хвостом. Павел, что он — обыкновенный менеджер строительной компании, ее легенду маг поддержал и одобрил. А она... дизайнер, а не Хозяйка дома с порталами. Ведь главное правило иных — не выделяться, мимикрируя под окружающую среду.

Павел галантно подал пуховик, помог надеть.

Н-да, усмехнулась про себя девушка, и недели не прошло, а она уже причисляет себя к иным. Быстро же приняла ситуацию, или это ситуация приняла ее.

Дома на первый взгляд все было по-прежнему. Двигался по воздуху багаж, шли люди, пожилые и дети ехали в плывущих по воздуху креслах. Вальди принюхивался и явно нервничал от такого количества народу.

— Держите, — внезапно девочка лет пяти, поднырнула под ленту, сунула ей в руки пушистый комок и крикнула, догоняя своих: — Он еще маленький умирать.

Аня удивленно оглядела серый комочек, с яркими голубыми глазами, большими ушами, с ярко-рыжими кисточками на концах. Такое же рыжее пятно присутствовало и на хвосте.

Одним словом, котенок был чудо, как хорош, но слова девочки царапнули тревогой. Что она сказала? Почему он должен умереть? И кстати, где другие домашние питомцы? А ведь она действительно не видела ни собак, ни кошек.

— Почему? — спросила, поворачиваясь к Павлу и держа котенка на вытянутых руках. Маг сразу догадался, о чем речь.

— Аня, ты не маленькая, должна понимать — организовать перемещение такого количества народа в столь малый срок, даже с помощью порталов не просто. Нам бы спасти людей, а ты о животных переживаешь.

Девушка покачала головой, не желая принимать столь жесткие условия. Да, людей надо спасать в первую очередь, но и оставлять питомцев — не вариант.

— Присмотри, — Аня поставила котенка перед Вальди, а сама решительно направилась к portalу в мир переселенцев.

Очувтившись под чужим небом, Аня притормозила. А собственно, что она планирует делать? Рядом вздохнули — Павел, еще раз вздохнули — Вальди, и слабо пискнули — кошка, которого пес осторожно поставил на землю. Котенок тут же принялся яростно вылизывать обшлюявленную собакой шерсть.

Отличная команда спасения, ничего не скажешь!

Что же... придется работать с кем есть. С другой стороны, они никого не отвлекают, Павел все равно только с ней возится.

— Аня, я понимаю твои чувства, — осторожно начал маг, но девушка его перебила.

— Ты можешь открыть портал, откуда уже всех эвакуировали?

— Мы можем отменить запрет, — предложил Павел.

— Этого недостаточно. Открывай, — и добавила, сделав как можно жалостливее лицо: — Пожалуйста.

— Хорошо, — неохотно согласился маг, еле слышно пробормотав: — Все равно ничего не выйдет.

Портал серой дымкой возник в воздухе, и Аня подхватила котенка и шагнула на улицу незнакомого города.

— И что? — с иронией уточнил Павел, вставая рядом. — Собираешься ходить по домам?

— А ты как думаешь, Вальди? — девушка повернулась к собаке. — Сможешь учуять собратьев?

Пес звонко чихнул, мотнув головой, и вдруг сорвался с места, черной кляксой заскользив по мостовой. И вскоре его залиvistый лай разносился по улицам, эхом гуляя между пустых домов.

А через пару минут — Аня судорожно поглаживала урчащий комок, не зная — сработает или нет — первая собака вывернула из-за угла.

— Как? — только спросил Павел, посторонившись и пропуская в портал пса. Следом уже торопились рыжие, черные, белые, пятнистые четырехлапые.

— Я предположила, что они оставят их на улице, дав шанс спастись, — пояснила девушка, — а Вальди...

Тут она замолчала. А что сказать? Что на каком-то энергетическом уровне ощущала тепло, идущее от собаки? Что он умел удивительным образом успокаивать, явно воздействуя на эмоции? И решение пришло только сейчас, но сработало же!

— Повезло, — пожала плечами, провожая взглядом попугая, едущего на голове у здоровой, степенно вышагивающей псины.

Городок был небольшим, и скоро запыхавшийся Вальди появился перед ними с очередным котенком в пасти. Аня взяла и его на руки — малыш же, затопчут еще — и вопросительно взглянула на мага. Тот понял, без слов открыв следующий портал.

Так они перемещались от одного к другому — Аня даже от волны, зависшей над головами, уже не шарахалась — привыкла, когда сначала заволновались кошки, нарушая строй, ринулись в портал, следом, скуля и поджав хвосты, рванули собаки, а волна, глубоко вздохнув, двинулась на них.

— Уходим! — заорал Павел, хватая девушку в охапку.

— Нет! — она вцепилась одной рукой за железную ограду, около которой стояла. — Вальди еще не вернулся!

— Плевать, ты важнее!

— Он тоже, — упиралась Аня, пытаясь выиграть хоть пару минут для пса. А волна медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, наползала на город.

Неизвестно, чем бы закончилось их противостояние — маг был сильнее, и как Аня не сопротивлялась, практически втащил девушку в портал, если бы в конце улицы не показалсядвигающийся крупными прыжками черный силуэт. А за ним, набирая скорость, бурлила темная масса воды.

— Есть! — радостно крикнула Аня. Павел застыл, держа девушку на весу, одной ногой в портале. Пес пронесся под Аней, и все трое вывалились на ту сторону. Портала за ними беззвучно закрылся.

— Ты! — потрянул ее Павел, держа за плечи. Его лицо перекосила гримаса ярости. — Глупая, безрассудная дурочка! Ты могла погибнуть!

А потом резко прижал к себе, сжимая до боли.

— Ты бы не позволил, — прошептала, отчего-то улыбаясь, Аня, а

потом добавила: — И вообще, на нас смотрят.

— Пусть смотрят, — выдохнул Павел, продолжая держать ее в объятиях. Котята протестующе завозились в карманах кофты.

— Аня, вы не уделите мне пару минут, — напряженный голос Арвеля не сулил ничего хорошего.

Павел повернулся, вдруг спрятав девушку у себя за спиной.

— Это полностью моя инициатива и ответственность лежит только на мне, — проговорил, и Аня сердито поморщилась — заступник, а затем обогнула мага и шагнула вперед.

— Ничего подобного, виновата только я. И кстати почему?

Арвель на уловку не поддался, пробормотав:

— Так я и думал, — а потом повысил голос: — Аня, прошу следовать за мной и вернуться на свое рабочее место.

Тахмар присоединился к ним по дороге. Он-то и ввел в курс дела.

— Один из участков просел. Да-да, тот самый, на котором вы занимались спасательной операцией. Хорошо, что его эвакуировали в первую очередь, как самый опасный, так что исчезнувшая часть берега — печально, но не трагично. Проблема в одном — мы были слишком оптимистичны касательно сроков.

— Не волнуйся, — прошептал на ухо девушки Павел, — это был последний город на побережье, мы успели.

Аня кивнула. Хорошо, там успели, а что делать тут?

— Мы можем ускорить эвакуацию?

— Как? — поморщился Тахмар. — Коридор больше не растянешь.

— А если ускорить людей? Перейти на легкий бег. Пусть заранее

выстраиваются в цепочки, руку кладут на одно плечо, чтобы не сбиваться и все дружно с правой ноги...

— Бегом, — пробормотал маг, с сомнением потирая подбородок.

— Жить захотят — побегут.

— Пожалуй, так — согласился Тахмар, — хорошо, мы попробуем.

И девушка с раздражением подумала, что их все время приходится подталкивать, словно они нехотя ввязалась в операцию и не намерены тратить на спасение чойгвейцев больше сил, чем согласовано.

Одним словом: чужая душа — потемки, а уж чужое государство и подавно. Что там у них происходит, какие подковерные игры разыгрываются в их переселенческом союзе — только гадать. А что они разыгрываются, Аня нисколько не сомневалась. Насмотрелась на переселенцев, чтобы понимать — маг ты или не маг, все равно остаешься человеком со всеми вытекающими страстями и слабостями.

Опять же наблюдатели... И гадать не нужно, за кем они наблюдают. Конечно за Хозяйкой! А что будет, если Хозяйка выйдет из повиновения? Если резко воспротивится нужному для магов решению? Что тогда?

Додумать Аня не успела, Арвель толкнул дверь столовой, приглашающе указал на стул. Девушка села, чувствуя себя провинившейся сотрудницей на ковре перед начальством.

— Аня, — Арвель тяжело вздохнул, пожевал губу, подбирая слова, — мне крайне не хочется лишний раз напоминать об ответственности, которая лежит на всех нас. Миллионы людей за этими дверьми надеются на нас с вами, и ваша смерть, — он сделал глубокую паузу, давая девушке осознать весь ужас произнесенных слов, — станет ударом не только для ваших родителей — вы ведь единственный ребенок в семье — не так ли? — но и для всех нас. Вы сами видите — каждый день приближает нас к гибели. Тысячи людей ежечасно рискуют собой, удерживая наш мир от падения, и даже одно выбывшее звено из этой живой цепи может нарушить хрупкое равновесие. Что и случилось сегодня.

Аня сжала зубы, досчитала до десяти, понимая, что в запале может наговорить всякого и надо хоть чуть-чуть успокоиться.

Смертью они ей угрожают, на жалость давят. Арвель, безусловно, мастер правильных речей, только правда у каждого своя.

— Вы правы, — она постаралась говорить спокойно, — сегодня многое случилось. И хорошее, и плохое. Но мне интересно, вы наплевательски относитесь к чужой беде, потому что их много и всех не спасти? Или есть какие-то еще причины, о которых я не знаю? А ведь вы можете им помочь, — на лице Арвеля промелькнула тень, — можете, я же вижу. В вашей команде точно есть погодники, куда без них. Снять их на два дня с Проекта, поддержать защиту острова и спокойно, без нервотрепки закончить эвакуацию. Вы ведь наверняка думали, что мир Фиолета не ограничивается одним островом и материком. Так может быть — это ваш вариант?

— Мы думали об этом, — медленно произнес координатор, — но и вы должны понимать, ваш особенный друг — непредсказуем и очень опасен.

— Так значит, это эксперимент, — усмехнулась девушка, — заслали туда чойгвейцев, дабы посмотреть реакцию Фиолета. Отличный ход, только не учли одного — меня. Я останусь на острове до последнего человека, ясно?!

— Анечка, не нужно волноваться, — вмешался Тахмар, и девушка подумала, что они так и играют на контрасте: добрый и злой, только меняются ролями. Сегодня «добрым» был Тахмар, — мы все прекрасно понимаем. И ваше милосердие, и доброта нам очень импонируют, но иногда в жизни приходится чем-то жертвовать.

— Господа, — Аня откинулась на стуле, кивком поблагодарила Павла, поставившего перед ней чашку с чаем, — мне не десять лет и я сама могу припомнить с десятков прописных истин, подходящих под ситуацию, но давайте ближе к делу. Вы дадите погодников чойгвейцам или нет?

Маги переглянулись. Лица обоих сделались кислыми.

— Мы не можем удерживать ее насильно, — с тихой угрозой в голосе

предупредил Павел.

Лица стали еще кислее. Арвель бросил на Павла недовольный взгляд, и девушка поежилась — будь координатор на месте начальника ее охраны, наверняка так бы и поступил — вырубил и запер бы в спальне.

— Хорошо, — Арвель залпом опустошил свою кружку с чаем, и Аня готова была поклясться, что нарисованный дракоша показал с фарфорового бока магу язык, — выделим людей и поддержим защиту, но и вы должны обещать — никаких больше рисков, никаких спасательных операций, несогласованных с нами. Хорошо?

Аня неловко повернулась, чашка опрокинулась, чай потек по столу и не просто так, а метко на колени сидящего рядом Павла.

— Ой!

Маг вскочил, отмахнулся от извинений Ани, мигом высушил брюки и удалился на кухню за новой чашкой для Ани.

— При одном условии, — девушка понизила голос, воровато оглянулась — на кухне зашумел чайник, — никаких последствий для Павла.

Тахмар посуровел, но вошел в положение и шепотом возразил:

— Он наш сотрудник.

— Он — начальник моей охраны, — парировала девушка.

— Его личная заинтересованность мешает работе.

Аня почувствовала, что краснеет и тут же разозлилась. Как оказалось ругаться шепотом было непросто.

— Его заинтересованность меня устраивает. И учтите, я крайне сложно привыкаю к новым людям, а уж доверяю им и того меньше. Хотите проблем? — и она выразительно приподняла бровь. Маги проблем явно не хотели, уступить тоже. Впрочем, Арвель не вмешивался, делая вид, что

чаепитие — все, что его интересует в жизни, а Тахмар хмурится исключительно из упрямства, и проблема выеденного яйца не стоит.

Неожиданно и Тахмар пришел в отличное расположение духа, блеснул черными глазами и, хитро улыбнувшись, предложил:

— Хорошо, мы это обсудим и постараемся не менять привычное для вас окружение, но у меня условие, — Аня напряглась, ожидая ограничительных мер ее свободы, однако Тахмар удивил: — Вы нас порадуете борщом. Уж очень вкусный он у вас выходит.

Арвель поддержал, добавив:

— Можем вам Таймару в помощь отрядить.

Аня понятливо кивнула — ее отправляли на кухню, найдя благовидный предлог.

— Конечно, будет вам борщ.

Правило женской мудрости — согласиться и сделать все по — своему. Пусть расслабятся, пусть считают, что отстранили от дел, у нее есть свои глаза и уши в этом доме, и магов из-под надзора она не выпустит. А пока...

— Господа, ночь предстоит непростой — выпьем потом по чашечки кофе?

Господа согласно улыгнулись. Стороны пришли к пониманию. Надолго ли — покажет время.

ГЛАВА шестнадцатая

Вернувшийся Павел был приятно удивлен воцарившейся на кухне благостной атмосферой.

В коридоре, куда Аня заглянула перед тем, как пойти готовить кофе, было в разы оживленнее. Во-первых, добавились животные. Собаки бодро трусили рядом с хозяевами, кошки ехали в багаже, а люди передвигались легкой трусцой. За плечи не держались, соблюдая минимальную

дистанцию и ухитряясь, не наткаться друг на друга. Видимо, тренировались в ожидании своей очереди.

Аня оглядела ряды людей и удовлетворенно вздохнула- если Арвель сдержит обещание, а он его обязательно сдержит, все будет хорошо.

Мимо, по выделенному коридору, навстречу потоку шел высокий парень — совсем молодой, на загорелом лице еще не начала расти щетина. Шел медленно, с трудом, покрасневшие глаза выдавали усталость.

Маг-пространственник — догадалась Аня. Из тех, кто переносит крупные объекты, пряча их в пространственные карманы. Интересно, сколько рейдов он уже сделал и сколько собирается?

— Устал? Кофе хочешь? — спросила, поддавшись порыву, и парень остановился, непонимающе глядя на нее, а потом вдруг просветлел лицом и быстро заговорил на своем языке. И опять слова странным образом переворачивались у нее в голове и становились понятными.

Он не знал, что такое кофе, но был готов выпить яду, если на то будет желание прекрасной хозяйки.

Хозяйка не удержалась от улыбки — горячие слова, жаркий взгляд, полный обожания...

— Яда нет, — честно предупредила, — а вот кофе налью. Пошли, передохнешь пару минут, — и она потащила парня на кухню.

Андрей Травкин с утра приступил к активным действиям, а именно: выдержал еще один приступ любопытства матери и, проигнорировав все женские уловки, сбежал на утренний Сапсан.

Его немного беспокоило ощущение чужого взгляда, от которого чесалось между лопаток и острее саднила разбитая вчера бровь. Андрей применил все навыки обнаружения слежки, но вынужден был признать — паранойя. Впрочем, бдительность терять не стал, справедливо придерживаясь точки зрения: интуиция — вторая мать сыска, а первая — здравый смысл, опирающийся на знание закона и процессуальной практики.

В Сапсан попал с трудом: пятница — день активный для поездок между столицами. Помогла корочка, серьезное лицо и лишняя пятисотка в удостоверении.

Москва встретила ставшей привычной суетой, зазывающими таксистами на площади и исполненными надеждой лицами гостей столицы. Он не стал брать такси, спустился в метро. На Комсомольской, как всегда, было оживленно, впрочем, толпы черных, одно время оккупировавших эту станцию, давно уже растворились в волнах постигшего страну кризиса.

Андрей раздраженно передернул плечами, чувство постороннего взгляда усилилось, оно буквально вопило об опасности, но сколько он ни косил взглядом, ни оборачивался, ни резко останавливался у киоска, ничего заметить не смог. Плюнул и поехал домой.

Принял душ, наскоро перекусил тушнякам с макаронами и позвонил супруге Жернова. Та жила недалеко, и скоро Андрей уже пил чай на просторной кухне, беседуя с Тамарой Веноровной.

— Значит, ваша клиентка решила купить ту халупу? — спросила Тамара Веноровна, и на ее лице промелькнуло выражение тщательно выверенной гадливости.

— Да, все верно.

Андрей помешал сахар в чашке, мельком оглядел дорогую, но ныне безнадежно устаревшую кухню, плотно заставленную техникой, коробочками, баночками, отчего складывалось ощущение, что свободного воздуха здесь осталось на один вдох.

— Что же, — Тамара Веноровна покрутила на толстом пальце массивный перстень, коснулась серьги в ухе и с сожалением призналась: — Квартиру он получил в наследство после развода, потом продал ее какому-то мужику, а деньги пропил. Вашей клиентке опасаться нечего, претендовать, даже если захотела, все равно бы не смогла. Да и на что там претендовать?! — она демонстративно повела плечом, плотно обтянутым синим шелком.

— Не скажите, — покачал головой Андрей, — деньги за нее можно выручить немалые. Хороший район, кирпичный дом.

— Да ладно вам рассказывать, — всплеснула руками Тамара Веноровна, — у этого человека не могло быть ничего стоящего! Если бы вы знали, сколько крови он у меня выпил, сколько нервов испортил!

— Но ведь эту квартиру он вам оставил? — уточнил Андрей. Вопрос задал из чистого любопытства, ситуация ему была уже ясна.

— Он? Оставил? Да если бы я не выгрызла эту квартиру у руководства его долбаного института, мы бы так и жили в той жуткой коммуналке на Коломне. Представьте себе, профессор — и в коммуналке! Да что там... сама заработала, сама в ней и живу! — припечатала Тамара Веноровна.

— Понимаю, — протянул Андрей, ощущая прилив сочувствия к почившему господину Жернову. — А что с остальной недвижимостью? Вы получили ее в наследство?

— Недвижимость? — ярко-черные брови-татуаж Тамары Веноровны взлетели вверх. — Вы шутите! Какая у этого пьянчуги была недвижимость? Развелся, жил у каких-то друзей в Питере, потом в наследство квартиру получил. Никакой больше недвижимости у него не было, да и быть не могло. Уж поверьте, я знаю, о чем говорю. Он только и заработал, что эту квартиру в Москве. Даже на дачу не хватило.

— М-да, — с трудом изобразил сочувствие Андрей. Мысли в его голове лихорадочно заметались. Страдает ли госпожа Жернова амнезией? Не похоже. Вид здоровый, речь адекватна. Могла она не знать о покупке дома супругом? Маловероятно. Дом был куплен в браке, развод последовал примерно через год после того... Такая женщина, как Тамара Веноровна, новые часы у мужа не пропустит, не то что целый дом. Тут явно что-то другое.

Он наскоро распрощался с Жерновой, принесся с десяток благодарностей и оставив на столе в кухне коробку конфет. Его все более неудержимо тянуло в Тверь.

Но сначала следовало посетить начальство, отчитаться и озвучить

больше выводов и сомнений, чем собственно фактов. Начальство, естественно, недовольно покрутит усами, поморщит высокий лоб, но добро на Тверь даст. В этом он даже не сомневался. Дело, на первый взгляд, не их ведомства — черные риелторы, но молодым сотрудникам дозволялось и даже поощрялось в меру проявлять инициативу... Заматереют, обленятся, тогда сами от дел шарахаться будут, а пока не угас пыл работы, пока еще остался интерес и желание распутывать дела, пусть практикуются. Опять же утереть нос смежникам всегда приятно.

Про связь с делом пяти трупов Андрей решил пока не упоминать. Мало того, что мистикой пахнет, так еще и любой из коллег за пять минут разобьет его доказательства в пух и прах. Он и сам прекрасно понимал зыбкость своей теории, но чутье, будь оно неладно, твердило обратное.

Примерно так рассуждал Андрей, паркуя машину около здания конторы.

Подошел к высоким стеклянным дверям, и тут боль шурупом вернулась в грудь, принеся с собой слабость. Закружилась голова, мир поплыл перед глазами, и Андрей оперся о стену, чтобы не упасть.

— Андрюх, ты чего? Плохо что ли?

Голос Ивана Табакеркина прорвался сквозь странную пелену, опутавшую сознание, Андрей рванул молнию на куртке, вдохнул наконец холодный воздух и тихо застонал. Сердце сдавило от боли, в ушах зашумело.

— Держись, брат, щаз скорую вызову, — Иван уже тыкал в экран телефона.

«Не вовремя, твою мать» — пришла мысль и погасла. Мир исчез, а он сам нырнул в омут безвременья.

Очнулся, когда медбрат хлестал по щекам. А потом было завывание сирены, пахнущие резким лекарством коридоры больницы, мягкие руки сестры и острая боль укола. И голова снова уплыла в уютную темноту.

Он проводил отъезжающую скорую внимательным взглядом, вытер

мокрый от пота лоб и, сделав усилие, вошел в кафе. Плюхнулся за ближайший столик, заказав себе молочный коктейль, чашку двойного капучино и стакан свежевыжатого апельсинового сока.

Да... сил он потратил на этого мужика немерено, чуть сам за ним в обморок не грохнулся. Знал ведь, что устойчив парень к воздействию, нет, понадеялся, что кровная привязка поможет. Она и помогла, только не так, как он рассчитывал — сторела, ударив в оба конца.

Тагир поморщился, потер левую часть груди. Отдача — всегда неприятно, а уж в пустом мире тем более.

Принесли заказ, и он залпом выпил сок, попросив повторить. Молоденькая официантка удивленно вскинула брови, но устучала каблуками на кухню.

Тагир бросил взгляд на часы — пожалуй, он успеет на вечерний Сапсан. Фейс на неделю выведен из строя, а потом посмотрим — будет ли он вообще продолжать копать или успокоится. Все же сердечный приступ — дело нешуточное.

Маг потянул через трубочку коктейль, довольно прикрыл глаза. Завтра суббота, надо выбрать место для ужина с Аней. Повторяться не хотелось. Аня — особа творческая, а в Маринке... Он включил телефон, нашел сайт театра. Так и есть, завтра идет балет «Ромео и Джульетта», что может быть романтичнее? Поужинать можно и перед спектаклем.

Прошлый раз они не с того начали. Аня явно приняла его за волокиту и тут же заняла оборонительную позицию. Что же... он брал штурмом и не такие форты. Аня сама по себе прекрасная женщина, а уж за удовольствие позлить болотных жаб он готов и за страхолюдиной приударить.

Официантка принесла еще сок, Тагир проследил, как кольшутся обтянутые короткой юбкой аппетитные полушария, и подумал, что вполне может задержаться и поехать в Питер завтра утром. Пятница, вечер, дело сделано, так почему бы не отдохнуть?!

Чашка кофе сделала свое дело. Парень расслабился, перестал озираться по сторонам, косясь на чужую обстановку, и недоверчиво

принюхиваться к непривычному аромату напитка.

— Вкусно, — вынес он вердикт после пятого глотка. Аня спрятала улыбку за своей чашкой и потянулась к рюкзачку — когда еще доведется поймать такой ракурс: замызганная советская кухня, крохотный столик и загорелый парень с черными кудрявыми волосами, одетый в светло-бежевую тунику с тяжелым кованым медальоном на груди и серьгой в ухе, а глаза...

Как там было? "Атланты держат небо..."

Атлант у нее выходил юным, со строгим, усталым взглядом и невидимым грузом, придавившим широкие плечи.

— Почему вы не приняли их условия? Не перебрались на материк? В тесноте, зато живы.

— У нас есть предание, — маг говорил медленно, сам с задержкой понимал ее речь и давал время понять его, — наши предки вышли из моря, увидели чудесный остров и решили, что под небом им будет лучше, чем под водой. Они научились ходить, дышать, говорить и стали людьми. Звучит странно, но до сих пор наши дети иногда рождаются с перепонками между пальцев, а большинство плавать умеет лучше, чем бегать.

Вам не понять, для нас море — это все. Потерять его — значит потерять самих себя. Вот мы и решили: море нас родило, пусть оно нас и убьет. Лучше так, чем сдохнуть в болоте чужого мира.

— Вы потому отказались уходить с острова? Решили, вас отправят в болотный мир?

— Или в резервацию каменной пустыни Лосхата. — Красивое лицо юноши исказила гримаса боли. — Вы бы видели, какой ужас там творится!

— Тогда почему согласились уйти с острова?

Маг отставил кружку, поднялся и с поклоном произнес.

— Мне пора, Хозяйка. Спасибо за доброту.

— Погоди, — Аня тоже поднялась, — я тут термос видела, налью кофе. Поделишься с товарищами.

Он не стал возражать, прислонившись к косяку, терпеливо ждал, следя за ней внимательным взглядом.

— Держи, — Аня протянула термос, на мгновение их пальцы встретились.

— Берегите себя, Хозяйка, — голос мага дрогнул, — хоть я не имею права ответить на ваш вопрос, знайте, более преданных слуг, чем чойгвейцы, у вас нет. Мы придем на помощь по первому зову.

— И давно ты понимаешь нашу речь? — на пороге стоял Павел, и выглядел он встрепано и раздраженно.

Чойгвеец коротко кивнул магу и молча удалился, прижимая термос к груди.

— Ты не спрашивал, я не говорила, — ответила Аня, вставая к раковине мыть чашки.

Внезапно убогость кухни стала раздражать сильнее, а новенькая кофемашинка только подчеркивала своим блеском царящие вокруг грязь и разруху. Что она здесь забыла? Там, в коридоре, вершится история. Один мир умирает, второй приобретает новых жильцов, а она?

Чашка сердито стукнулась о стол, и дракончик на боку недовольно зашипел.

— Аня, я должен сообщить Арвелю.

— Должен так должен, — руки сами начали отчищать поверхность стены от жировых потеков — бесполезное занятие, тут только сносить кафель и класть новый, но она готова разрушить все, лишь бы отвлечься от стоящего за спиной Павла, от дурных мыслей, что заползли в голову и душат своей злобой.

— Я не хочу делать это без твоего согласия, — произнес маг.

Теперь ей захотелось плакать. Почему, Господи, все так сложно в их отношениях? Или она сама усложняет? Почему она никак не может полностью довериться переселенцам? Словно каждый раз что-то останавливает. То Тагир с теневиками, то Фиолетик, теперь вот чойгвейцы с резервацией.

Если подумать, все логично. И резервация, и болотный мир, но на душе-то как погано!

— А если я попрошу не говорить?

Павел подошел, обнял, обхватил ладонями ее руки, и металлическая мочалка упала в раковину.

— Тебе придется это сделать рано или поздно, но я дам тебе время.

— Спасибо, — она откинулась, пристраивая голову на его груди. И стало вдруг спокойно и легко стоять вдвоем на уютной кухне, наполненной запахом кофе.

— Спать пойдешь? — прошептал Павел.

Под ногами слабо мяукнули, а потом требовательно заскребли по сапогам. Аня наклонилась — один из котят выбрался из коробки, куда она их пристроила, и теперь явно желал получить порцию еды и ласки.

При мысли о теплой кровати потянуло зевнуть.

— Обязательно, — девушка подобрала котенка с пола, прижала к себе, — только устрою двух оборотов. Надо бы туалет им соорудить и молока.

— Я видел опилки в сарае, сейчас принесу, а молоко было в холодильнике.

Павел коснулся губами ее виска, сжал плечи и ушел, оставив ее счастливо улыбаться и прижимать к себе урчащий пушистый комок.

Она порылась в шкафчиках и, не найдя ничего другого, налила молока в чашку с дракончиком. Котенок радостно мяукнул и тут же отскочил — дракончик явно был недоволен понижением статуса и попытался укусить малыша.

— Ну-ну, не балуй, — пригрозила Аня, но котенок справился и без нее. Устрашающе зашипев и выгнув спину, он заехал лапой по зеленой морде, подцепил коготком длинный красный язык и потянул. Теперь пришла очередь истошно верещать дракону.

— Все, успокоились.

Аня отцепила коготь, и дракон обиженно переполз на другой бок чашки, а котенок бросился лакать молоко. Второй, узрев кормешку, поспешил присоединиться. На кухне воцарился мир.

Девушка потеряла виски. Устала. Как же она устала за сегодня. Дурдом мира Фиолетика медленно, но верно пробирался в ее дом. Или она просто не замечала очевидного? Какие порталы? Какой там пересадочный центр? Она Хозяйка сумасшедшего дома. Точно так. Русалки, драконы, говорящие цветы и кусающиеся чашки. Так и с ума сойти недолго.

Прозрачная мужская рука в застиранной синей рубашке потянулась сквозь Аню в шкафчик. Девушка с визгом шарахнулась в сторону, смахивая на пол с кухонной тумбочки миски, чашки. Кухня наполнилась грохотом и звоном посуды.

Аня стояла, держась рукой за левую половину груди, и расширенными от удивления глазами — страх прошел — смотрела, как мужик, одетый в треники с пузырями на коленях, синюю сильно заношенную рубашку и стоптанные тапочки, с деловым видом шарит по шкафчикам на кухне, недовольно бормоча себе что-то под нос. Ну словно у себя дома! И ничего, что сквозь него видна противоположная стена с окном!

Оба котенка, оторвавшись от молока, дружно шипели на гостя.

— Кхм, — откашлялась Аня, сложила руки на груди и приняла строгий вид.

Мужик замер, потом медленно повернулся. Черты его лица смазывались просвечивающим фоном: замызанной стеной и висящей на крючках утварью, но интуитивно Аня догадалась, что гость удивлен. Видимо, тем, что она еще здесь, а не убегает сломя голову. Знал бы он, что после шуточек Фиолетика ее трудно испугать одной лишь призрачной рукой.

— Уважаемый, не желаете объяснить, кто вы и что здесь делаете?

Уважаемый — это, конечно, был сарказм. Никакого уважения к хозяйничавшему на кухне мужику Аня не испытывала. Да и вид у него был... Жидкие встрепанные волосенки, с просвечивающей лысиной на макушке, лицо красное, с четко проглядывающими прожилками сосудов, взгляд бегающий, мелко подрагивающие руки, все время пребывающие в движении. И странное дело, кружки переставлялись, ложки меняли свое место, кухня ему подчинялась, несмотря на всю полупрозрачность гостя!

Аня вдруг ощутила легкое беспокойство и какое-то дежавю. И смутное понимание уже маячило в глубине сознания.

— Прячут, прячут, — повысил голос призрак, — все время прячут. Не знаешь, где?

— Что где? — растерянно переспросила девушка.

— Ее, родимую, прячут, — еще более непонятно пояснил гость, потом махнул и скорчил гримасу безнадежности: — Молодая, не поймешь.

Аня неожиданно для самой себя обиделась.

— То есть, если молодая, так дура?

— Дура, — согласился мужик и обнажил кривые зубы в неприятной ухмылке, — молодые — они всегда дуры. А если увидят, так сразу орать — алкоголик, алкоголик! Как будто одна бутылка сразу тебя нечеловеком делает.

— Ну, допустим, вы и так... — и Аня выразительно оглядела гостя.

— А... это? — протянул мужик и, подняв руку, посмотрел на девушку сквозь ладонь. — Пить не мешает и ладно.

— Аня, я все нашел, — вошедший Павел замер на пороге. Его лицо стало кислым, а вот мужик явно обрадовался.

— Павлуша, дорогой, — он шагнул навстречу, расставив руки, — я сюда, а она тут все переставила, — заложил он девушку.

— Не переставила, а навела порядок в этом гадюшнике. И вашу родимую, кстати, не трогала. Ее тут просто не было. Видать, выкинули еще до меня.

Мужик схватился за сердце, и растерянным голосом, в котором явственно слышалась нарастающая паника, спросил: — Как выкинули? Куда выкинули? Павлуша, скажи этой... Быть такого не может. В своем доме уже и выпить нельзя.

Аня повернулась к Павлу: — Да-да, скажи нам, Павлуша, почему это в МОЕМ доме ходят призрачные алкоголики и клянчат водку!

— Ничего я не клянчу! — обиделся мужик. — Дура!

— Алкоголик! — не осталась в долгу Аня.

— Дура!

— Алкоголик. Даже на том свете не можешь перестать пить!

— Где хочу, там и пью. Хоть на этом свете, хоть на том. Дура!

— Алкоголик!

— Так, стоп!

Павел опустил на пол коробку с опилками, шагнул вбок, отодвинул часть стены, оказавшейся фанерой, закрывавшей нишу, достав оттуда бутылку водки.

Мужик громко сглотнул и зачарованно потянулся к магу.

— Сан Саныч, — Павел отступил, пряча водку за спину, — я вас очень прошу, не беспокоить никого в этом доме. И отставить уже ваши шуточки! Хотите выпить — найдите меня.

— Я искал, — заерепенился Сан Саныч, — думаешь, легко найти? В доме не протолкнуться от народа, наверху стучат, красят, внизу куда-то постоянно идут, собаку и ту завели. Не дом, а сумасшедшая палата. Совсем житься не стало.

— Сан Саныч, — угрожающе повторил маг.

— Понял, я, понял, — поник призрак, — не появляться, не тревожить, не шутить.

— Так-то, — удовлетворенно кивнул Павел и протянул бутылку.

— Подождите, — вдруг остановила собирающего улизнуть с добычей призрака Аня, — вы ведь хозяин дома, так? Ну, были хозяином.

— Был, сплыл, какая разница? — Сан Саныч явно торопился остаться наедине с вождеденной бутылкой, но Аня не собиралась его отпускать просто так. Пусть вредный ворчливый старикашка, но он же был первым, кто закрепил здесь порталы.

— Никогда не пробовала водку, угостите? — предложила она и, видя, что Сан Саныч колеблется, добавила: — Посидим компанией, поговорим.

— Аня, давай в другой раз, — вмешался маг и красноречиво махнул рукой. Призрак понятливо кивнул.

— Слышь, Хозяйка, ты видно девка хорошая, мы с тобой обязательно посидим, бутылочку раздавим, но потом, не сейчас.

Он бочком протиснулся мимо мага и попытался сходу пройти сквозь дверь напрямик, но в последний момент сообразил, что водка на подобный подвиг не способна и открыл дверь по-человечески. Козырнул Ане, поддернул штаны и аккуратно прикрыл за собой дверь.

ГЛАВА семнадцатая

Вопросы так и вертелись у Ани на языке — миллион и еще один, но задать их она не успела: дверь на кухню снова отворилась, и на пороге возник Арвель — видать чутье на неприятности привело. Окинул взглядом беспорядок, нахмурился.

— Поссорились? — спросил вдруг.

Посмотрев на смутившегося Павла, Аня вдруг подумала об очевидности ее симпатии или же прозорливости куратора Проекта, а может, ее начальник охраны излишне откровенен со своими?

— Сан Саныч заходил, — пояснил Павел и тяжело о чем-то вздохнул.

— Ясно, — еще больше помрачнел Арвель и тоже вздохнул.

— Может, и мне расскажете, что вам ясно? — с иронией осведомилась девушка. Теперь, после того как призрак-алкоголик испарился из кухни, ситуация стала выглядеть даже забавной.

— Аня, пройдемте в столовую, — пригласил вдруг маг, — чай не предлагаю, но посидеть за столом и спокойно поговорить мы можем, — и он указал на новенькую, пахнущую деревом дверь, которую только вчера восстановили на своем исконном месте — между столовой и кухней. И теперь не требовалось таскать подносы с едой в обход по коридору.

Павел задержался, устраивая в углу коробку с опилками, и без него Аня ощутила себя неуютно. А она, оказывается, привыкла, что он все время рядом — и поддержит, и поругает, и помолчит. К хорошему быстро привыкаешь, н-да.

— Аня, понимаю, вы несколько удивлены, — маг сцепил руки в замок, уперев в девушку пристальный взгляд. Он снова вернул себе невозмутимость аристократа и был готов встретить любое обвинение со снисходительностью старшего товарища.

— Удивлена? — вскинула брови Аня. — Действительно, не каждый

день встретишь на кухне привидение, забредшее туда в поисках бутылки водки. Но мне интересно другое. Как долго вы планировали скрывать его существование от меня? Кстати, потакать, пусть и умершему, алкоголику в его страсти — не лучший вариант. И как получилось, что его душа осталась здесь, а не ушла, как и положено, на тот свет?

Арвель, не поморщившись, выдержал напор девушки. И ответ его был, похоже, давно обдуман.

— Ваше негодование справедливо, Аня. На вас сейчас многое навалилось, вы чувствуете большую ответственность. А Сан Саныч... Не стоит на него обижаться, он — безобиден. Надоедлив, ворчлив, но безобиден, да и не душа это, в том понимании, которое вы вкладываете в это слово.

— Не душа?

— Скорее, часть души, та самая, которая больше всего связана с этим местом. Если вы позволите, я немного отвлекусь в сторону. Скажите, Аня, вы верите в Бога?

Девушка задумалась. Глубокая ночь, желтое пятно света на скатерти от абажура, к ногам подобрался один из котят, и она взяла его на руки. Из коридора сквозь приоткрытую дверь доносился стройный звук шагов — эвакуация шла полным ходом. Еще дня два, и они закончат, как доложил довольный Тахмар. Она только что познакомилась с прежним хозяином дома, который умер полгода назад, и даже предложила ему выпить. И вот теперь вопрос о Боге. Конечно, когда еще поговорить о таком.

— Верю.

Мама почему-то считала ее болезненным ребенком и всего боялась: то коклюша, то гриппа, то скарлатины. И как врач подходила к вопросу здоровья дочери глобально, то есть со всех сторон: закалка, дорогушие витамины и причастие почти каждое воскресенье. Они, конечно, вместе читали детскую Библию, Аня ходила пару лет в воскресную школу, но все куда-то исчезло, растворилось с взрослением. Выпускной класс — свечка перед экзаменами, исповедь после ночи с первым мужчиной, после первого предательства — все это было. И тянуло в церковь каждый раз, когда

наваливалась тоской жизнь, когда давило и ломало, тогда сама бежала в храм, а чтобы регулярно, полностью — нет, такого не было.

— Вера — это хорошо, — поддержал ее Арвель, — человек должен во что-то верить, иначе в его жизни образуется слишком много пустоты, которую он пытается заполнить не всегда хорошими вещами.

— Например, водкой, — кивнула девушка и прищурилась: — А вы? Вы верите?

— Да, — с достоинством кивнул маг, — но у нас все немного иначе, сложнее, чем просто ад и рай. Вы теперь и сами знаете — миров множество, и я не открою вам тайны, если скажу, что кроме материальных есть и бесплотные миры. Читали Лествицу Иоанна Лествичника? Удивлены? Знаете, как у нас говорят — познай веру, поймешь и душу. Вот я и пробовал познавать. Завет читал. И Ветхий, и Новый. Ваш Христос... У нас бы его посчитали великим, а у вас... В пустом мире нет ни магов, ни магии. Остается одно — Бог. Но вернемся к нам. Представьте Лествицу миров. Бесконечную Лествицу. Чем выше, тем ближе к Создателю, чем ниже, тем ближе к хозяину мрака. Где-то в центре находятся материальные миры, а по краям — энергетические. Каждая ступень — испытание. Как проживешь, так и пойдешь — либо вверх, либо вниз. На некоторых еще не поздно задуматься, остановиться и рвануть вверх сразу на пару ступеней, на некоторых дорога только вниз, во мрак. И чем дальше от центра, тем более меняется душа, становясь похожей или на Создателя, или на того, кто прячет лицо во мраке.

А Сан Саньч... Магия не дает знаний о том свете, так что где его душа сейчас, на какой ступени, я сказать не могу, но с его призраком все проще. Предметы, как и люди, имеют энергетическую память. Если долго носить одно и то же украшение, оно сохранит отпечаток вашей ауры. А дом, да еще с порталами... Наш призрак — это воспоминание дома о прежнем хозяине, не лучшее, скажу я вам, но какое есть.

Вот как... призадумалась Аня. Станный у них выходит разговор. И Бог, и миры, и Лествица. Интересная религия у переселенцев. Переход, но только не в рай или ад, а в другой мир. И куда именно — выбор, и только твой. Можно сказать — всю жизнь выбираешь. Вот как проживешь, сколько плохого или хорошего совершишь — туда и попадешь. А наш

материальный мир — лишь ступень на этом пути. Непростая, надо признать, ступень, но кто знает, что происходит с душой в нематериальных мирах, и не сложнее ли там? Без еды, без телесных радостей, а болезни... Душа порой болит сильнее тела, особенно если в ней начинает говорить совесть.

— Кажется, Анечка, я вас немного утомил, — голос Арвеля был сама забота, — простите старика за это незапланированное представление с призраком. А вы — молодец, хорошо держались, — и он перевел взгляд девушке за спину.

Павел, — догадалась Аня, но оборачиваться не стала. Хватит того, что при мысли о Павле невидимое тепло согрело сердце, а в воздухе ощутимо запахло сиренью. Неожиданно для зимы, хотя... Что может быть нормальнее сирени в декабре? Осталось только поверить в подснежники под Новый год и все... здравствуйте, белые палаты.

И словно в противовес ее сомнениям пушистая ветка с желтыми цветами легла на стол. Крупные соцветия, собранные в кисти, мало напоминали собой сирень, но пахли именно так.

— Просили передать, — с легким оттенком неприязни в голосе произнес маг.

Аня дотронулась до цветов — желтая пыльца осела на кончиках пальцев, а запах стал сильнее. Это был запах солнца, журчащего ручья, первой трели соловья, мокрой после дождя травы, это был запах весны. И Аня вдруг ощутила, как отступает усталость, как уходит раздражительность, а тело наполняется легкостью.

Бессонная ночь — легко. Еще кофе? С радостью. Ведь уйти наверх сейчас было бы сродни предательству. Остальным — труднее. От их упорства и силы воли зависело с чем останутся чойгвейцы в чужом мире.

— Ты куда? — обеспокоенно уточнил Павел, когда она прошла мимо него на кухню.

— Кофе варить, — ответила, перекрикивая шум перемалывающихся зерен.

В столовой о чем-то тихо заспорили мужчины, но Ане было решительно все равно, что о ней думают переселенцы. Она нужна чойгвейцам, пусть ее помощь минимальна, но она ее окажет.

Проснулась Аня в обед, с недоумением оглядела комнату, себя в кровати, одетую, но под одеялом. Ботильоны стояли рядом на полу. Приподнялась, заглядывая в окно. Стоящее высоко солнце намекало на то, что ранние пташки уже сто дел переделали, пока она тут почивать изволит.

Кажется, она отрубилась, сидя на стуле. И было это после двадцатого или тридцатого гостя на кухне? Аня смутно помнила усталые лица, сбивчивые слова благодарности, термос, который она наполняла еще не один раз, и озабоченные взгляды Павла, отчаявшегося уговорить ее идти отдыхать.

Что еще? Кажется, она сварила-таки борщ. Навестила пару раз Фиолетика, убедилась, что эвакуация идет, как надо. И только потом позволила себе задремать на неудобном стуле. Кажется, заглядывал Сан Саныч, ворчал, что девку не жалеют, скоро будет не разобрать, кто из них призрак — три пердинки до смертинки осталось. Кажется, Павел пытался оправдываться, а старик советовал брать в охапку и тащить из кухни, даже предлагал веревку ради такого дела пожертвовать, если рыпаться начнет. А у нее не было сил возмутиться бесцеремонностью бывшего хозяина.

Потом был провал, и как она оказалась в собственной постели, Аня не помнила. Совсем.

Рядом шумно зевнули, и на краю постели показалась черная морда. Мокрый язык прошелся по руке — Вальди.

— Что, мой хороший? Проспали мы с тобой все на свете?

Аня потрепала пса по голове. Тело ломило, в голове было пусто, и хотелось одного — спать и спать. Она сладко зевнула, и Вальди подхватил зевок хозяйки.

Через пять минут умытая, одетая в свежий бадлон Аня спускалась по лестнице. В доме было подозрительно тихо, а в коридоре

настораживающие пусто. Она заглянула в столовую и задержала дыхание — там, сидя за столом, положив головы на руки, сладко спали трое: Тахмар, Павел и Арвель. Похоже, так устали, что сил дойти до постели не оказалось. А как же эвакуация?

Она тихонько отступила в коридор, но тут Павел, словно учуяв ее, поднял голову, мутные от сна глаза несколько мгновений смотрели непонимающе, потом взгляд мага прояснился.

— А, Аня, — зевнул он, потер руками лицо, — проснулась.

Он взглянул на часы, что висели на стене, и снова зевнул, прикрывая ладонью рот, потом пояснил:

— Больше четырех часов подремали, пора вставать. Твой Фиолет вытребовал пять часов на отдых. Пришлось уступить, — недовольно скривился маг.

— Он был прав, — сонно пробормотал Арвель, не поднимая головы, — мы теряли темп, народ растягивался, а кое-кто спал прямо на ходу. Нам всем требовался отдых.

— Но как же остров? — нахмурилась девушка.

— Прислали помощь с материка, — поднялся с места Тахмар, встряхнулся. С помятым от сна лицом, в неизменной черной рубашке и всклокоченными волосами, он как никогда напоминал собой старого ворона. — Не беспокойтесь, Аня, все под контролем. Еще день-полтора и мы закончим. А вы — отдыхайте, смотрите, какая чудная погода на улице. Гулять и гулять, — и он махнул рукой в сторону окна, где действительно заманчиво светило солнце, а чистый белый снег искрился соками зимы.

Девушка поняливо усмехнулась — она снова важная персона, которой белы рученьки замарать нельзя. Помощь с материка — хорошо, вот только, что маги захотят взамен? Как уже поняла Аня, правительство умирающего мира не имело привычки разбрасываться помощью на халяву.

На кухне что-то грохнуло, жалобно зазвенели осколки по полу.

Девушка распахнула дверь — от кофейного аппарата подняла голову сосредоточенная Таймара, рядом на полу валялась разбитая кружка, от которой медленно растекалась коричневая лужица, в ней уже шлепали лапами котят, однако боевую магиню сложившаяся ситуация ничуть не смущала.

— Кофе? — предложила она и, не дождавшись ответа, бросилась нажимать кнопки. Машина, чуть подумав, мстительно высветила красным одну из кнопок. Таймара «зависла», на лбу у нее морщинками собралась обида.

— Воды налей, — голосом Сан Саныча проговорила стена рядом с ней. Прозрачная рука для верности высунулась и ткнула в нужном направлении. Таймара просветлела лицом, кинулась подливать воду в контейнер.

Аня, прислонившись к косяку, сложив руки на груди, с улыбкой наблюдала за творящимся действием. Звякнула микроволновка, и Таймара, нацепив рукавички, с торжественным видом достала тарелку — восхитительный запах свежее испеченных булочек с корицей наполнил собой кухню. Девушка повела взглядом — в углу на тумбочке обнаружилась пустая упаковка из-под полуфабриката — и успокоено перевела дух — чуда не случилось, но прогресс на лицо.

Странно, что маги упорно не хотели брать в команду лишних людей, предпочитая использовать боевых магов на кухне, ну да это их дело. А сейчас ей всеми силами демонстрировали — бессонное бдение повторять не обязательно. Кофе сварить и разогреть замороженные булочки или пиццу они в состоянии и сами. Загвоздка лишь в одном — ради чойгвейцев кофе варить никто бы не стал.

— Нет, спасибо, — она говорила четко и отдельно, чтобы Таймара поняла, — лучше чай. И борщ остался?

— Борщ! — уловила знакомое слово магиня, тут же бросившись к холодильнику.

— Им предложи, — махнула Аня рукой в сторону столовой, изучая

удивленным взглядом десятилитрового монстра, которого с трудом удерживала в руках Таймара. Неужели это она сама сварила? Вот бы мама удивилась. Обычно ее на кухню не затащишь, а тут... разкухарилась, одним словом. Гены, н-да. Бабушка, рассказывали, на мамину свадьбу одна стол накрывала.

Из стены приветственно махнул Сан Саныч, шепотом отчитавшись, что все в порядке — он присмотрит. Монстро-машина почти приручена, микроволновка тоже, а вот с домом надо что-то делать. До жились — стада по коридору гонят, а навоз кто убирать будет, а?

Аня обещала разобраться, налила молока котяткам, дала корма Вальди, помогла вернувшейся Таймаре поставить греть борщ. Оглядела кухню взглядом полковнца и решила, что вполне может позволить себе помыть посуду позже, а пока... чай с булочкой, и пусть весь мир подождет.

Во время завтрака, плавно переросшего в обед, маги обсуждали непонятные сектора, сыпали цифрами, ругались на координаторов, поносили неизвестных девушке личностей — шел обычный рабочий процесс исхода в другой мир. Аня внимательно вслушивалась, запоминала. Никто не требовал, чтобы она с ходу во всем разобралась. Честно сказать, вообще не требовал, чтобы она хоть в чем-то разбиралась, но чем ей заниматься? Пить водку, как Сан Саныч, или играть целыми днями в бродилки? А зачем, если реальность гораздо интересней?

Она разберется, обязательно во всем разберется, дайте только время.

— Павел, — остановила Аня поднявшегося из-за стола мага, его товарищи поспешно удалились, оставив их двоих, — можно вопрос?

Павел кивнул и вернулся за стол.

Ане вдруг захотелось провести рукой по черным волосам, ощутить под пальцами колючесть его небритой щетины, прижаться, вдохнуть аромат туалетной воды — горький цитрус — и расслабиться, не думая ни о чем.

Она стояла, разглядывая его осунувшееся лицо, синяки под глазами, и понимала, что никого красивее не встречала в жизни. И не нужны ей другие мужчины, у нее уже есть один, а остальное... прорвемся как-нибудь.

— Расскажешь, с чего такая щедрость? Переправка скота, магипогодники — и все ради чойгвейцев?

— Не веришь? — скривился Павел, вздохнул и подтвердил: — И правильно делаешь. Чойгвейцы со своим упрямством никому не интересны, но вот мир Фиолета... Это архипелаг, Ань, и за тем островом еще семь. Три крупных, четыре средних.

Горечь вползла в сердце девушки, холодя душу.

— Это плохая идея, — проговорила тихо. Сладко пахли булочки с корицей, шумела на кухне вода, потом раздался звон — Таймара продолжала уничтожать посуду. Ну и пусть, подумала Аня, давно пора заменить старье. Оставить дракончиков, а остальное выкинуть.

— Согласен, плохая, — помрачнел маг, — но выбора нет. Понимаешь, Ань, гибнут люди. Каждый день гибнут те, кто стал первыми переселенцами. Представь, что им пришлось пережить. Мы не можем их оставить без помощи.

— Странная у вас политика, — задумчиво ответила девушка, — чойгвейцев можете бросить, а остальных нет. Я понимаю, болотный мир — не сахар, но там хоть нет угрозы мгновенной гибели. Значит, вы желаете переместить еще и первых переселенцев в мир Фиолета, а за ними потянутся остальные, так? И будет куча причин, по которой надо продвигаться дальше в этот мир, но загвоздка в одном — точка входа лежит и никуда не денется на чужой территории! И ее хозяину скоро надоест провозить вас через свой лес.

— А что ты предлагаешь? — сжал руки в кулаки Павел.

— Отправьте пока детей и больных. Остальные пусть ждут. Форсируем разведку других миров.

Павел открыл было рот, но тут же осекся и торопливо закончил:

— Я передам твое мнение, — поднимаясь из-за стола. Он обошел стоящего на пороге наблюдателя, обменявшись с ним выразительными

взглядами, и ушел.

— Так почему вы считаете, что Фиолет опасен?

Маг отлип от стены, шагнул ближе. Он не скрывал, что слышал часть разговора, и Аня мгновенно разозлилась. Как именно зовут наблюдателя, она не помнила. Для нее они были все на одно лицо.

— Опасен не он, а ваше отношение к нему. С вашей точки зрения он — сущность, которую надо исследовать, вывернуть наизнанку и, если получится, подчинить. И на его личное желание вам при этом плевать. А ведь он разумен плюс является сильнейшим эмпатом и, скорее всего, телепатом. Как быстро Фиолет вычислит ученых, которых вы под видом беженцев уже заслали в его мир?

Наблюдатель побледнел, поджал губы, явно недовольный речью девушки.

— А я вам отвечу — как только они шагнули за порог портала. И что он сделает, если ему не понравятся их методы? Не знаете? Вот и я не знаю, но скажу одно — защищать их не буду. Чойгвейцы точно проживут рядом с морем, больше им ничего не надо, а портал я закрою, как только Фиолет меня попросит. Так что настоятельно советую свернуть исследовательскую программу, забыть об экспансии этого мира и крайне вежливо относиться к его хозяину.

Маг зло сверкнул глазами, склонил голову и еле слышно процедил:

— Я доложу Конгрессу.

Доложит он, — фыркнула про себя Аня, провожая взглядом удалившегося мага. Стукач. Никакой пользы — один вред.

Сейчас, когда вместе с чойгвейцами трудились маги других стран, на кухне и в столовой толпились разнообразные личности: от убежденных седидами величественных магистров до юнцов, выполнявших свое первое задание. Внезапно оказалось, что очень удобно использовать эвакуацию Чойгвея как полномасштабную тренировку практически для всех видов служб. И теперь на первом этаже было не просто многолюдно, а очень

многолюдно.

Фиолет встретил Аню ее же копией, немного взъерошенной и чуточку злой. Она посмотрела в такие знакомые глаза и тихо спросила:

— Где они?

— Кто? — сделала удивленное лицо фиолетовая Аня и раздраженно передернула плечами.

Мимо на огромном листе проплыли, отчаянно мыча, с десятков коров. На их мордах читалось прощание с жизнью, но парализующее заклинание удерживало на месте, не давая сигануть вниз.

— Фиолет, — нахмурилась девушка, — и тебе, и мне некогда. Верни их — и будем считать инцидент исчерпанным. Уверена, они все осознали и больше не будут. Сколько они у тебя плутают? С вечера?

— Ань, — фиолетовые губы недовольно поджались, — не вмешивайся, а? Ты их предупреждала? Предупреждала. Так что не порть мне игру, девочка. Считай это платой за провоз, — и Фиолет широко ухмыльнулся, а в глазах сверкнуло жуткое и нечеловеческое. Аня похолодела.

— Это не шутки, — просипела, голос вдруг отказался повиноваться, — нельзя играть с человеческой жизнью. Верни их, — повторила твердо, глядя в наливающиеся гневом фиолетовые глаза. Она физически ощущала, как напряжение разливается в воздухе.

— Да забирай, — махнула вдруг рукой фиолетовая Аня, и девушка перевела дух, — все, что там осталось. Не буду я с тобой ссориться из-за каких-то... — и Фиолет пренебрежительно скривил губы.

Их было пятеро. Оборванных, грязных, вымазанных в слизи, с безумными взглядами и нечленораздельной речью.

Пятерку бывших ученых Аня сдала на руки Арвелю и была благодарна за отсутствие вопросов со стороны координатора. Маг с явным облегчением поблагодарил, и группа исчезла в портале, ведущем на родину.

Девушка перевела дух, мысленно пожелав, чтобы этот опыт переселенцы восприняли правильно и больше не пытались повторить.

А дальше Аня последовала-таки совету координатора и отправилась гулять. Погода на самом деле была чудо как хороша. Солнце высвечивало белоснежные наряды деревьев, блестели шубы на елках, сверкали ярусные шапки на соснах. Морозный воздух бодрил, снег скрипел под ногами, и Аня улыбалась, глядя, как черной кляксой скачет по сугробам Вальди, вздымая за собой снежную пыль.

Каркнув, сорвалась с ветки ворона, недовольная их вторжением, ее поддержала мяуканием сойка, издали донеслось ритмичное постукивание дятла. Лес жил своей жизнью, и только деревья мирно спали, укрытые пушистыми сугробами. Зима здесь была настоящей, не то что в городе, где слякоть царила на дорогах, а скромный снег стыдливо прятался в редких парках.

Эвакуация оказалась нелегким испытанием для новоявленной хозяйки порталов. И чтобы не прибить кого-нибудь, Ане срочно требовалось остудить гнев прогулкой по зимнему лесу, а еще для разрядки за метнуть снежком в Павла. И даже попасть. Наверняка поддался, но белое пятно, появившееся на спине мага, приятно грело душу.

— Ах, вот так? — оскорбился начальник службы безопасности и не замедлил с ответом. Аня еле успела увернуться, лепя на ходу следующий снежок.

Потом они дурачились, валялись друг друга в снегу, а Вальди радостно прыгал вокруг, громко лая, и храбро сражался за обоих.

— Ты такая красивая, — выдохнул Павел, аккуратно стряхивая снег с шапки девушки. Провел рукой по ее лицу, убирая прилипшую ко лбу прядь волос. Аня замерла, сладость разлилась в груди, заставляя сердце стучать сильнее.

Павел ей нравился и, похоже, ее чувство было взаимно.

Он наклонился, мягко касаясь губами ее губ, и тепло его дыхания согрело лицо.

— Моя Снегурочка, — прошептал.

Аня прикрыла глаза, наслаждаясь их близостью. Лес, солнце, пушистый снег, мокрые рукавички и сбитое дыхание. Жаркий поцелуй и вкус кофе. Руки, обнимающие все сильнее. Шепот нежных слов. Кружащие в танце снежинки. Все только для них двоих.

Звук пришедшей смс вторгся неожиданно, разрушая атмосферу волшебства. Аня внутренне поморщилась, но лезть за телефоном не стала. Вторая смс, последовавшая за первой, поколебала ее уверенность.

А вдруг мама? — мелькнула мысль, и она сунула руку в карман, одновременно отстраняясь от Павла.

"Привет, синеглазка. Как насчет "Щелкунчика" в Маринке? Заеду через час на новую квартиру".

"Щаз, разбежался", — поморщилась Аня, но вторая смс заставила напрячься:

"Ты мне должна. И у меня есть новости о "хвосте"".

ТЬфу, — мысленно плюнула девушка, с тоской понимая, что не пойти не может, а значит придется придумывать повод. Если сознаться во всем, Павел не отпустит, а встретиться с теневином необходимо. Да еще этот поцелуй. Все было волшебным, и оттого сейчас она чувствовала себя вдвойне неудобнее. Как будто мало проблем, надо для полного комплекта влюбиться в начальника своей охраны. Подумаешь, он из другого мира, да еще и маг. Ерунда, чес слово. Как и разумная осторожность — сколько она его знает? Меньше недели. А если еще вспомнить о способности некоторых копаться в чужих мозгах...

Точно. Вот оно. И Аня, прозрев, приняла отстраненный вид.

Мысленная оплеуха принесла пользу — ложь сочинилась в пять секунд.

Павел заметно напрягся, но воспринял спокойно новость об ужасной

забывчивости — вот совсем, ну совсем — неделя такая сумасшедшая — вылетело из головы, что у нее билеты в театр.

— Подвезти? — спросил.

— Нет, за мной заедут. И... — замялась, но все же произнесла: — Насчет поцелуя, тебе не кажется, мы торопимся?

— Как скажешь, — усмехнулся столь откровенно, что девушка готова была сквозь землю провалиться от смущения. Собственно, все благие намерения на этом и закончились, как и сомнения: а идти ли на встречу к тенивику.

Не будет она оправдываться и ничего объяснять. Не так ли ведут себя маги? Пусть получают достойный ответ! Могут у нее быть свои тайны?

Павел проводил взглядом уходящую в дом девушку, достал мобильник. Выбрал номер из записной книжки с именем "Серый придурок" и, старательно попадая в буквы на экране, набрал смс:

"В театр собрался?"

Ответ пришел через пару секунд:

"Ревнуешь?"

Павел рыкнул, сжал мобильник так, что корпус жалобно хрустнул.

"Отвечаешь за нее. Головой".

"Да, папочка. Мы чуть-чуть пошалим и домой".

Тенивик явно издевался, и на душе у Павла сделалось... болотно. Он долго не мог попасть в нужную букву, пока наконец не набрал:

"Убью".

"Всегда к твоим услугам", — лаконичной надписью высветился экран.

За много километров отсюда Тагир с удовлетворением посмотрел на последнее смс от абонента Жаба и заблокировал экран. Вечер обещал быть чудесным.

ГЛАВА восемнадцатая

Павел размахнулся, зашвыривая кусок пластика в сугроб. Потом набрал полную руку снега, приложил ко лбу. Холод остудил горящее от гнева лицо. Дышать стало легче.

Он всегда гордился своей выдержкой, способностью анализировать проблемы и на ходу искать решения. Его целеустремленность и упорство поражали даже наставников. Боевой маг с задатками целителя и средними способностями погодника. Однако в Проект Павел попал не за это. Их всех, кто работал здесь, выбрали по одному критерию — способности подстраиваться под любую ситуацию, быть своим в чужом мире. Подсознательно копировать обывателей, демонстрируя отличные навыки мимикрии.

Павел не хотел идти в Проект. Его до сих пор мучила совесть, что он совершил предательство по отношению к коллегам, а еще к тем, кого мог спасти, вытащить из-под завалов, снять с крыши или с тонущего судна. Да мало ли дел у спасателя в мире, который медленно убивает все живое в себе, где спасатель стал такой же распространенной профессией, как врач или учитель.

И в то время как его друзья, коллеги каждый день рисковали жизнью, он... Нет, значимость и полезность Проекта Павел вполне сознавал, как и свою роль в нем, но совесть не успокаивалась, считая теперешнюю работу сродни отдыху на курорте.

Сан Саныч был сложным и одновременно простым подопечным. Его можно было легко спрогнозировать, а все его приступы ворчливости и дурного настроения лечились одним единственным средством — водкой.

Сказать, что маги не боролись с алкоголизмом старика, было бы неправдой. Боролись и еще как, но быстро выяснилось, что проспиртованный организм сдаст в разы быстрее без привычного топлива. К тому же старик научился доставать алкоголь из пространства и не

поддавался отрезвляющему воздействию, используя силу хозяина портала по своему разумению.

И вот теперь новая подопечная... Вначале Павел даже обрадовался — молодая, здоровая, с гибкой психикой, но после оказалось, что Сан Саныч был, как здесь говорили, ангелом, по сравнению с новой Хозяйкой. Он не скакал по порталам, не заводил пугающих знакомств, не ошарашивал окружающих своими идеями, хотя некоторые, стоило признать, были очень даже здравыми. Например, эвакуация Чойгвея. Впрочем, Павел до конца не верил в успешность этой затеи.

Но больше всего пугало его собственное отношение к Ане, а именно то, что чувства, испытываемые к девушке, не поддавались анализу. Вот сейчас, например, с чего он разозлился на ее ложь? Встреча с теневиком — неприятность, более того прокол наружной службы, но ничего страшного, если разобраться, не произойдет. Ну встретятся, поговорят. Теневик, не дурак, никакого вреда Хозяйке причинять не станет, а нового про взаимоотношения их миров поганец сказать не сможет — уже наговорил, так почему внутри все сжимается от ненависти к коллеге? Почему хочется схватить девушку, запереть в комнате и никуда не пускать?

Все эти собственнические замашки очень напоминали одно чувство, которое он никак не должен был испытывать к своей подопечной. Более того Хозяйка — ключевая фигура Проекта, она — выше личных желаний или симпатий, выше любых чувств.

Когда он пил со стариком, было ясно и понятно, зачем он это делает, но при общении с Аней, понимание исчезало. Его точно заслоняли иные эмоции: радость, что она рядом, беспокойство и злость, когда рискует жизнью, даже обида нарисовалась, когда понял, с кем она проведет сегодняшний вечер.

Поганая ситуация, товарищ Павел, — сказал сам себе, засовывая замершие руки в карманы куртки, — а будет еще поганее, потому как уйти из Проекта ты не сможешь. Девочка доверяет тебе, пожалуй больше, чем всем остальным, потому что ты меньше всех ее обманывал. Доверяет и ждет поддержки.

А какая в пекло поддержка, если он связан долгом чести? Если он

здесь не просто так чай гоняет, а пытается спасти свой мир. Умная девочка, кажется, это тоже понимает, как и то, что ее просто сломают, если она начнет мешать.

Он вспомнил серо-голубые глаза девушки, вспомнил, как она задумчиво морщит лоб, как упрямо поджимает губы и как настойчиво, без оглядки, пытается всех спасти. Так по-детски глупо, наивно, но правильно. А еще правильно было бы не доверять взрослым дядям, которые очень хотят жить. Но этого он ей никогда не скажет, чтобы не пугать.

И вот что, прикажете, теперь делать? Бежать, бить морду Тагиру? Или же себе, в профилактических целях, потому как целоваться с Хозяйкой было ошибкой. А самое отвратительно, что сам он это ошибкой не признает, то есть логически делает правильные выводы, но ошибочность поступка не чувствует. И как, простите, работать в такой обстановке, когда собственный разум идет вразрез с чувствами?

И нечего оправдываться, что не смог удержаться, увидев алые щеки, покрасневшие от беготни, или это его снежком так стукнуло по голове, что он забыл все должностные инструкции?

Идиот... Безнадёжно запутавшийся идиот.

А ведь дальше будет только хуже. Она — рядом, ее запах, теплый взгляд, крошечная родинка на виске, которую хочется поцеловать — все это будет сводить с ума каждое мгновение. А уйти из Проекта будет равносильно гибели девушки. Пока они вместе, он что-нибудь придумает, чтобы уберечь Аню от беды.

Кстати, о «придумаешь».

Павел прикрыл глаза, шагнул в сугроб, проваливаясь разом по колено. Провел рукой над снегом и через секунду достал чудо техники здешнего мира. Погрел в ладонях, отчистил и вытер шарфом. Разблокировал экран, и тот засветился — работает.

Маг немного подумал и по памяти набрал номер.

— Да, — ответила трубка хорошо поставленным баритоном.

— Узнаешь? — голос Павла разительно изменился — став развязным, с хрипотцой.

— Блеклый? — изумились на том конце. — Сколько лет, сколько зим, братан! Как житуха?

— Живу — не тужу, — точно воспроизвел интонацию одного из героев сериала про ментов маг.

— Ты побазарить али как? — насторожился вдруг собеседник.

— По делу, — не стал тянуть время Павел. Разговор был неприятен, и он хотел его закончить быстрее, — жучков достать сможешь? И что там еще для слезки у тебя имеется. На хвост одному челу надо присесть.

— Богато живешь, я смотрю, — неодобрительно поцокала трубка, намекая на дороговизну заказа.

— Не жалуюсь.

— Ладно, набери завтра к вечеру, может, что и нарою.

Павел послушал тишину, не отнимая мобильник от уха, потом встряхнулся и зашагал к дому. По его расчету Аня уже заканчивала прихорашиваться и переодеваться. Он перехватит ее внизу.

Еще на подходе к дому до Павла донеслись громкие голоса. Он ускорил шаг, взлетел на крыльцо, распахнул дверь и замер на пороге. Стоящие у лестницы Арвель и Анна не повернули головы в его сторону, занятые выяснением отношений. Павел прикрыл дверь, чтобы не сквозило, уселся на подоконник, приготовившись вмешаться, если стороны чрезмерно увлекутся спором.

Аня стояла в полосе света, и клонящееся ко сну солнце золотом играло в светлых волосах девушки, подсвечивая их рыжим. Мужчина невольно залюбовался девушкой. Светло-голубые глаза потемнели от гнева, став ярко-синими, румянец на щеках придавал озорной вид, алые губы так и манили к себе...

В душе нарастала томительная нежность, касалась своими невидимыми крыльями, щекотала в груди, заставляя забыть, где он, кто он. Мир размягчился, потек, увлекая за собой ставшее податливым сознание. И он погружался в эту мягкость, с удивлением обнаруживая, что центром его внутренней вселенной стала она — Аня. И вот он уже воспринимает ее частью самого себя, пребывая в уверенности, что знает девушку вечно.

А ведь всего неделю назад работа была смыслом его жизни. Нет, она никуда не делась, но перестала быть единственной в его внутреннем мире ценностей. И в мыслях появилась странная легкость, бравада и бесшабашность. словно кто стер налет вечной озабоченности, добавил розовой краски в серость будней, встряхнул утомленность и прошелся сквозняком по застарелым привычкам.

В голове вдруг зазвучала назойливая мелодия: "Я не знаю, что тебе дороже — любовь или обман", и захотелось обнять девушку за талию, прижать, вдыхая аромат ее духов, а потом закружить в танце, видя, как удивленно расширяются ее глаза, как по приоткрытым губам скользит первый намек на улыбку, а грудь вздымается от учатившегося дыхания.

Кажется, он отвлекся — в запале Аня стукнула кулаком по перилам и сейчас морщилась, поглаживая ушибленную руку.

— Вы продолжаете опекать меня точно маленькую девочку!

— Ни в коем случае, — голос Арвеля был сама честность, — опекаем — да, но маленькой вас никто не считает.

— То есть, — Аня прищурилась, — вы не говорили о способности понимать чужие языки, руководствуясь исключительно заботой о моей драгоценной персоне!

— Именно так, — с невозмутимым видом подтвердил маг, — но раз вы сами все выяснили, пришло время и для этого разговора. Постоянные порталы образуют не только пространственную связь между мирами, но и информационную. Образно говоря, вместе с обитателями сюда проникает и та информация, что содержится в пространстве вокруг порталов, и вы, как связующее звено, имеете к ней определенный доступ. В теории это может

быть не только язык, но и любая информация, но это в теории. А в свою защиту могу сказать, мы не ожидали от вас столько быстрого прогресса в этом направлении. Вы быстро осваиваетесь, Анна.

Девушка хмыкнула, демонстрируя — похвала не достигла цели.

— Значит, я могу понимать язык любого существа, прошедшего через портал? Или оказавшегося рядом с порталом?

Арвель кивнул, потом тяжело вздохнул. Павел ему даже посочувствовал. Координатор не мог открыто лгать, и на прямой вопрос должен был дать ответ, потому сейчас явно грустил от разговора.

— Насколько близко он может находиться, чтобы я могла с ним разговаривать?

— Аня, мы не проводили подобных испытаний. Предполагаю линейную зависимость от мощности и стабильности портала.

— Хорошо, — протянула девушка, усиленно о чем-то размышляя, — и что нам это дает? А дает возможность нормального диалога с обитателями миров вместо провокаций и недоразумений.

Координатор потускнел лицом, словно кто набросил на него пыльную тряпку.

— Анечка, — медленно проговорил он, пытаясь подобрать аргументы победительней, — какой диалог? Какие переговоры, если мы не можем обеспечить вашу безопасность? Вспомните первую встречу с Фиолетом. Все могло закончиться иначе.

— Могло, — легко согласилась девушка, — но ни у кого нет гарантии, что мы наткнемся на пустой мир. И вам придется общаться с жителями или вы предпочитаете безмолвную оккупацию?

Если судить по виду координатора — именно это он и предпочитал.

— Взять тех же русалок. Что это было? Спровоцированное вашим человеком нападение? А если бы мы понимали их язык, все могло

закончиться иначе, — вернула она его же слова.

По лицу Арвеля пошли красные пятна. Выдержка мага подвергалась серьезным испытаниям.

— Анечка, предлагаю отложить этот разговор, эм, на пару дней, — попытался он улизнуть, но девушка не дала.

— Предлагаю назначить день повторного визита в мир русалок.

— Ни за что, — отчеканил маг, багровея.

— Жду завтра ваших предложений по встрече и, — она едва заметно ухмыльнулась, — мерах безопасности.

Каблучки застучали вверх по лестнице. Мелькнули голубые джинсы, черные сапожки...

— Чему улыбаешься? — голос координатора звенел от еле сдерживаемой злости, да и вид у Арвеля был точно у льва, которого заставили принимать рыбий жир.

Павел выпрямился, стирая мечтательную улыбку с лица.

— Она — твоя подопечная, вот и занимайся. Чем угодно занимайтесь, лишь бы не лезла, куда не просят!

— Она и твоя подопечная, — хмуро произнес Павел. Арвель перегнул палку, и сам это понял, смягчаясь:

— Она — наша общая подопечная, и ты знаешь, что случится, если дело с неповиновением хозяйки пойдет слишком далеко.

Лицо Павла закаменело, острый взгляд резал воздух.

— В этом мире есть отличное выражение, — тихо, цедя слова сквозь зубы, произнес маг, — только через мой труп. Так вот запомни: вы к ней подойдете только через мой труп!

— Отлично! — по-бабьи всплеснул руками Арвель. — Значит, будет у нас два трупа!

— Три, — поправила его стена, из пустоты проявилась Таймара, распространяя вокруг себя стойкий аромат кофе. — Командир, я с вами.

— И нас посчитай, — еще один маг проявился из пустоты, а пара вышла из коридора.

Лицо координатора перекошилось, но он быстро взял себя в руки.

— Совсем сдурели? — перешел на жаркий шепот. — Хотите нас всех подставить и добиться замены состава? Нас же в два счета вернут, даже защиту наложить не успеем. Бунтовщики, твою магичность...

— В отличие от Конгресса она хоть что-то делает, — принялась оправдываться Таймара, — Чойгвей переселила, и вообще....

— Вот именно вообще, — передразнил ее координатор, — вот прикончат нашу Хозяйку по нашей же глупости, и будете всем составом Конгрессу отчитываться: кто, когда и в каких позах. И я не понимаю, если вы, умные мои, здесь, кто отслеживает Аню наверху?

— С ней Вальди, — буркнул Павел.

— Значит, в данный момент ничем не заняты, — одарил их крокодильей улыбкой координатор, — тогда жду толковых, а не всякую ерунду, предложений по организации визита к мокрохвостым. Еще не знаю, как докладывать об этом наверх, но раз вы взялись защищать Хозяйку, вам и отвечать за ее предложения.

Поднимаясь по лестнице, Павел едва не споткнулся о ступеньку, когда из стены высунулся Сан Саныч. Призрак протянул прозрачную руку, фамильярно похлопал мужчину по плечу и доверительно прошептал, косясь вбок:

— Уважаю! Хоть один нормальный мужик нашелся — заступился за бедную девочку.

Павел открыл было рот, чтобы напомнить о договоре — сидеть и не высовываться, но тут в голове с новой силой зазвучало: "Любовь или обман", и захотелось вдруг поговорить с кем-нибудь, да хотя бы с тем же Сан Санычем. Посидеть, как в старые времена, пропустить пару рюмок, но он встряхнулся, прогоняя накатившую ностальгию — теряешь форму, молча кивнул Сан Санычу, аккуратно обогнул его и поднялся на второй этаж.

Предстоящая встреча Ани с теневином поднимала изнутри темную волну гнева. Надо было что-то делать... И Павел впервые пожалел, что не настолько хорошо изучил этот мир, чтобы решить проблему с помощью свинца. Но делать что-то было надо.

Звонок мобильного оторвал Аню от выбора: надеть джинсы и бадлон или все же шерстяное платье, которое она на всякий случай сунула в сумку.

— Да, мам, — ответила, прижимая трубку к уху и критически оглядывая наряд.

— Анют, не отвлекаю?

— Нет, говори. Что-то случилось?

Голос у мамы был напряженным, и девушка заволновалась.

— Случилось, — подтвердила та, — у Травкиных Андрей в больницу попал. Аня вчера узнала, сегодня утром уехала в Москву, сейчас отзвонилась — все в порядке, опасности нет. Сердце прихватило. Врачи сказали — отдыхать больше надо. Ты же знаешь, какая у него работа нервная. Сама-то как?

— Нормально, ма, — поспешила успокоить Аня, — много не пью, шашлык не ем, гуляю. Знаешь, какая здесь зима!? Сказка, а не погода. И лес, и озеро. Все хорошо, мам. А тете Ани помощь не нужна?

— Говорит, что нет. Андрея собираются выписать дня через три. Так она побудет у него недели две, поухаживает.

Голос у матери был слегка виноватым, и девушка решила, что она

переживает из-за подруги.

— Не волнуйся, Анют, там врачи хорошие, быстро Андрюху на ноги поставят. Ты, главное, себя береги, хорошо?

Аня поспешила заверить, что все у нее хорошо и она обязательно отдохнет, а также передаст привет Павлу.

Нажав кнопку «отбой», девушка какое-то время смотрела на погасший экран. Мысли унеслись в далекое прошлое. Счастливое детство, двое друзей, ставших ей братьями — Владимир и Андрей.

Сначала Травкины жили по соседству, и все трое ходили в одну школу, потом переехали, но дружить не перестали. Вместе проводили каникулы на даче, вместе ходили на рыбалку, в лес. Вместе хулиганили, вместе отбивались от деревенских.

Аня улыбнулась, вспоминая их проделки. Даже в десять лет братья были настоящими защитниками. С ними легко решались любые проблемы. Стоило лишь намекнуть об упыре с соседнего подъезда, как на следующий день тот, чуть заикаясь, вежливо желал доброго утра, шепелявя разбитой губой.

Ей завидовали все девчонки в классе, а старшеклассницы снисходили до разговоров, надеясь привлечь внимание уже бывшего курсантом Володи, когда тот провожал ее со школьной дискотеки домой. И Андрей ей нравился. Высокий, рослый, старше ее на год. Упрямый и шепутной, с вечной батарейкой внутри.

А потом жизнь развела их в разные стороны. Они не торопились связать себя браком, хотели чего-то добиться, достичь, пожить для себя. И неожиданно оказалось, что Андрею предлагают место в Москве, а ей надо ехать по гранту на обучение в Лондон.

Лондон был чужим и холодным. Чужим стал и Андрей, когда через год она вернулась домой. У каждого появились новые друзья, знакомые, а потом и не только друзья. Она едва не выскочила замуж, вскоре женился и Андрей. И Аня окончательно отделила в памяти друга детства от высокого мужчины с колючим взглядом серых глаз. Не для нее он был, не для нее.

Хотела написать бодрую смс: "Выздоровливай и все такое" и поняла, что даже номера его у нее нет. Смс ушла тете Ане. Пожалуй, это самое малое, что она может сделать для Травки, как все звали Анну Сергеевну.

ГЛАВА девятнадцатая

Ресторан Винсент был мил, уютен и лишен той неловкой помпезности, которой грешат дорогие рестораны. Стеллажи с вином, расположенные прямо в зале, намекали на хорошую коллекцию, а деревянные таблички с названиями сортов, украшающие стены, это лишь подчеркивали, мягкие диваны приглашали расслабиться в их пухлости, а приглушенные свет добавлял интима.

— Ты мало ешь, — посетовал Тагир, глядя, как она ковыряется в запеченном лососе, поданном в шпинатно-сливочном соусе, — совсем эти болотники тебя замучили. Скоро одни глаза останутся. Хотя должен признать, это самые прекрасные глаза, которые мне встречались в жизни. Тебе бы Золушку играть из сказки, Синеглазка.

— А вот тебе роль принца совсем не подходит.

— Почему это? Лицом не вышел? — сделал вид, что обиделся, Тагир.

— Умом, — усмехнулась Аня, — у тебя ум злодея. Ты везде ищешь выгоду. Вот и меня выманил на встречу. Не понимаю, зачем я тебе?

— Нравишься, — широко улыбнулся мужчина, и его черные глаза заблестели, — моя беда — как увижу умную женщину, не могу удержаться. Тянет меня к тебе, Синеглазка.

— Так скучно? — понятливо улыбнулась девушка.

— Не представляешь насколько! — театрально прижал руки в груди Тагир. — Как подумаю, что у вас там творится — миры, заварухи, стычки, завидно становится — аж плачь! Вот немножко развеялся, когда за вашим хвостом гонялся.

— Кстати, что с ним? — насторожилась Аня.

— Жив, но угрозы больше не представляет, — отрапортовал маг. — Дотошный товарищ, впрочем, из органов других не бывают. А так... пули свистели над головой, сердце от страха замирало в груди, но ради прекрасной дамы я был готов пожертвовать собой, а не только обезвредить одного землянина.

Смотреть на дурачившегося Тагира и не улыбаться, было невозможно, но она сдержалась. Сам по себе факт того, что переселенцами заинтересовались из органов, наполнял тревогой — ведь теперь она тесно связана с магами. В голове уже мелькали грустные картины: решетки на окнах, сталь наручников, тишина камеры и вежливые лица с жадным холодом во взглядах. И вопросы...

Вот интересно: оставят ли семью? Заберут вместе с ней? Будут ими шантажировать?

Она не сделала ничего противозаконного, но разве это будет кого-то интересовать, если речь пойдет о новых мирах, иных технологиях, а вместе с ними ресурсах и деньгах. Больших деньгах.

Может ли один человек противостоять системе? Может ли бабочка вырваться из паутины?

Наша жизнь — сплошная паутина привязок. Мы идем на работу, домой, гуляем с друзьями, по пятницам пьем пиво, по праздникам вино. Мы выстраиваем маршруты и стараемся их не нарушать. Сетуем на рутину, но катастрофически боимся что-то изменить. Новое внушает неуверенность, неуверенность влечет за собой страх. Мы не любим терять контроль над ситуацией.

Так не это ли не дает ей покоя всю неделю? Она потеряла контроль над своей жизнью и продолжает терять контроль над собой, а вокруг полно тех, кто с радостью — только позволь — станут контролировать и жизнь, и ее саму.

Есть ли выход из этого? Есть.

Меняется жизнь? Придется меняться вместе с ней, если не хочешь

стать куклой, которой всякий вертит в свою сторону. Пришла пора дорасти до Хозяйки, а не быть живым придатком к порталам.

Точно нужно было уехать из дома, чтобы взглянуть на ситуацию со стороны. Переселение — важно, но это не единственная проблема.

Восемь миров сошлись в одной точке. Восемь разных, хороших и не очень, теплых и холодных, засушливых и чересчур мокрых. Встряхни каждого, как детский калейдоскоп, — и картинка сложится новым узором. И только от нее зависит, чем станут порталы: заколоченными дверьми, как мир теневиков, или безопасными для всех проходами.

«Не много ли на себя берешь»? — ехидничал внутренний голос.

Много. Но стать безвольной марионеткой никогда не поздно. Переселенцы готовы и нос Хозяйке дома подтирать, лишь бы та не лезла со своим мнением и не мешала им проводить оккупацию. А как много тараканов в их делах.... Одни наблюдатели-шпионы чего стоят...

— Ты меня не слушаешь! — ворвался в размышления раздосадованный голос Тагира.

— Слушаю, — возразила девушка, — ты говорил о пулях и собственной трусости.

— А еще о прекрасной даме, — в голосе мага появились бархатные нотки, — об удручающей холодности и безразличии к подвигам, совершаемым с ее именем на устах.

Вот еще одна проблема — скучающий маг из вражеского лагеря. И ведь приклеился — опять же из-за скуки — не оторвешь. Его рвение ей совсем не нравилось. Не натворил бы дел...

— Увы, время прекрасных дам и подвигов прошло. Остались законы, а они лишены каких бы то ни было романтических чувств.

Строгость легла на лицо, добавив в разговор нотку напряженности.

Тагир вздохнул, отставил в сторону бифштекс — он заказал его слабой

прожарки, с кровью, и брусничный соус стекал бордовой лужей на край тарелки.

— Послушай, Синеглазка, я вижу, ты сомневаешься во мне? Считаешь, не справлюсь?

— Не хочу, чтобы ты убивал ради меня, — очень тихо, сглатывая слова, сказала она.

— Женщины! — возвел глаза к потолку Тагир. — Жалость тебя погубит, девочка. Они, — он сделал паузу, и она пахнула холодом тюремной камеры, — не пожалеют.

— Все равно, — твердо, едва разжимая губы, попросила: — Не смей убивать в моем мире.

На его темном лице промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее уважение.

— Как скажешь, Хозяйка, как скажешь.

И она облегченно выдохнула, а потом вдруг вспомнился Андрей, его болезнь, и что-то тревожное царапнуло, заставив нахмуриться.

— Ты обещал рассказать о «хвосте».

Тагир склонил голову набок, в темных глазах виднелось отражение глупой девчонки, возомнившей себя невесть кем.

— Да что там рассказывать, — недовольно пожал плечами маг. Он явно считал эту тему ничтожной, — молодой, дурной. Расследование — его личная инициатива. Так уже бывало пару раз. Натыкаются, воображают пришельцев или еще какую ерунду, идти без доказательств к начальству боятся, начинают искать. Тут мы их и встречаем, как у вас говорят, со всем радушием.

Она уже представила себе этого «молодого и дурного». Безусый в вансах и парке. В глазах «Секретные материалы», в душе сложная смесь из любви к родине и жажде славы.

— Как его зовут? Того, кто следил за нами.

Лицо Тагира сделалось отстраненным.

— А я знаю? Мне его имя ни к чему. Перехватил, подчистил, отследил, что один работает — и все. Лишние знания, они, как крошки в постели, спокойно спать не дают. Вот, знаешь, что меня в тебе восхищает и одновременно выводит из себя?! — он резко сменил тему. — С тобой ни один план не работает. А ведь это преступление — говорить о делах в таком месте и с такой женщиной напротив, — блестящая вилка обвела круг. Укоризненный взгляд рухнул на стол, и Аня не удержалась:

— Ты прав. Не будем о делах. Хотя я хотела рассказать о Сан Саныче...

Она сочла эту тему наиболее безопасной для человека из недружественного лагеря.

Черные брови изобразили сильнейший интерес.

— Сан Саныч? Мужчина?

— Не совсем, — Аня откровенно забавлялась.

— Не совсем мужчина? Ребенок?

— Нет, — тихий смех прозвенел над столом, — дедушка. Бывший хозяин дома. Та его часть, что осталась. Что-то вроде отпечатка ауры.

— Отпечатка? — лицо Тагира вдруг закаменело, а сам он стал похож на подбравшегося в прыжке тигра. — Нам надо серьезно поговорить, Синеглазка. Боюсь, у меня плохие новости для тебя.

— Анютка, ты ли это?

Девушка вздрогнула, напряглась, инстинктивно выпрямляя спину. Так ее звал только один человек на свете, и именно его она сейчас хотела бы видеть меньше всего. Но Питер — маленький город, а еще у него есть

уникальная способность устраивать встречи как приятные, так и не очень, но всегда неожиданные.

Сколько же они не виделись? Год?

Она медленно повернулась. Вадик стоял около их столика, широко улыбаясь. Когда-то она таяла от его улыбки, ей безумно нравились тонкие, чуть нервные черты его лица, узкая бородка с усиками, придававшая мужчине богемный вид то ли поэта, то ли художника. Немного портили узко посаженные глаза, и Ане все время хотелось перевести взгляд с них на высокий лоб и гладкие волны густых шатеновых волос. Напереводилась. В глаза надо было смотреть, может, и разглядела бы что-нибудь за ними. Например, поганую душонку, давно уже за игру проданную.

И такими вдруг показались мелкими и глупыми: и свои переживания, и предательство Вадика, и его якобы любовь, на которую он на самом деле был не способен. Мелкими, но очень болезненными.

Жаль одно — не стереть и не прожить заново.

— Здравствуй, Вадик, — ответила и восхитилась спокойствию своего голоса. Переболела...

— Вижу не одна, — скривился бывший, окидывая внимательным взглядом Тагира. В голове уже щелкал мысленный калькулятор: дорогие часы, рубашка, телефон, рядом брелок с ключами, — быстро ты, — упрекнул, как будто имел на это право.

Аня задохнулась от возмущения — вот... козел!

Рука скомкала салфетку, вторая сама потянулась за ножом, но девушка заставила себя успокоиться. Он — ничто. Перевернутая страница ее жизни.

— Решил долг вернуть? — потянулась к бокалу, сделала глоток нетронутого до сего момента вина — уф, полегчало. Права была мама, иногда спиртное весьма кстати.

— А и верну, — нимало не смутился... козел. Более того, наклонился и зашептал на ухо: — А ты все хорошеешь, Анютка. Крутые мужики, вижу,

ключают. А моя, знаешь ли, не очень, — и он кивнул на столик у дальнего окна. Там сидела крашенная блондинка, чей идеальный макияж переводил ее во вне возрастную категорию от тридцати до пятидесяти. Женщина явно проявляла все признаки тревожного нетерпения, но с места пока не срывалась, драть волосы сопернице тоже не спешила.

Голос у Вадика сделался презрительным:

— Даже губы и те... силиконовые, молчу про верхние девяносто. А ты, моя сладкая, мне до сих пор снишься.

Аня поморщилась, чуть отстранилась. Бросила взгляд на Тагира — тот приподнял брови, мол, помощь требуется? Девушка еле заметно качнула головой — сама справлюсь.

— Короче... — процедила, теряя терпение.

— Так я о долге, — заторопился Вадик, вдруг начиная понимать — что-то пошло не так, — моя дурында в деньгах купается. Так что я вполне упакован. Могу и долг отдать, если, конечно, ласковой будешь. Мне много не надо. Вечерок в неделю, когда мамочка в командировке. Помнишь, нам же хорошо было.

О да! Аня помнила. Собственно все, что хорошо делал Вадик в жизни, сводилось именно к этому. В постели он был почти генерал, зато по части починить что-нибудь, ремонтник сделать, колесо у машины поменять Вадик скатывался до рядового.

А она старательно не замечала ни его полного неумения в делах, ни зависания в Контакте с пятью сотнями «подруг» в друзьях, ни мешки под глазами и нездоровый цвет лица. Жизнь корректировала то, что щедро отпустила природа.

А сейчас, судя по потемневшему лицу Тагира, собиралась довершить коррекцию, например, сломанным носом.

— Альфонсом заделались, молодой человек?

Вадик застыл, медленно разогнулся, кидая на мага полный ненависти

взгляд. О да, в зале полном народа, чувствуя спиной поддержку «дурынды», он был герой. Это Аня тоже знала.

Вадик открыл было рот, но вдруг его красивое лицо искривилось, кожа пошла красными пятнами, и мужчина поспешно выдохнул:

— Телефон прежний, если передумаешь — найдешь, — а затем странно семенящей походкой двинулся прочь, все более и более ускоряясь в сторону туалета.

Аня вопросительно посмотрела на Тагира. Тот сидел с довольным видом, крутя столовый нож в руках.

— Прости, я вмешался в ваш разговор, может, стоило дать его закончить?

Девушка медленно покачала головой:

— Это навсегда в прошлом.

— Навсегда?

— Не в том смысле, — одернула его Аня. Пусть живет. Дурынду опять же радует. И если она не дура, то на крепкий поводок своего мальчика посадит, чтобы ни к кому бегать и думать не смел. — А что ты с ним сделал?

— Магия, — загадочно улыбнулся Тагир и тут же посуровел: — Сей субъект нуждается в более серьезных воспитательных мерах, но сейчас не до него. Есть дела поважнее.

Аня кивнула, приготовившись слушать.

На сцене творилось волшебство. Кружились черные снежинки, лохматились елки, карамелились цветы — это была не совсем традиционная постановка «Щелкунчика», но Аня сейчас вряд ли могла оценить замысел режиссера. Прозвучавшие в ресторане слова Тагира врывались в музыку Чайковского, комкая ее идеальные листы и отбрасывая их прочь.

«Знаешь, что происходит с непослушными девочками? Они нарываються на неприятности».

Неприятности... Куда уж больше? — думала Аня, глядя на сражающегося с мышами Щелкунчика и Машу, выглядывающую из огромной туфельки. А ведь с самого начала подозревала нечто такое...

Огромная мышь, важна наступающая на Щелкунчика, своей царственной осанкой напомнила девушке координатора — одна голова говорит правду, а остальные две бессовестно врут или умалчивают.

«Вы для нас бесценны», — произнесла левая голова мыши.

«Настолько бесценны, что мы готовы сделать все, что вы попросите», — добавила центральная.

«Но если попробуете отвергнуть нашу заботу, берегитесь. Мы найдем на вас управу», — закончила третья.

У каждой правды две стороны. Тагир показал изнанку.

«Нет никаких призраков, Синеглазка. В порталной связке ни одна сущность не задержится. Ее смолотит потоками. Ты — не маг, потому не ощущаешь, что там творится на энергетическом уровне. Новичкам порой голову сносит, как после литра водки. Ваши привычные, не чудят. Но сущностям там не выжить, факт. Другое дело, если эту сущность вплавить в структуру порталов. Попытаться закрепить. Подозреваю, болотники обоср... прости, сильно испугались, когда Сан Саныч помирать стал, вот и решились на отчаянный шаг — обмануть порталную связку. По сути, потокам нужна только энергетическая структура подходящего наполнения, чтобы обрести уравниновенность. На телесную оболочку им плевать. В двух словах, если бы мы проводили подобный ритуал, то Сан Саныч и после смерти остался бы хранителем порталов. Но это же болотники... У них вечно вместо результата сопли. В итоге им удалось заполучить себе лишь часть сознания бывшего хозяина, малую часть. И ее точно не хватило для стабилизации. Зато получился призрак. Могу предположить, энергия порталов позволяем ему даже воздействовать на материальные объекты».

Еще как позволяет! — усмехнулась про себя Аня. Как при жизни пил, так и после смерти продолжает.

А на сцене герои, победив мышей, отправились в путешествие на все той же гигантской туфле. Их путь лежал в королевство сладостей к розовым цветам и противным мухам.

А куда лежит ее путь? Стать Сан Санычем номер два? Старик будет только рад — найдется товарищ «сообразить на двоих». Интересно, можно ли спиться, будучи не совсем живой, но и не полностью мертвой? Эдаким сгустком энергии в материальном мире.

Теперь становились понятны намеки, косые взгляды и роль наблюдателей. Их задачей было решить — оставить девушку в живых или мертвой она посговорчивее будет.

А вот фигурки им. Русские даже на том свете не сдаются. Она и призраком им веселую жизнь устроит. С тем же Сан Санычем, например. Сразу видно, он — мужик правильный. Пакость с радостью поддержит, желчью всегда поделится.

Боже, о чем она думает?! О смерти? Переживает об алкоголизме? Да гнать всех взашей. Закрыть доступ к порталам, а дальше пусть сами разбираются. Достали.

Со сцены лилась волшебная музыка танца цветов. Розовое переливалось в белое, соединялось с желтым и снова царило на сцене нежное, как клубничное суфле. Балерины порхали. Зрители блаженно внимали. Аня кусала губы, ощущая во рту металлический привкус крови.

А как же Фиолетик? Сама к нему людей отправила, а теперь бросать собираешься? И драконенка надо вернуть домой. Наверняка, родители обыскались. А болотники? Неужели навсегда останутся в своем болоте? Это она сидит в теплом, сухом зале, наслаждаясь балетом, а не мокнет под непрекращающимся дождем.

Так сами виноваты. Причем во всем. Начиная от гибнущего мира, заканчивая болотом, в котором оставили заживо гнить людей. Не она принимала эти решения, так почему сейчас должна разгребать кучу

дерьма? Крайняя, да?

Розовое на сцене раздражало, волшебство музыки казалось неуместным. Под ее настроение подошел бы боевой марш или Реквием. Нет, лучше Скутер со своим «Fire».

Рано себя хоронить, рано, но и ложиться под переселенцев — не выход. Пусть опыта в подобных делах у нее маловато, зато она быстро учится. А политика «никакого риска» не всегда оправдана. Вот если, например, удастся договориться с русалками и поделить: им — море, переселенцам — сушу, вполне работоспособный союз бы вышел. Но мечты... это пока лишь мечты.

Легко осуждать, возмущаться: «Вот, засранцы!» Что бы она сделала на их месте, отвечая за целый мир? Что-нибудь другое — факт. Но не стала бы подло держать нож за спиной, улыбаясь в глаза.

Однако закрывать порталы — крайняя мера. Люди не виноваты в том, что у них такое осторожное руководство. Все варианты предусмотрит и хорошие, и плохие.

Аня прикрыла глаза, вспоминая, чем закончился ужин.

Десерт был восхитителен: брауни, истекающий горячим шоколадом, в одеяле из сливочного мороженого. А вот предложение Тагира явно отдавало горечью высокой политики.

«Синеглазка, поверь, мы не дадим тебя в обиду. Открой нам доступ, и мы быстро наведем у тебя порядок. А главное, будь уверена, никаких ритуалов. Станешь полноценным хранителем порталов. Болотники пусть к тебе на поклон идут, и за другую цену. А то хорошо устроились — квартирой решили отделаться. Да за твои услуги, девочка, полновесным золотом платить надо».

Не надо ей золота. Ей вполне хватит тех денег, что платят переселенцы, если бы они не были приправлены изменой.

А на предложение Тагира соглашаться никак нельзя, если она не хочет получить мини-армагеддон в Тверской области. Переселенцы сцепятся с

теневиками, теневики молчать не станут, и одним домом разошедшиеся маги не ограничатся.

Жалко и дом, и озеро, и лес. Дом в особенности, она всегда о таком мечтала: с уютной кухней, просторной столовой с круглым столом в центре и желтым абажуром над ним.

Тагир прочитал ответ по ее глазам и, слава Богу, настаивать не стал. Видно, решил, что не созрела девочка, не понимает оказанной ей чести, не осознает, кто тут плохой, а кто хороший — по дорогим ресторанам водит, да на балет в отдельную ложу билеты покупает.

— Я всегда рядом. Только ради тебя в этом мире торчу.

А еще ради дорогого коньяка, вкусного бифштекса и красивых женщин, — подумала Аня, глядя в полное удушающего сочувствия лицо мага.

— Я — твой принц, Синеглазка, твой рыцарь, твое спасение.

Она смотрела на протянутую бархатную коробочку, и брови удивленно ползли вверх. Что это? Кольцо? Не похожи слова Тагира на признание в любви. Оружие против переселенцев? Маловато будет.

Поймала любопытный взгляд официантки. Кажется, у этого спектакля появились зрители, и они жаждут романтической сцены.

Она аккуратно взяла коробку из рук Тагира. Их пальцы на мгновение соприкоснулись и... ничего. Никакого волнения или трепета сердца.

Открыла. С красного бархата сверкнули крупные бриллианты, обрамленные золотом. Серьги. Изящные и явно дорогие.

Звонко щелкнула крышка.

— Прости, — начала было, но ее остановили.

— Ш-ш-ш, — ладонь накрыла ее руки, — ты меня плохо знаешь, Синеглазка. Я не делаю глупых подарков. Это сигналки. Всю ночь над

ними работал, как чувствовал, что пригодятся. Если нажать и подержать палец на камне секунд десять, сигнал уйдет ко мне. Я пойму, что ты в опасности, и примчусь на помощь.

— На белом коне? — усмехнулась Аня, а внутри поднималось осознание — сказка все больше становится похожа на кошмар. И главную роль предстоит сыграть именно ей.

— Я вороных люблю, — улыбнулся мужчина, но глаза остались серьезными, — однако ради тебя готов на белом. Хотя на байке быстрее будет.

— Один против всех?

И Аня представила залитый кровью коридор, Тагира с мечом, нет, двумя мечами в руках.

— Я подготовился, — и он приподнял край толстовки, демонстрируя кобуру с торчащей рукояткой.

Мечи в руках сменились на узи. Стены покрылись рваными ранами.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — потрясла головой Аня, прогоняя картинку из головы, — я справлюсь. Правда, справлюсь. А прямо сейчас меня никто не собирается убивать. У нас все хорошо, — она убеждала не только его, но и себя, — действительно хорошо. Часть народа пристроили. Начало положено. Тагир, мы — взрослые люди и всегда можем договориться.

— Ну-ну, — он откинулся на стуле, скрестил руки на груди, — хочется верить, но подарок прими — лишним не будет.

Аня внутренне поморщилась, признавая правоту мага, а подарок она проверит, дабы исключить неприятные сюрпризы. И вообще, один союзник хорошо, а два — лучше. Ее жизнь итак напоминает дурдом, так что присутствие Фиолетика не станет разрушительным.

«Пора, милая, не только двери считать, да мирами восхищаться, но и окопы рыть, дабы в случае войны было куда задницу прятать», — подумала

Аня, и порталный коридор обзавелся воображаемой колючей проволокой, баррикадой из мешков с песком и пулеметной точкой в углу.

В воздухе запахло горелым. Аня вздрогнула, но тут угол зала взорвался криками, а между столами, в приглушенном свете, показался торт с горящими свечами. Официант медленно, дабы все гости оценили трехъярусную красоту творения повара, катил торт на столике.

Это была уже другая жизнь. С днями рождения, тортами, гостями и шампанским, а у нее в руках серьги с магическим вызовом, а во владении дом с порталами и в «друзьях» два лагеря враждующих между собой магов, каждый из которых уверяет в исключительно добрых чувствах к ней. Ага, наноси добро короткими ударами, бей так, чтобы оно к тебе не вернулось.

И она убрала серьги в сумочку.

ГЛАВА двадцатая

Клавдия Петровна после звонка подруги заметалась по квартире. Мужа, как назло, вызвали на срочное заседание — что-то у них там не клеилось — и посоветоваться было не с кем.

Тревога грызла изнутри, и не помогали ни сердечные капли, ни попытка проанализировать ситуацию. Андрей попал в больницу. Случайность? А если ему вкололи что-то спровоцировавшее приступ? Есть такие препараты. Она же Андрюху с детских лет знает, не было у парня проблем с сердцем, а для развития патологии нужно нечто более весомое, чем простое переутомление.

И что тогда получается? Может ли у Андрея за короткий срок службы завестись столь серьезный враг, чтобы попытаться парня на тот свет отправить? Травка обещала заключение врачей прислать на почту, но Клавдия Петровна была практически уверена — Андрей выжил за счет молодости и сильного здоровья.

А если?

Она потянулась за лекарством... Бутылек нервно застучал о край кружки, отмеряя капли. Запахло корвалолом.

Если это они... Те, кто вокруг Анечки крутятся? И пришло понимание — они, больше некому. Андрюша на свою беду накопал что-то, вот его и...

Слеза обожгла щеку. Клавдия Петровна всхлипнула, вытерла рукавом глаза.

Какая она дура! Надо было сразу в милицию бежать. И тут же себя одернула — ну какая милиция. Пусть она и полиция теперь. Наверняка у тех все документы в порядке. Размах-то какой, а?! Квартиру купили для прикрытия, на дачу потащили, работа опять же...

Придумываешь! Вечно ты все придумаешь! — попыталась успокоиться Клавдия Петровна. Аня не такая глупая, чтобы с криминалом связываться.

А если секта? Заморочили, задурили... и рука уже тянулась набрать номер отца Николая, который считался другом семьи и незыблемым авторитетом в вопросах веры. С ним их познакомила Травка. Отец Сергей, бывший сослуживец мужа Анны, негласно окормлял своих коллег, а с ними их друзей и родственников.

Мобильник лежал в руке, требуя что-то делать, и она набрала номер дочери, хоть и обещала себе не звонить, не огорчать новостью об Андрее.

Короткий разговор немного развеял тревогу. Голос у дочери был бодрым и слегка усталым.

Жива... И снова закрались сомнения — не придумывает ли она заговоры, секты и бандитов, а на самом деле все так, как говорит дочь: квартира, работа и друзья. Однако сердце поддаваться на уговоры не спешило, твердя свое — у дочери неприятности.

Как же легко с маленькими детьми, и проблемы такие... легко-решаемые. Смазать разбитую коленку, вылечить кашель, исправить двойку, отругать за вранье.

А как помочь сейчас, когда дочь выросла и живет своей жизнью, совершая свои ошибки и сама за них расплачиваясь? Вот и остается только

гадать — пора ли вмешаться, поговорить или рано и сама разберется. А еще надеяться, что помощь не будет отвергнута, как, например, в ситуации с Вадиком. Тогда Аня запретила вмешиваться. Клавдия Петровна только потом, спустя месяц узнала, что произошло. Характером дочь пошла в отца — все в себе. Подробности клещами не вытащишь, если не захочет говорить.

О-хо-хо...

К Травке обращаться нельзя, придется самой действовать, и Клавдия Петровна принялась составлять план — потому как кому мы еще на свете нужны и кто нам поможет, как не семья!?

В коридоре завозились, хлопнула дверь.

— Ты, мать, что в темноте сидишь? Случилось чего?

Николай Александрович вошел на кухню, щелкнул выключателем. Клавдия Петровна улыбнулась, вставая навстречу мужу. Ужин был готов, потом будет фильм, потом новости, а завтра они вместе пойдут гулять в парк, завернут в любимое кафе, выпить кофе с пирожным, может, зайдут в кино, вечером станут ждать Аню с Вальди — хорошо бы пораньше вернуться, а с понедельника... она сама возьмется за это дело.

Воскресное утро было умиротворяюще солнечным. Ярко освещенные стены, обитые вагонкой, пахли свежим деревом и лаком, около кровати уютно сопел Вальди, и вчерашний разговор потихоньку терял свою смертельную остроту. Собственные страхи блекли под натиском солнечного света. В голове роились доводы «за» и «против» политики переселенцев, просились наружу горькие слова, чтобы быть брошенными в лицо координатора, но четкий план складываться не желал. А без плана слова станут истерикой обиженной девочки. Рано переходить к боевым действиям, рано, да и в такое чудное утро — просто кощунство кого-либо убивать.

Внезапно из угла донеслось шуршание, послышался топоток, что-то звякнуло. Сопение стихло. Аня заинтересованно подняла голову.

Серая тень — и как только пробрался в комнату — метнулась из угла

прямо к кровати.

Девушка фыркнула — уж больно забавной была морда Вальди, когда на его хвост запрыгнул крошечный диверсант, а следом уже крался второй. И не куда-нибудь, а напрямик к огромной зубастой морде. Бесстрашно потерся головой, прошелся под подбородком, замурлыкал. Вальди превратился в статую, затем осторожно наклонил голову, понюхал.

На морде собаки удивление явственно боролось с зарождающейся нежностью. Победила нежность. Вальди шумно вздохнул и прошелся языком по спинке котенка, оставляя встопорщенной мокрую шерсть.

— А что хотел? Подобрал — воспитывай, — и девушка потрепала пса по голове, спуская ноги на пол. Вставать не хотелось, как и встречаться с переселенцами. Хотелось уехать, удрать куда подальше. Забыть все, как страшный сон.

Она подошла к окну. Пол охлаждал пятки, и Аня закуталась в накинутое на плечи одеяло. За окном сверкал снег, вырядились в пушистые шубы ели, гордо синело высокое небо. На белоснежном покрове озера сизыми тенями протянулись параллельные линии — кто-то прошелся на лыжах, и сразу захотелось отправиться следом.

Вырваться бы из дома...

А с чего она решила, что дом станет тюрьмой? Только потому, что в нем завелись тюремщики?

«Я справлюсь», — прошептала еле слышно.

Она обязательно справится, на другой чаше весов — смерть.

— Эй, — тихо позвали из стены, — слышь, как тебя?

— Анна Николаевна, — не поворачиваясь, ответила, узнав голос.

— Ага, Николаевна, — тут же сократил Сан Саныч, — слушай, будь другом, спрячь у себя, а? У тебя в комнате искать не будут.

И на полу вдоль стены, звякнув, выстроился отряд бутылок: от классической «Столичной» до «Первака».

Вальди тихонько рыкнул, потом оглушительно чихнул — одна из бутылок оказалась открытой, и по комнате поплыл крепкий дух.

— Тьфу, склероз, — огорчилась стена, — щаз, — и оттуда высунулась прозрачная рука, споро наворачнула пробку и даже ладонью помахала, чтобы развеять спирт.

— И с какого? — удивилась Аня, разглядывая строй стеклянных бойцов, каждый из которых мог свалить с ног взрослого мужика.

Стена тяжело вздохнула, и явила собой Сан Саныча во всей красе: все так же топорщились на коленях растянутые треники, на клетчатой рубашке не хватало пуговиц, вот разве что волосы сегодня лохматились сильнее обычного и взгляд был... точно у кота, которого застигли за разгрызанием хозяйского тапка.

— Понимаешь, какое дело, — протянул Сан Саныч, залезая пятерней в остатки волос, — ремонт этот дурацкий — как будто раньше плохо жили, ну а главный ихний — Арик — решил лично антресоль проверить, и что его туда понесло утром, ума не приложу. Дотошный мужик, в каждую щель нос засунет, а пить не умеет, да...

И Сан Саныч замолчал, вспоминая о чем-то.

Арик — это Арвель, решила девушка и поторопила:

— Дальше.

— А дальше, пить не умеет, нервничает, орет, что некоторых развеять пора. Четыре бутылки, гад, грохнул, — и призрак горестно махнул рукой, — вот все, что спас.

И он обвел строй выживших увлажнившимися глазами, ласково погладил крайнюю.

— По одной собирал, — поделился, — мне пить нельзя, сердце

пошаливает, да и вкус уже не тот, вот и решил коллекционировать, чтоб не пить, так полюбоваться можно было.

Девушка нахмурилась — было непонятно, как призрак оценивает свою нынешнюю жизнь. То ли считает себя живым, то ли понимает, что мертв... Надо будет мягко намекнуть бедолаге, что сейчас уже ничто не может испортить ему здоровье.

— Арвель, значит, на твою коллекцию наткнулся...

Сан Саныч разом взбодрился. На лице заиграла плутовская улыбка.

— Слышала бы, как он орал, получив «Путинкой» по голове!

— Ну а ко мне почему?

— Так у тебя в комнате уже ремонт закончили! Под кровать моих милашек составим — мешать не будут. А я буду наведываться, когда тебя нет, чтоб не смущать, — и он вдруг потупился, разглядывая носки своих потрепанных тапочек.

Аня вздохнула. Все ясно. Спрашивать, подглядывал ли, как она переодевается — бесполезно. Все равно будет отрицать.

— Я не против, — медленно произнесла, стараясь сделать весомым каждое слово, — можешь хранить, можешь приходить и любоваться, но в ответ хочу знать обо всем, что происходит в доме. А особенно... Пятерку таких одинаковых приметил?

— А как же! — бодрячком отозвался Сан Саныч, ухитрившись втянуть живот и выпятить колесом грудь.

— За ними особенно приглядывай!

— Будет выполнено, мадам! О, пардон, мадмуазель! А как рассчитываться будешь?

И крошечные глазки красноречиво скосились в сторону батареи бутылок.

Аня поморщилась, но тут же одернула себя — будто у нее есть выбор Джеймсов Бондов?! Да, староват, да, с пропитой репутацией, зато может проходить сквозь стены и быть невидимым. Что там говорить — ей достался лучший Джеймс Бонд в мире.

— Договоримся.

Призрак довольно кивнул и утек в стену, а она, под укоризненным взглядом Вальди, принялась переставлять бутылки под кровать. Утро продолжалось.

С Тамиром Аня рассталась сухо. Глупо получилось: союзниками, даже такими, которые нагло требуют поцелуй на сон грядущий — не стоило разбрасываться. Не в ее положении. Но поделаться с собой ничего не могла. Отчуждение, возникшее после разговора в ресторане, так и осталось незримо стоять между ними. И все попытки Тагира: отвлечь, растормошить, обворожить — вызывали лишь раздражение. А когда попытался настоять, она с огромным удовольствием выплеснула негатив, оставив мага глотать воздух от боли — бить в солнечное сплетение ее брата Травкины научили, как и много еще чему. Так. На всякий случай.

Неужели маг считал ее настолько душой или вконец запуганной девчонкой, чтобы она могла слепо довериться ему? Плохо же господин из другого мира знал русских женщин. Тот, кто прошел школу, сам поступил на бюджетное в ВУЗ, причем наперекор желанию родителей не в медицинский, кто выжил в гадюшнике под названием «Дизайнерская компания: вы лишь подумали, а мы уже нарисовали», того так просто не обмануть красивыми сказочками о верных и преданных друзьях — дай палец, руку откусят.

Все они хороши: и переселенцы, и теневики. Не понятны только до конца мотивы. Есть ли в их вражде и желании обладать связкой порталов что-то еще, кроме оккупации и исхода в другой мир? Надо будет обсудить с Павлом. Надо.

Щекам внезапно стало горячо, и девушка подумала, что как раз с ним говорить и не хочется. Вот ничего предосудительного с Тагиром не делала, а все равно стыдно, словно она мужа с любовником обманывала.

И тут же сама себя одернула. Кому должно быть стыдно за обман, так это ему! Сердце заныло от тупой боли. В глазах защипало от сухих слез.

Аня уткнулась лбом в холодное окно — стало легче.

Она ему доверилась. Поверила. И в чистые цели, и в благородные намерения, а главное, в то — что ей ничего не угрожает, что он ее защитит всегда и от всего.

Боже, как она ошибалась. Он всего лишь работает на тех, кто может ее уничтожить в любой момент. За непослушание, за неудобство.

Действительно, зачем им живая Хозяйка порталов, когда мертвая гораздо удобнее? Вот интересно, если ее сделают призраком, станет ли дом ее слушать или утратит свою индивидуальность и им будет легко управлять? Скорее, второе, иначе не существовал бы этот обходной маневр.

Ладно, достаточно страдать и жалеть себя.

Аня решительно сбросила одеяло, оделась, привела себя в порядок. Повыше вздернула подбородок и вышла из комнаты. В голове мелькнула мысль: «Королева, идущая на эшафот».

Коридор встретил пустотой и тишиной, хотя признаки бурной деятельности угадывались: обрывки бумаги, чей-то оброненный бумажный стаканчик с пролившимся на пол кофе, рассыпавшиеся по полу стекляшки из женского браслета.

Аня постояла около двери, разбавившую свою фиолетовую ориентацию круглым солнышком с задорной ухмылкой. Дошла до русалок — тут все было без изменений, как и у болотников — даже поганки выросли с плесенью, а вот еще одна определившаяся дверь, нет, даже две.

Аня потрогала огромный черный замок, провела пальцем по толстой цепи. Ну, здравствуй, мир теней. Тень от замка вдруг шевельнулась, на ней прорезались глаза, выступили алые губы, которые сложились в трубочку... Девушка с ругательством отшатнулась. Это уже перебор... Не надо намекать на кокетство! Ничего она с Тагиром не заигрывала, ясно!

Мысленные сентенции пропали даром — дом считал иначе. Тень причмокнула, облизала толстые губы красным языком.

Тьфу! — сплюнула Аня, скривившись от отвращения. Тень от замка гаденько захихикала.

— На переплавку сдам, — пригрозила девушка, — в воде ржаветь оставлю, в розовый покрашу.

Тень дернулась, впиталась в полотно двери и пропала.

— Так-то лучше, — удовлетворенно проговорила Аня, — лучше без теней, чем с таким, такой... Тьфу, заговариваться стала. А это что? — она удивленно вскинула брови, рассматривая вторую определившуюся за сегодня дверь.

Собственно рассматривать там было нечего. Две галочки, вот только нарисованные галочки не машут крыльями, стремительно приближаясь.

— Мамочки, — отшатнулась девушка, — да это же...

Да, это были они самые. Зубастые, чешуйчатые, когтистые, с кожаными крыльями, каждый размером с вагон.

На Аню внимательно глянул огромный глаз с вертикальным зрачком и... пропал, оставив после себя чувство дикого первобытного страха, а на белой двери снова красовались две галочки размером с ладонь.

Девушка вздохнула — оказывается, все это страшное кино она смотрела не дыша, вытерла вспотевшие руки о кардиган. Сердце стучало, как сумасшедшее, а в голове зрело трусливое, но такое разумное: «Как тебе монстрик? Покрупнее русалки будет. Все еще хочешь вести переговоры в других мирах? Смотри, как бы не сожрали. А то ведь не все знают, какая ты исключительная и ценная особа».

— Ничего, ничего, — прошептала Аня, — это они за детенышем прилетали. Вернем, глядишь — не сожрут.

И она развернулась в сторону кухни. Чай — верное средство от нервов. Главное, кипяток на себя не пролить дрожащими от пережитого руками. Послал же Бог соседей...

На кухне никого не наблюдалось, как и в столовой. Аня взбодрилась перспективой позавтракать в одиночестве, и скоро на плите весело шипел чайник, вкусно пахло яичницей, а в микроволновке крутился бутерброд с сыром.

Она чуть-чуть не успела насладиться завтраком.

— Уже встала? Отлично, значит, не пропустим.

Павел сунул ей в одну руку бутерброд, ухватил за вторую и потащил из кухни.

— Такого больше никогда не увидишь, — возбужденно пояснял он на ходу, но Аня все равно ничего не понимала. — Эвакуацию закончили, кое-кто все же решил уйти на побережье, так что мы даже раньше времени уложились.

Павел помедлил перед порталом в мир переселенцев, прижал девушку к себе одной рукой, прошептал:

— От меня ни на шаг, — и они оказались по ту сторону портала.

Быстрый переход — и перед Аней раскинулся знакомый пейзаж: изрезанная бухтами линия побережья, складчатые бока низких гор и голубая громада воды, угрожающе нависшая над островом. Они стояли на вершине. Солнце скользило по зеленовато-синим бокам волны, цветными пятнами виднелись внизу крыши домов, по небу плыли перистые облака, было тихо, и не верилось, что эта мирная тишина обманлива.

А затем раздался вздох, точно великан проснулся. Он эхом прокатился вдоль побережья, и волна медленно двинулась вперед. Она ползла сначала нехотя, почти неспешно, затем опустилась ниже, ускоряясь с каждым метром отвоеванной ею земли. И стал уже виден арьергард наступления: вывернутые с корнем деревья, выломанные стены, снесенные крыши, пустые лодки. Все это бурлило, перемалывалось, накатывая с неотвратимой

силой.

Павел мягко потянул, увлекая за собой — обратно. И вот перед ней снова уютная кухня, на плите остывшая яичница, а перед глазами картина восставшей стихии. Нет, чойгвейцы точно сумасшедшие. Уйти из жизни таким образом? Бр-р...

— Испугалась? — Павел притянул к себе, обнял, а она замерла, ощущая, как внутри ломается равновесие, как две силы: страх за жизнь и симпатия к Павлу, начинают между собой войну.

Если полностью доверюсь Павлу, могу умереть, — думала Аня, — если возьму власть в свои руки, приструню переселенцев и стану настоящей, а не на словах Хозяйкой, останусь в одиночестве. В таких делах друзей, увы, теряешь, а любовь и подавно.

Что же выбрать? «Хозяйка» и «Павел» внутри затеяли возню, а она так и стояла, наслаждаясь теплом мужского тела, не в силах отстраниться, сделать первый шаг в сторону, пока запах горелого не вырвал из объятий.

— Ну вот, — проговорила огорченно, рассматривая то, что осталось от яичницы, а ведь точно помнила — плиту выключала. Павел мягко забрал у нее сковородку.

— Садись, сейчас новую сделаю.

Теплая кружка грела руки, впереди бежали две дороги, и надо было сделать выбор. Но сначала завтрак и... новости.

— Значит, эвакуацию закончили...

— Да, — кивнул маг, бросая ветчину на сковородку. Мясо зашипело, по кухне поплыл запах жареного, — можно приступать ко второму этапу. Наши уже выбрали отдельный остров, организуем там временный лазарет. Детей и женщин переведем в первую очередь. Хватит, намоклись.

Аня кивнула, она не возражала, действительно — хватит, и надеялась, что и Фиолетик возражать не будет.

И только в голове продолжала вертеться надоедливая мысль — о прошлом вечере Павел так и не спросил.

— Говоришь, настоящие болотники? — фиолетовая Аня ходила по берегу моря, пиная камушки. — Прямо мокрые все и сопливые? Слушай, а им здесь нормально без слякоти-то будет? Не пережарятся на солнышке?

Аня внимательно посмотрела на Фиолетика, но тот вроде не издевался и говорил серьезно.

— Ладно, пусть живут, мне не жалко, только подальше отсюда. Знаешь, сырость мне не полезна.

Нет, все-таки язвит. Набрался же где-то. Надо бы обсудить, хотя... и она мысленно махнула рукой. Фиолет — не ребенок, сам разберется, что плохо, а что хорошо.

— Тогда так и договоримся, — со вздохом произнесла девушка и протянула своему двойнику коробочку. — Мне тут подарок сделали. Проверишь на сюрпризы?

— Хм, — Фиолетик повертел коробочку в руках, отщелкнул крышку, полюбовался на чистоту камней, скорчил заумное лицо и наконец произнес: — Сделаю. К вечеру заглядывай, дам ответ.

Он вдруг ухнул по пояс в песок, ввинтился еще глубже, почти исчез, но напоследок выплеснул глухо:

— Если решила забирать — забирай. Не люблю мямлей.

И пропал, на этот раз окончательно.

Легко сказать — забирай, — ворчала себе под нос Аня, идя по берегу, — а если его родители в благодарность пообедать решат, причем мною?

Драконенок обрадованно скакал навстречу. Он уже совсем поправился, лишь крылья не затянулись до конца. Аня протянула кусок мяса, предусмотрительно захваченный с собой. Малыш, смешно похрюкивая, принялся за угощение.

Что делать? — думала Аня, разглядывая питомца. — Не оставлять же его здесь? Сейчас маленький, безобидный, хотя зубы уже ого-го какие, а вырастет — и как такого прокормить?

— Ладно, горе мое, пошли домой, — она поманила звереныша, и тот послушно взобрался на ожидавший все это время девушку лист.

ГЛАВА двадцать первая

— Анечка, как же так? — растерянно хлопал глазами Арвель, косясь на зверюгу, ростом с девушку. Зверюга с любопытством вертела головой, словно мысленно подсчитывая окружающих ее магов.

Вид у нее при этом был предвкушающий... Ну, точно у собаки, которую неделю держали на брокколи, а потом привели в мясную лавку. Аня на всякий случай придвинулась ближе, Вальди, наоборот, оставил себе место для прыжка.

Вообще их незапланированное появление — Анечка, а можно в следующий раз вы нас будете предупреждать о ваших планах — вызвало нешуточный переполох. Выйдя из двери и увидев, как навстречу им Арвель ведет делегацию болотников, Аня сразу осознала — не повезло.

У болотников вытянулись лица, Арвель, как более привычный, лишь недовольно поджал губы, из стен вылупилась невидимая охрана, а Вальди сопровождал переполоху своим басовитым рычанием.

Детеныш нервно перетаптывался за спиной девушки, облизывался, сопел, и ей очень хотелось послать всех этих грозных дяденек — драконов, что ли не видели? — чтобы не пугали малыша.

— У нас сегодня, кажется, по плану следующая эвакуация? — и она кивнула в сторону болотников. — Все согласовано. Фиолет не против. Можете начинать. И надо возвращаться к исследованиям. Заодно и его домой вернем.

Болотники — с их мокрых плащей уже успела натечь лужа — радостно заулыбались. Страшная зверюга была мигом забыта.

— У нас все готово, Хозяйка, хоть сейчас начнем, — вперед выступил представительный мужчина.

— Отлично, — кивнула ему Аня, подумав, что надо бы засыпать коридор хоть опилками, и выжидательно посмотрела на Арвеля.

Маг ответил внимательным взглядом, словно прикидывая — сразу послать или все-таки сделать вид, что согласен.

— Хорошо, — выбрал он второй вариант, — Павел обеспечит вам сопровождение, — и тут же повернулся к коллегам: — Прошу за мной. Обсудим детали.

Далее возникла небольшая заминка — надо было пройти мимо драконенка, который воспринял прижимающихся к стенам магов как отличную игру и попытался половить «добычу». «Добыча» бледнела лицом, шипела ругательства, уклоняясь от пока еще коротких лап с уже длинными когтями. Охрана посмеивалась, но спасти собратьев из болотного мира не спешила.

Высокий молодой маг с традиционной для болотников бородой вдруг протянул девушке крупный цветок, напоминающий кувшинку, и проговорил с приятной улыбкой:

— Весело тут у вас.

— Хоть плачь, — подтвердила Аня, пытаясь отвлечь зверюгу от особо приглянувшегося ему мага. Драконенок тыкался носом в карман его плаща, маг потел, вжимаясь в стену. Фиолетовый пухлый заяц, который был прицеплен к ее рюкзаку, — без него, как и без книг, девушка к Фиолету не ходила — драконенку понравился, и маг был милостиво отпущен, а игрушка качественно обслуживлена.

— Еще увидимся, — со значением произнес мужчина, не отрывая от лица девушки своих красивых карих глаз.

На плечо Ане приземлилось что-то мокрое, она двумя пальцами безразлично сняла растерявшего свою пушистость зайца, кивнула магу и

двинулась к нужной двери.

— Никакой личной жизни, — пожаловалась обслюнявленной игрушке, открывая дверь.

— И какая же личная жизнь тебе нужна? — ее руку перехватили. Заяц был изъят, за секунду — магия — приведен в прежний няшный вид, на цветок тоже покусились, но Аня не дала.

— Насыщенная и... — девушка задумалась, — честная. Надоело недомолвками жить, — она вскинула глаза на Павла.

— Хорошо, будет тебе насыщенная, — пообещал маг, оглянулся и, понизив голос, добавил: — Вот прямо сегодня вечером и на всю ночь.

Аня оторопела от внезапной наглости, но ответ нашелся сам собой:

— Э... нет, насыщенную я и сама себе могу устроить. Вот с честностью так не получится, она, понимаешь, взаимной должна быть.

Охрана усиленно делала вид, что вновь стала невидимой и вдобавок глухой.

— С честностью у нас у всех проблемы, — заметил Павел, и Аня вздрогнула — так многозначительно прозвучала фраза. «А если он знает?» — запаниковала она.

— Ограничимся насыщенностью? — предложил маг, но девушка отрицательно замотала головой.

— Ограничимся насущным, — и выразительно кивнула за спину, где оставленный без присмотра драконенок гонялся за Вальди.

В горах царствовал ранний вечер. Солнце еще стояло высоко, но в низинах уже таились сиреневые сумерки. Горько пахло вереском. Высоко в небе, раскинув крылья, парила птица.

Аня вздрогнула, присмотрелась, но нет, это была лишь птица, и девушка перевела дыхание, огляделась. Огромные пики тянулись к небу,

сверкая на солнце белыми шапками ледников, крупные валуны, щедро запятнанные цветным лишайником, напоминали уснувших на поле зверей. Было удивительно тихо и тепло — ранняя осень или позднее лето решила девушка, закатывая рукава кардигана. Долина готовилась ко сну, ветер стих, и сегодня здесь было умиротворяюще спокойно, даже птиц не было слышно.

Настолько умиротворяюще, что Ане пришлось напомнить себе и про рыжего хищника, и про драконов, и про то, что расслабляться в чужом мире могут лишь идиоты или имеющие девять жизней кошки, а у нее жизнь только одна.

Деятельность магов на первый взгляд была незаметна. Разве что трава у портала была примята, да соседние кусты выглядели потревоженными.

Она уточнила пару вопросов о погоде, о местных хищниках и рельефе местности, который удалось разведать. Тревожило одно — кроме того раза, когда удалось засечь пару драконов на рассвете, маги их больше не видели. Ане почему-то не верилось, что драконенка бросили родители. Не зря же дверь так настойчиво демонстрировала монстров. Дом не стал бы пугать просто так.

— Хорошо, — девушка отошла от портала, маги плотным полукругом двинулись следом — ну точно первое лицо государства на митинге оппозиции, — давайте осмотримся, будем надеяться, он сам позовет родителей.

Мальш действительно вел себя беспокойно. Принюхивался, смешно морщил нос, издавая странное повизгивание.

И все же было что-то тревожное в этой тишине, подумалось Ане. Она оглянулась на магов, фыркнула: «Стоит ли волноваться с такой-то охраной?» — и обвела внимательным взглядом долину, небо, горы.

Тихо. Теплый воздух ласково касается лица, он едва заметно дрожит над цветами, заставляя их пахнуть сильнее, часть неба напитывается сиреневой краской, которой скоро предстоит стать розовой. Видит Бог, этот мир прекрасен.

Аня прикрыла глаза, подставляя лицо под солнечные лучи. Расслабилась.

Движение воздуха, хлопок, чей-то испуганный крик. Аня распахнула глаза — мимо пронесся дракончик, запрыгал перед огромным валуном, лежащим неподалеку, истошно заверещал.

Валун? Девушка прищурилась. Зрение сбоило, показывая что-то несусветное. Ну не может у валуна быть двойной тени, да еще и с крыльями. Да и не шипят валуны так страшно, и зубов у них нет совсем, как и вытянутых желтых зрачков.

В ушах звенело от низкого вибрирующего шипения. Инфразвук? — мелькнула мысль, но тут же пропала перед насущным: мамочки, да это же дракон!

А ее уже теснили назад к порталу, и только заорав:

— Да стойте же! — удалось прекратить это безобразие.

— Аня, — перед ней возникло белое от напряжения лицо Павла, — уходи, мы его задержим.

— Нет!

Внутри девушки билось отчаяние — утащат силой, не смогу ничего сделать, но еще сильнее внутренности сжимались от страха — дракон, словно бабочка из кокона, медленно разворачивался, вырастая и заслоня собой горы. И как к такому подступиться? Раздавит и не заметит.

— Ты не понимаешь, мы не знаем, что это за хрень! — орал маг. — Он не обнаруживается. Ничем! Так что брысь отсюда, пока эта тварь занята своим отпрыском.

Но Аня упрямо прикусила губу, сняла, вцепившуюся ей в плечо руку мага.

— Это ты не понимаешь, а я понимаю. Все, что они говорят.

На лице мага отразилось недоумение. Он обернулся, словно не веря, что ему не послышалось, и это вот шипение и есть разговор.

— Ты спятила, — покачал головой.

И правильно, кстати, сказал, потому как судя по разговору, их всех собирались примерно наказать за похищение детеныша, разорвав на кусочки, а кусочки разбросав над горами. И никак иначе.

— Уже неделю как, — усмехнулась девушка. Страх отступил, собственное безумие вдруг показалось смешным, и она сочувственно похлопала Павла по плечу: — Прости, мои тараканы оказались круче твоих.

Глаза у мага округлились.

— К-какие тараканы? — переспросил он.

— Неважно, — отмахнулась девушка, — просто поверь, это твой шанс изменить историю.

Спереди раздались предупреждающие крики, маг отвлекся, Ане много же было не надо — проскользнула мимо, уклонилась от тянувшейся к ней руки и оказалась на переднем крае.

Оно двигалось к ним. Неспешно, словно скала. Очень зубастая скала с нехорошим прищуром желтых глаз.

Тараканы не внутри меня, нервно подумала Аня. Я и есть таракан-букашечка для этой твари. С хрумкает, только косточки захрустят.

Драконенок вынырнул откуда-то сбоку. Подлетел, чуть пихнул девушку вбок и старательно зашипел, изгибая короткую шею.

— Двуногое — хорошее. Оно — кормить. Оно — заботиться.

Язык был чужой, перевод шел с трудом и с опозданием. Но самое сложное было не это.

Аня откашлялась, набрала в грудь воздуха.

— Оно — хорошее, — подтвердила, тщательно шипя непривычные для горла звуки, — оно — друг.

Дракон замер, по-собачьи удивленно склонив вытянутую голову с гребнем, моргнул. Был он темно-болотного цвета в крупную блестящую чешую, впечатляющие антрацитовые когти ярко выделялись на фоне вереска, кожаные крылья сложены наполовину, длинный хвост загибался к задней лапе. Но самое главное, Павел был прав — тварь была не просто опасна, она была абсолютно чуждой как по внешнему виду, так и по манере общаться.

— Мы — все хорошие, — добавила девушка. Язык болел от усилий, горло саднило, но диалог надо было продолжать.

Дракон фыркнул, и кто-то из магов, не выдержав, зарядил молнией в его шкуру. Молния срикошетила, уйдя куда-то в сторону, не причинив твари никакого вреда.

Сердце девушки пропустило удар, в желудок словно кто-то кусок льда засунул. Она подсознательно почувствовала, что Павел приготовился прыгнуть между ней и драконом, но тот даже глаз от девушки не отвел, словно не молнией в него запустили, а так... травинкой пощекотали.

— Завтра, на закате, приходи, поговорим, друг, — зазвучал вдруг в голове чужой голос, даже ментально ухитрившись передать ехидность обращения «друг».

А потом наклонился, растопырил крыло, строго прошипел детенышу. Тот послушно взбежал по крылу на спину взрослого, распластался, вцепившись коготками в чешую.

Дракон развернулся, рванув с места крупными прыжками, пара взмахов, толчок — и вот они уже в небе.

— Живите, двуногие!!!! — разнеслось шипение по округе. То ли пожелание, то ли угроза.

— Что он сказал? — спросил Павел, когда от парочки осталась лишь точка в небе.

— Долгой жизни пожелал, — немного покривила душой девушка. О завтрашней встрече решила пока умолчать. Хватит бедным магам потрясений, пусть сегодняшнее переварят.

— Ты не можешь меня отстранить, — в спокойном голосе Павла можно было ведро воды заморозить.

— Еще как могу! — Арвель ухитрился истерить шепотом, и Ане подумалось: Сан Саныч прав, пора лечить координатора, а то сорвется ведь. У них и так перебор с неадекватными личностями в доме.

Маги ссорились на кухне, Аню намеками пытались отправить в столовую к болотникам, но девушка включила режим игнора и осталась. Надорванное горло саднило, и она достала из холодильника бутылку минералки, открыла...

— Анечка, вы меня в гроб вгоните своими идеями, — простонал координатор, забирая бутылку из рук девушки и выпивая треть залпом, — ну почему вам не сидится дома?! Я готов дать вам все, что пожелаете. Хотите рисовать — рисуйте, вышивать, пазлы складывать — только намеки. Я даже выделенный интернет готов сюда провести.

Аня со вздохом вернулась к холодильнику, достала вторую бутылку.

— Аня, он прав, — вторая бутылка переключалась в руки Павла, и девушка начала тихо звереть, — я уважаю твое право на самостоятельность, но сегодня риск был слишком велик. Ты могла погибнуть. А если бы этот папаша или мамаша оказался неразумным? Просто зверем? Нельзя рассчитывать, что твое умение понимать чужой язык тебя всегда выручит.

— Дядя, — просипела девушка, доставая третью по счету бутылку, последнюю, между прочим.

— Что? — переспросил Павел.

Аня сделала глоток, восхитительно холодная жидкость с пузырьками прокатилась по горлу, унимая раздражение.

— Это был его дядя, — пояснила уже нормальным голосом, — и они разумные. На мой взгляд, даже слишком, — поморщилась, вспоминая неприятное ощущение от ментальной связи — точно кто-то сжимает голову тисками, — и вообще вы слишком переживаете из-за пустяков. Пора думать о следующем этапе эвакуации, а что касается драконов. Я поговорю с Фиолетом, может, он уже сталкивался с ними и подскажет, что ожидать. А пока... — она едва заметно улыбнулась, — не выпить ли нам всем чаю?

Чай плавно перерос в обед. Болотники воодушевленно обсуждали перспективы отправки из гнилого мира женщин и детей и необходимости общей подготовки к переселению. Требовалось время — свернуть исследования, спасти уцелевшие вещи и заготовить как можно больше корня какого-то растения, лечебные свойства которого вызывали у магов сплошной экстаз.

К Фиолету девушка попала после полудня. На этот раз ее встречал, подрагивая краями от нетерпения, узкий серебристый лист. Аня успокаивающе махнула рукой Павлу, мол, все нормально, и шагнула на лист. Тот мгновенно рванул в самую гущу леса.

Минут десять скоростного полета — и она очутилась на странном дереве. Ветви его образовывали шатер, внутри шатра шелковилась фиолетовая трава, порхали прозрачные мотыльки, а сбоку выпирала шляпка гигантского гриба. И все это на высоте, откуда не просматривалась земля. Трава, лужайка и гриб!

Пока Аня вертела головой, на шляпку выползла...

Девушка хмыкнула, потом не выдержала и засмеялась в голос. Гусеница была здоровой, волосатой и напоминала положенного на бок снеговика, но главной была шляпка из торчащих прутьев и длинная трубка, из которой, как и положено, курился почему-то зеленый дым.

Фиолетовое чудо покрутило внушительно задней частью, поерзало передним грудным шаром, устраиваясь поудобнее, потом попыталось перехватить трубку, но лапки для таких габаритов оказались коротковаты, и

трубка нырнула вниз.

Аня уже ржала в голос, вытирая выступившие слезы. Значит, «Алису в стране чудес» Фиолетик прочитал и сильно вдохновился данным произведением.

— Так все плохо? — упавшим голосом уточнил Фиолет, когда она вернула ему трубку.

— Великолепно! Очень похоже, правда, — заверила его Аня и добавила: — Тебе бы спектакли ставить — с руками такого декоратора оторвут.

— Руки отрывать не надо, — насупилась гусеница, — спектакли ставить тоже. Это подарок, тебе.

— Мне? — удивилась Аня.

— Тебе, — подтвердила гусеница, — только сначала про твой подарок расскажу, пока не начали расширяться.

— Что начали?

— Потом, — тряхнула головой гусеница, еле успев подхватить верткую трубку, — подарок годный, можешь носить, а можешь и не носить. Цену, сама знаешь, какую платить. Ты с ним хоть целовалась-то?

От неожиданного вопроса Аня замерла, не зная, что и ответить. Очень хотелось натянуть одной наглой гусенице ее дурацкую шляпку по самые... докуда дотянется, короче.

— Вижу, что нет, — тоном ворчливой тетушки заметил Фиолет, — и как же ты, не попробовав, собираешься его на помощь звать!?! А вдруг не понравится?

— Он мне жизнь будет спасать, а не то, на что ты намекаешь! — возмутилась девушка.

— Наивность! — припечатал Фиолет, затягиваясь и выпуская вверх

три колечка зеленого дыма. — Сначала спасать, потом иметь. А уж физически или только морально — зависеть будет от тебя.

— Все, хватит! — прервала его Аня. Она хоть и злилась, но понимала — Фиолет прав. На все сто прав. Умел, засранец, разложить по полочкам — грубо, но доходчиво. — Я поняла. Серьги верни, и закроем вопрос.

Убрала серьги в карман, твердо решив искать помощь в другом месте.

— Вот и умница, — ласково сообщила ей гусеница, попыталась изящно сползти с гриба, но не рассчитала и шлепнулась, поочередно приложившись о землю каждой круглой частью своего тела.

Скатилась, потрясла башкой, потом принялась шарить многочисленными лапками в траве.

— Ее искал? — подала ей трубку Аня.

— Ее, ее, — подтвердила гусеница, — вот это мой подарок и есть.

Девушка покрутила трубку в руках, выразительно приподняла брови.

— Что смотришь? Трубок не видела? Кури давай, не сомневайся, — потребовала нахалка, приподнимаясь и сцепляя передние лапки на груди, — по всему лесу траву собирала, ух, забористо получилось, то, что надо.

Дым мягким облаком проник в легкие, осел там вкусом высохшей на солнце травы. Она сделала еще одну затяжку, пока не растеряла решимости. В горле запершило, и Аня кашлянула, сглатывая ставшей горькой слюну.

— Давай, подруга, — подбодрила ее гусеница, — не стесняйся.

А она не стеснялась. Глупо сомневаться в друге, когда сама к нему пришла. Разве что смущала появившаяся на поляне вторая гусеница, да еще стремительно розовеющий лес.

Аня легла на траву, прикрыла глаза. В голове зашумело, тело наполнилось легкостью. Знала бы мама...

Аня никогда не курила. Детские впечатления от маминых рассказов, историй болезней и страшных диагнозов, обсуждаемых между делом на кухне, действовали лучше любых запретов. Не пробовала, да и не тянуло. Кальяном баловалась, было дело в Тунисе. Так-то по молодости, когда в девятнадцать еще верилось, что весь мир будет у твоих ног, не разглядел пока, какая ты замечательная и хорошая. Это став постарше и мудрее, понимаешь — ни одна чудо-таблетка или порошочек не помогут развернуть мир лицом, если он уже обратился к тебе тылом. Сам, только сам, и только изменив себя изнутри.

«Все проблемы внутри нас», — философски решила Аня, разглядывая чудное розовое нечто, отдаленно напоминающее ушастый цветок с длинным хоботом.

— Как думаешь, призраком быть нормально? — спросила она у цветка. — Сан Саныч вон живет как-то и даже про водку не забыл.

Она вздохнула, сделала еще одну затяжку. На этот раз это была горькая осень, дым сжигаемых листьев в парке, жалость уходящего лета и холод наступающей зимы.

— А может, плюнуть и позволить им делать, что хотят? Зачем я лезу? Как будто мне больше всего надо? Займусь рисованием, сколько плакалась, что времени нет. А вот сейчас есть, а не хочется. Голова другим забита. Меня словно поставили руководить колхозом. Ни хрена не понимаю, но всех жалко и всем помочь нужно. А еще эти наблюдатели... Испытательный срок у меня. Если справлюсь — в живых останусь, нет — буду бестелесной дурой сквозь стены летать. Спросишь, почему дурой? А что лучше: быть принципиально правой, но мертвой или послать совесть в баню и остаться в живых? Молчишь? Не знаешь? Вот и я не знаю... Только чувствую, ответ придется искать и скоро.

Она затянулась, холодный дым заморозил горло, снежинки кололись внутри, сухие слезы щипали глаза.

— Тагир меня пугает. Думает, я к нему в ужасе прибегу. А я вот возьму и не прибегу... Лучше с тобой здесь останусь. Не прогонишь?

Рядом тяжело вздохнули.

— Мне фиолетовый всегда нравился. Вальди с собой возьмем и Павла, если захочет.

В горле пересохло, Аня вновь потянулась за трубкой. На этот раз дым цветочной сладостью наполнил грудь, внутри стало щекотно, а ушастый цветок обзавелся одним глазом и принялся им яростно подмигивать.

— А знаешь, я сегодня с драконами познакомилась, Арвель чуть не поседел, как услышал. Глупые они, эти маги... точно мамы, которые трепещут над ребенком, не понимая, что с такой гиперопекой он никогда не станет взрослым. И Павел...

Она замолчала. Слова не подбирались, да и не готова она была обсуждать столь личную проблему с цветком и гусеницами.

«Еще одна затяжка» — решила девушка, вдыхая дым со вкусом шампанского, глупых шуток и дурацкого смеха.

— Шляпка-то, шляпка, ой, умора.

Павел в недоумении смотрел на угорающих над чем-то девушек. Одна — светловолосая, в джинсах, топике и кардигане, вторая — с фиолетовой кожей, волосами и в такой же одежде, только фиолетового цвета. Они сошли с листа, обнявшись, дружно хихикая над чем-то.

— А вот и наш красавчик! — фиолетовая ткнула в него пальцем, и вновь зазвучал девичий смех — ну точно колокольчик зазвенел. Хороший смех у Ани, правильный, подумалось Павлу. И улыбка такая светлая. С чего, интересно, они так развеселились?

— Товарищ маг, объект прибыл в целостности и сохранности! — бодро отрапортовал фиолетовая Аня, вытянув руки по швам, не удержалась, хихикнула.

Маг нахмурился, обвел девушек суровым взглядом, потянул воздух носом — ничем подозрительным не пахло. Однако признаки неадекватного поведения на лицо. Зрачки, он пригляделся, чуть расширены, взгляд

расфокусирован, координация нарушена.

— Ты что, пила? — обратился он к Ане.

Дружный хохот был ему ответом.

— Не-ет, — широко улыбаясь, ответила девушка, а потом подмигнула фиолетовой и, фривольно покачивая бедрами, двинулась к нему. Подошла, посмотрела задумчиво снизу-вверх и вдруг сложила губы трубочкой, потянулась, еще и глазки прикрыла.

Павел замер. Это было слишком откровенно, провокационно, чтобы быть правдой.

— Ты пила, — произнес утвердительно. Вздохнул, очертил пальцем овал лица и вдруг повернулся к замершей фиолетовой Ане: — Пойдем, повеселились и хватит. Пора домой.

Ненастоящая Аня открыла глаза, обиженно надула губы, на светлой коже постепенно проступал фиолетовый цвет, а фиолетовая девушка бледнела на глазах.

— Как догадался? — спросила она.

— Такие подлянки я копчиком чую, — ухмыльнулся маг и протянул ей руку: — Пошли уже, чудо мое. Доставлю домой. А то ты еще что-нибудь удумаешь, и меня точно уволят.

ГЛАВА двадцать вторая

Она сдерживалась, но глупая улыбка блуждала по губам, а смех рвался наружу.

Как тут сдержаться, когда Павел держал ее, словно ребенка, за руку. Не отпуская, довел до комнаты. Сам одел, сам собрал сумку. А ей было хорошо. Давно она не чувствовала себя так легко и свободно. Смешило все: и как он хмурит брови — дай, морщинку на лбу разглажу, и как укоризненно качает головой — вот же бука, и как, защищая от непрошенных взглядов, прикрывает собой, ведя по коридору на выход.

Домой ехать не хотелось. Внутри ворочался бесенок, толкал на пакости, требовал приключений.

— А поехали в центр, — потребовала, усаживаясь в машину.

Павел бросил косой взгляд, завел машину.

— Куда изволит мадемуазель? — спросил, оглаживая руль.

— Мадемуазель изволит... — она призадумалась. — А давай махнем в Новую Голландию. Сто лет там не была. Только как с Вальди быть?

— Не волнуйся, он умеет быть незаметным, когда надо, — успокоил ее Павел, выворачивая на проспект Энгельса.

Она набрала смс родителям, предупредив, что задержится, и принялась смотреть в окно. Мимо неслись огни магазинов, подмигивали гирляндами елки, убранный свежевывпавшим снегом город был чудо как хорош. Это чудо сейчас мчалось вместе с ними, перескакивая с узорчатых растяжек над дорогами на елки и фигурки Дедов Морозов в витринах. Оно выхватывало улыбающиеся лица из толпы, обнимающиеся парочки на мосту. Оно подсказывало всеми средствами: не теряй времени зря. Ты с ним в машине. Одна. Давай не робей. Не ищи ответа в прошлом. Оно ушло, отпусти. Настоящее же рядом с тобой.

— Не расскажешь, что случилось у вас с Фиолетом? — нарушил тишину Павел, когда они промчались по мосту над заснувшей подо льдом Невой.

— Неа, — потянулась девушка, включила магнитолу, и в салон полилась зажигательная мелодия:

«А я незамужняя, кому-то очень нужная,

А где этот кому-то, не видно почему-то.

А я желанная, для кого-то долгожданная,

А где этот кого-то, не видно отчего-то».

«Вот-вот, — подумалось ей. Незамужняя, но кому-то нужная. Понять бы еще кому и почему, а еще лучше найти того, кому нужна просто так, без всяких заморочек».

— Не расскажешь о себе? — вернула вопрос.

— А что ты хочешь знать?

— Ну-у-у, — протянула, — как ты оказался в Проекте. Почему у нас целых два координатора, кто такие наблюдатели и есть ли у тебя семья? Там, в вашем мире?

— Ого! — выдохнул Павел. — Прямо целый ворох вопросов. Давай по порядку. В Проект попал по отбору. Семья есть. Мама и младшая сестра, отец погиб. Жениться не успел.

Он помолчал, а Аня прошептала:

— Извини, не знала.

— Не извиняйся, это давно было. Каждый из нас потерял кого-то. Мы привыкли жить с болью и потерями. Ну, а координаторы... Один работает внутри Проекта, второй, Тахмар, согласовывает наши действия и делает доклады руководству. Наблюдатели наблюдают. Конгресс желает иметь полную картину. Не обращай на них внимания.

«Ага, не обращай», — хотела возмутиться, но вовремя прикусила язык. Рано высказывать свою осведомленность. Павел — хороший, но он человек подневольный. Прикажут и... Эх, Павел, Павел, знать бы точно, чью сторону ты выберешь...

Новая Голландия сияла огнями, гремела музыкой, многочисленные кафешки заманивали вкусными запахами. Здесь царил праздник.

Вальди степенно шел рядом и, о чудо, никто не обращал на него внимания. Удивительно!

Компания мага была Ане приятна и совсем не тяготила. Она уже привыкла к тому, что он все время рядом, привыкла к его облику, эдакому сочетанию мужественного агента ФБР и успешного бизнесмена, и лишь его улыбка с завидной регулярностью выбивала почву из-под ног.

Идти вдвоем, слушая хруст снега под ногами. Говорить о новых "Звездных войнах", на которые надо обязательно сходить. Любоваться нарядной елкой у катка. Ловить завистливые взгляды стайки девчонок и чуть-чуть гордиться собой. Осмелеть и взять его под руку. Забыть о том, что он из другого мира. Не думать о переселенцах. Просто идти рядом с красивым мужчиной и слушать его голос, ловя себя на улыбке. Без причины. Без смысла.

Они вдвоем и зима, стелющаяся поземкой следом. Белый снег, искрящийся под светом фонарей. Редкие снежинки, танцующие вальс с ветром.

К Ане снова вернулось отличное настроение. И она потащила Павла за руку вперед, на каток.

— Это что? — спросил маг, указывая на катающихся. — Коньки?

— Ага! — счастливо улыбнулась девушка. — Спорим, и пяти минут не продержишься? Чур, никакой магии.

Он не продержался. Ровно по выезду на лед шлепнулся на попу, попробовал встать, шлепнулся еще раз. Понял, что не все так просто, и в третий раз вставал осторожно, с четверенек — Аня милостиво протянула руку помощи. Дальше двигался вдоль бортиков, а девушка нарезала вокруг круги, ездил волной, задом наперед, потом долго возила Павла за руку, рассказывая о школе, вспоминая детские проделки и заразительным смехом наполняя подступающую ночь.

Это было почти свидание... Почти... Потому как из машины она сбежала, кожей ощущая его жадный взгляд, но целоваться с тем, кто мог предать, было выше ее сил.

Клавдии Петровне не спалось. Она вертелась, дышала по особой методике, даже Иисусову молитву читала — ничего не помогало. Мысли

разъедали покой, не давали и шанса на спокойный сон.

— Николаша, спишь? — прошептала она наконец и переспросила для верности: — Спишь?

Николай Александрович тяжело вздохнул, нашарил выключатель, и мягкий желтый свет ночника озарил спальню.

— Ну что у тебя? — спросил без тени недовольства, садясь на кровати и беря с тумбочки очки. Он был старше жены на пару лет, но к супруге он всегда относился чуть снисходительно, опекал и баловал. Да и как не баловать такого воробушка?

Николай Александрович прожил трудную, но насыщенную жизнь и не скрывал того, что доволен и семьей, и работой. А что еще нужно мужчине? Дача, построенная своими руками, ждала летнего сезона среди высоких сосен Карельского перешейка. Место было удачное — рукой подать до рыбных озер, а к рыбалке Николай был еще с молодости неравнодушен, с тайги. Тайга многим для него стала. И первым учителем, и строгим наставником — чудом выжил, когда заплутал по глупости, и личным счастьем.

В их первую с Клавдией встречу, когда она появилась у них в геологоразведочном отряде — прямо с институтской скамьи, хрупкая, маленькая — одни глаза — сердце у Николая дрогнуло, внутри что-то оборвалось и стало так хорошо, как не было, когда он здорового омуля из реки вытаскивал.

— Вот Николай, — хлопнул его по плечу начальник экспедиции, — просил в отряд медика — получай. Да смотри мне, за девку головой отвечаешь.

Так и повелось. Он отвечал за нее в тайге, потом принял решение везти в Ленинград, когда Клавдия забеременела, устроился в институт, чтобы больше времени проводить с семьей. Когда родилась дочь, оказалось, его сердце способно вместить сразу две огромные любви — к жене и дочери.

— А ты не видишь? — прошептала Клава, старательно понижая голос.

— Что с нашей дочерью творится? Совсем чужой стала. Ничего не рассказывает, а я сердцем чую — с ней что-то происходит.

— А по-моему, все нормально. Девочка выросла и стала взрослой. Квартиру купила, на работу устроилась. Давно пора на свои хлеба перейти. Сколько лет-то уже! Ты в ее годы тридцать здоровых мужиков от цинги спасала, а Валерку со сломанной ногой на себе до лагеря тащила. Было же?

— Было, — вздохнула Клавдия, — и не такое было. Но она совсем другая! Городская и к лесу не приспособленная.

— Ерунда это все, — отрезал Николай, — мы все городскими были. И ничего... научились. Ты чересчур ее опекаешь.

— Это ты ничего не видишь кроме своей работы, — начала сердиться Клава, — между прочим, Травка уверена, что квартиру наша девочка купила у черных риэлтеров.

— Та-ак, — протянул Николай, снял очки, протер краешком простыни, надел обратно, — ну если сама госпожа Травкина считает...

Травкиных Николай уважал, особенно старшего тезку. Когда еще жив был подполковник, они частенько рыбачили вместе, да и вообще приятный был мужик — рюмочку опрокинуть, за жизнь поговорить. А вот жена его... Красавица, умница, но с фантазией. Ей бы детективы писать, частенько говаривал Николай. Любую ситуацию могла так вывернуть — хоть стой, хоть падай.

— И не только она, — насупилась жена, — сын ее Андрей квартиру проверил. По документам все в порядке, но прошлый хозяин с криминалом был связан, да и дарственная эта за несколько дней до его смерти...

— Та-ак, — со зловещей интонацией повторил Николай, — и ФСБ успели привлечь. Вот женщины! Дай вам волю, вы и шпионский заговор раскопаете на ровном месте.

— Так же дочь, единственная! — не сдавалась Клавдия. — И ты ее видел сегодня? Какой она вернулась? Алкоголем не пахнет, а зрачки расфокусированы, движения дерганые. Поверь, я эти признаки после

практики в наркологическом сразу вижу. А если ее на наркоте посадили?! Эти якобы коллеги по новой работе?

— Что-то ты, мать, панику разводишь!?! Чтобы наша девочка с наркотой связалась или в марухи к братве пошла? Не верю я в такое. Все, спи спокойно. Завтра вечером сядем, поговорим. Уверен, все разъяснится.

Утро для Ани началось привычно. Вальди пришлось оставить дома — конспирация, но ничего, скоро переезд и можно будет вздохнуть спокойнее.

— Доброе утро, — кивнула Аня магу из рабочей группы — имени, к сожалению, не запомнила. Мужчина зачем-то встречал их во дворе ее нового дома. Удивленно округлил глаза, пробормотал приветствие. Павел остановился — перекинуться парой слов.

Аня не стала задерживаться, шагнула в подъезд, поднялась на лифте, вошла в квартиру. Здесь еще пахло краской, клеем, но в целом жить уже было можно. Обещали кухню к среде установить. Сердце кольнула тревога — а стоит ли переезжать? Дома с родителями сложнее, но безопаснее. Аня тряхнула головой, мысленно отбрасывая малодушные сомнения. Хватит прятаться за спинами родных. Это ее жизнь, и только ее.

В порталном коридоре было на удивление многолюдно. Грязный пол говорил о том, что эвакуация болотников началась. А вот мающиеся вдоль стен маги в количестве аж четырех штук настораживали. Повышенные меры безопасности? С чего бы это?

Аня махнула рукой Таймаре, подошла, решив уточнить у магини причину такой активности, но девушка вытаращилась на нее, словно привидение увидала.

Пришлось повторить вопрос:

— И что тут у нас происходит?

— Н-ничего, — бедная, аж заикаться стала. И глаза такие... кругло-удивленные и взгляд ошарашенный.

— Я на подзарядку! — на бегу крикнул светловолосый мужчина и

шмыгнул в портал переселенцев. Аня проводила его задумчивым взглядом. Нет, определенно что-то изменилось.

— Ты и его видишь? — почему-то шепотом спросила Таймара.

— У меня нет проблем со зрением, — ответила Аня, хотела добавить, что и с головой тоже все в порядке, но осеклась.

Стена коридора решила наглядно продемонстрировать, что с головой-то у хозяйки того... Вот уже и галлюцинации начались, причем, самое обидное — с утра. Даже ничего выпить или выкурить не успела, а огонечки всякие мерещатся, полосы цветные, проплешины там туманные.

Аня заморгала, стараясь вернуть стену в прежние четкие границы бытия. Как бы не так! К стене присоединились двери... С ними творилось и вовсе что-то несусветное — в провалах бывших дверей теперь искрился застывший в воздухе снег. Красиво, но ненормально!

— Аня, — позвал тихонько Павел, — посмотри на меня.

Девушка крепко зажмурилась, резко открыла глаза, повернулась и посмотрела на мага. Выразительно подняла брови.

— Видишь? — с обреченностью в голосе спросил Павел.

Девушка кивнула.

— Размагичьте меня, она видит! — воскликнул кто-то из магов, и коридор наполнился голосами. Кто-то горячо твердил, что это временно, кто-то утверждал, что быть того не может — никакого дара не было, они сто раз проверяли. Но большинство склонялось к тому, что это побочный эффект от пребывания в порталной связке, и надо бы, конечно, проверить на ком-нибудь еще.

Аня слышала, с трудом улавливая смысл. В горле пересохло, ноги стали ватными, а в голове шумело от понимания — она видит магию! Долбанную магию, твою же мать! И, кажется, знает, кого стоит благодарить за новую способность!

— Анечка, не волнуйтесь вы так! — Арвель досадливо поморщился, но мужественно стерпел опрокинутую ему на колени чашку кофе. Аня охнула, потянулась за полотенцем, но маг отмахнулся, поставил подхваченную чашку на стол и убрал мокрое пятно с колен. Девушка заворожено уставилась на задрожавший вокруг мага воздух, темнеющий от впитанной влаги, на пронзившие это облачко алые полосы, на...

Громкое покашливание заставило отвести взгляд.

Совещание устроили в столовой. Присутствовали оба координатора и Павел.

— С другой стороны, вы же сами этого хотели! — внес ясность Тахмар, на всякий случай придерживая свою чашку кофе.

Аня расстроено пожала плечами. Да, хотела. Можно сказать — мечтала. Но сейчас мозг плавился от непривычных картинок на фоне вполне себе привычных вещей.

Взять, например, дверь. Белая такая дверь с золотой ручкой дракончиком, если верить словам Арвеля — компиляция ее личных воспоминаний и тайных желаний. Дверь! Именно дверь, а сейчас? Нечто непонятное с прожилками тумана, ледяными снежинками и серо-бело-черным плавающим фоном. И как с этим жить? Одно дело, когда ты знаешь, что означают все эти полосы, прожилки, умеешь их отличать, идентифицировать, и совсем другое, когда ты ни хрена не понимаешь и для тебя это лишь цветные картинки.

— Анечка, не расстраивайтесь, возможно, это временно.

— Просто не обращайтесь внимание. Привыкните.

Она сдавила руками чашку, под пальцами придушенно пискнул дракончик. По спине пополз холодок, стало зябко и неуютно.

Временно... привыкните... Хотелось встать, громко хлопнуть дверью, но она сдержалась. Координаторы явно были не в восторге от ее способностей, но, похоже, их больше пугала потеря магического преимущества над «слепой и глухой» к магии Хозяйкой, чем ее истерика.

Пережила же Хозяйка встречу с драконом, и даже в обморок не свалилась, а тут подумаешь... магическим зрением обзавелась. С точки зрения магов — обыденная вещь. Они с этим рождаются.

«А что у нас в перспективе? — подумала девушка. — Если отбросить в сторону истерику и страхи? А перспективочка вырисовывается — только держись! Это же... Да просто... Нет слов, одни восклицательные знаки».

— Ань, мы можем чем-то помочь?

Павел накрыл ее ладонь своей, ободряюще сжал, и девушка благодарно улыбнулась в ответ — хоть один понимающий нашелся! И сразу на душе стало теплее, и свободное дыхание без тяжести в груди вернулось. А еще захотелось прижаться, укрыться в сильных объятиях, услышать, как он произносит ее имя — нежно, с придыханием.

С усилием отвела взгляд от Павла, чувствуя, как кожа на щеках становится горячей. Надо вернуться в реальность. Потому как, эта реальность... особенно фиолетовая, творит что хочет, не спросясь — а нужен ли кобыле хвост?!

— Хочу разобраться. Понимаю, у вас нет ответов на то, что со мной происходит, но мне нужны хоть какие-то знания, и в первую очередь — как это регулировать. Постоянно видеть, эм, невидимое не слишком удобно.

— Это несложно.

Аня недоверчиво прищурилась.

— Действительно несложно, — подтвердил Павел, — зрение активизируется пристальным взглядом. Начинаешь вглядываться, и вот они — энергетические уровни. Самый первый — активный. На котором, собственно, мы и работаем. Уровень мыслей, действий, природных сил. Дальше идет пассивный — уровень аур, энергетических постоянных величин, привязанных к объектам, ну и третий — фоновая энергия, которая присутствует везде. Есть еще энергетические сущности, они существуют вне каких-либо ограничений. И ты должна понимать — границ не существует. Разделение условно.

— У нас вообще много чего условно, — едко заметила Аня. Побарабанила пальцами по столу, прикусила губу. Уровни, значит. Активные, пассивные. Ауры она не видит, факт. Пока не видит. Но работу магов видеть может. Надо только научиться отстраняться от всей этой красоты, а то так и с ума сойти недолго.

— Так, товарищи маги, — заглянула в свою чашку — пусто. Даже не заметила, когда успела допить кофе — нервы, — что это мы обо мне, да обо мне. Невежливо. Сами-то ничего не хотите рассказать? Например, о русалках. Придумали, как общаться будем? Или из-за каких-то там мокрохвостых ставим крест на мире?

Координаторы разом скисли. Арвель бросил быстрый взгляд на Павла, придвинул к себе пустую чашку, покрутил, собираясь с мыслями и медленно сказал:

— Ставить крест — не рационально, но и понапрасну рисковать своими людьми мы не станем. Был ранен боевой маг, — Арвель сделал многозначительную паузу, — а при том что здесь работают лучшие из лучших, не такие уж они беспомощные, эти мокрохвостые. Я предлагаю еще одну разведку. По результатам и решим. Поверьте, я не меньше вашего хочу сделать окончательный выбор и приступить к эвакуации.

— Разведка, — протянула Аня, почесала высунувшегося из кружки дракончика, тот закатил глазки, всей мордой изображая блаженство, — это будет не разведка, а очередное столкновение. Скажите, Арвель, вам мало одного пострадавшего?

— Мне мало одной хозяйки, чтоб ею рисковать, — буркнул Арвель.

Аня ощутила, как внутри скручивается тугая пружина гнева. Сколько можно! Он, конечно, прав, но с такой заботой они никуда не продвинулись. А потом, когда придется решать в какой мир переселяться, что будет предложено? Правильно, мир Фиолета. А протестующую Хозяйку быстро переведут в состояние эфира. И она не уверена, что у Фиолета хватит сил противостоять массирующей атаке.

— Господа, я ценю вашу заботу, но хочу напомнить, в первый раз я провела на том пляже приличное количество времени, раненая и

беспомощная. И никто меня не съел!

Аргумент был так себе. Даже Павел не оценил.

— А сейчас, когда я приобрела столь полезное умение, мои шансы на выживание выросли.

Судя по лицам магов, у нее выросли шансы стать призраком досрочно, но девушка сдаваться не собиралась.

На этот раз мир идеального пляжа встречал ее полуденным зноем. На небе ни облачка, слабый бриз слегка касался глади воды, и она была ровной, сине-зеленой у берега, а дальше начиналась глубокая синь, разбавленная вялыми волнами.

Мирную картину портили напряженные лица магов, окруживших девушку плотным полукольцом. Она старательно скользила по ним взглядом, не задерживаясь на деталях, чтобы не погрязнуть в магической картинке мира. Пока не привыкла, пока не разобралась, лучше смотреть привычным, материальным взглядом на происходящее.

А происходящее, как назло, больше напоминало прогулку по райскому месту, чем боевую вылазку.

Лазоревое небо, белоснежный песок под ногами, волны, с тихим шипением лижущие берег, Павел, стоящий рядом, в белой рубашке и легких штанах. Она сама в джинсах и футболке. Если стереть магов за спинами, взять Павла за руку, согнать напряженную морщинку с его лба, то выйдет вполне себе неплохое свидание.

Идеальный пляж, они вдвоем...

Нет, определенно она вчера переусердствовала с травой Фиолета и вдобавок к открывшемуся дару заимела разжижение мозгов. Иначе с чего так и тянет улыбнуться, подставить лицо под солнце и расслабленно прикрыть глаза?

«Позагорать бы», — мелькнула мысль, но Аня решительно ее отогнала. Еще бы искупаться предложила! Вместе с русалками, ага.

Поплавала, поплескалась. А что удобно, когда обед сам себе моет перед употреблением. Вот с чего она решила, что русалки — хищники? Кто их знает, что они там жрут под водой? Планктон или рыбу? И сама себя «успокоила» — рыбу, ну, или самонадеянных хозяек. Мясо, одним словом.

Они стояли, солнышко припекало, от воды их отделало метров тридцать. Надо было что-то делать, но Аня медлила... Вчера с драконом все так быстро вышло, что испугаться не успела. Потом потряхивало, конечно, но Фиолетик, спасибо ему за это, снял стресс.

Нервная работа у нее выходит. Так и спиться недолго или наркоманом стать.

Внутри заворочались сомнения. Опять вперед вылезла! Опять ей больше всех надо. Сидела бы наверху, рисовала помаленьку, нет, на передовую тянет. И откуда только авантюризм проснулся? А, главное, в кого?

Она задрала голову, улыбнулась солнцу, чистому небу, а потом зашагала к морю. Остановилась метрах в трех. По песчаному дну скользила золотая решетка. Прозрачная вода демонстрировала отсутствие угрозы, лишь где-то в глубине мелькнул косяк серебристых тел и пропал.

«И что делать будешь? На живца ловить?» — ехидно осведомился внутренний голос.

Живцом быть не хотелось, как и лезть в воду. Почему-то сразу представлялось чудище в виде кракена, которое тут же утащит ее на дно.

А если подумать, что ей известно о русалках? Принимая во внимание версию Арвея о том, что обитатели иных миров порой проваливаются к ним в гости, отсюда и сюжеты сказок о чудовищах, русалках и драконах, то известно немного. И что говорят сказки? Немного, но все сходились в одном: русалки обожают молодых мужчин. Аня покосилась на Павла и решительно тряхнула головой: «Нет, не отдам, самой нужен». Еще вспоминались сирены — морские родственницы русалок. Они приманивали моряков пением. Да и русалки вроде любили петь.

Музыка и мужчины. Совместить для гарантии?

ГЛАВА двадцать третья

Аня сидела на верхушке здоровенного камня — отличный обзор, между прочим, — над пляжем разносилась ритмичная песня Стаса Михайлова «Все для тебя» — колонка надрывалась во всю свою мощь, а на песке, в опасной близости от воды с десятков мужчин синхронно двигались, стараясь попасть в незнакомый ритм.

А сколько было ругани, когда она озвучила свой план! Они не поверили, когда она зачитала им отрывок из «Путешествия Синбада» — для Фиолетика на телефон скачивала, — брезгливо морщились, когда смотрели «Шоу под дождем», а уж когда она в деталях объяснила, что требуется...

Не послали ее только благодаря Павлу — тот обвел всех тяжелым взглядом и потребовал предоставить альтернативу. Мужики потупились, изучили песок у себя под ногами, а потом кто-то из задних рядов спросил:

— Нам целиком раздеваться или до штанов?

Женщин-магинь, несмотря на протесты, отправили прочь — нечего русалок нервировать. Можно было, конечно, попробовать женский вариант, но, во-первых, боевых магинь у них — раз-два и обчелся, а во-вторых, про русалов информации еще меньше, чем про русалок, ну и, в-третьих, с женщинами иногда проще договориться, чем с воинственными мужчинами.

Вместе с Павлом они отобрали с десятков тех, кто мог хоть как-то двигаться под музыку, остальных из категории — настоящие мужчины не танцуют — записали в резервный отряд, разместив за камнями.

Аня осталась рядом с порталом под охраной Павла. Ее надежно прикрыли щитами, и маг взял честное слово, что в случае заварушки она тут же уйдет с пляжа. Аня обещала, скрестив пальцы за спиной.

С танцем решили быстро. Как объяснил Павел, у магов существовала особая гимнастика — смесь капоэйры и тайцзи. Ее практиковали все учебные заведения, ну и в дальнейшем считалось полезным проходить малый круг упражнений по утрам, магия требовала высокой мысленной

концентрации, правильного дыхания и умения идеально контролировать свое тело.

Вот эту гимнастику — какой-то там особый круг — маги сейчас и демонстрировали Ане, морю и гипотетическим русалкам.

Есть что-то завораживающее в мужском танце, особенно вот таком... когда требуется подманить самку, тьфу, русалку.

Поворот — маги двигались практически синхронно, мягкий перекач, рубящее воздух движение — и белыми лебедями рубашки слетают с плеч, резкий прыжок и снова статика — застывшие фигуры, лишь блестящие на солнце капельки пота на коже выдают напряжение мышц.

Аня вдруг поняла, что в горле пересохло, сердце ускорило свой бег и на душе стало так... предвкушающе. Она подалась вперед, ладони, лежащие на коленях, напряглись, вжимаясь в джинсы.

— Мне начать ревновать? — горячий шепот обжег ухо.

— Нет, гордиться, — так же тихо ответила девушка, — если меня пробрало, то и русалок должно. Об одном переживаю — а если зря? Если не работает? Меня же тогда прикопают.

— И пальцем не тронут, — пообещал Павел, обнимая за талию и прижимая к себе, — и никаких если — уже сработало. Я давно ощущаю чужое присутствие. Да ты и сама можешь увидеть — приглядишься.

Аня присмотрелась — действительно в зеленой глубине зыбко темнели крупные тени. Они перемещались, но большей частью висели близко к поверхности. И было их... явно больше, чем магов.

Холодок пробежал у девушки по спине — а ну как чешуйчатохвостые девушки всерьез западут на двуногих красавцев? Придется с боем отбивать.

Ладно, решила она, вглядываясь в море, разберемся по ходу пьесы. Пока же пусть искусство и красота прокладывают дорогу к мирным, очень бы хотелось надеяться, переговорам.

— Эх, милая, давно мы так душой не отдыхали.

Они сидели отдельно от остальных на краю пляжа: Йоргала, как примерно перевела имя русалки девушка, и Аня. Павел — в паре метров, но в стороне — готовый в любой момент вмешаться.

— Нас всегда тянет живое. У вас такая горячая кровь...

Русалка была крупной — размером с дельфина, со светло-зеленой кожей, склизкими, напоминающими водоросли волосами, почти полным отсутствием носа, выпуклыми водянистыми глазами и перепонками между пальцев. Когти, кстати, были ого-го какие.

Словом, ни разу не красавица — врут сказки. Единственное, в чем оказались правы — хвост. Рыбий, кожисто-чешуйчатый и мощный — двинет как веслом, мало не покажется. Серьезная противница. Уроет без всякой магии.

Впрочем, магией русалки тоже владели. Иначе с чего бы таким «красавицам» оставлять неизгладимый след в мужской душе. Не помогала даже временная глухота, которую маги активировали по команде Павла. Мужчины сидели на пляже, пялились на воду, где проходил показ ничем не прикрытых верхних прелестей бесстыдниц. Нижние стратегически прикрывала пенистая волна. «Красотки» окунались в воду, выныривали освеженные с блестящей на солнце кожей, встряхивали водорослевыми волосами, принимали эффектные позы, а эти... которые супер-пупер маги пялились и глупо улыбались... Было бы там на что смотреть... Сглаженное все — едва выпирает. Да еще эти щели — жабры вместо ребер. Фу, мерзость.

Аня поймала взгляд Павла, скрипнула зубами — и этот туда же. Вот вернется — она ему устроит. Нашел, кому глазки строить!

Хорошо, хоть в воду никто не лезет — от звуковых волн спасала глухота. Пока. Но чувствовалось — мужики держатся из последних сил. Надо было сворачивать переговоры, из воды она их точно не достанет.

От пересвистываний, перестонов — язык русалок напоминал собой

дельфиний — болела голова, но Аня заставляла себя сосредоточиться и внимать. С ответами было сложнее. И она большей частью объясняла жестами, а если отвечала, то односложно. Свист никогда не был ее сильной стороной.

— Хороший у тебя косяк, — одобрительно просвистела Йоргала, — сильный. С таким можно отличное потомство получить!

Аня оглядела по-идиотски улыбающихся магов и кивнула, мол, да — сильный. Ну а что немножко не в себе... так у каждого есть свои недостатки.

В глубинах Великого океана царил особый вид матриархата. Мужские особи здесь отличались повышенной агрессивностью и вдобавок не отличались умом. Ласки от них, внимания или любви ждать было бесполезно, как и помощи в государственных делах. Потому русалки держались от них подальше, сближаясь лишь на время спаривания. Впрочем, некоторых удавалось «приручить». Количество «прирученных» в стаю особей говорило о силе русалки. Большинство же предпочитали не связываться с русалами, живя сами по себе.

Любому существу хочется ласки и тепла. Будь ты русалкой или женщиной.

— Мы не можем жить под водой, — показала знаками Аня, просвистев «Смерть».

Йоргала согласно махнула хвостом. Хвостом она вообще половину слов «проговаривала».

— Нам нужна земля, — засвистела девушка, надрывая связки.

А земли-то здесь и не было. Была когда-то, но давно под воду ушла. То ли сама по себе, то ли помог кто. Остались лишь скалистые и жутко негостеприимные земли — остатки горных гряд, которые не погрузились в воду, да с десяток таких вот островов.

В принципе и все — разговор закончен. Можно уходить.

— Приходи к нам, — вдруг попросила Йоргала, — можешь купаться — никто не тронет. Мы охранять станем — наши не подойдут.

«А взамен оставить свой «косяк» — угадала невысказанное Аня.

«Шиш тебе, — подумала со злостью, — ты мне еще выкуп предложи».

О, точно! Тащат. Тяжелое. Еле доволокли, на берег к ногам выпихнули. В бывшем панцире — ну очень гигантской черепахи — перекатывались крупные белые, одна к одной жемчужины.

Аня бросила быстрый взгляд на Павла — маг аж лицом побледнел. Видно, не понял — то ли она их продала, то ли еще что-нибудь задвинула.

«Запросить бы, как в сказке: маловато будет. Так не поймут — еще больше притащат. Ишь, как их разохотило», — с недовольством подумала Аня, — и как тебе объяснить, селедка жирная, две-три минуты под водой — и труп. Не говорит, не ходит, только плавает животом кверху и воняет. Танцевать — только здесь. Петь — только здесь. Эх... бабы, бабы. Хвостатые и бесхвостые одинаково от мужиков разум теряем».

Как они бежали! Улепетывали. Уносили ноги. Смывались с шухером.

Аня болталась на плече у Павла — обзор был потрясающий. Встающее за спиной разгневанное море, открывающие рты русалки со вздыбленными волосами-водорослями — точно змеи в атаке, грозный гул и белая пенная полоса, бьющаяся в истерике у берега. Резкий запах йода, соли и надвигающегося шторма.

Страшно не было. Почему? Привыкла, наверное. Мама сказала бы прямо: «Адреналиновая маньячка. Лечиться пора».

Одуревших от любви магов утаскивал резерв. Скачущие по песку с товарищами на закорках, они напоминали решивших поиграть в лошадок взрослых. Было бы весело, если бы не поднимающаяся за спинами волна. Невысокая, но их смыть точно хватить. И быстро же идет, сволочь! Буквально по пятам.

— Быстрее, — не выдержав, крикнула Аня. Брызги уже летели в лицо.

А там, в зеленой глубине, мелькали тени, оттуда стегали ненавидящие взгляды, и становилось жарко от чужой жажды крови.

— Я никогда так быстро не бегал, — сказал Павел, когда они вывалились в коридор, следом попадала группа охранения, и дверь захлопнулась со стегнувшим по нервам чавканьем.

Павел, пользуясь суматохой, пригреб к себе, коснулся губами виска и жарко прошептал:

— Как же я скучно жил до тебя.

Аня не удержала улыбку на губах, сидела, прислонившись к стене, слушая тяжелое дыхание запыхавшихся магов, и думала, что ее прежняя жизнь — серая хмарь, теперь раскрашенная в радугу.

Странно, но Арвель даже ругаться не стал, видно, тоже привык, что Хозяйка им попалась — авантюристка. Обвел завалившихся на пол в коридоре магов: половина хватала ртом воздух, половина пребывала в полном неадеквате, по пояс голые и с глупыми улыбками на лице.

Обычный такой день в доме порталов.

Жертвы русалочьего обаяния были отправлены домой — на излечение. Им на смену прислали новеньких — пять мужчин и пять женщин. Вот так — строго пополам.

А руководство собралось в столовой — обсудить результат.

Арвель выслушал молча, ничем не выдав очевидное: «Но я же говорил, что так получится!», за что Аня была ему благодарна.

— Предлагаю закрыть, — подвел итог Тахмар.

Аня вспомнила идеальный пляж — так и не искупалась ведь. Вспомнила тоску в глазах русалки и кивнула:

— Закрываем.

Вот и еще один мир в минус. Если так дальше пойдет — останется лишь Фиолет. А этого допустить никак нельзя. Надо двигаться дальше. Вот встретится с драконом, останется в живых и обязательно двинется дальше.

После обеда Аня поднялась в свою комнату, достала лист, установила на мольберт и начала быстро набрасывать контур русалки, сидящей на камне. Ее образ никак не выходил из памяти, и девушка знала лишь один способ забыть произошедшее — выплеснуть эмоции на бумагу.

За этим занятием она и не заметила, как пролетело время. Очнулась, когда запищала «напоминалка» на телефоне. Рука дрогнула, линия была испорчена.

Аня отошла, оценивая результат. Что же, она не растеряла навыков. Надо еще доработать, но Йоргала вполне узнаваема. Едва заметный наклон головы, грусть в водянистых глазах. Взгрустнувший хищник, внезапно задумавшийся о чем-то.

Но пора... А рука сама набрала знакомый номер.

— Привет, Снежная королева, — голос Тагира обдал теплом, — удивлен. Не забыла, значит, старика.

«Снежная королева», — мысленно усмехнулась Аня. Похоже, ее дисквалифицировали из Синеглазок, обидевшись на холодность последней встречи.

— И тебе доброго дня, господин теневик, — голос ее был строг, но губы кривились в улыбке. Ну почему Тагир вызывал у нее неудержимое желание поехидничать?!

— Ого! — на том конце не сдержали удивленного возгласа. — Все так плохо?

Его забота казалась искренней, и Анне пришлось напомнить себе, что Тагир действует в собственных интересах.

— Ты ничего не слышал о драконах? — спросила вместо ответа.

— Это те, кто похищают принцесс и спят на постели из бриллиантов?

— Это те, кто жрут принцесс, живут в горах и умеют разговаривать ментально.

— Де-етка, — застонал маг, — я готов на все, чтобы напроситься к тебе в гости.

— Боюсь, я на это не готова, — ответила, представляя, как маги предстают перед драконом потрепанные, в обгоревшей одежде, с разбитыми физиономиями. И это, если не поубивают друг друга.

— Детка, — вкрадчиво попросил Тагир, и в его голосе появились мурчащие нотки, — я могу быть очень полезным, я вообще крупный специалист по этим драконам.

— А мне, кажется, по принцессам. И нам не специалист нужен, а переговорщик.

— Тогда ты по адресу! — радостно воскликнул маг. — Я кого угодно могу уговорить и на что угодно. Только с тобой не получается, — добавил тише. — Я понял, Синеглазка, ты не любишь балет, да? Хочешь, на комедию сходим или на концерт? Тебе кто нравится?

— Ньюша.

— Договорились, — возвестила трубка.

— Я пошутила, — перепугалась Аня. На самом деле возьмет! — Все, извини, мне пора. Правда, пора.

— Позвони мне, Синеглазка, не пропадай, — нежно попросил Тагир, — я ведь не прошу много — просто услышать твой голос.

И Аня, кляня себя за слабость, еле слышно ответила:

— Хорошо.

Тут же нажав кнопку отбоя.

— Я к Фиолету, — бросила Аня Павлу, спускаясь с лестницы. Магическое зрение делало бессмысленным невидимую охрану, и теперь в доме всегда было многомагно. Мужчины и женщины из нового пополнения слонялись по коридору, подпирали стены, ощупывали внимательными взглядами проходящих, словом, по мнению Ани, маялись дурью, создавая массовку и толкотню. Все это напрягало. Ане иной раз казалось, что скоро она и в туалет будет ходить под охраной.

И если до сих пор ничто чужое не вышло из-за закрытых дверей, то к чему эти излишние меры безопасности? А уж если и выйдет нечто, то оно будет такой силы, что никакие маги с ним не справятся. И вообще, в вопросе безопасности она больше доверяла дому, чем этим «охранничкам».

Лес встретил легким дождичком. В теплом и сыром воздухе была разлита щемящая душу грусть. Лес хандрил.

— Привет, — Аня подошла к своему фиолетовому двойнику, уселась на край листа, свесив ноги в бесконечную пропасть лиан, гигантских стволов и листьев, размером с футбольное поле.

Фиолет вздохнул, повернул голову, посмотрел на нее и проговорил:

— К драконам идешь, а я?

— А я тебе все расскажу, — клятвенно пообещала Аня, сдерживая улыбку, — во всех подробностях.

Она присмотрелась, и ее двойник тут же расплылся, от него во все стороны потянулись бархатные нити. Или это не шероховатость, а бахрома из отростков?

— Не шали, — ее чувствительно стукнули по носу, возвращая в реальность, — рано тебе туда погружаться, да и вредно это для психики. А ну как приснюсь ночью?

— Снись, — пожала плечами девушка, — ты еще наши фильмы ужасов не смотрел. После них любая сущность не страшна.

— Не страшна, значит? — насупился Фиолет и вдруг раздался в размерах, стал прозрачным, а потом превратился в гигантскую сияющую сеть, в каждой ячейке которой крутился колючий шар.

— Красиво, — выдохнула Аня, поднимаясь на ноги и заворуженно смотря на крутящиеся шары, на мелькающие серебристые колючки.

— Здорово, правда? — раздавшийся за спиной голос, заставил ее подпрыгнуть и обернуться.

Фиолет широко улыбался.

— Сам придумал, — и пояснил: — Дети. Лезут куда не надо. Отгораживаться буду.

«И правильно, — подумала Аня, — детям всегда хочется нарушать правила».

Они помолчали.

— Вот не знаю то ли ругаться, то ли спасибо говорить за апгрейд зрения, — сказала она.

— Ох, Ань, заканчивай с неуверенностью. Нельзя быть слабой. Ни с мужиками, ни с этими... переселенцами. И замуж не выйдешь, и себя погубишь, — наставительно произнес Фиолет.

— Разберусь, — бросила Аня, — пора мне. А за зрение спасибо.

Она шагнула, порывисто обняла своего двойника и так же быстро отстранилась.

— Ой! — Фиолет схватился за щеки. — Я себя так странно чувствую, будто у меня вот тут, — он ткнул в район солнечного сплетения, — цветок распустился.

— Это называется «обнимашки», — улыбнулась девушка. — Мы же друзья?

— Друзья, — медленно, прислушиваясь к себе, кивнул Фиолет.

— Все, я побежала, — Аня наклонилась и коснулась губами прохладной щеки фиолетовой Ани, повернулась и уже собралась уходить, как ее задержали.

— Стой, глупая, а мимо своих как проходить будешь? Ползком? Вечно за тебя думать должен. Держи, — Фиолет сунул ей в руки две ветвистые плети, покрытые мелкими цветами, — намотай на руки, твои не заметят. Только запомни, как высыхать начнут, значит, перестали действовать. Ну, беги! И запомни все как следует! — добавил ворчливо. Около выхода Аня посторонилась, подождала, пропуская незнакомого, торопящегося в портал мага. Серьезный вид, уверенная походка, жесткий, властный взгляд — сердце девушки кольнула тревога. Что этот тип забыл в мире Фиолета?

Теперь здесь практически всегда было оживленно. Фиолет построил нечто вроде канатной дороги, и листья сами по себе сновали по горизонтально натянутым лианам, перевоза людей от портала до побережья и обратно. Открывать порталы на территории леса Фиолет не разрешил, как его ни уговаривали, а девушка запретила настаивать. У леса были свои тайны. Пусть они такими и останутся.

Маг скользнул взглядом по месту, где стояла Аня. Девушка затаила дыхание — нет, не заметил. От осознания, что трава Фиолета работает, она ощутила огромное облегчение, а следом пришла уверенность и так нужный кураж — все получится, все обязательно получится.

Она посторонилась и шагнула следом за магом в проход, чтобы не привлекать внимание отдельно сработавшим порталом. Вышла и замерла на цыпочках, буквально в паре сантиметров от спины зачем-то остановившегося мага. Так и стояла — не дыша, ловя руками равновесие, а этот... повел головой, словно собака, прислушиваясь к чему-то, повернул голову. Аня ощутила себя мышкой под лапой у кота. По спине пополз неприятный холодок, в легких уже жгло от нехватки воздуха.

Наконец маг отвернулся и зашагал прочь к portalу переселенцев. Аня выдохнула, облизнула пересохшие губы и осторожно, чувствуя себя школотой, сбегаящей с уроков, двинулась к нужному portalу. Внимательно огляделась по сторонам — все заняты своими делами, а

точнее, в отсутствии хозяйки расслабились и валяют дурака — и шагнула в портал.

С магическим зрением открывать двери больше не требовалось. Нет, двери, как зрительный образ, остались, но стоило погрузиться на уровень магии, и они исчезали, оставив вместо себя искрящийся снежинками проем.

Закат был в самом разгаре. Алели вершины гор, покрытые снегом. На долину легли глубокие сиреневые тени, горько пахло вереском. Надрывно вопили цикады.

Было неуютно и немножко страшно стоять здесь одной, в чужом мире, без прикрытия, без Павла. Оказывается, к хорошему быстро привыкаешь. Вот и она привыкла, что они везде вместе.

Некстати вспомнился рыжий, и нога заныла, напоминая о полученной ране.

— Вперед, нас ждут великие дела, — пробормотала, сминая шагами жесткий покров из вереска. Безумствовать, так до конца. Прав, Фиолетик, к черту сомнения.

А потом... Сверху грохнулась, чуть ли не на голову, грубо сплетенная корзина, ростом в половину Ани, из которой на траву посыпались камни. Аня опешила, не сразу поняв, что свалилось, в общем-то, целое королевство, ну, или остров в Средиземном море с виллой, яхтой и еще заводиком в Китае. Не граненое, конечно, но крупное...

Она подняла подкатившийся к ногам камень. Посмотрела сквозь него на солнце. Взвесила на ладони.

Два острова, а может, и три.

Тень закрыла солнце, дракон кружил невысоко. Когти, светлое брюхо и заворачивающийся в вираже хвост.

«В корзину».

Приказ стегнул по спине. И сразу расхотелось мечтать об островах. Ну в самом деле, зачем ей вилла, да еще и с яхтой в придачу. А прислуга... это ж кошмар. Горничная будет сплетничать за спиной, а повар морщится от заказанного «borscha». На фиг надо?! Один геморрой с этими миллионами.

С трудом перевернула корзину, выбросив «острова, виллы, яхту и заводик» прямо на землю — миллионеры — они такие, с придурью. Села, скрестив ноги и уцепившись за ручку. Страха не было. Закончился. Только внутри все стыло от предвкушения.

Рывок. Не удержалась — взвизгнула, когда корзину мотнуло, и внизу показался край стремительно удаляющейся земли. Ветер трепал одежду, впивался стужей, свистел в ушах: «Ду-у-ура».

Корзину мотало, но терпимо. Дракон летел ровно, по спирали забираясь наверх. От холода давно уже онемели руки, тело заледенело. Еще чуть-чуть — и она вывалится сама. Даже усилий прикладывать не придется.

Последний круг, и корзина мягко, с легким стуком опустилась на вершину горы. Здесь была ровная площадка, а впереди, через ущелье, вставал хрустальным красавцем ледник. И казалось — только для него сейчас светит солнце, одаривая лучами, пропуская свет через грани, раскрашивая в розовый, красный и сиреневый цвета лед.

— Потрясающе! — прошептала Аня.

И пришло осознание — вот он, настоящий подарок. Камни так, ерунда. А сейчас с ней делились самым ценным — любимым местом в долине, причем любимым исключительно в это время суток.

Она с трудом, чувствуя себя Снегурочкой, разогнула застывшие пальцы, морщась от боли, потерла ладони, подула. Кожу закололо иголками.

Рядом с шумом приземлился дракон, пробежав несколько метров, затормозил ровно у корзины. Аня восхитилась — вот это точность!

Остановился, грациозно опустился на живот, поджав под себя лапы.

Повернул голову на гибкой шее, осмотрел гостью, неодобрительно вздохнул и сорвался с места.

Вернулся буквально через пару минут — Аня следила за его полетом, прикрыв ладонью глаза от солнца. С хрустом свалил перед девушкой на камень сухое дерево, выдрванное с корнем. Выплюнул огненный сгусток, и деревяшка весело занялась огнем.

Аня молча хлопала глазами, переваривая увиденное. Не каждый день тебе костер дракон устраивает. Не каждый день в корзине летаешь. А с костром уютнее стало. Закат, алеющий в его пламени ледник, сине-фиолетово-розовое небо, горы... Романтика. Не хватает только принца. Она оценивающе посмотрела на дракона. Увы, нет. Вариант: поцеловать — а вдруг превратится в принца — не ее. Тут скорее голову откусят, чем романтический порыв оценят.

Сжав зубы — тело совсем одеревенело — Аня вылезла из корзины. Подошла к костру, выставляя вперед руки, и блаженно зажмурилась — хорошо-то как!

Виски сдавило — первый признак ментальной связи, голова с готовностью заболела, возмущаясь насилием.

«Горы... нет ничего лучше их на свете».

Аня согласна кивнула — горы всегда прекрасны. Суровы, непреклонны, но завораживающе прекрасны: от одинокой вершины до глубокой пропасти.

«И небо... Без крыльев не поймешь».

«Осталось о погоде поговорить и все, можно закругляться — визит вежливости окончен», — с нарастающим раздражением подумала Аня.

Она повернулась, и взгляд упал на стоящую позади нее корзину.

— Откуда она у вас? — произнесла вслух, надеясь, что дракон уловит адресованную ему мысль. Действительно, уловил.

«Были тут двуногие. Забавные. Мы их не трогали какое-то время, очень уже они весело вокруг камней скакали. Достанут из дыры в горе и скачут».

— А потом? — спросила, понимая, что услышит.

«Мы их в дыру и поскидывали. Там еще много камней осталось. Пусть порадуются».

Аня сильно сомневалась, что старатели были счастливы, скорее всего, сейчас они уже мертвы. И корзина, она вновь на нее покосилась, как раз была той самой «радостью», вокруг которой старатели и устраивали забавлявшие драконов танцы.

— И много тут у вас людей живет?

«Постоянно заводятся», — по-человечески вздохнул дракон.

«Люди, как паразиты под чешуей — мелкие, давить лень, а жизни спокойной нет. Только проверишь побережье, глянь — через сезон снова завелись. Ветки над головами сложили и думают, что спрятались. Подождешь — выскакивают. Часть подавишь, часть съешь, часть в море скинешь. Отдохнешь — три дня лету от одного края нашей земли до другого, а они уже в самой любимой долине появились, где наши самки себе потомство выводят».

Аня пыталась слушать отстранено, хоть во рту и пересохло, а руки мелко подрагивали.

«Другая культура, — уговаривала себя, — другой менталитет», но толерантность просыпаться не хотела. Вместо нее поднималась изнутри злость.

— Не смущает, что я — тоже человек?! — спросила, посылая к чертям дипломатию.

Дракон выдохнул несколько искорок, и они, кружась, алыми точками опустились на камни.

«От человека в тебе лишь оболочка. То, что внутри, скоро прорастет».

Аня опустила глаза вниз, в ужасе посмотрела на свой живот.

— Как прорастет? — спросила, обмирая от страха. Сразу вспомнился фильм «Чужой», и страх тут же стал реальностью, скрутившей живот приступом боли.

В голове забухал смех. Ане показалось, что ей на голову одели колокол и ударили в него пару раз.

«Не скоро и не оттуда. Сама поймешь».

Ясно. Подробности не будет.

Аня прикусила губу. Было жаль себя, жаль старателей и всех «людишек-паразитов», тщетно селящихся на побережье огромного материка.

На краю сознания заскреблось нечто гениальное... Осталось только его изловить и хорошенько обдумать.

— Значит, люди вам мешают?

Дракон выразительно фыркнул.

— А если я предложу мир, где нет людей? Где есть горы, много воды, острова, но людей нет. А те, кто живет под водой, вам не помешают.

«А если и помешают — сожрете», — эту мысль она еле успела поймать, чтобы не озвучить. Нечего подбрасывать столь очевидные идеи тому, кто и так жрать горазд.

Совесть шевельнулась и попыталась призвать к порядку разгулявшееся воображение, но была решительно отправлена погулять. Не будь русалки столь настойчивы в своем желании развлечься за чужой счет, а драконы сильны и агрессивны, они ужились бы в одном мире, а так...

С другой стороны — драконы в небе, русалки в воде — поделят как-

нибудь, если ума хватит. А если не хватит... Додумывать Аня не стала. В любом варианте, она бы поставила на драконов. Симпатичнее они, хоть и людоеды.

ГЛАВА двадцать четвертая

Как и обещал Фиолетик, ровно в двенадцать «каре́та превратилась в тыкву». Плети, обвивавшие запястья, съезжились, пожухли и рассыпались в пыль. Впрочем, дракону ее невидимость и до этого ничуть не мешала.

Она так же в корзине была спущена вниз, в долину. Здесь уже царили густые сумерки, алел закат на вершинах гор, ветер затих, умолкли птицы. Горько пахло надвигающейся осенью, Аня только сейчас заметила желтеющие листья кустарников. Было тихо, словно вересковая пустошь затаилась, почуяв присутствие дракона.

Они распрощались, условившись встретиться завтра в это же время, и Аня, постукивая зубами от холода, отправилась к порталу.

Мозги основательно смерзлись, иначе с чего бы ей вываливаться из портала, обозначив свое появление возгласом «А вот и я!», буквально взорвав рабочую атмосферу коридора.

Испуганно замерли, прижав к себе детей, с десятков женщин в заляпанных сапогах и старых, но тщательно очищенных и заштопанных комбинезонах — очередная партия болотников эвакуировалась в мир Фиолета.

Обернулись, прервав на полуслове разговор, наблюдатели с Тахмаром. У них одинаково вытягивались лица и округлялись глаза.

Отлипла от стен охрана, засверкав на всякий случай щитами.

Арвель, шедший навстречу Тахмару, споткнулся. Стаканчик кофе в его руке не удержался, и идеальными брюки обзавелись уродливыми коричневыми пятнами.

В коридоре стихали звуки, разливалась напряженная тишина, быстро дополнившаяся подозрительностью.

Не хватало только Вальди, чтобы лаем выразить всеобщее: какого, а главное — как?

— Спокойно, это Аня, — от лестницы быстрым шагом шел Павел, и девушка перевела дух, а то неуютно стало под прицелом десятка внимательных глаз.

Напряжение постепенно спадало, лица охранников расслаблялись, Арвель удостоил брюки небрежного взмаха руки, отчищая пролитый кофе.

Потрясение, вызванное фееричным появлением Ани, проходило, жизнь возвращалась в привычную колею: Хозяйка опять учудила невесть что, руководству пить успокоительное, охране бдить, а Павлу получать по шее — снова не уследил за подопечной.

— Когда-нибудь я доберусь до этого, фиолетового, — процедил маг, подходя к девушке. Аня настолько устала, замерзла, что сил возмущаться не осталось. Точнее, она попыталась, но зубы выдали дробь, разбив слова на отдельные, невнятные звуки.

— Да ты же дрожишь! — обеспокоенно воскликнул маг. — Что случилось? Нет, не говори, просто кивни- с тобой все в порядке?

Аня кивнула.

Павел выдохнул с явным облегчением, взял ее ладони в свои и прикрыл глаза, сканируя состояние девушки. На мгновение она ощутила укол совести — за нее переживали, а она... Нет, по-другому не получилось бы. Откуда взялась уверенность, что дракон не стал бы разговаривать ни с кем, кроме нее, Аня не понимала. Просто знала, и все.

— Анна!

Координатор был в ярости, а еще он был растерян — пролитый кофе говорил за себя, испуган, но в первую очередь волновался, и это было даже приятно.

— Это... это... — он попытался найти приличные слова и не находил,

— это переходит все границы! — высказался наконец.

«Нет, не переходит, — лениво подумала Аня, все еще пребывая в замороженном состоянии сознания, — вот когда драконы ее перейдут, тогда да... А пока так... разминка. И вообще, — она обвела взглядом глазееущих людей, — нечего тут спектакли на халяву устраивать».

Мягко высвободилась из рук Павла, поймала укор во взгляде мага и попросила глазами: не мешай.

Сунула руку в карман, достала тот самый камушек, что подобрала около корзины. Взяла оторопевшего координатора за руку, вложила камень в его ладонь, сжимая ее в кулак.

— Это в-в-вам, — выстучала и, задумавшись на мгновение, нужны ли магу булавки, добавила: — На п-п-платки.

Противная дрожь никак не хотела проходить. Надо было срочно принять меры. При мысли о горячем чае, а лучше ванне она чуть не застонала, а ноги сами понесли на кухню.

— А я вас предупреждал, — раздался за ее спиной голос одного из наблюдателей, — вы теряете контроль, статс-маг.

Аня пожалела, что в кармане нет второго камушка. Вот бы наблюдатель удивился — не каждый день необработанным алмазом в лоб получаешь.

Руки дрожали, и спичка, зараза, не хотела поджигать газ на плите. Павел держал оборону кухни, не пуская никого. Его голос, спорящий с кем-то, действовал успокаивающе.

— Довели! — раздался за спиной вопль. Аня чертыхнулась — с таким трудом загоревшаяся спичка погасла. Яхту за кружку горячего чая! Нет, виллу. Нет желающих разбогатеть?

— Так и знал, доведут девоньку, — горестно причитал тем временем Сан Саныч. За спиной девушки громко забулькало, Аня насторожилась. Острый запах спирта дошел носа, она вдохнула его полной грудью,

повернулась — в руках сам собой оказался стакан, а потом горло обожгло, острый кашель прошел легкие, заставляя согнуться, слезы выступили на глазах.

— Тише, тише, — похлопал по спине Сан Саныч, — не торопись, тут еще полстакана осталось. И закусывай давай, а то с непривычки развезет. Дяде Саше можно верить, в таких вещах он дока.

Мир расплывался в слезах, горло горело, каждый вдох через силу, но главное — тепло! Прекрасное, живительное тепло поднималось снизу, заполняя собой каждую клеточку закоченевшего тела.

А в кухне тем временем становилось жарко.

— Ты что творишь? Последние мозги пропил?!

Пока Аня промаргивалась, вытирая рукавом слезы, пока жадно глотала воду, заглушая внутренний пожар — чтобы еще раз эту гадость! — грохнул стул, что-то со звоном упало и покатилось по полу. Когда мир вернулся в привычные рамки, оказалось, что Павел крепко держит прозрачную ногу, торчащую прямо из стены. Нога дергалась, всячески желая освободиться.

На пороге, прорвав оборону, стояли Арвель с Тахмаром. Стояли, стратегически правильно загораживая кухню от любопытных взглядов.

— Пусти, ирод! Меня нельзя трогать, я — инвалид! — верещала стена.

— Сейчас я тебе повторную инвалидность устрою, — мрачно пообещал Павел, и во второй его руке возник светящийся хлыст.

— Стоять!

Ане очень хотелось, чтобы ее голос прозвучал по-генеральски грозно, а вышло по-мышьиному тихо, да еще и сипло, словно мышь полжизни провела с сигаретой в зубах.

Но странное дело, даже такую сиплую тихость слышали.

Павел застыл, медленно повернул голову, хлыст в его руке исчез,

вторая разжалась. Нога, пользуясь моментом, окончательно исчезла в стене, и оттуда донеслось:

— Неблагодарные!

— Оставь его, — просипела Аня, шмыгнув носом.

— Анечка, родная.

Теплые объятия сильных рук укрыли от мира, и отступили зубастые драконы, пошли ко дну злобные русалки, исчезли теневики с болотниками. Слышно было, как шикает Арвель, как шепотом обещает Тахмар оторвать всем любопытным самое ценное, а потом дверь отсекла шум.

Аня прерывисто вздохнула, в голове шумело от выпитого, в груди щемило и болело слева, слезы текли по щекам. Было... жалко себя, Павла, Фиолетика, старателей и даже дракона, но себя жальче. Надрываешься, мерзнешь, а никто, ни одна болотная сволочь, не ценит. Только и знают тыкать — туда нельзя, сюда нельзя. А как проблемы решать, так одни силовые методы на уме.

— Плачешь? — испуг в голосе Павла был настоящим, и Ане стало хорошо. Тепло и спокойно. Все-таки приятно узнать, что за тебя переживают, пусть и пришлось встретиться для этого с драконом.

— Тебя кто-то обидел? — продолжал допытываться маг, крепко взяв за плечи. Ноги сами подкосились, и ей очень хотелось ответить: «Да». В теории. На практике же разборки: маг против дракона, то же самое, что первоклассник против десятиклассника. На один прихлоп, ну ладно, на два.

Сладко почувствовать себя слабой женщиной, за которую мужчина готов сразиться... да хоть с тем же драконом.

Почувствовала — и хватит. Мудрая женщина оценит порыв, а к дракону пойдет сама...

Ну что за бред лезет в голову, подумала Аня. Прав был Сан Саныч. Надо было закусывать. И вообще, есть более насущные вопросы.

— Скажи, во мне правда что-то, эм, растет? — спросила, отстранившись.

Павел наклонился, испуганно заглянул в лицо, проверяя, видимо, на адекватность. А какая там адекватность, подумала Аня. В глазах плещется полстакана водки, нос распух, тушь потекла, пол под ногами качается и норовит уползти.

— Кто тебе это сказал?

— Так, один, — ответила неопределенно, не выдавая когтистого, крылатого и в чешуе информатора.

Павел нахмурился, посерьезнел, провел рукой вдоль тела, сканируя.

— Никаких аномалий, если тебя это успокоит. А теперь выкладывай, что ты делала в том мире, как там оказалась и почему мои люди тебя не засекли.

Вместо ответа Аня прижалась покрепче, прикрыла глаза. Пальцы Павла пробежались по спине, даря тепло.

— Ты — сумасшедшая, — в укоре слышалось восхищение, и в носу у Ани щипало, — не знаю, то ли ругать тебя, то ли хвалить... Ты явно что-то задумала, расскажешь? Качаешь головой, нет? Вижу, устала. Хорошо, отложим до завтра. Останешься на ночь?

От двойного вопроса и теплоты в его голосе Аня ощутила себя мягким, сладким мороженым. Розовым со сливками. Таким податливым и... все же холодным.

— Нет, — ответила со вздохом, прекрасно понимая, что не может просто так не прийти домой ночевать, а сейчас она слишком устала, чтобы врать.

— А накормить, ирод? — голосом Сан Саныча осведомился холодильник. — Смотри, свалится ведь!

— Исчезни, — недобро посоветовал Павел, — сам напоил, а теперь

лезешь с советами. Без бесплотных разберемся.

— Ну как знаешь, — обиженно пробурчал холодильник.

Аня прикрыла глаза и только теперь, когда ушел адреналин, когда схлынуло напряжение, поняла, как устала. От выпитого мутило, есть не хотелось совершенно. Хотелось лечь и отрубиться.

— Отвези меня домой, — попросила устало и добавила: — Поговорим завтра, хорошо?

Утро того же дня. Наш мир

Клавдия Петровна, проводив дочь и бдительно отследив, как она уезжает с «коллегой», приступила к активным действиям. Если ей никто не верит и никто не помогает, придется самой спасать дочь.

Выгулянный и накормленный Вальди был оставлен дома. С ним, конечно, Клавдия Петровна чувствовала бы себя спокойнее, но пес слишком заметен. Могли связать его с дочерью, а ей сейчас нужно быть незаметной. Обычной такой старушкой, идущей по своим крайне важным пенсионным делам.

Перед выходом Клавдия Петровна открыла дверцу шкафа, достала с верхней полки коробку, открыла. Наследие восьмидесятых лежало под тонким слоем пыли. Ее школьные фотографии, грамоты, девичий дневник и кастет, подаренный Витькой Сальниковым.

Витьку перевели к ним в середине года. Был он второгодником, здоровым, сильным, с круглым лицом, чуть оттопыренными ушами и маленькими глазками. А еще он был отчаянным человеком, способным на любые выходки. И весь девятый «А» взирал на него с почтением и страхом. Кажется, его побаивались даже учителя, а она, когда Витька подошел к ней на перемене, почему-то не испугалась, и не просто дала списать домашку, а предложила еще и объяснить тему. Удивительно было не то, что Витька согласился, а то, что понял и даже наскреб на уроке четыре с минусом за ответ. Она тогда сильно гордилась, словно десять пятерок за раз получила. Так началась их странная дружба.

Витька часто пропадал, редко появляясь в школе. Пацаны в классе шептались о темных делах новенького, но ей было наплевать на репутацию Сальникова. С ней он был другим. Внимательным, веселым, загадочным, взрослым и в то же время ребенком. Он не читала Толстого, Гоголя, зато мог здорово свистеть в два пальца, цинично кривить губы и говорить о совершенно взрослых делах. С ним она мысленно шагала в иной мир — опасный и завораживающий мир криминала. Пройдет семь лет, и от одного такого криминального авторитета она будет вынуждена, едва получив диплом, сбежать в тайгу.

Через полгода Витька пропал, не вернулся после лета. Ушел из ее жизни так же внезапно, как и появился, а тогда не было ни интернета, ни мобильных, она даже адрес его не знала, да никогда бы и не рискнула отправиться на розыски. Все, что осталось от той страницы ее жизни — самодельный кастет, щедро подаренный Витькой на ее день рождения.

Клавдия Петровна провела пальцем по холодному металлу, обозвала себя выжившей из ума дурой, но все же положила кастет в карман.

На улице было холодно и ветрено — не лучшая погода для слезки, и она плотнее запахнула зимнее пальто, поглубже натягивая норковую шапку.

Адрес новой квартиры дочери она помнила наизусть. Дошла примерно за полчаса и остановилась, растерянно оглядываясь по сторонам. На Дрезденской улице, среди стоявших голых тополей, было пустынно. Будний день, плохая погода, и петербуржцы предпочли остаться дома.

Клавдия Петровна прошлась вдоль дома, потом еще раз, разглядывая окна. Вот там, где не было занавесок, должно быть и была купленная дочерью квартира. Что же, район тихий, от метро недалеко, рядом парк, окна во двор, детская площадка под окнами, в соседнем дворе виднеется здание детского сада — деток близко водить будет.

Стояла, прикидывая, хорошо ли здесь будет жить дочери, и сама себя одернула — не за этим пришла. И тут из нужного подъезда вышла пожилая женщина с мопсом на поводке.

Мопс — груда складок и жира на кривых лапках — сопел, пыхтел, тянул поводок, словом идти на улицу не хотел.

Клавдия Петровна подождала, пока женщина доволочет до нее собаку, и обратилась к ней с вопросом:

— Простите, я присматриваю квартиру для дочери. Нравится этот район. Как думаете, стоит ли здесь покупать?

Ей с первого взгляда приглянулась эта женщина — полноватая блондинка с короткой стрижкой, без бросающейся в глаза косметики на лице, в добротной одежде, с морщинками вокруг глаз. Интуиция не обманула. Ирина Павловна оказалась милейшей собеседницей. За полчаса, пока они гуляли вокруг дома, а Плюша таскалась за ними на поводке, Клавдия Петровна успела узнать многое. И что район отличный, тихий, народ здесь приличный — сталинки в основном вокруг. Удельный парк опять же рядом, до Сосновки недалеко. В доме хорошая ТСЖ, хоть и со скрипом, но все делают. Квартиры на продажу были — буквально пару недель продавалась одна. Жил в ней тихий старичок-алкоголик, да помер. На родине, в Тверской, кажется, его схоронили. Наследники и выставили на продажу недвижимость. Быстро купили, особо и не стояла.

— Ремонт, наверное, теперь мешает? — сочувственно спросила Клавдия Петровна.

— Не без этого, — закивала Ирина Петровна, а потом наклонилась, понизила голос, — а недавно, на днях, — я в глазок видела — байкер к ним заходил, весь в коже, со шлемом. Ругались, а потом так грохнули, так грохнули — весь дом сотрясся, я уже хотела МЧС вызывать.

— Кто они? — севшим голосом спросила Клавдия Петровна.

— Так девчонка и парень ее, что квартиру купили. У них еще собака такая здоровая, черная. Они пока в квартире ремонт делают — утром приходят, вечером уходят. Безвылазно сидят. И люди к ним все время разные ходят. Может, и мастера, а может...

Она многозначительно замолчала, а Клавдия Петровна, чувствуя, как щемит сердце, сунула руку в карман за корвалолом, но пальцы нащупали холод кастета, и боль странным образом отступила.

Звонок мобильного телефона прервал их разговор, и Клавдия Петровна, поблагодарив соседку дочери, поспешила ответить.

— Клава, привет! Как ты там? Только не вздумай сказать, что без меня решила в сыщицу играть!

Бодрый и чуть ворчливый голос Травкиной звучал так жизнерадостно, словно она и не в больнице у сына была. Клавдия Петровна поморщилась от резкого диссонанса с ее собственным настроением, но на душе стало легче, и уже казалось, что ничего страшного не произошло. Подумаешь, дочь не работает. Она же знала, что найти работу невозможно за один день. Подумаешь, с парнем квартиру ремонтируют и, скорее всего, не одна она там жить собирается — взрослая, давно пора о семье думать. Подумаешь, коллегой представила. У нее самой глаза есть, почувствовала, что не чужой он дочери. Ладно, познакомит когда-нибудь...

— Как Андрей? — ушла от ответа.

— Здоров и рвется в бой, но врачи еще не отпускают, хотят понаблюдать. Пришли результаты анализов — доктора руками разводят. Привезли с диагнозом — инфаркт, потом поставили подозрение на инфаркт, а сегодня после обследования и подозрение сняли. Что это было — никто не знает. Я еще пару дней тут побуду, и домой. Кстати, Андрей просил передать, что был у вдовы прежнего хозяина квартиры. Можешь не беспокоиться, там все чисто. Она не сможет заявить никаких прав.

— Это хорошо, но... — вздохнула Клавдия Петровна и поведала подруге разговор с соседкой.

— Отличные новости! — ошарашила ее Травка. — Смотри, как все логично складывается. Квартиру купила, может, и нет там сейчас никакого криминала. Мало ли в жизни совпадений бывает. Был криминал, да весь вышел. С парнем познакомилась, ремонт он ей помогает делать, а что про работу тебе наплела, да парня не представила, так не хочет волновать лишний раз. Ты же после Вадика сама не своя ходила, вот она и бережет.

— Не знаю, — неуверенно произнесла Клавдия Петровна, признавая, что в словах подруги есть резон.

— Слушай, не мучайся. Андрей, как поправится, обещал в Тверскую съездить, воздухом подышать, да с местными пообщаться. Мне он ничего не рассказывал о расследовании, но я вот сейчас думаю, зря мы с тобой всполошились. И Павел этот... С виду приличный мужик, а что акцент, так молдаванин поди или еще какой нелегал. Мало ли их теперь на заработки приезжает. У меня вон знакомая пару лет назад зятем чехом обзавелась. Гол был как сокол. Ни квартиры, ни заработка. Муж ее к себе паренька пристроил, но главное — тот с головой оказался и с руками. Сейчас к себе на родину повез жену с дочкой. Хочет там подзаработать, а потом сюда вернуться и квартиру купить.

— А как же трупы и Жернов? — растерянно спросила Клавдия Петровна, сдаваясь под натиском Анны.

— С трупами мой Андрей разберется, не переживай. И с дарственной этой... Впрочем, мало ли надо алкоголику, чтобы дарственную по пьяни подмахнуть.

— Нет, — решительно возразила Клавдия Петровна, — не трогай сына. Ему сейчас отдыхать да восстанавливаться надо, а не частные расследования проводить. Я лучше сама с Аней поговорю, а то действительно, словно морок какой-то. Навыдумывали мы с тобой — целый детектив.

Анна Травкина хохотнула в ответ:

— Точно, сыскные бабушки. Все, я побежала. Звони, как что-нибудь еще узнаешь.

Клавдия Петровна шла по Удельному проспекту, бесцельно разглядывая магазины, дома. Мысли ее были далеко. Права была Травка. Жизнь гораздо проще, чем наши фантазии. Вальди, скорее всего, собака молодого человека дочери. То ли подарил, то ли попросил подержать у себя. А про работу... Все мы хотим казаться лучше, чем есть. Особенно перед близкими, оправдывая себя тем, что не хотим их волновать. Вот и дочь не исключение.

И все же тревога не проходила. Она была иррациональной, но назойливой, как песня Киркорова. Ворочалась в груди тяжелым комом,

царапалась на границе сознания и плевать хотела на любые доводы логики.

ГЛАВА двадцать пятая

Павел сел за руль, посмотрел на профиль Ани — девушка сидела, прикрыв глаза и расслабленно откинув голову. Даже в полумраке салона было видно, как она устала. Сердце кольнула жалость. Много свалилось на эту хрупкую девушку чужого мира, а еще больше ожидалось впереди.

Аня... Светлые длинные волосы. Серо-голубые глаза. Тонкие черты лица. Хрупкая на первый взгляд фигура и скрытая сила, читающаяся в развороте плеч, посадке головы, чуть прищуренном взгляде. Мягкая и одновременно жесткая. Пытающаяся найти свой мир среди иных миров и балансирующая на остром лезвии доверия-недоверия.

Внешне все было, как всегда, но он чувствовал — что-то изменилось. Какое-то напряжение появилось не только в их отношениях с Анной, но и в ее отношении ко всему Проекту. И это не было первой настороженностью, нет, что-то глубокое, осознанное сквозило во внимательном взгляде девушки. И когда она смотрела на него, Павлу казалось, что его взвешивают на невидимых весах, решая, чего он достоин.

Он вывернул на проспект, медленно, растягивая драгоценное время, когда они были наедине, поехал по крайней полосе и... малодушно проехал нужный поворот. Бросил быстрый взгляд на Аню, но та спала.

Остановившись на светофоре, протянул руку, убрал локон со лба девушки, полюбовался на точный профиль, на крошечную родинку на левом виске. Сон разгладил черты лица, придав ему милую беззащитность.

Как сложатся их отношения? Куда заведет дорога, и долго ли они будут идти по ней вместе? Хотелось бы верить всегда, но... Нет, никаких «но», он сделает все, чтобы они были вместе.

Вот и знакомый двор. Машина, мягко освещая фарами тени углов, въехала во двор. Павел позволил себе еще полюбоваться на спящую Аню, а потом решительно тронул ее за плечо. Сегодня ему предстояла одна неприятная, но нужная встреча. «Браток» достал аппаратуру, и ее предстояло забрать.

Виктор Степанович пребывал в пре сквернейшем настроении. Его постигло ужасное, а именно скука. Давно позади лихие годы, когда ствол в кармане был неотъемлемой частью жизни, когда на стрелки ходили, словно на свидания с любимой, когда зона считалась необходимым курсом молодого братка. Сейчас он уважаемый хозяин ресторана, в наличии брюшко, лысина, радикулит и язва. Его уважительно называют "Виктор Степанович", и погоняло Скай звучит разве что на стариковских посиделках таких же, как и он, пенсионеров в наколках.

"Уйти вовремя и чисто — значит остаться в живых", — говаривал бывало Ферзь, вор в законе, которому приглянулся новенький пацанчик, и он взял его под свое покровительство. Ферзь научил Витьку всему, а потом передал дела, вчистую разойдясь с братвой.

Девяностые... пьянящий воздух свободы, растерянная власть, голодные и обозленные граждане и резвящиеся среди всего этого беспредела те, кому закон поперек горла был. Точнее, у них были свои законы. Простые, понятные и быстрые на приговор.

Виктор Степанович поморщился — желудок к вечеру прихватило, зря он налег на отбивные. Потянулся за таблетками, но вместо них налил коньячку. Этому лекарству он доверял больше.

Ферзь, когда его подопечный попал на зону, обеспечил ему нормальный прием. Отсидел, можно сказать, с комфортом. С зоны Скай — как его прозвали за удивительно голубые глаза — вышел быстро, попав под амнистию. Вышел и закрутилось, понеслось. Веселые были дни... Большие дела... Пару раз смерть близко проходила, но Бог миловал. Семей не обзавелся, не сложилось, да и по статусу не положено было. Зато сестра аж трех племянников подарила. Старшего к себе приблизил, ему и передал дела, себе оставив мелочь — ресторан да их стариковские сборища, куда племяннику пока входа не было — не дорос.

Переливами засвистел телефон. Виктор Степанович встал, взял мобильник, нажал зеленую кнопку.

— Да.

— Виктор Степанович, добрый вечер, — уважительно поздоровался мужской голос.

Алексей, Лешик, Леший и паразит недоделанный, а точнее, его личный помощник по связям с общественностью и бывший хакер, которого он спас от разборок с братвой — надо же знать, кого обворовываешь! — работал на Виктора давно. Вел нехитрый сайт ресторана, контролировал бухгалтерию и персонал, а также оказывал всякого рода услуги, столь необходимые в стремительно обрастающем гаджетами мире.

— Вы просили сообщить, если в архив будет отправлен запрос по гаражному делу.

Гаражным они называли дело о ребятах Хамона, убитых два года назад. Четыре братка, вооруженных стволами, против безоружного хлюпика. Очевидный расклад, не так ли? Но не в тот раз. Хамон весь Питер на уши поднял, но так ничего раскопать и не смог. Хлюпик был из залетных, однако кто-то помог замести следы. По крайней мере труп хлюпика из морга точно свои увели. Следы тянулись к Портосу, но тот грамотно залег на дно, а потом слишком многим оказывал услуги этот жирный боров, чтобы его можно было без лишних вопросов порезать на сало.

У Ская не было слабостей, у Виктора Степановича они появились, и это дело, пусть и не касающееся его лично, он взял на заметку, любив к старости ломать голову над странными вещами.

— Кто? — поторопил он за молкнувшего Алексея.

— Из московских фейсов, некто Травкин.

— Собери мне про него. Хочу знать все, и особенно, зачем ему это дело.

Павел посмотрел, как Аня, едва заметно пошатываясь, медленно вышла из машины. Вышел следом.

Девушка стояла, вдыхая полной грудью морозный воздух декабрьского вечера, потом потеряла лоб, еле заметно поморщилась.

— Могу помочь, — предложил Павел, но Аня покачала головой.

— Само пройдет, — и решительно сгребла ладонью снег с капота соседней машины, растерла лицо. Вытерлась шарфом и шагнула было к подъезду, но тут же запнулась о поребрик.

— Осторожней, — поддержал ее Павел, подхватывая под руку, — я провожу.

— Н-не стоит, — заспорила было Аня, но маг лишь тверже сжал ее руку.

Когда они стояли в лифте, Аня вдруг прижалась к нему и доверительно сообщила:

— У нас могут быть п-проблемы.

— Справлюсь, — пообещал, ощущая, как от близости закружилась голова, как перехватило дыхание, а сердце резко ускорило свой бег. Так и подмывало заключить в объятия хрупкую драгоценность, прижать и не отпускать. Его драгоценность.

И еще хотелось, чтобы лифт ехал долго, а они бы стояли, прижавшись друг к другу в тесной кабине, и он бы вдыхал травяной запах ее волос, смешанный с горьким ароматом вереска, с едва уловимым оттенком дыма от костра.

Костер, вереск... А он понятия не имеет, что произошло там сегодня.

Дверь им открыла Клавдия Петровна.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Павел, заводя Аню в квартиру и помогая раздеться. Снял пуховик, усадил на пуфик и, присев перед девушкой на корточки, стал расстегивать сапоги. Возле них крутился Вальди, радостно приветствуя обоих.

— Мам, я устала, ужинать не будут, мыться, спать, — скороговоркой выпалила заготовленную фразу Аня и замолчала, утомленно прикрыв глаза.

Клавдия Петровна, поздоровавшись, с изумлением смотрела, как чужой мужчина снимает с дочери сапоги, как поднимает и помогает дойти до ванной, заботливо уточнив, не нужно ли чего. Во взгляде "коллеги по работе" сияла совсем не товарищеская нежность.

Клавдия Петровна ощутила, как от трогательной сцены защипало в носу и увлажнились глаза. За любовь — на удивление, сердцем поверила сразу и безоговорочно — она готова была простить и обман, и странности в поведении дочери и многое, многое другое.

— Павел, не хотите чаю?

Пока Аня мылась в ванной, жаркий натиск Клавдии Петровны принес свои плоды.

Выяснилось, что над дочерью глупо пошутили, подсунув вместо воды полстакана водки.

— Вы не подумайте, Аня не пьет, и мне в ней это очень нравится.

Дальше Павел рассказал, что работа временно на дому, так как должность и сам Проект новые. Что рабочее место пока не оборудовано, но по выбору можно будет продолжать работать дома. Что планируются частые командировки. Что работа сложная, но интересная и хорошо оплачивается. Что сам Павел приезжий, отсюда акцент. Собственной квартиры пока нет, но он активно работает над этим.

— Павел, какие ваши годы, успеете и на квартиру заработать, и на домик в деревне, — мягко улыбнулась Клавдия Петровна, ощущая глубокую симпатию к этому молодому человеку. Даже странно, чтоб вот так... с первого взгляда ей понравился человек. — И простите за бестактность, а сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— А работаете вы?

— Вместе с Аней, но у нас разные профили.

— Знаете, вот поговорила с вами, — прочувственно сказала Клавдия Петровна, — и спокойнее стало на душе. Анечка у нас единственная, характер мягкий, творческий. Она очень ранимый человек и, к сожалению, плохо разбирается в людях.

Павел отставил в сторону чашку с чаем, думая о том, что Анечка сильно повзрослела и характер у нее уже далеко не мягкий, и в людях она разбирается неплохо, а в нелюдях и того лучше.

— Вы уж присмотрите за ней, пожалуйста, — попросила Клавдия Петровна.

— Обязательно присмотрю, — с легкостью пообещал Павел. Собственно, присмотром он и занимался все время: присматривал, спасал, защищал и ругался, отговаривая от очередной безумной затеи.

И сейчас, общаясь с матерью Ани, он ментально улавливал знакомое упрямство, интуицию и легкую настороженность. И непросто было повысить уровень доверия у Клавдии Петровны.

Правильно, что он зашел. Еще немного — и проблема вышла бы из-под контроля.

— Возможно, я тороплюсь, — он замялся, подбирая слова, — с вашей дочерью мы знакомы меньше двух недель, но Аня мне глубоко небезразлична. Знаю, это неожиданно и...

— Я вас понимаю, — мягко перебила его Клавдия Петровна, — сама, когда первый раз увидела будущего мужа, сразу поняла — вот он, тот самый, единственный. Николай таким и стал для меня на всю жизнь. А день, неделя или месяц — не так уж и важно. Главное — уважение и преданность. Без них любые чувства быстро перестают быть такими красивыми, как вначале. И, Павел, вы не представляете, как я рада с вами, наконец, познакомиться. Честно сказать, я почти с ума сошла от беспокойства, не понимая, что творится с Аней. Спасибо, что зашли и поговорили.

— Это вам спасибо за чай и за все, — потупился Павел, чувствуя, как

начинают гореть кончики ушей.

Вызвать доверие и симпатию у собеседника — самое первое, чему учат на факультете менталистики. Он проделывал подобное тысячу раз, так почему на душе так гадко именно сейчас? Ее словно разделили на две части. Одна привычно выполняет свою работу, вторая морщится и совестливо вздыхает. Может, причина в том, что ему захотелось на самом деле стать тем, за кого он себе выдает? Войти в эту славную семью на правах зятя, назвать милейшую Клавдию Петровну мамой?

В памяти промелькнул недавно увиденный рекламный плакат магазина свадебных платьев. Он обратил на него внимание потому, что невеста была похожа на Аню. И представилось, как на девушке смотрелся бы кружевной наряд цвета слоновой кости... А ведь она достойна... и платья, и свадьбы, и счастья. А что из этого сможет дать он?

Мужчина чем-то неуловимо напоминал носорога. Огромный мясистый нос первым приковывал к себе взгляд, в тени густых бровей прятались маленькие глазки, квадратный подбородок мог бы быть симпатичным, если бы его не портили небольшие, в форме бантика губы. Тело было грузным, плечи широкими, а выпирающий живот органично дополнял носорожий образ.

— Заходи, братан.

Портос, похожий на одноименного героя разве что габаритами, вел прием в специально оборудованном гараже. Павел знал — таких точек у него несколько. По уровню доверия к клиенту и по соображениям безопасности — ушлый Портос никогда не хранил все яйца в одной корзине. Павлу довелось побывать в двух точках.

— У меня разный народ случается, — Портос стоял за сколоченным из разного хлама прилавком, подперев ладонью пухлую щеку, отчего один глаз почти скрылся в складках. У братка, похоже, было лирическое настроение, и он не прочь был поболтать, — но ты самый прикольный чувак из всех. Появляешься неизвестно откуда, пропадаешь.

Павел оторвался от разложенных на прилавках приборов, бросил острый взгляд на Портоса, но тот его не заметил.

— Знаешь, в чем твоя проблема, чел? Ты пытаешься выдать себя за нас, но старика Портоса не проведешь. Глаза, чел. Они выдают тебя.

Воздух в гараже потяжелел. Маг напрягся — насколько он мог изучить Портоса, тот никогда не позволял себе откровенных разговоров с клиентами, ему платили за тайны, и он их соблюдал, а иначе в этом бизнесе быстро поймаешь пулю в лоб.

Павел аккуратно отложил в сторону то, что ему показалось полезным. Он, конечно, провел домашнюю работу и порылся в интернете, но качественно находить нужные сведения в этой информационной помойке у него не получалось.

— И что же ты прочитал в моих глазах? — криво усмехнулся Павел, искренне жалея, что отказался тогда купить ТТ. Оставлять труп, убитый при помощи магии, было бы глупо.

— Чужой ты, не отсюда, — медленно проговорил Портос и даже зевнул для убедительности. Но Павла этим было не обмануть, он чувствовал напряжение и страх, идущие от бандита.

— Так, может, я шпион? — еще одна усмешка, и пачка денег легла на стол.

— Не-е, чел, шпионов я повидал, — покачал головой Портос, практически подписывая себе приговор. При виде денег он оживился, подгрреб их к себе, быстро пересчитал пухлыми пальцами.

— Здесь больше.

— Доплата за то, чтобы ты держал свою догадливость при себе.

— Как обычно, чел, как обычно. Портос — могила, чтоб мне, падали, землю жрать.

— Ну-ну, — Павел тяжелым взглядом посмотрел на братка, и лицо того посерело, а на лбу выступили капельки пота. Ему, конечно, далеко до теневика — тот подобные фокусы одной левой продельывает, но что-то и он

может.

Дверь скрипнула, и Павел с наслаждением вдохнул свежий воздух. Здесь, на окраине, в гаражном кооперативе, было тихо. Поздний час, будний день, и ряды между коробками гаражей пустовали.

В руках в пакете лежал его ответ теневику. Следить за Аней нехорошо, но коллега не оставляет ему шанса. Должен же он знать, что происходит между ними.

В гараже какое-то время было тихо, затем в углу завозился кто-то большой, шумно завздохал, зачмокал и наконец тяжело поднялся, опираясь на стойку. Постоял, восстанавливая дыхание, высморкался, потом чуть покачиваясь, дошел до шкафчика, висящего на стене. Достал оттуда поллитровку, отпил прямо с горла.

Постепенно водка подействовала, и цветом лица Портос перестал напоминать свежего покойника. Еще пара глотков, и мужчина окончательно пришел в себя. Витиевато выругался, полез в карман, доставая мобильник.

— Напугать, значит, хотел. Сейчас обратно испуг прилетит, — и он набрал по памяти номер.

— Але, начальник, не отвлекаю?

Трубка помолчала немного, потом усталым мужским голосом предложила Портосу идти далеко и надолго. Портос визгливо хохотнул.

— Смотрю, не меняетесь, начальник. А как же любовь к людям? Без этого в вашей профессии нельзя.

— Чего тебе, Портасов? Ты по делу или поболтать?

— По делу, по делу, — заторопился Портос, — говорили, если стоящее чего будет, то... эта... амнистия Машке выйдет, так?

— Может, и выйдет, — лениво вздохнул телефон, — а может, и нет. Смотря, что у тебя там.

— Чел один. Вышел на меня сам два года назад. Дело было простое — жмурика из морга увести, ну и следы кое-какие подчистить. Жмурик этот, я слышал, прежде чем копыта двинуть, четверем ребятам Хамона путевку на тот свет обеспечил. Хамон шкурой тогда наружу вывернулся, но не нашел, кто за этим стоял. Чел этот Блеклым назвался, сказал, у них так одного героя зовут. Я спецом потом пробивал — нет такого ни в героях, ни в комиксах. Бабло по договору заплатил и пропал. А тут объявился, кое-что по мелочи купить.

— Оружие? — насторожилась трубка.

— Да нет. Прослушка, жучки, да глушилка.

— И что думаешь?

— Не из ваших, но и не из наших. Странный какой-то.

— Даже для тебя? — изумилась трубка.

Портос посопел и подтвердил:

— Даже для меня.

— Пить меньше надо, — хмыкнула трубка, — тогда и странностей тоже меньше будет. Ладно, диктуй номер. Проверим твоего чела. Но если обманул...

— Да чтоб мне, падали, землю жрать. И это, начальник, осторожней там. Меня сегодня словно под катком размазали.

Трубка выразительно хмыкнула, выражая полнейшее недоверие и отключилась.

Утром Аня банально проспала. Ее не поднял будильник и звонок Павла, не разбудил мокрый нос Вальди, тыкающийся в лицо, не подействовали голоса в коридоре. Когда девушка взглянула на часы, стрелки безжалостно показывали пол-одиннадцатого.

Аня подпрыгнула в кровати и, как была в пижаме с рисунком из

желтых плюшевых медведей, выскочила из комнаты. Вихрем ворвалась на кухню.

— Ма-ам! Ой! Здрасьте.

На кухне наблюдалась мирная картина любезнейшего чаепития. Горкой виселись блины, алел ягодами малины пирог, желтело в пиале грушевое варенье, а среди всего этого изыска сидел Павел и поедал блинчики, полив их сверху вареньем. Напротив с довольным видом сидела мама, меланхолично помешивая сахар в чашке с чаем.

Павел медленно повернулся, отложил блин и кивнул:

— Доброе утро, Аня. Как спалось?

Спалось-то как раз хорошо, а вот чувствовалось не очень, а главное, она — встрепанная со сна, в пижаме, без макияжа... И вообще, предупредить надо, что теперь он, оказывается, друг семьи!

Все это за мгновение пронеслось в голове, Аня выдавила кривую улыбку и умчалась в ванную — приводить себя в порядок.

Они ехали по проспекту в сторону квартиры — ее квартиры, пусть это и не укладывалось до сих пор в сознании.

Вальди вольготно расположился на заднем сиденье, всем видом изображая полную удовлетворенность, что его взяли с собой.

— Зачем ты с ней так? — спросила Аня, нарушая повисшее в салоне молчание.

— А как ты хочешь? Чтобы она сходила с ума от беспокойства? Чтобы начала следить, подозревать и дошла в своих подозрениях до ваших органов власти?

— Это моя мать! — повысила голос Аня.

— Я знаю, и поверь, мне тоже не нравится ситуация, но по-другому никак. Ваш мир жесток, особенно к чужакам. Мы должны быть осторожны.

— Это моя мать, — повторила уже тише, вдруг с ясностью понимая, что жизнь меняется не только стремительно, но и кардинально, а самое ужасное — эти изменения касаются всего: родных, друзей, привычек и привязанностей.

Утро после попойки, пусть и вынужденной, всегда... отрезвляет.

Вчера ей звонила подружка, не получив ответ на сообщения в Контакте и ватсапе. Приходили еще сообщения от нескольких друзей с вопросами: куда она пропала. Можно, конечно, вечером сходить, потанцевать в клубе, выпить «Маргариту» в баре, но почему-то любимые раньше забавы теперь казались скучными, разговоры пресными, а интересы... перестали быть такими. Что происходит? С ней, с ее жизнью?

А происходит то, что она накрепко увязла в новой работе, что ее тянет в дом, что она даже мысленно все время там, в порталном коридоре. И восемь дверей, восемь миров, точно якоря в море, удерживают ее рядом с собой. Какой клуб, шопинг или кофе с подругами? Все это меркнет в сравнении с Фиолетом, драконами и русалками.

Хочется ей этого или нет, но прошлая жизнь действительно осталась в прошлом. Новое, все увеличивающимся в размерах смерчем, сметает труху с антресолей, отбрасывает в сторону мусор, обрывает нити привязанностей и подталкивает в спину — иди, только вперед и не оборачивайся.

Машина свернула во двор, остановилась. Аня взялась было за ручку двери, но слова Павла заставили ее передумать.

— Я читал, у вас принято просить руки невесты у родителей?

У Ани возникло ощущение, что ее стукнули по затылку чем-то тяжелым. Воздух в машине стал горячим и вязким, трудно было дышать. Какая невеста, о чем он?

Павел и не ждал ответа, вышел из машины, кивнул встречающему их магу, кинул ему ключи и скрылся в подъезде.

Аня стиснула зубы — даже не оглянулся! И что это было? Ей сделали

предложение или намекнули на решение, которое устроит всех: выданная замуж Хозяйка, причем за мага-менталиста, — это же просто и гениально. Всегда под рукой, всегда на виду и всегда с дилеммой — как решить проблему переселенцев, не обидев сородичей мужа.

Очень хотелось выругаться, пнуть кого-нибудь, особенно одного... брюнета с замашками интеллигентного варвара. Почему варвара? Потому что ведет себя внешне прилично и вежливо, а в глазах читается желание заставить сделать по-своему и совсем не гуманными методами. А ну как проснется она однажды утром замужней дамой с полным отсутствием воспоминаний о свадьбе. И что тогда?

— Уйду жить к Фиолету, — пробормотала Аня, выходя из машины, — он — добрый, не выгонит.

Вальди пристроился рядом. Так они и вошли вместе в квартиру. Пришлось задержаться, выбрать цвет стен для покраски, и когда они наконец очутились в порталном коридоре, их уже встречали со всем нетерпением.

— Анечка, дорогая, доброе утро, — лучась радушием, поприветствовал Арвель, его дружно поддержали остальные. Аня насторожилась — с чего бы такой душевный подъем у переселенцев? Сами открыли новый мир? Договорились с драконами? Утопили русалок? Или поголовно полюбили фиолетовый цвет?

Нет, все оказалось банальнее.

Уже за кофе, когда ажиотаж встречи спал, выяснилась причина.

— Мы провели разведку.

— Скрытно, насколько было возможно.

— Нашли вот это.

И несколько камушков легли на стол.

— Остальное у вас в комнате.

Аня представила грязную корзину на светлом полу и... погрузнела. Потом представила, как приходит в ломбард с таким вот камушком, а оттуда уже под белы ручки и за решеточку... С ее везением она точно угодит к честному приемщику. Н-да, тяжело быть миллионершей в родном государстве, а еще тяжелее работать в коллективе, зараженном алмазной лихорадкой.

— И вас не съели? — уточнила, задумчиво покатав камень по столу. Маги переглянулись и тоже погрузнели.

— Повезло, — подвела итог Аня и посоветовала: — Не стоит там появляться без меня. Местные не так хорошо воспитаны, как Фиолет, и питаются... Короче, вы им как раз по зубам.

— А вы? — заинтересовался Тахмар.

— А я — нет, — ухмыльнулась девушка, — костлявая слишком.

— Анечка, вы интригуете. Может, поделитесь информацией?

— Так вы уже все разведали? — «удивилась» девушка, но маги на подколку не среагировали. Аня вздохнула, коротко взглянула на Арвеля и отрицательно покачала головой.

— Нечем мне вас порадовать, координатор. Есть кое-какие идеи, но вы слишком долго обманывались. Мне не хотелось бы давать вам ложных надежд.

Арвель окинул девушку задумчивым взглядом, и не понятно, чего в нем было больше: уважения или усталости, но одного не наблюдалось — злости на непокорную Хозяйку, которую нужно призвать к порядку. Неужели или ей показалось, что координатор начал прислушиваться к голосу разума?

— Дайте мне время до вечера. Все решится быстро. Если получится... тогда и поговорим.

Она крутанула алмаз. Накрыла камень ладонью, и тот откликнулся

неожиданным теплом.

— Вы собираетесь вернуться? — холодно поинтересовался Тахмар, и под его прямым взглядом ей стало неуютно. Второй координатор явно пребывал в ярости.

— У вас нет другого выхода, — отчеканила, с вызовом глядя на мага, — вы доверитесь мне или проиграете. Пора признать, есть миры, которые вне вашего контроля, а я могу наладить контакт с их обитателями.

— Как с русалками, да?

На эту реплику Павел отреагировал гримасой, все еще болезненно переживая тот промах. Потом ободряюще улыбнулся, и дышать Ане сразу стало легче. Их отношения органично вписывались в царящий дурдом. Поцелуи, приправленные дымом вероятного предательства, служебное положение телохранителя и охраняемой, начальство Павла, настроенное против любой ее инициативы. Их постоянно бросало от холода и чуждости до страстных объятий, их постоянно окружал густой туман недоговоренностей, сквозь который тонким лучиком надежды пробивалась его поддержка. Она точно знала — он будет рядом. Спасая, утешая, ругая и ворча, но рядом.

Тепло коснулось сердца, согревая.

Драконы? Подумаешь, проблема... Русалки... Ерунда, чес слово.

Под пальцами что-то дрогнуло, Аня приподняла ладонь и растерянно посмотрела на прозрачную лужицу на месте алмаза. Твою же... Алмаз был размером с не крупное куриное яйцо, и сейчас целое состояние вместе с потенциальными вилой и яхтой растекалось по поверхности стола.

Вот так и получай в подарок алмазы, которые под руками плавятся, подумалось девушке, а затем в лужице закопошилось, завозилось крошечное нечто, все больше обретая черты насекомого. Лужица съеживалась, словно существо впитывало ее в себя, потом над столом расправились крошечные крылья и... дракончик — прозрачный точно геккон, поднялся в воздух. Завис на пару мгновений, вспыхнув переливами радуги, а потом прозрачной тенью скользнул к окну.

— Держи, — крикнул Арвель, вскакивая и роняя стул, — не дайте ему улететь.

Павел бросился к окну, прижал к стеклу бьющуюся об него рептилию и тут же отдернул руку, морщась от боли. Зубы у алмазного дракона были тоже алмазными.

На крики в столовую ворвались дежурившие в коридоре маги, и комната разом наполнилась голосащими и размахивающими руками людьми.

— Держи.

— Где он? Не вижу его, прозрачный гад!

— Слева.

— Нет, в углу.

— Вот верткая тварь.

— Какой урод кинул на меня сеть? Отставить магию! Она его все равно не берет.

Незадействованными остались трое: Аня — лезть в толпу к мужикам было небезопасно — затопчут же, ну и координаторы — не по статусу начальству самим такими делами заниматься.

— Аня, сделайте же что-нибудь, — прошептал Арвель, страдальчески морщась от звука разбитой посуды, — весь ремонт коту под хвост.

Девушка наклонила голову, внимательно посмотрела на мага и... решила:

— Не станете мешать?

Арвель потер переносицу, и на его лице Аня увидела растерянность. Дракончик в очередной раз прошмыгнул над столом, маг проследил его

полет удивленным взглядом. Аня и сама едва сдержалась, чтобы остаться невозмутимой. Бывшее прозрачным тело теперь покрывала черная, блестящая чешуя, крыльями дракончик напоминал летучую мышь, а вот голова была классическая, драконья — с гребнем, вытянутой мордой и оскаленной пастью, полной острых зубов. А еще это чудо явно подросло.

Похоже, нервы у мага сдали, потому как он всплеснул руками и воскликнул:

— Да делайте, что хотите!

Аня понимающе усмехнулась, концовка должна была быть: «Утонешь — домой не приходи».

Девушка протянула руку и свистнула. Дракончик спланировал откуда-то сверху, уселся на палец, крепко обхватив его когтями.

Павел мигом среагировал и поднял руку, призывая к порядку. В комнате еще какое-то время слышалось пыхтение, возня, но постепенно стихли и они.

Дракончик сидел с независимым видом, словно и не он только что гонял по комнате пяток здоровых мужиков. Потом засунул голову под крыло и принялся чиститься.

Аня любовалась на гибкое тело, на изящный хвост, обвивший ее запястье. Удивительное дело, алмаза было не жаль.

Что же... утро началось в привычном ритме дурдома. От выведенного из себя Арвеля настроение поднялось на недостижимую высоту. А драконы... до вечера она что-нибудь придумает. Обязательно придумает.

ГЛАВА двадцать шестая

Думалось плохо, и Аня взялась за карандаш. Дракончик, дракоша, Коша, а также «Эй, отстань от котят», «Не трогай Вальди, он тебя съест, а ему вредно алмазами питаться» уговорился позировать. Сейчас он висел вниз головой, изображая летучую мышь, заснувшую на спинке стула.

Корзину Аня вынесла во двор, алмазы сложила в коробку и убрала под кровать к батарее из бутылок водки, притащенных Сан Санычем. Затем изучила запасы продовольствия, набросав список того, что требуется купить, выловила и посадила парочку охранников чистить картошку, сама сварила на скорую пельменный суп — и просто, и вкусно. Мясо поставила в духовку вместе с картошкой — запекаться. В мультиварку, которая утром появилась на кухне, забросила тушиться фасоль с бараниной.

Охранники попытались слинять, но были оставлены резать овощи на салат, а также следить за жарким. Сама Аня поднялась наверх — думать. До встречи с настоящим драконом оставалось полдня, а ни одной здоровой мысли в голову не приходило.

Линии ложились на лист, руки не забыли, как правильно держать карандаш, и скоро в комнате было уже два дракончика: один на бумаге, второй на спинке стула. Вот только ехидное выражение мордочки никак не удавалось передать.

Аня со вздохом оглядела работу, рисунок практически закончен, обед готов, а решение, как организовать перемещение драконов, не найдено.

Вальди встал, зевнул, тряхнул головой и вопросительно гавкнул, мотнув мордой в сторону окна. Почему бы и нет, — подумала Аня, решив, что свежий воздух принесет вдохновение.

Ночью прошла метель, обновив снежный покров и присыпав дорожки, и Вальди, вздымая вверх пушистый снег, носился по сугробам, довольный прогулкой.

— Аня, позвольте составить вам компанию? — Арвель шел по дорожке навстречу.

Девушка пожала плечами. Маг пристроился рядом, и некоторое время они шли молча в обход озера. Аня оглядывала зимний лес, представляя, как хорошо здесь будет летом. В озере можно будет купаться, ловить рыбу, провожать уходящее солнце. В лесу собирать грибы, ягоды — и все это богатство без утомительных простаиваний в пробках из города. Не жизни, а мечта! За одно это она готова простить магам многое... Пусть ищут выгоду, пусть пытаются контролировать. Главное — это ее дом, ее жизнь, и она

будет защищать свое до последнего.

— Скажите, Арвель, что произошло за завтраком? Как так получилось, что я смогла создать дракона?

— Видите ли, Аня, — координатор помолчал, провел рукой по засыпанной лапе елки, пробормотав: «Прекрасный мир», продолжил: — Алмаз уникальный в плане реакции на магию камень. Ни одна структура не отзывается так легко на магическое воздействие, как он. Одной ночи, проведенной здесь, ему было достаточно, чтобы стать частью дома, подпасть под очарование хозяйки и выполнить любое, даже неосознанное, ваше желание.

Аня скептически приподняла брови.

— Простите, — повинился маг, — не удержался. Вы настолько поражаете последнее время, что я скоро не устою и стану таким вот алмазом. В переносном смысле, конечно.

Девушка оценивающе оглядела мага.

— Дракон из вас выйдет покрупнее. В переносном смысле, конечно.

Они переглянулись и рассмеялись.

— И все-таки, вы намекаете на то, что дом мне подчиняется, но я не могу заставить дверь стать синей или окно зеленым? Или надстроить третий этаж?

— Нет, конечно. Сам дом — материальный объект вашего мира.

Аня с трудом скрыла разочарование. И тут ограничения, и тут правила. Сказка сказкой, а работать Золушке до прихода крестной приходится мотыгой и лопатой.

Они подошли к дому. Бывший дом отдыха, купленный профессором для дачи, выглядел неважно. Краска облупилась, окна давно просили замены, крыльцо обветшало, дом нуждался в ремонте и нашествия драконов он явно бы не пережил.

— А покажите мне коридор порталов, — попросила Аня.

Арвель повел ее вокруг, остановился у глухой стены, выходящей на лес.

— Теоретически, это здесь.

Аня непонимающе оглядела стену. Два этажа, никаких отверстий для застекленной крыши коридора и длина не сходится. В коридоре по четыре двери с каждой стороны и не меньше пяти метров между каждой парой, плюс пять до портала переселенцев, и столько же до выхода, а здесь... Она прикинула — метров пятнадцать, а то и меньше. В голове что-то крутилось, казалось, ответ совсем рядом.

— Почему теоретически? — спросила севшим от волнения голосом.

— Представьте дерево. Корнями оно в земле, стволом над землей, а макушкой стремится в небо. Ваш мир — это земля, ствол — коридор, а макушка — уже другой мир. Порталы только связаны с этим миром, физически пребывают вне пространства. Так легче удерживать энергетическую структуру и не влиять на поле вашей планеты. И к вопросу о зеленых дверях. В доме придется красить, а в коридоре вы можете делать все, что хотите. Кстати, болотная дверь подтекает и воняет плесенью, а от русалок несет рыбой, но в целом наглядно и эм, креативно.

— Спасибо, — машинально поблагодарила Аня, думая совсем о другом. Решение лежало на поверхности, надо было только иметь чуть больше веры в себя и смелости.

Аня прошла по опустевшему коридору, потерла руки. Выгнать всех оказалось непросто — она и не подозревала, что в доме такая куча народа, которому требовалось пройти туда-то и туда. И безотлагательно. А оторвать охрану от нагретых спинами стен? А выгнать наблюдателей? А уговорить Арвеля с Павлом, что она не собирается никого выпускать из дверей в их отсутствие? Но в конце все сложилось.

Аня встала в центре, прикрыла глаза. Тяжело поверить, что пол, на котором ты стоишь, стены, которых ты касаешься рукой, не имеют ничего

общего с материей. Тяжело, но придется.

Было немного страшно. Самую капельку. А еще волнительно. Внутри пузырьками лопалось возбуждение, щекоча нервы. В груди давило и просилось наружу вдохновение. Творить... не просто на бумаге, а изменяя кусочек пространства между мирами.

Протяжно заскрипели стены, в них словно ударили ветра Балтики, завибрировал пол под ногами. Воздух потяжелел и нагрелся. Зазвенело стекло, пахнуло рыбой и болотом. Аня нахмурилась, и запах сменился на аромат соснового леса.

Когда наступила звенящая тишина, она медленно открыла глаза. Больше всего это напоминало вокзал. Арочный потолок уходил ввысь. Пол был вымощен белыми плитами. Стены благородно одеты в розовый мрамор с полуколоннами. Двери исчезли. Вместо них — стеклянные прямоугольники проходов с позолоченной решеткой поверх непрозрачного стекла. Над каждой — витражное панно, подсказывающее, в какой мир ведет проход. Удобные диванчики вдоль стен, питьевые фонтаны, но главное — размер помещения.

Обернулась, огляделась и удовлетворенно улыбнулась:

— Вот так гораздо лучше.

Прикинула высоту потолка, ширину зала. Сделано было с запасом. Пять драконов в ряд пройдут, не задевая друг друга, а значит можно двигаться дальше.

— Анечка, вы — волшебница!

Арвель чуть ли не подпрыгивал от возбуждения, точно первоклассник, получивший первую пятерку.

Переселенцы растеклись по вокзалу, охраны в просторном помещении вдруг оказалось непривычно мало, и маги обменивались растерянными взглядами, пытаясь сориентироваться. Павел отдавал распоряжения, одновременно ухитряясь не выпускать Аню из поля зрения.

— Сказали бы раньше, что так можно... — не удержалась от ворчания Аня.

— Раньше, боюсь, не получилось бы. Вы и так прогрессируете слишком быстро. Я знаю, «Какой русский не любит быстрой езды», — блеснул знанием фольклора Тахмар, — но в вашем случае, лучше постепенно приобретать опыт, чем заполнить истощение. Кстати, как вы себя чувствуете?

Аня прислушалась к себе. Она устала, но это была хорошая, правильная усталость от выполненной работы, без выматывающего душу напряжения. Словно она с десятков картин написала.

— Не приставай к девочке, — внезапно вмешался Арвель, — нормально она себя чувствует. Ты лучше посмотри, какую красоту создала.

За этими словами угадывалось продолжение: и никаких обнаженных русалок, цепей и болотной вонючести.

— А мозаика — настоящее произведение искусства. Мои поздравления, Аня, лучше и придумать нельзя.

Они вчетвером шли по залу, медленно продвигаясь от одного портала к другому, когда Павел вдруг издал странный звук, усиленно кося взглядом в сторону. Аня посмотрела и прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Дом решил внести свои коррективы в ее «шедевр». Под одной дверью виднелась лужица воды, стекло запотело и покрылось капельками воды. Оттуда ощутимо тянуло сыростью. Болотный мир отвоевывал свою часть. Значит, и остальные проходы недолго останутся безликими. Пожалуй, ей так даже больше нравится.

— Последнее время мне кажется, ты теряешь разум. Отпускаешь одну, да еще и к враждебному существу неизвестной природы.

Тахмар покачал головой, покрутил в руках пустую чашку и отставил в сторону. Третья чашка кофе подряд — заманчиво, но перебор. А вот Арвель не стал щепетильничать, налил себе кофе, сел напротив, смакуя, сделал глоток и наконец ответил.

— Ценность руководителя не в том, чтобы организовать рабочий процесс. С этим многие справятся. А в том, чтобы увидеть перспективы и вовремя убрать мешающие преграды. Согласись, у девушки большой потенциал. Она умна, находчива и умеет обуздать страхи.

— Зато работать в команде не умеет, — возразил второй координатор.

— Может, команда ей плохо подходит? — губы Арвеля тронула усмешка. — С самого начала мы решили, что денег, хороших денег, дома и квартиры будет достаточно, чтобы Хозяйка делала то, что нам нужно. Но все оказалось сложнее.

— Мы можем заплатить еще больше, — высказался Тахмар, недовольно поджимая губы.

— И окончательно загубить Проект? Нет, здесь нужно действовать иначе. Мы всегда верили, что одного подходящего нам мира будет достаточно для переселения. А если этого не случится? Ведь часть людей уже осела в мире Фиолета. Пройдет время, и они не захотят идти куда-нибудь еще. Да и нам выгодно поддерживать с ними связь. Биологи в полном экстазе от местной флоры. Одни уникальности у них там произрастают. А драконы с залежами алмазов? Не знаю, что там задумала Аня, но получить доступ к месторождению было бы неплохо, а?

— Что уж там неплохо, — вздохнул Тахмар, признавая правильность слов коллеги, — это было бы грандиозно. Такими накопителями разбрасываться — сущее расточительство.

— Вот-вот, — закивал Арвель, — по всему выходит — закрывать Проект после переселения нельзя. Надо выстраивать новые отношения с Хозяйкой.

— Отношения, — хмыкнул Тахмар, — она у тебя то перед русалками стриптиз устраивает, то к дракону в обход охраны шныряет. Сплошная непредсказуемость!

— Но если мы начнем больше доверять друг другу...

Арвель замолчал, испытующе глядя на Тахмара.

— Что ты хочешь?

— Придержи пока информацию о драконах.

— Не поставить Конгресс в известность о способностях хозяйки обходить охрану?

Тахмар задумчиво пожевал губу, побарабанил пальцами по столу и наконец решился: — Что же... разумно, но как ты собираешься выкручиваться дальше?

— Придумаю. Дай только время.

— Много не дам. Три дня. Больше не проси.

И сидящие за столом маги обменялись понимающими взглядами. Договоренность была достигнута.

Аня первой шагнула из прохода, откашлялась, прочищая горло, и объявила:

— У нас гость, транзитом. Один косой взгляд, от кого угодно, и больше я его или ее видеть здесь не желаю. И не только взгляд, но и мысли лучше держать при себе. Думайте о чем угодно, например о рыбалке. Короче, провокаций не потерплю, зарубите себе на носу!

После такого фееричного вступления, главное было не затягивать паузу. А то вон охрана напряглась, и взгляды стали такими... многообещающими. Наверняка догадались уже, что о хорошем госте подобной речью предупредить не станут. Да и Павел без разговоров направился к ней, а стать свидетелем, как из одного упрямого мага делают бифштекс средней прожарки, Ане жутко не хотелось.

Дракон медленно и аккуратно втягивался в проход, он явно чувствовал себя неуютно в окружении стен и потолка над головой. Аня шла впереди, мечтая об одном, чтобы ее увещания не пропали даром. И если у кого-то сдадут нервы — неважно у кого первым, дом этого не переживет, а свежее созданного вокзала было жалко до слез.

Когти скрежетали по каменному полу, оставляя за собой борозды. Дракон наконец втянулся полностью, и просторное помещение вокзала вдруг съжилось, став в разы меньше, и глупыми показали мраморные стены с колоннами и диванчиками вдоль стен.

Какие, к черту, диваны! Укреп точки надо было строить из мешков с песком, за которыми в случае чего укрыться можно. А диванчик... на один плевок огня. Нет, она явно промахнулась с вокзалом, думала Аня, медленно идя к проходу в мир русалок. Руки холодели, в ногах поселилась слабость, а в голове крутились непрощенные мысли о небольшом Армагеддоне в одном взятом месте. Не хватает только Сан Саныча и Фиолета.

Армагеддон в голове тут же сменился на другую картинку: Сан Саныч в обнимку с Фиолетом, покачиваясь в такт мелодии, хором запевают: «Во поле березка стояла», а лежащий рядом дракон одобрительно кивает, придерживая лапой пятилитровую бутылку, в которой на доньшке плещется что-то прозрачное. Рядом похрапывает доведенный до кондиции Павел, выбывший из соревновательного процесса отравления организма спиртным. Картинка получалась настолько четкой, что в какой-то момент до Ани дошел резкий аромат первача.

Скрежетание за спиной сбилось с ритма. Наступила нехорошая пауза. Павел замедлил шаг, и на его лице Аня прочитала искреннее удивление. Она медленно повернулась, уже начиная догадываться, что увидит.

Повернулась, зажмурилась, открыла глаза — не помогло. Пятилитровая махина, до горлышка наполненная чистым, ну и вонища, самогоном, стояла перед драконом. Тот настороженно принюхивался, на морде явственно читалось отвращение — точно кот, которому поднесли стакан водки.

В воздухе ощутимо запахло не только самогоном, но и дипломатическим скандалом. Аня задержала дыхание, лихорадочно соображая, как выкрутиться. С тоской вспомнились мешки с песком — вот что ей стоило хоть пару баррикад создать, прежде чем дракона сюда тащить! Прав Арвель, авантюризм ее когда-нибудь погубит.

— Это мне, мое. Короче, не тебе, не вам.

Дракон явно ничего не понял. Да и зачем слова, когда вон оно перед ним — оружие его поражения.

— Ах вот ты где, моя пр-р-релесть!

Сан Саныч явно смотрел «Властелина колец» и сейчас не хуже Горлума протягивал руки к бутылки. В отвисших на коленях штанах, в полинялой рубашке и тапочках, он показался Ане настоящим героем.

Дракон моргнул, сморщился еще больше, но атаковать не спешил. Да и кого? Ненормального призрака, который с нежностью, как ребенка, обнимал бутылку, утаскивая ее в сторону ближайшей стены? На полу за ним оставалась мокрая полоса самогона, пролившегося из доверху наполненной бутылки. Все молча следили за этим перемещением, пока дракон не взорвал тишину оглушительным чихом — не выдержал-таки чувствительный нос. Зато маги выдержали. Кое-кто дернулся, Аня так подпрыгнула, а Павел оказался совсем рядом, притянув ее за талию, но файербол, слава Богу, никто не за метнул.

Аня перевела дыхание и широко, точно дорогому покупателю Порше, улыбнулась дракону:

— Прошу.

Пляж определенно дразнился. Погода была на зависть идеальной. Так и подмывало сбросить ботинки, скинуть одежду и нырнуть в голубовато-зеленую воду. На небе ни облачка, лишь одна темная точка — стремительно удаляющийся дракон.

— Думаешь, вернется? — все так же обнимая ее за талию, спросил Павел.

— Просил дать ему три заката, — пожала плечами девушка, — а вернется ли...Думаю, да. Знаешь, у меня такое чувство, что я занимаюсь оптимизацией, потому как идеально пустого мира, подходящего под ваши нужды, пока не попадается.

— Я думал, ты мстишь.

— Чешуйчатохвостым? — удивилась Аня. — Было бы за что.

И поймав смеющийся взгляд мага, поняла, что ее дразнят.

— Ах ты! — она толкнула Павла в грудь, и тот, не ожидая такой подставы, улетел в колючие кусты. Охрана усиленно делала вид, что ее здесь нет, а начальник просто споткнулся. Аня, гордая победой, развернулась — и сама полетела на песок, не заметив магического лассо, захлестнувшего ногу.

Когда они, чуть помятые и в песке, вывалились из портала, их уже ждали.

— Нам надо поговорить, — одновременно сказали Арвель и Аня, переглянулись и направились в столовую.

— Сначала вы, Анечка, — уступил ей очередь Арвель.

Аня, набрав в грудь воздуха, выпалила:

— С этим надо что-то делать! Мое воображение... не спрашивайте, что именно пришло мне в голову, просто помогите это контролировать. Сегодня — самогон, а что воплотится завтра? Страшно представить.

Арвель понимающе кивнул:

— Это обратная сторона вашего быстрого прогресса, Анечка. Вы шагнули вперед, не успев научиться контролю. Да-да, ваше воображение, Аня, сейчас точно топливо для машины. Пока оно ярче всего проявляется в порталном коридоре, но неизбежно распространится на весь дом.

— Это что же получается, — нахмурилась девушка, — мне приснится море, и я проснусь в мокрой постели?

— Не совсем так. Одного представления мало, нужны детали, четкость изображения. И должен извиниться, Анечка, это мое упущение. Я забыл, что вы художник и удерживать в памяти детальную картину для вас привычное занятие. Обещаю, завтра же займемся контролем вашего, эм,

богатого воображения. А пока постарайтесь вспомнить то состояние, которое предшествовало визуализации, эм, того предмета. Вспомнить и не допускать его неконтролируемого повторения.

— Постараюсь, — пообещала Аня. Ее запоздало накрыло осознание близкого провала и начало потряхивать. Н-да, пора писать мемуары. Вот и готовый заголовок главы: «О том, как одна бутылка самогона чуть не сорвала переговоры с драконом».

— А где Сан Саныч? — встрепелась она.

— Где-где, — проворчал Тахмар, — мечется по дому и пытается спрятать ваш подарок.

Понимание того, где он может прятать, заставило Аню вскочить из-за стола и опрометью рвануть в свою комнату.

Она заскочила и прислонилась к косяку, давась от смеха. В комнате, по ощущениям, бухала рота солдат. На полу темнело пятно, источая сивушные ароматы. Сан Саныча нигде видно не было, а из-под кровати торчало горлышко злополучной бутылки, заткнутое вместо пробки свернутой бумагой.

— Та-ак, — зловеще протянул Павел, проходя в комнату. Махнул рукой, открывая окно, и внутрь хлынул свежий воздух.

— Не так, а вернули мое, — защитила Сан Саныча Аня. Павел неодобрительно хмыкнул.

— И зачем тебе столько?

Хотела ответить: «Пить», но вовремя сообразила — объемчик великоват. Впору отравиться.

— Эм, в медицинских целях.

Павел приподнял брови.

— Знаешь, для протираний всяких, обеззараживаний.

— Ну-ну, — сделал вид, что поверил, маг. Подошел, нагнулся, вытащил бутылку. Без особых усилий поднял на руки. — Пойду придумаю пробку.

После его ухода из стены высунулась призрачная фигура. Сбоку над его плечом виднелся алмазный дракоша, и Аня удивленно приподняла брови — странный выбор для магического существа, впрочем, вредность у этих двоих явно одного уровня.

— Ушел? Ну ты, девка, даешь! Надо же понимать, кому выпить предлагаешь. Это животина, пусть и разумная.

Аня махнула рукой, признавая справедливость выговора, опустилась на кровать, пригорюнилась. Выходило, не все так просто с этим переселением, а точнее, совсем не просто. И все ее идеи на проверку оказывались сырыми и недоработанными. Может, и прав Арвель, работать надо в команде, а не заниматься индивидуалистскими проектами.

Спустилась вниз. В столовой шла ожесточенная дискуссия, общую тему которой можно было свести к одному: на фига козе баян, то есть нам дракон? Зачем драконов пускать в коридор, если у самих фактически земля горит под ногами?

— Что думаете? — осведомился у нее Арвель, пока она, незамеченная в пылу дискуссии, стояла у порога.

Аня ответила не сразу. Обвела взглядом ожесточенную баталию за столом, переселенцы быстро сложили два и два, и сейчас обсуждали реальность ее плана. Поймала взгляд Павла — тепло коснулось сердца, и поддержка мага невидимой ниточкой протянулась к ней.

— Надо двигаться дальше. Выгорит или нет — покажет время, но у нас еще три не открытых двери.

— Две, — педантично уточнил координатор.

— Хорошо, две, но надо определиться с ними, как можно скорее.

— Сложно с вами, Аня, — искренне посетовал Арвель, — впрочем, не могу не признать, что в некоторых вопросах вы действуете эффективно, хоть и рискованно. А если бы это тварь решила вами пообедать?

Аня ничего не ответила. Пожала плечами, мол, не съела же. Маг укоризненно покачал головой.

— Я с вами точно поседею, но уговорили... Завтра продолжим разведку, только вы обещаете, что не станете ничего предпринимать в одиночку.

— Обещаю, в одиночку я туда не пойду, — кивнула девушка.

Андрею было скучно. Стены палаты он успел изучить досконально, мог зачет сдать по количеству трещинок и пятен. Читиво закончилось, новое начинать не хотелось. В голове неустанно крутились мысли о случившемся. Дело никак не хотело себя отпускать, и Андрей знал — надо дать волю всем, даже самым бредовым фантазиям, попытаться найти здоровое зерно в каждой, вывести общий знаменатель — он и станет основной версией, которую и нужно разрабатывать.

Вот и сейчас он прокручивал в голове версии — одна бредовее другой, пытаюсь нащупать верный путь. И все упорнее приходилось отгонять мысль, что он пытается разобраться в деле исключительно ради голубых глаз одной красотки.

Звякнула почта на телефоне. Пришедшее письмо от питерского коллеги было кратким и содержало одно слово: «Пользуйся». В архив с паролем были вложены материалы дела о пяти трупах, найденных в гаражах на севере города.

Андрей ощутил, как внутри все дрожит нетерпение, как азарт огнем проходит по венам.

Через час, отложив в сторону планшет, куда скинул сканы, Андрей сделал вывод — информации не хватало. Это было не дело, а куцый недородок. И он набрал номер следователя.

— Михаил Семенович, это Андрей Николаевич Травкин, отдел по

Северо-Западному округу Москвы. Можете уделить время?

— Доброго дня, коллега. Чем Питер может помочь столице?

Голос у Михаила Семеновича был хрипло-каркающим, словно он болел ангиной, а ехидные нотки вопроса демонстрировали отношение к московским товарищам: вроде и на одном поле играем, но забитые голы считаем по отдельности.

Ехидность Андрей проглотил молча — ради информации и не на такое шли, и задал первый вопрос.

Михаил Семенович оказался опытным следяком, легко колотья не желал, но в конце все же добавил нечто такое, отчего у Андрея сильно забилося сердце.

— Слушай, Андрюха, — они быстро перешли на «ты», — я так и не понял, с чего ты решил поднять прах из могилы, и как твое дело связано с этим, но дам тебе совет бесплатно: не лезь. Знаешь, есть такие дела, которые не просто дурно пахнут, от них за версту несет всяком. И если хочешь знать мое мнение: тот парень, что оприходовал братков, не мог быть обычным гражданином — ты понимаешь, о чем я. Либо он крутейший из экстрасенсов, либо... версии делай сам, но они все будут из разряда «Секретных материалов». Наш криминалист аж пить бросил, когда результаты вскрытия вывел да экспертизу сочинил. Вот так... Жаль, довести экспертизу до ума не получилось — труп увели. Зачем, кто и почему — не спрашивай. Там ни мы, ни ребята Хамона откопать ничего не смогли. Был труп и сплыл. Причем на улицу путь прослеживается, а вот дальше нет, точно испарился. Так что шансов у тебя, сам понимаешь... Всяк, он и есть всяк.

ГЛАВА двадцать седьмая

Аня стояла перед проходом в чужой мир. Опыт подсказывал — ждать за порталом может все, что угодно: начиная от фиолетовых чудиков, заканчивая русалками с драконами. И это первый раз нестрашно прыгать с вышки, а второй — с трясущимися поджилками и подгибающимися ногами. Собственно, вариантов было всего два: либо неизвестный мир, либо уже знакомый переселенцам без магии — коллега ее родного.

Она оглянулась, чтобы лишний раз удостовериться — к порталу подтягивались маги. Павел давал последние распоряжения, Вальди замер у правой ноги, готовый к бою, если потребуется. Что же... она не одна, но право идти первой не доверишь никому.

Павел... их отношения перешли в непонятную стадию.

Доверие — хрупкое равновесие между страхом и верой. Либо ты боишься предательства, либо веришь, что его не случится.

Верить Павлу хотелось, как и хотелось открыть сердце и душу, но предупреждение теневика ядом сомнений отравляло мысли. И где найти противоядие? Как убедиться, что Павел не предаст, если будет принято решение ее убить? Да и в праве ли она требовать от мага, чтобы тот пошел против своих?

— Готова?

Аня вздрогнула, вынырнула из водоворота размышлений и кивнула. Она готова, она давно готова пройти через все эти порталы разом, дабы понять, что ждет впереди и есть ли шанс остаться в живых.

Задержала дыхание, сосредотачиваясь, и шагнула вперед. И сразу ощутила, как расслабилась охрана за спиной, как с огорчением вздохнул Павел, и догадалась — она открыла мир-тезку.

Портал выходил в узкий проулок: высокие стены из грубого камня, булыжная мостовая под ногами, запах навоза и доносящийся слева шум улицы: голоса, скрипы, стук. Серое небо морщилось тучами, было свежо, но не холодно.

— Местные называют этот город Дзаргунаг.

Голос Павла был спокоен, но Аня ощутила разочарование в словах магах.

— Думаю, нам не помешает перерыв. Здесь неподалеку есть чудное место, где варят потрясающий кофе. Прогуляемся?

«Уверен?» — она подняла на него удивленный взгляд.

«Да. Хочу остаться с тобой наедине» — читалось в его глазах.

— Должно же мое служебное положение приносить хоть какую-то пользу, — проговорил Павел, когда они втроем, Вальди демонстративно остался, шли по переулку в сторону центра.

— А я думала, ты работаешь в Проекте из-за моего мира — чистый воздух там, озеро, рыбалка.

— И это тоже, — согласился маг, добавив ехидно: — У меня много меркантильных интересов.

Они вышли на широкую улицу, справа и слева вставали трехэтажные дома с узкими стеклами и крошечными балкончиками, заставленными горшками с цветами, по тротуарам прогуливались чинные парочки: женщины в длинных платьях и широкополых шляпах, мужчины в сюртуках. Между ними сновала детвора, торопились по делам мастеровые в рабочих платьях и служанки в белых, накрахмаленных передниках поверх серых платьев.

По улице прокатился колокольный звон, взметнулась стая голубей с крыш. Многие горожане остановились, дабы поклониться.

— Это... это... — Аня не могла подобрать слов от захлестнувших ее эмоций. Она точно попала внутрь исторического фильма.

Прохожие шли мимо, скользя по ним равнодушными взглядами, как если бы джинсы здесь тоже были в моде.

— Я знал, тебе понравится, — улыбнулся Павел, подставляя руку. Она машинально ухватила его под локоть, и они двинулись вниз по улице, по направлению к небольшой площади, виднеющейся впереди.

— Не беспокойся, я наложил морок на одежду. Пару часов продержится.

Аня не боялась. Город вызывал у нее симпатию. Он не был красив, не мог похвастаться чудесами архитектуры или иными красотами, но в нем ощущалась та самая атмосфера уюта, которая заставляет чувствовать себя в незнакомом месте, как дома.

— Ты часто здесь бывал?

— Приходилось. Довольно спокойное место. Если говорить аналогиями вашего времени, конец девятнадцатого века. Тяжело ориентироваться без знания языка, так что ты сегодня — мой переводчик.

— Так вот зачем я понадобилась? Перевести меню?

— И это тоже, — не стал отрицать Павел, улыбаясь кончиками губ и тут же помрачнел, вспомнив о неприятном, — видишь ли Сан Саныч... Словом, мы тогда дошли только до местного аналога таверны. Повезло, золота взяли с запасом, хватило и на разбитую посуду, и на сломанную мебель.

— Хорошо погуляли, а с виду и не скажешь.

Завуалированный намек маг проглотил молча.

В лавке оценщика они обменяли золото на россыпь монет и несколько банкнот. Причем Ане удалось добавить пару лишних — не удержалась от торга, уж больно хитрыми были глазки у хозяина лавки.

Затем они гуляли по улицам — неспешно идя по краю чужой жизни, подсматривая, точно в замочную скважину, за повседневными делами жителей.

Узкие мощеные улочки переплетались с широкими проспектами, средневековые мешалось с новизной, острые крыши колоколен, овально-покатые — у соборов, резные — у богатых домов. Голуби над крышами. Островки зелени парков. И цветы... На балконах, в кадках около входов, вдоль улиц и рядом со скамейками.

Устав гулять, зашли в таверну. Юная официантка быстро помогла сделать выбор, так же споро накрыла стол. И скоро перед ними на тарелках

благоухал копченый сыр, темнело вяленое мясо, отливали розовым кусочки неизвестной рыбы, а в горшочках томилась картошка с мясом, посыпанная сушеной зеленью.

— Как прошла зима в ваших краях? — осторожно спросила Аня, пока девушка в длинном темно-синем платье расставляла тарелки.

— Йорх миловал, снежно и весна ранняя. Второй месяц только, а тепло.

Осторожными расспросами удалось выяснить, что сейчас весна. Город стоит недалеко от моря — полдня лошадью, потому есть рыба «Самого лучшего маринада только у нас». А еще чудный ореховый десерт и горячий шоколад для леди и пиво для ее супруга. И обязательно сходите на площадь к собору, где сидит одноглазый Сью. Он предсказывает будущее. Правда-правда! А если господа задержатся — у нас и комнаты наверху есть, то застанут базарный день. Приедут циркачи со зверинцем, будут запускать шар в небо и стрелять из пушек, а еще магистрат обещал казнить Лысого Брага, которого месяц назад поймали за воровство. Если Браг покается — ему отрубят голову, нет — повесят. И господа — такая красивая пара, а напротив как раз стоит цветочница. Прекрасные розы для прекрасной леди.

Это была откровенная провокация. Удивительно, как Павел на нее поддался, более того понял без перевода. Да и что там понимать, когда тебе рукой показывают на торговку цветами, да еще так выразительно глазками хлопают.

Да и она сама хороша — вдруг до дрожи захотелось, чтоб их вылазка походила на свидание. Виноват, конечно, был ореховый десерт с горячим шоколадом, наградивший романтическим настроением, а еще самую малость взгляд Павла и завистливое выражение лица блондинки в розовом платье за столиком напротив.

— Ты специально сделал нас господами?

За окном неторопливо, кидая цепкие взгляды по сторонам, прошла парочка в черных мундирах.

— На таких меньше обращают внимание. Я бы не отказался

совершить подвиг в честь прекрасной дамы, но не уверен, что дама оценит трупы, которыми будет устлан ее путь.

— Дама... не оценит, — подтвердила Аня и поинтересовалась: — А приходилось? Уходить с боем, оставляя трупы?

Она вдруг поняла, как мало знает о жизни Павла. Кем работал, что делал, встречался ли с женщиной? Любопытство заерзло внутри, побуждая спрашивать и спрашивать.

— Приходилось.

— Когда познакомился с Тагиром? — спросила наугад и поняла, что права, видя, как тень набежала на лицо Павла.

— Дался тебе этот Тагир, — неодобрительно покачал головой маг, — если хочешь знать, с ним мы встретились на переговорах. Он же не рассказывал, что мы принесли извинения, выплатили компенсацию и договорились о перемирии? Нет? Я так и думал. Эти господа любят выдавать часть правды, оставляя самое ценное в тени. И эмиссар от них в твоём мире — часть мирного соглашения. А ближе мы познакомились, когда этот эмиссар решил, что Сан Саныч должен обязательно обзавестись новым другом. Как ты догадываешься, знакомство проходило за бутылкой коньяка, а старику уже тогда пить было противопоказано.

— И кто победил? — спросила Аня, примерно представляя, как именно проходило близкое знакомство двух магов.

— Ничья, — кратко ответил Павел и тут же попытался перевести разговор на другую тему: — Лучше расскажи, как тебе удалось обмануть охрану и проникнуть в мир драконов.

— Не дожدهшься, — со злорадством пресекла его попытки поймать на откровенность, — это не моя тайна. А давно ты в охране работаешь?

— Три года, с первых дней Проекта, а до того спасателем. С начала катастрофы у нас многие ушли в службу спасения. Отец вот тоже, — и он замолчал, а Аня принялась мысленно ругать себя — опять на неприятную тему скатились. Да у него о чем ни спроси — то секрет, то личная трагедия.

— Думал, что будешь делать после Проекта?

Павел оторвал взгляд от поверхности стола и посмотрел на девушку.

— Женюсь, — неожиданно выдал он. Усмехнулся, глядя, как вытягивается от удивления лицо девушки и пояснил: — У меня большая семья, с десятков кузенов и кузин, тети, дяди. Представь, большой дом на побережье полный народу, где всегда что-то случается и царит кавардак. Кузен Хриф регулярно притаскивал живность со всей округи, и она неизменно расползлась по дому. Кузена Листана постоянно попадала во всевозможные неприятности и вечно чем-то болела. Моей сестре с огромным трудом удавалось подчинить свой дар стихийного мага, и у нас то горело, то затапливалось, то летали предметы по комнатам.

— Весело, — прокомментировала девушка, представляя себе семейку магов. Чужая жизнь болью отозвалась в сердце. Действительно, о чем думала, о чем мечтала? У него своя жизнь, и в ней нет места для девушки из другого мира.

— И кто невеста? Уже выбрал?

— Выбрал, — кивнул Павел, — вот закончим с переселением — сразу женюсь.

Аня с досадой отодвинула от себя недопитую чашку с шоколадом. Непостижимо, как ей мог нравиться настолько сладкий напиток? Отвратительно! Да и весь город с его узкими улочками вдруг сделался противным.

Дура, полная дура... Кто она для него? Девушка из другого мира, часть его работы, можно сказать, курортный роман. Закончилась работа — прощай увлечение. Настроение портилось вместе с погодой. Длинные капли, оставляя полосы, потекли по стеклу. Начался дождь.

— Аня, я чем-то тебя обидел? — напрягся Павел, заметив ее помрачневшее лицо.

— Нет, что ты, — испуганно — а вдруг догадается — принялась

отрицать девушка, ухитрившись даже улыбнуться, — устала просто. Думаю, нам пора.

— Милый город, приятные люди, — бормотала Аня, идя к portalу, косясь на патрулирующих улицы черномундирников. Милый... ведь его безопасность обеспечивается суровыми порядками. Украл, поймали — к палачу. Страшно представить, что у них за более тяжелое преступление положено. Казнили, оживили и снова казнили?

— А вы с Сан Санычем легко отделались, — поделилась она своими мыслями с Павлом.

— Мы не отделались, — смутился маг, — мы честно оставили золото, но кто-то послал за стражей...

— Понятно... развлечения здесь ценятся дороже золота. На вашу казнь весь город бы собрался. И ты не прав. В девятнадцатом на казнь не ходили как в театр, вешали по-тихому или на каторгу ссылали. Впрочем, кормят тут вкусно, — она попыталась быть объективной.

Когда подошли к portalу, Павел остановился, взял девушку за руку. Аня хотела было освободиться, но тело сделалось чужим, отказываясь повиноваться.

— Ань, не знаю, что изменилось между нами, но ты мне по-прежнему дорога.

— Ты не виноват. Просто... жизнь изменилась.

— Я догадываюсь, что это за «жизнь», которая имела наглость встречаться с тобой, — помрачнел маг, — просто запомни — я лучше умру, но не допущу, чтобы с тобой случилось плохое. А что касается Проекта... Мы не идеальны и совершили много ошибок в прошлом.

— И много глупостей, — вздохнула девушка, напоминая себе, что она ему не пара. Щекам и губам стало жарко, словно их натерли перцем. И захотелось большего. Прильнуть к широкой груди, обнять, прижаться, уткнувшись носом, и довериться, как может женщина довериться своему мужчине.

Глупости... одни сплошные глупости в голове. Она стояла так близко, что видела в его черных глазах отражение себя. Потянуться бы, коснуться его щеки, ощутить под пальцами колючую небритость.

И где гордость, когда она так нужна?

Рядом предупреждающе рыкнул Вальди, и Аня с облегчением отвернулась.

— Нагулялись? — Арвель стоял у портала, миролюбиво улыбаясь. В глазах мага читалось явное нетерпение отправиться в восьмой мир.

Последние приготовления завершались, маги обменивались короткими репликами, ждали какого-то растеряху, забывшего важный артефакт.

На душе было мутно, но боль притупилась, заслонившись предвкушением. Сказка готовилась распахнуть последнюю дверь и явить миру замок красавицы или пещеру чудовища. А ей так нужен замок... Чтобы оставили в покое Фиолета, чтобы оставили в покое ее саму и занялись переселением. И чтобы некоторые поскорее исчезли из ее жизни.

Она сжала ладони с такой силой, что ногти впились в кожу. И хотя умом понимала — изменить ничего уже нельзя — проход в мир открыт, но мысленно молила об удаче.

Волнение пузырьками поднималось изнутри, щекотало горло. Страшно не было. Хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

— Готова? — голос Павла за спиной, и в голову полезли ненужные мысли.

Аня кивнула, первой шагнула в новый мир.

Сильно припекало солнце — по голове точно обухом ударили от жары, оглушительно трещали цикады, над головой слышались переливчатые трели невидимой птицы. Над степью волнами колыхалась выжженная трава, под ногами сухой пылью оседала растрескавшаяся от засухи земля, слева, вдалеке, виднелся лес. Больше ничего Аня заметить не успела —

обзор заслонили спины магов.

На взгляд девушки — это было излишне. Куда бы ни дотягивался взгляд, не было видно ни души. Они были одни среди сухих трав местной равнины. Цикады, птица и пришельцы в этот мир.

Через час устроили совещание по первым результатам.

— Отличный мир, — пригубив кофе, докладывал Павел, — прекрасный баланс, можно сказать, не испорченный сильными возмущениями, только в стороне леса мы засекали непонятную аномалию. Разберемся в ближайшее время.

Аня слушала, ловя себя на мысли, что не разделяет оптимизм собравшихся. Интуиция подсказывала, если все идет гладко — готовься к неприятностям, а своей интуиции Аня привыкла доверять.

Девушка вернулась к себе. Хотелось сделать пару набросков. Чужой город разбудил вдохновение, и теперь оно просилось на лист бумаги.

Бутыль самогона немым укором примостилась под окном. Плотно заткнутая, она больше не воняла, но исчезать не собиралась.

«С таким талантом надо научиться дематериализации», — подумала Аня, доставая альбом, а то к бутылки добавится что-нибудь еще, и комната превратится в склад.

— Слышь, Николаевна, — материализовался Сан Саныч. Дракончик все так же сидел у него на плече, не собираясь расставаться с призраком, — с самогоном у тебя хоть и не вовремя, но круто вышло. Может, на поток поставим?

Рука дрогнула, и край крыши вышел кривым.

— Продавать будем? — предложила, исправляя линию.

Сан Саныч задумался, мотнул головой, и встрепанные волосы взметнулись, чтобы опасть венчиком над лысиной.

— Пить!

— Даже так, — выгнула бровь Аня, перейдя к прорисовке башенки, — уж не себя ли, уважаемый, вы записали в главные потребители сего продукта?

— Зря смеешься, — надулся призрак, — я, в молодые годы, на свадьбе брата и не столько выпил.

— Не сомневаюсь, — кивнула девушка, — но сейчас вы, простите за прямоту, только нюхать способны.

Сан Саныч засопел, однако возразить ему было нечем. Дракончик слетел с его плеча, совершил круг по комнате и уселся на пробку бутылки. Вызывающе выгнулся, зашипел.

«Спелись», — вздохнула девушка, ощущая себя заведующей детского сада или психбольницы, смотря с какой стороны поглядеть. Очень хотелось высказаться в духе: «Я тебя породил, я тебя и убью», но Аня сдержалась — что взять с убогих, но линия на рисунке вышла в два раза толще, чем надо.

— Сан Саныч, — она посмотрела на призрак, взвешивая, как бы деликатнее задать мучивший ее вопрос, — а вы помните, как стали таким, ну... вы поняли.

— Хм.

Призрак уселся рядом в кресло, бесцеремонно заглянул через плечо, бросив: «Недурно». Тяжко повздыхал. Пожевал прозрачную губу.

— Знаешь, девонька, все как в тумане. Что-то я помню, конечно, о той жизни, но мало... Помню, жена была и работа. Помню, дом этот купил, мечтал здесь на пенсии жить. Но как жил... не помню, а уж как таким стал — и давно.

Сан Саныча стало жаль, и захотелось сделать что-нибудь приятное для призрака. Старик же не виноват, что переселенцы с ним сотворили такое.

— Хотите кое с кем познакомлю? — предложила, откладывая рисунок.

— Только дракончика лучше оставить дома, боюсь, потеряется он там.

— Давно не заглядывала, — фиолетовая Аня пребывала не в духе, об этом свидетельствовали и скрещенные руки на груди, и взлохмаченные волосы. Аня невольно потянулась проверить свою прическу — нет, вроде такого безобразия у нее на голове нет.

— Один день, — пожала плечами Аня, с раскаянием понимая, что после знаменательного визита к драконам она не зашла сказать спасибо, а надо было.

Но долго дуться Фиолет был не способен, через мгновение его лицо смягчилось, он коротко кивнул Вальди и бросил выразительный взгляд на гостя.

Аня уловила намек и торопливо произнесла:

— Знакомься, Сан Саныч, прежний хозяин порталов, а ныне бессменный хранитель порядка в доме.

«Хранитель» приосанился, расправил плечи, тщетно пытаясь придать остаткам волос на голове хоть какую-то презентабельность.

— Со всем почтением, мадемуазель, — и потянулся поцеловать фиолетовую ручку.

Руку ему со смешком протянули, правда в процессе поцелуя та утратила фиолетовость, посветлела, сделавшись полупрозрачной. И когда Сан Саныч выпрямился, его взгляд уткнулся в столь знакомую рубашку с оторванной пуговицей на воротнике, недоуменно скользнул выше по тощей шее, ввалившимся щекам, добрался до отливающих фиолетовым глазам, один из которых ему нагло подмигнул.

Призрак покачнулся, схватился за грудь, забыв, что никакие потрясения не способны причинить вред его призрачному здоровью.

— Фиолет! — попыталась устыдить шутника Аня, но тот лишь отмахнулся, одними губами прошептал:

— Не мешай.

— Уважаемый, — уже громче и к призраку, — не хотите разнообразить свое нетленное существование?

— Я так выгляжу? — со стоном спросил Сан Саныч, явно не поняв ни вопроса, ни почему мадемуазель вдруг оказалась мужского пола, похожей на него самого, как отражение в зеркале.

— А хочешь выглядеть иначе? — с коварством искусителя спросил Сан Саныч номер два, лихо перейдя на «ты». — Например, вот так.

И пышногрудая голубоглазая блондинка в открытом вечернем платье «Смерть мужчинам» сменила собой Сан Саныча номер два. Секунда — и она стремительно порыжелела, грудь уменьшилась, а в зеленых глазах загадочно замерцали фиолетовые искры.

Хозяин порталов только беззвучно открывал и закрывал рот, онемев от впечатлений.

Аня философски решила не вмешивать. Чем бы ни тешились, лишь бы не пили. И если подумать, Фиолет прав. Ну какая жизнь у Сан Саныча? Коллекцию бутылок собирать? Ерунда, а не занятие. Вот и мается старик от безделья. И надо будет обязательно уточнить, как продвигаются его наблюдения за пятеркой магов и переселенцами, а то дала задание, а вопроса нет. Ей слабо верилось, что из этих наблюдений выйдет толк, и старик, скорее всего, вывалит на нее ворох сплетен, догадок, но сама дала, самой и разгребать, выискивая крупички нужных сведений.

Между тем шок прошел, и в глазах призрака разгорался азарт.

— А Сталина можешь?

Фиолет кивнул и перед ними возник Кощей Бессмертный в классическом исполнении: черные одеяния, обтянутая кожей фигура, по которой можно изучать строение тела, лысый череп и немигающий взгляд.

— Чур меня, — отшатнулся Сан Саныч, сделав поползновение перекреститься. Вальди гавканьем поддержал его мнение о неприятности

объекта.

— Я ошибся? — не выходя из образа, ледяным тоном осведомился Кощей.

Аня могла поклясться, что у нее по спине прошелся холодок и с чего-то вспомнились казематы со средневековой комнатой пыток. Вот же... сила искусства. Знает же, что это Фиолет, а интуиция вопит — деру, Хозяйка, деру.

Сан Саныч отрицательно затряс головой, решив, что указывать такому на ошибку — сущая глупость, причем последняя в его призрачной жизни. К тому же, если подумать, тиран, он и есть тиран. Сказочный там, настоящий...

— Хорошо, — растянул губы в оскале Кощей. Зубы у него оказались вампирского вида — острые клыки кровожадно блеснули на солнце. Сан Саныч продемонстрировал, что бледный призрак — это призрак почти прозрачный, а Вальди вздыбил шерсть на спине, оскалившись в ответ.

— Тебя бы любой театр с руками оторвал, — неодобрительно покачала головой Аня, добавив, без всякой почтительности к тирану: — И кстати, Сталин выглядел совсем по-другому, а то, что ты изобразил зовется Кощей Бессмертный. Должен же помнить, мы про него сказку читали.

Кощей пристыженно опустил голову, и через секунду фиолетовая Аня взирала на всех своими нечеловеческими глазами.

— Я решил, что по вызванным эмоциям этот образ подойдет.

— Почти угадал, но все же Сталин — человек, а не выдуманный герой. И у него вполне конкретная внешность.

— Покажешь? — заинтересовался Фиолет.

Аня обреченно кивнула. Похоже, ученик вырос, и ему пора расширять кругозор. С другой стороны, ну его на фиг это просвещение. Страшно представить, какие выводы он сделает из «Войны и мир».

А потом настал сущий дурдом. Фиолет принялся учить Сан Саныча менять облик, и для этого им понадобилась натура. Вальди не подошел в виду анатомических сложностей, на роль подопытной была номинирована Аня.

Если вам когда-нибудь придется иметь дело с призраком, никогда не позволяйте ему брать с вас проекцию.

Аня сто раз пожалела, что согласилась.

Присутствия чужой сущности было отвратительно до вставших дыбом волос. Затем пришло ощущение замораживающего холода, отголоски эмоций, не ее, дрожь в пальцах, сухость во рту и желание выпить.

Аня встряхнулась, точно собака после купания, и вновь стала сама собой. Выдохнула, скрупулезно проверяя, не осталось ли внутри лишнего. Застарелого алкоголизма, например.

— Молодец, — хлопнул ее по плечу Фиолет, — растешь. Раньше бы не согласилась, а теперь вытерпела и ничего.

И попросил:

— Не поворачивайся, ему нужно еще чуть-чуть времени.

— Не хотела бы я это повторить, — поморщилась девушка, ощущая сухость во рту, — и, кстати, ты мне напомнил кое о чем. Меня тут проинформировали, что я, точно бабочка, вылуплюсь из кокона и во что-то превращусь. Это правда?

Фиолет дурашливо улыбнулся, и Аня сразу же догадалась — нормального ответа не будет.

— Почему бы нет. Найдешь принца, влюбишь в себя, он поцелует и...

— Я серьезно! — обиделась Аня.

— И я серьезно, — парировал Фиолет, только дурашливая улыбка все так же держалась на его губах, — поцелуй — одна из схем перерождения

для нас, сущностей. Ты подумай.

— Я думаю, кто-то чересчур много о себе возомнил и считает нужным морочить мне голову.

— Ой, а тебя ищут, — вдруг напрягся Фиолет, — там что-то случилось. Тебе стоит вернуться, а Сан Саныча оставь, я его потом сам верну. Мы с ним еще поработаем над устойчивостью облика.

Перед тем как уйти, Аня тихонько прошептала:

— Спасибо за помощь. Все получилось.

Фиолет небрежно кивнул, давай понять, что благодарность принята, но он считает ее человеческой условности, а ему, сущности, требуется нечто более значимое, чем просто «спасибо», вот как, например, новый товарищ и новый предмет для опытов.

Стеклянная завеса портала отразила бледную девушку со вставшими дыбом светлыми волосами. Фиолет не ошибся, изобразив ее именно такой, и Аня криво усмехнулась. Что же, с такими друзьями она еще легко отделалась испорченной прической.

ГЛАВА двадцать восьмая

Ее действительно искали. Стоило появиться в зале порталов, как она тут же столкнулась с идущим в ее сторону Павлом. Аня потрепала Вальди по голове и сделала вид, что их встреча — чистое совпадение и ничего больше.

Павел шел быстрым, пружинистым шагом. Черная рубашка обтягивала широкую грудь, и пусть бицепсы на руках не бугрились, Аня помнила, какими сильными были его руки. Одетый в темное маг неуловимым образом напоминал вышедшего на охоту хищника, а хмурое выражение лица намекало, что охота не была удачной.

После сегодняшнего разговора встречаться с Павлом не хотелось. Хотелось зарыться в одеяло, бесцельно повалиться в кровати, посмотреть глупый сериал и съесть полкило мороженого. Ну или нарисовать мага, а

потом порвать рисунок на мелкие кусочки и выбросить из сердца.

Когда-то это работало. Сейчас Аня не была уверена, что у нее поднимется рука на рисунок, не говоря уже о манипуляции с сердцем. Да и как стереть из памяти того, кто постоянно напоминает о себе. Нет, не зря запрещены романы с коллегами. Сколько усилий теперь придется затратить, чтобы не потерять лицо, как говорят японцы.

— Аня, у нас контакт и нужна твоя помощь.

Павел действительно был взволнован, а еще она прочитала на его лице тревогу.

— Что такое? Драконы, русалки?

— Хуже, — скривился маг, и Аня всерьез озадачилась вопросом, что может быть хуже этих тварей, — сама увидишь. Координатор против твоего участия, но по-моему иного выхода нет.

Это было что-то новенькое. Размолвки между Арвелем и Павлом случались и раньше, но он впервые столь открыто не поддержал позицию начальства. Более того, предлагал Ане стать на его сторону.

— погоди, — она ухватила мага за рукав и придержала, — если я правильно догадалась, оно или они — разумные, и вам нужен переводчик.

— Ты не отойдешь от портала дальше трех шагов. Мы спроецируем разговор, так что напрягать слух не придется. И, — разворот в сторону девушки и внимательный взгляд, — не переживай, все будет хорошо.

Она хотела сказать, что нисколько не переживает, что полностью доверяет своему телохранителю, что с ним ей не страшны никакие чудовища, а если еще добавить защиту дома — то можно встречаться с кем угодно, хоть с бабой Ягой, хоть со змеем Горынычем.

— Почему трех? — поинтересовалась, дабы не начать нести вслух крутящуюся в голове чушь.

— На этом расстоянии гарантировано прикрытие защиты порталов, —

пояснил Павел, — так что я тебя очень прошу, без глупостей, хорошо?

Аня даже отвечать не стала. Когда это она совершала глупость? Разве что, когда целовала начальника своей охраны? Так это была не глупость, а надежда. Кто виноват, что не оправдалась? Что некоторые жениться надумали, намекая, на местное для жениха происхождение невесты и наличие у выбранной особы магического дара. Хотя про дар она сама придумала, но, вероятно, догадка недалеко от истины.

С горечи размышлений, в голову пришла мысль о теновом товарище. Давненько она ему не звонила. Опять же тема для разговора есть. Переселенцы ничего не обнаруживают или не хотят говорить, у дракона сквозь иносказания не продерешься, а Фиолет шутить изволит. И никто бедной девушке правды не скажет. А вот теновик единственный, кто не заморочится моральными аспектами правды. Так и скажет: «Товарищ Аня, станете вы в скором времени чудом-юдом о трех головах. Ну или уши у вас вырастут острыми, а лик приобретет неземную, точнее, эльфийскую красоту».

Аня тряхнула головой, прогоняя бредовые мысли. С какого такого бадуна уши? Вон Сан Саныч за два с половиной года ничуть не изменился, так почему она внешне должна поменяться?

— Ань, — тихонько окликнул ее Павел, и девушка вынырнула из размышлений. Они стояли перед порталом, — слушай внимательно. Их семеро. Магия есть, но очень странная. Чем-то напоминает, — маг нахмурился, взъерошил волосы, — забудь, не важно. Главное, три шага и стоишь. Что бы ни случилось, ты остаешься на месте, а при первой же опасности уходишь в портал. Я серьезно, Ань. Если с тобой что-нибудь произойдет, я себе этого не прощу.

Дорого бы она отдала, чтобы услышать эти слова, когда все закончится. Когда они перестанут быть подопечной и телохранителем, когда их не будут связывать рабочие отношения, и она обретет свободу, а переселение завершится. Когда... некоторые товарищи с зеленой кожей не будут стоять полукругом на расстоянии примерно тридцати метров от портала и нервировать магов одним своим видом. Кстати, об ушах.

У зеленых товарищей они были нормальными, а вот все остальное... В

белые волосы, отдельные пряди которых были выкрашены в красный, желтый и синий цвета, были вплетены стебли каких-то растений, что очень походило на прически северо-американских индейцев, одеяния же отсутствовали полностью. Срам прикрывало странное облачко, явно магического рода. Ростом товарищи были метра три, не меньше, и, если судить по их сухощавым, костлявым телам, туземцы относились к друидам-великанам, случайно выкупавшихся в растворе зеленки. Сходство дополняли шесты в руках, а также венки из сине-желтых цветов на шеях и запястьях. Полный натурализм.

«И стоило наводить панику? — размышляла Аня, всматриваясь в зеленых. — Оружия нет, вид созерцательно-отрешенный, точно как у цапли, явившейся проверить, кто там копошится на краю ее болота. Ясно же, что граждане сосуществуют в полной гармонии с природой и агрессия им не свойственна, если только не трогать их обожаемую природу. А вот тут начинаются варианты...»

— И давно стоят? — шепотом спросила Аня, когда лимит «три шага вперед и ни шагу больше» был исчерпан.

— Минут сорок, — вполголоса ответил Павел, добавив с завистью: — Ни разу не пошевелились. Как возникли, точно из воздуха, так и стоят, не шелохнувшись.

— И молчат?

— Мы пытались заговорить, но без толку.

Арвель, стоящий в метрах пяти, заметил наконец новое лицо, чье присутствие на переднем крае было возмутительной безответственностью и пренебрежением должностными обязанностями, о чем маг и поведал, вежливо обойдясь без тыканья носом в нарушение владельца этих самых обязанностей, и удовлетворившись красноречивыми взглядами.

— Аня, раз уж вы здесь, умоляю, без подвигов.

— Ни шагу вперед, только назад, — сыронизировала девушка, но иронию никто не оценил. Более того, маги переглянулись и, кажется, остались довольны ее понятливостью.

— Мне нужно, чтобы они заговорили, — напомнила Аня, но аборигены сами нарушили молчание.

Их речь не звучала, а текла медленной песней, и, отвечая, девушка чувствовала, как не хватает музыкального образования, как стонут связки, пытаюсь воспроизвести напев, как убого звучит ее исполнение по сравнению с оригиналом.

Случившееся следом за первыми же ответами прекратило издевательство над связками, сделав неважными и перевод, и сами переговоры. Все заняло пару секунд, не больше.

Раз — и из травы выросла еще одна зеленая фигура с луком в руках, раз — и натянутая тетива отправила в полет стрелу.

Сбоку раздался крик, Аню толкнули и, падая, она вздрогнула всем телом от резкой боли в плече, и удар об землю встретила, потеряв сознание.

Павел припарковал машину в знакомом дворе, огляделся, но не заметив ничего подозрительного, направился к подъезду. Нервно размял пальцы — работы предстояло много, а ментальное воздействие никогда не давалось ему легко. И послать больше некого — Клавдия Петровна его знает, а значит и внушению поддастся быстрее.

Он поднялся наверх и встретил женщину, открывшую на звонок дверь, широкой улыбкой.

Червячок беспокойства шевельнулся внутри, когда он выходил, и шаг замедлил шаг, вглядываясь в тени, притаившиеся по углам двора. Его пугала не сама темнота, а то, что она могла скрывать. Натренированный взгляд нащупывал любые аномалии и... ничего не находил. До припаркованной машины оставалась пара десятков шагов, однако Павел не торопился. Если тот, кого он почувствовал, здесь, уйти не удастся.

— Старейше, — нагло прокомментировали за спиной.

Павел шумно выпустил сквозь зубы воздух, мысленно послал шутника в долгое путешествие и неспешно, с достоинством обернулся. Дергаться

было бесполезно. Хотел бы — напал.

— Что с Аней? — спросил Тагир, не дожидаясь, пока коллега выдавит из себя что-нибудь более рациональное, чем характеристики его родословной.

Пауза. Удивление. Замешательство — как узнал?! И два варианта решения: послать или соврать.

Павел поставил сумку с вещами на тротуар.

— Тебе какое дело? — дернул плечом, выбрав первый вариант. — Я перед тобой отчитываться не намерен.

В нормальном мире здесь последовала бы демонстрация аргументов убеждения, но светить подобным на виду у сотни свидетелей, отдыхающих дома после трудового дня, было бы полным идиотизмом. Оружие, которое Павел так и не удосужился приобрести, так же не подходило из-за шумности. А все остальное, хоть тот же яд, требовало подготовки и уединенности.

Не то что магия. Ты ему чистой силой, чтобы щиты прогнулись, а он в ответ что-нибудь замораживающее и острое. И так, пока щиты держат, а там... по обстоятельствам. Не все решает сила, многое зависит от правильной комбинации защита-нападение и затраченных на их создание усилий.

Судя по тому, как Тагир скривился, бросил раздраженный взгляд на окна, покрутил головой, но остался стоять на месте — думал он в том же ключе, а кидаться друг на друга с кулаками — сущее баловство, только местных стражей порядка дразнить.

— Что с Аней? — угрожающе повторил коллега и неожиданно сменил тон: — Она жива?

Павел удивленно моргнул, пристально всмотрелся в лицо Тагира, озадаченно размышляя на тему: «Чуждо или нет теневикам что-нибудь человеческое», а так же «Откуда такая внезапная озабоченность?», а главное, «Как прознал, тень плешивая? Следил?»

— Аня не берет трубку. Ты приехал один и забрал ее вещи. Надеюсь, вы не угробили Хозяйку?

Павел хотел было послать коллегу с его расспросами — не для него информация, да и признаваться в проблеме было неловко — почти угробили, но теневик смотрел с отчаянием, и его на мгновение стало жаль.

— Жива Хозяйка, — проговорил, удивляясь своей откровенности, — у нас были, эм, затруднения, но сейчас все хорошо.

Поднял сумку с земли, сделал шаг в сторону, обойдя коллегу по дуге. Тагир останавливать не стал, и Павел уверился — стычки не будет. Одна его часть этому обрадовалась — не до драк, когда с Аней такое, а другая была не против спустить пар. Напряжение последних суток вымотало до предела, и хороший бой с достойным противником, а достоинства Тагира как бойца он успел уже оценить, был бы кстати. Но... достаточно уже глупостей.

Тагир проследил, как машина скрылась за углом дома, сунул руки в карманы и поежился. Пока он караулил Павла, успел закоченеть. Жаль, что сегодня болотник выглядел пришибленным, даже совестно стало его на драку раскачивать. И что там у них произошло, если этот аппендикс магии приуныл?

Тагир мог припереть коллегу к стенке, мог взломать ментальную защиту и покопаться у него в голове, но на прямое противостояние идти было рано. Так и вышло, что он не стал рассказывать, как ночью примчался из Москвы, получив тревожный сигнал от следилки — простенького и плохо отслеживаемого заклинания — три раза в сутки отправляющей ему данные о самочувствии Ани. Как попытался проникнуть в квартиру — это удалось, а вот дальше защита не пустила. Как поставил ловушку здесь, справедливо полагая, что у Клавдии Петровны кто-нибудь да появится.

— И как мне тебе помочь, девочка? — пробормотал Тагир, легонько подпрыгивая на месте.

Женщина с собакой неодобрительно покосилась на него, но скандал устраивать не стала. Открыла дверь подъезда, прошмыгнула внутрь,

закрыться двери помешал вставленный в щель ботинок мага.

— Кто там? — спросила из-за двери Клавдия Петровна и удивленно охнула, услышав в ответ:

— Жених вашей дочери.

Заскрежетал замок — и чуть полноватая женщина в домашнем халате с полотенцем на плече ошарашенно спросила:

— Как? Еще один?

Тагир мысленно взвыл, пожелав одному шустрому мгновенно сдохнуть и самому там же при копатье.

— Бывший, — потупился он, изображая величайшую скорбь на лице, — мы расстались три дня назад.

— Заходите, — махнула полотенцем Клавдия Петровна, пропуская гостя внутрь. Не на лестнице же обсуждать личную жизнь дочери.

На кухне вкусно пахло сдобой, а еще здесь было уютно, тепло и любовь чувствовалась в каждом предмете обстановки. Тагир позволил себе опереться о стену, прикрыть глаза и расслабиться, открывая дорогу к чужим эмоциям. Кольнуло сожалением — не его кухня, не его семья, не его любовь, но он сделал выбор, подписывая контракт на работу в другом мире. Поздно менять.

— Так что у вас произошло с Аней?

Ароматный чай струйкой наполнял высокую стеклянную кружку, на тарелке остывал внушительный кусок пирога, и размякший от тепла маг с трудом понял, о чем его спрашивают.

— Вы — умная женщина, Клавдия Петровна, сами понимаете из-за чего расстаются большинство пар — из-за ерунды. А тут еще соперник. Надо было сделать выбор и, увы, Аня сделала его не в мою пользу. Право жаль, я бы хотел иметь такую тещу как вы, — и он откусил кусок пирога, в блаженстве прикрывая глаза.

Несостоявшаяся теща засмушалась, и ямочки на щеках сделали ее еще милее. «Лет бы на тридцать моложе была и женился бы», — подумал Тагир, облизывая пальцы.

Засмушалась, но сбить себя с толку не позволила.

— Если вы надеетесь, что я смогу повлиять на Аню, то пришли зря. Моя дочь — самостоятельная женщина, и решения принимает она. Могу посоветовать одно: напортачили — исправляйте. У Анечки доброе сердце, и она многое может простить. Впрочем, на мой взгляд, ваши усилия бесполезны. У вашего соперника, эм, устойчивое положение.

— Это как раз не проблема, — самоуверенно заявил Тагир, — и положение можно исправить, и устойчивость пошатнуть. Меня беспокоит другое. Ваша дочь со вчерашнего дня не выходит на связь.

Пирог нещадно отвлекал, и его пришлось отложить. Костеря про себя самоучек, которым икота для внушения доверия нельзя, не то что человека, Тагир слоем за слоем снимал ментальное воздействие.

— Почему не выходит? Она вчера смс-ку прислала, что осталась ночевать дома — срочная работа, а сегодня, что их в командировку отправляют, и за вещами Павла прислала.

— Павла, — фыркнул Тагир, — а собаку в командировку они тоже забирают? И какая такая срочная работа не позволила вашей дочери заехать за вещами самой? А спали, милейшая Клавдия Петровна, вы сегодня хорошо?

Женщина побледнела, положила руку на левую грудь, и маг, выругавшись, — надо было сразу проверить объект на больное сердце — принялся снимать приступ. Снял. Понизил уровень тревоги. Вспомнил о пироге, с которым не сравнится ни одна ресторанный выпечка, и в благодарность провел тщательную диагностику сердца. Убрал тромб, почистил сосуды, исправил одно защемление. Целитель из него был так себе... примерно, как из «жениха» менталист, но кое-что он мог.

Лицо больной на глазах теряло бледность, и Тагир перевел дух. Не

хватало еще угробить маму хозяйки.

— Драгоценнейшая Клавдия Петровна, как вы смотрите на то, чтобы прогуляться в гости. Заглянем к Ане, убедимся, что все в порядке. Я постою в сторонке и даже могу помолчать, а потом отвезу вас домой. Идет?

Клавдия Петровна рассеянно потерла лоб, прислушалась к себе, но повода для тревоги не нашла — сердце угомонилось и больше не болело. Внимательно посмотрела на сидящего за столом молодого человека и обратилась к интуиции. Интуиция высказалась в том ключе, что хоть товарищ имеет большой опыт уговаривания женщин, но зла не желает и действительно беспокоится за дочь. Его слова словно сорвали невидимую плотину — и все страхи, забытые за последние дни, всколыхнулись вновь. Но голову она все же не потеряла и еще сомневалась.

— Хотите позвонить? — молодой человек точно читал ее мысли: — Не советую. Если случилось то, что я думаю, ваша дочь в опасности и звонок может ей навредить.

— Едем, — кивнула она, решительно вставая с места.

Огромная черная машина вызвала неприятные воспоминания, но Клавдия Петровна мысленно послала их прочь. Какие воспоминания, когда речь идет о дочери?!

Доехали быстро. На звонок домофона никто не ответил, а потом пискнула очередная смс-ка. «Спасибо за вещи, выезжаем завтра рано утром. Связь будет плохая, не звони».

Тагир так выразительно хмыкнул, прочитав текст через плечо, что у Клавдии Петровны затряслись руки, и она с огромным трудом выудила из сумки комплект ключей, на всякий случай оставленный дочерью им с отцом.

Ключи у нее отобрали, и правильно. Руки дрожали, и Клавдия Петровна сомневалась, что попадет ключом в замочную скважину.

Квартира дочери встретила запахом свежего ремонта и... пустотой. Женщина быстро заглянула в комнаты, на кухню, хотя все уже было

понятно, когда дочь не ответила на ее оклик с порога. Ни Вальди, ни Павла, ни Ани, ни вещей. Квартира была нежилой.

Паника собралась в груди тугим комком, голова загудела, а в ногах появилась предательская слабость. Мысли метались между: версиями — одна хуже другой и попытками сообразить, кому звонить в первую очередь

Предложение Тагира заглянуть в кладовочку, она восприняла как издевку, но все же заглянула — чисто из желания сделать хоть что-нибудь.

Заглянула и обмерла — там, где должна была быть стена или полки с хламом, был проход, в который виднелся большой зал. Слишком большой для скромной питерской панельки.

Тагир, буквально дышащий ей в затылок, одобрительно произнес:

— Так я и думал.

А потом ловко ухватил за талию и буквально внес остолбеневшую от удивления Клавдию Петровну внутрь.

Зал действительно оказался большим и чем-то напоминал бальный — с уютными диванчиками вдоль стен, с арочными проходами и высоким, светлым потолком. А еще в нем стояли несколько мужчин.

Клавдия Петровна внезапно оробела и ощутила себя полумойкой, попавшей в дворцовую залу без приглашения. Впрочем, мужчины были одеты не как принцы. Кое-кто носил рубашки и штаны, а часть вырядилась в плащи, с которых, к безмолвному неодобрению Клавдии Петровны, на пол натекала грязная лужа.

Их появление заметили. Более того, отметили и приготовились к чему-то нехорошему. Иначе с чего-бы воздух потяжелел, а проснувшаяся интуиция завопила об опасности. Тагир вдруг оказался впереди, заслоня обзор.

Ситуацию спас незнакомый мужчина, вышедший из соседней арки. Вот кому, на взгляд Клавдии Петровны, корона была не нужна. Благородное происхождение легко читалось в чертах лица.

— Клавдия Петровна? — удивился он, разглядев, кого прячет за собой Тагир: — А что вы тут делаете?

Ответить Клавдия Петровна не успела, незнакомец быстро справился с удивлением и тут же переключился на ее спутника.

— Так-так, — произнес он, с неодобрением разглядывая Тагира, потом скользнул взглядом дальше и нахмурился.

— Уважаемые, — вкрадчивым тоном продолжил мужчина, обращаясь к стоящим в центре зала, — мне только кажется или вы на самом деле собрались встречать гостей, мало того что в зримом облике, — при этих словах часть мужчин, а пятеро из них показались женщине братьями — настолько были похожи, начала мерцать, на глазах теряя плотность, — так еще и с незнакомым для наших гостей оружием. Поправьте меня, если я не прав?

Мерцание прекратилось, мужчины спешно восстанавливали физический облик. Видимо, до них дошло, что становиться невидимыми на глазах начальства — не лучшая затея.

— А если бы милейшая Клавдия Петровна пришла к нам в гости, ну скажем, с товарищами из ОМОНа? — продолжал разнос подчиненных мужчина. — Вы бы точно так же среагировали? Кто отвечает за охрану данного портала? Ко мне в кабинет. Остальные по местам, — и добавил, еле слышно: — Нашли перед кем позорить...

Двое мужчин спешно отделились от остальных, оставшиеся мигом рассредоточились по периметру, одетые в плащи отправились грязнить пол куда-то в другое место, пятерка неспешно и с достоинством удалилась.

— Драгоценнейшая Клавдия Петровна, — расцвел улыбкой мужчина, переключая внимание на гостью, — разрешите представиться — Арвель, координатор Проекта. И хотя наше знакомство планировалось позднее и при несколько иных обстоятельствах, — «обстоятельства» крутил головой, делая вид, что намек на свою особу не понял, — я очень рад встретиться с такой замечательной женщиной. Вы же не откажитесь выпить со мной чай и все обсудить?

Клавдия Петровна мало что поняла, но тяжелый недобрый взгляд, который главный направил на Тагира, ей совершенно не понравился. Пусть парень и был в чем-то неправ, когда затащил ее сюда, ничего не объяснив, но он — бывший жених дочери, почти родня.

Да и какой чай, когда она пришла совсем за другим.

— Клавдия Петровна?

Павел шел к ним быстрым шагом, затем его взгляд зацепился за стоящего рядом Тагира, и он выдохнул с ненавистью:

— Ты!

— Я, — согласился тот, и Клавдия Петровна подумала, что соперничество налицо. Она невольно сравнила двух несомненно достойнейших молодых людей, пожалев, что знает каждого так мало, и хотя Тагир был симпатичнее внешне, Павел вызывал больше доверия и уверенности. А когда речь шла о мужчинах, Клавдия Петровна, по собственному опыту, выбирала надежность.

Павел быстро сориентировался и благородно предоставил сопернику шанс уйти.

— Убирайся.

Тагир сделал вид, что оглох. А вот Клавдия Петровна подобралась и попыталась прикрыть материнской грудью этого непутевого, но в чем-то симпатичного парня. Попытка не удалась, Тагир выдвинулся вперед и ехидно осведомился:

— Как думаете, многоуважаемый Арвель, ваши смогли бы укрыться щитами от гранаты? И в рукопашной, уж простите, я бы поставил на ОМОН.

— А ты бы прятался за их спинами, пока мы выясняли кто сильнее?

Клавдия Петровна неодобрительно поджала губы. Перепалка не

красила обоих, к тому же они теряли время.

— Где моя дочь?!!!! — ее голос, эхом прокатившийся по залу, сделал бы честь командиру отряда ОМОН, того самого, которым Арвель пугал подчиненных.

Координатор застыл, легкая бледность легла на его красивое лицо, а в светлых волосах вдруг оказалось полно седины.

— Где моя дочь? — уже спокойнее повторила вопрос Клавдия Петровна, сердцем чуя, что она на верном пути. Какой к черту чай, когда ей правда нужен ОМОН, чтобы прижать этих любителей чая к стенке. Рядом Тагир одобрительно поднял палец вверх, а Павел вдруг съежился, сделавшись похожим на нашкодившего мальчишку.

— Успокойтесь, Клавдия Петровна, ваша дочь наверху, в комнате. Она отдыхает и беспокоить ее сейчас не стоит. Давайте подождем, когда она проснется, а пока я готов ответить на все ваши вопросы и угостить чаем.

Слова координатора непонятного какого Проекта звучали убедительно, но вид Павла с ними резко контрастировал. Да и с чего бы Ане отдыхать днем?

— Она больна? — спросила резче, чем следовало. — Я — врач. Если Аня больна или пострадала, мы теряем время. Отведите меня к ней, и как можно быстрее.

Арвель с сумрачным лицом вздохнул, ну точно лечащий врач перед настойчивым родственником пациента и наконец согласился:

— Хорошо, раз вы настаиваете...

— Ани в комнате нет, — быстро перебил его Павел.

Сердце Клавдии Петровны ухнуло в холодный омут, виски сжало.

— Как нет?

С координатора слетел весь его налет аристократичности, и сейчас

перед Клавдией Петровной был пожилой, усталый и вконец запутавшийся мужчина, да еще и сомневающийся в душевном здоровье подчиненного.

Тагир смотрел на все это с возрастающим интересом.

— Просто нет и все. Комната пуста. Никаких следов.

На какое-то мгновение воцарилась тишина, и Клавдия Петровна все больше обретала уверенность в понимании: с дочерью случилось нечто страшное, и от нее это скрывают. Ей уже казалось, что Ани в комнате нет и не было, все происходящее обман. Вдруг ясно вспомнились слова Андрея о пяти трупах, и мерзкий холодок пополз по спине.

Клавдия Петровна оглянулась, проход в квартиру дочери казался последним якорем здравого смысла. Метнуться туда, позвонить, вызвать помощь и вернуться с ОМОНОм. Пусть разбираются, кто кого и как встречать должен, а главное — куда они дели ее дочь.

— Клавдия Петровна, — голос главного был усталым и оттого бесцветным, — не надо никуда звонить и никого звать на помощь. Анечка не первый раз пропадает. Будем надеяться, скоро появится.

Губы Тагира искривила насмешка. Он открыл было рот, чтобы высказать нелicenseприятное мнение о самонадеянных оптимистах, но Клавдия Петровна не дала, ухватила за рукав, требовательно дернула и указала на правую стену. Там стояла копия Тагира, чуть бледнее оригинала, но вполне узнаваемая.

Тагир крякнул, прищурился и явно сделал что-то, так как фигура дрогнула, пошла рябью, но быстро восстановилась и продемонстрировала народу средний палец.

— Сан Саныч, — укоризненно взвыл главный, переживая очередной позор от подчиненных перед гостями.

— А что сразу я? — возмутился двойник и плавно поплыл от стены. Именно поплыл. Клавдия Петровна снова вцепилась в отпущенную было руку Тагира. Голос у призрака был старческим, дребезжащий и совсем не тагировским. — Он первый начал. У меня миссия. Практически спасение

мира, а этот в меня...

— Мои глубочайшие извинения, сразу не признал, — Тагир натянул маску раскаяния на лицо, — не ожидал, что вы можете менять облик.

— Многие не ожидали, — призрак недобро посмотрел на стоящих мужчин, обогнул их, направился к Клавдии Петровне. За виснув перед побледневшей женщиной, он вдруг стремительно начал терять плотность, становясь все более прозрачным. Но это было полбеды, на внешность Тагира кусочками мозаики наслаивался истинный облик призрака, и бедная женщина с ужасом смотрела на двоящийся нос, то черные, то зеленые, то серые глаза, на седеющие и выпадающие волосы. А когда это приложило руку к груди и произнесло нараспев: — Сражен прямо в сердце, мадам. Позвольте засвидетельствовать, — и потянулось к ней, Клавдия Петровна ощутила, что хватит. В голове зашумело, пол качнулся, и последнее, что она запомнила, подхватившие и не давшие упасть руки.

— Если я бесплотен, то и разволноваться перед красивой женщиной не могу? — оправдывался призрак, вися чуть в отдалении от склонившихся над жертвой его красноречия мужчин. — Подумаешь, концентрацию потерял...

— Ты бы лучше помолчал, а? Пока не развеяли, — недобро посоветовал Павел.

— А лучше вообще исчезни, — поддержал его Тагир, — мне и то было противно смотреть на себя, то есть на твое извращенное видение моей внешности. И запомни, в следующий раз вместо концентрации себя потеряешь, причем навсегда, понял?

Отвечать Сан Саныч посчитал ниже своего достоинства. Покрутился вокруг, потом не выдержал.

— А с ней все будет в порядке?

— Если бы некоторые не переборщили с внушением, — начал было Тагир, но Павел тут же вмешался.

— Если бы некоторые не полезли его снимать...

— Тихо! — рявкнул Арвель. Оба мага притихли. — Одного тут вообще быть не должно, а второй уже заработал предупреждение. Мало?

Призрак захихикал, почувствовав себе отомщенным.

— И кстати, — Арвель поднялся с колен, обратив внимательный взгляд на подобравшегося разом Сан Саныча, — про какую миссию ты говорил?

Призрак поскущел, попытался сделать важный вид, но под взглядами трех мужчин сдулся проколотым шариком.

— Велено было передать, чтобы панику не устраивали, искать не бросались, сама вернется, как все сделает, а если скучать начнете — могу показать, где бесценное хранится, — и он радостно потер ладони.

— Под кроватью? — хмыкнул Павел и отвернулся к Клавдии Петровне, чья голова лежала у него на коленях. Женщина вот-вот должна была прийти в себя.

— Ах ты ж... — всплеснул руками Сан Саныч и помчался проверять тайник.

ГЛАВА двадцать девятая

Яркое солнце светило в глаза, кожу жгло, пересохшее от жажды горло саднило при каждом вздохе, голова раскалывалась, плечо тянуло тяжестью, а внутри него, казалось, горел огненный штырь. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулась бескрайняя пустыня, шептал песок, перекатываясь под легким ветерком.

Аня не знала, где она и как сюда попала. Знала, выбраться не получится — камень надежно придавливал левое плечо, и оттого по телу шли волны мучительной боли. Ни двинуться, ни свернуться калачиком, обнаженное тело безвольно лежало под палящими лучами. Пересохшие губы. Распухший язык. Тягучий туман в голове вместо мыслей. Напряженное ожидание очередной волны боли, а затем крепко сжатые зубы, темень в глазах и стон.

— Вот куда тебя занесло?

Молодой голос проник сквозь завесу тумана, после приступа Аню накрыла слабость и сил открыть глаза, чтобы рассмотреть, кто там явился за ее душой, у девушки не осталось. В том, что она умирает, сомнений не было. Никаких эмоций, кроме ожидания избавления от боли, Аня не испытывала, лишь легкое сожаление, что все закончится так быстро.

— Жарковато. Если ты не возражаешь, мы побеседуем в другом месте.

Даже если бы Аня и возражала, высказаться сил у нее все равно не осталось.

Тяжесть с плеча исчезла, даря невыразимое облегчение, а потом легкий ветерок прошелся по обнаженной коже, снимая налет зноя. Ветер пах травой, летом и жизнью. Аня потянулась за ним, оживая. Призрак костлявой за плечом тускнел, уступая жажде жизни. Ресницы дрогнули, глаза приоткрылись, и в этот момент девушку подняли на руки, и тело оказалось прижатым к мужской груди. В нос ударил цветочный запах гирлянды, висящей на шее незнакомца. Цветы были крупными, красными, их одуряющий аромат дарил горьковатую сладость, окончательно прогоняя мысли о смерти.

Ее держали бережно, и Аня дремала, покачиваясь на руках мужчины, точно ребенок на заботливых руках матери. Боль не ушла окончательно, она притаилась, словно зверь, испуганный появлением охотника.

Яркое солнце сменил полумрак, лесные запахи окружили, теребя, заставляя вновь открыть глаза. Увиденное разом прогнало сон. Они были в лесу. Гигантском, очень старом, с серебристой листвой, седеющими лианами, сплошь усыпанными яркими цветами, отчего деревья казались старушками, одетыми в цветастые сарафаны и покрывшие головы платками.

А незнакомец шагал по листьям так, словно те лежали на земле. И на каждый его шаг возникал новый лист, да не просто возникал. Трепетал от нетерпения, дабы его коснулась нога мужчины. Цветы поворачивались к ним, провожая, лианы тянули серебристые плети. По лесу шел хозяин. И

Аня знала еще одного, пользующегося такой же любовью леса. Вот только там ценили фиолетовый цвет, а здесь было затухающее разноцветье.

— Здорово тебя зацепил мой сын, девочка.

Голос у незнакомца был молодым. Он звенел ручьями, шумел ветром. И Аня прикрыла глаза, пытаясь на слух уловить, что именно показалось ей в нем странным. Звучание? Нет. Эхо? А может, то, что она действительно почувствовала себя рядом с ним маленькой девочкой?

— Сейчас станет легче.

И ее бережно опустили в воду. Лист, изогнувшийся купелью, был полон чистой прохладной воды. Аня подняла руку, провела по лицу, облизала губы. Сложила руки ковшиком, напилась. Хорошо. Истинное блаженство, когда нигде ничего не болит.

— Это сон? — спросила требовательно, разглядывая спасителя. Был он не меньше трех метров роста, белые волосы заплетены зелеными травами, на шее гирлянды цветов, ниже пояса и до колен коричневые побеги плотно обвивали тело. Светлая кожа слегка отдавала зелению, на этом все сходство с человеческим и заканчивалось. Аня заглянула в глаза и потерялась... Там, в мерцающей глубине, рождались и умирали вселенные, там жила мудрость, до какой ей никогда не дойти. Не в этой жизни точно.

Незнакомец присел на корточки, погладил ее по голове.

— Умная девочка, но слишком любопытная.

Брызги в нос — и она резко вынырнула из транса.

— Тебя нужно было найти.

— Зачем?

Собственная нагота вдруг стала неудобной, Аня приподнялась, села. Поймала понимающую улыбку незнакомца.

— Смешная, — протянул он, растягивая губы. Если это и была улыбка,

то... очень странная.

— Это сон, — напомнил вдруг.

Девушка нахмурилась, но идея, как обычно, лежала на поверхности. Сначала появились джинсы и рубашка, потом, после секундного раздумья, их сменил закрытый купальник и длинное парео.

— Вы меня вылечили?

Мужчина ответил грустным взглядом, покачал головой.

— Я всего лишь подарил тебе сон. Чтобы исцелиться, ты должна прийти ко мне. Мой неразумный сын ждет тебя у прохода. Он желал отправить тебя искать, но я запретил.

Аня представила зеленокожего в зале порталов и поежилась. Гадать, кто там останется в живых не хотелось. Мысли о магах зародили подозрения. Ей почудился голос Арвеля, въедливо уточняющего:

— Зачем вам меня спасать?

— Чтобы ты спасла моих детей.

Купальник сменился деловым костюмом, тот мгновенно намок, но девушка не обратила на неудобство никакого внимания.

— Каких детей?

— Ты их видела, один из них отравил стрелой твое тело.

Брови у девушки поползли вверх. Отличное предложение. Спасать тех, кто пытался тебя убить, а если в процессе спасения они прикончат ее окончательно?

— Не бойся моих неразумных детей, они не причинят тебе вреда. Но вернуться придется. Твои друзья не смогут тебе помочь.

Вот так. Коротко и ясно. Она действительно умирает, и только этот

странный тип с зеленой кожей сможет ее вылечить, а до него еще добраться надо. Или не надо? Это же сон... Что может присниться в бреду?

Ее снова погладили по голове, утешая.

Мужчина наклонился, мягко коснулся губами лба.

— Пора.

И легко надавил на голову, заставляя погрузиться под воду. Она забилась, поднимая брызги, хватаясь за руку, держащую ее голову под водой. Куда там! Руки у этого были точно каменные. Не оторвать, не сдвинуть. И только когда круги поплыли перед глазами, Аня провалилась куда-то в темноту, услышав родной и любимый голос Павла:

— Кризис миновал.

Другой голос тут же возразил:

— Нет, я так не думаю. Жар пропал, воспаление ушло, но рану закрыть не удалось. Мы лишь удерживаем болезнь от распространения, но лечению она не поддается.

Молчание. И тот же голос продолжил:

— Не вини себя. Ты сделал больше любого из нас. Заметил стрелка, убрал девушку с линии атаки. Если бы не ты, стрела ударила бы точно в сердце, и Хозяйка гарантированно была бы мертва. А с того света, сам знаешь, даже мне достать не под силу.

Странное дело, ей было не страшно. Она находилась на волосок от смерти, но это знание не вызвало паники. Аня чувствовала, как невидимые льдины наползают на тело, замораживают, не давая пошевелиться и сказать хоть слово. Девушка сделала попытку пошевелиться, однако тело не отозвалось, оно было точно чужим. Не повиновался ей и голос, лишь слух связывал с внешним миром, да мысли текли, лениво толкаясь словно коряги среди льдин.

— Но что-то сделать можно! — в голосе Павла звучало отчаяние.

— Что-то можно, — согласился Арвель, его голос она тоже узнала, только целитель был незнаком, — ничего не замечаешь?

Снова молчание — и раздраженное:

— Что можно заметить без анализа? Мы и так знаем, стрела пропитана неизвестным ядом, скорее всего, органического происхождения. Эльтар, ты обещал, твои ученики займутся поиском противоядия.

— Уже занимаются. Но давайте послушаем уважаемого Арвеля. Вы что-то обнаружили, коллега?

— В том то и дело, я сам не понимаю, обнаружил что-то или нет, впрочем, энергетика данного куска дерева кажется мне смутно знакомой. Раз кризис миновал и состояние хозяйки стабильно, я, пожалуй, отлучусь ненадолго. Навещу кое-кого, дабы развеять сомнения.

Звук шагов — и снова голос целителя.

— Я тоже пойду проконтролирую, как идет поиск противоядия. В ближайшие пару часов состояние больной будет стабильно, в моем присутствии нет необходимости. Если придет в себя, напоить отваром.

— Хорошо.

И снова тишина. Аня трепыхнулась, куда там. Льдины и стывшая вода обездвиживали надежно.

Тепло. Его руки обхватили ее ладонь. Горячее дыхание отогрело кожу, защекотало, вкалывая невидимые иголки, и лед неохотно, по сантиметру, начал отступать.

— Если бы можно было поменяться жизнью, я бы с радостью отдал свою за тебя. Какая без тебя жизнь...

Молчание. Горячее дыхание на ладони.

— А я, дурак, размечтался. Вот построю дом в новом мире, рядом с

порталом. Шумновато, конечно, но со временем наладится. И сам, своими руками, отделаю детскую, а лучше сразу две или три. Познакомлю с семьей. Отпразднуем свадьбу. Можем у тебя или в двух мирах по очереди. Обязательно позовем твою семью, и я извинюсь за ложь.

Еле слышный всхлип.

— Если захочешь, я переверну все миры, пойду против Конгресса. Если понадобится, буду убивать. Сделаю все, лишь бы ты была счастлива. Я готов умереть, только не оставляй меня. Только живи.

Горячие капли плавил лед, и Аня уже могла шевелить пальцами. Свадьба, дом, миры, убийство. Слова проходили, не задерживаясь в сознании. Она знала одно — надо встать, подняться и вернуться к трехметровому мужику, потому что только он сможет ее спасти.

— Единственная моя, зачем мне жить, если ты умрешь. Зачем дышать, если я больше не увижу тебя. Уйдя, ты заберешь мою жизнь. Я последую за тобой, чтобы охранять и там.

Прерывистое дыхание, еле слышный всхлип. Горе Павла разбивало ей сердце, а она даже ответить не могла.

— Прости меня. Прости. Я не должен был. Моя самоуверенность сгубила тебя. Но я исправлю. Вернусь и убью того, кто посмел поднять на тебя руку. Моя смерть не будет напрасной. Я заберу с собой эту сволочь. Никогда не понимал тех, кто мстит за гибель близких. Теперь начинаю. Как подумаю о том, что не увижу тебя, не услышу твой смех, так сердце разрывается на части и перед глазами темнота. Внутри жжется и требует крови, его крови. Прости, единственная, я знаю, ты не любишь убийство, но только оно сможет погасить пламя ненависти и дать мне спокойно вздохнуть. А потом можно и к тебе. Обещаю, ты недолго будешь одна. Я только исполню свой долг и догоню тебя на тропе вечности.

Молчание. Рвущая душу на части тишина, а потом через сотню ударов сердца чей-то смутно знакомый голос.

— Павел, вас просит к себе Эльтар. Ему требуется помощь и срочно.

Пара мгновений, и спокойным, уверенным голосом маг отдал распоряжение:

— Останешься тут, я быстро.

Звук удаляющихся шагов, тишина, чей-то облегченный вздох:

— Уффф, пронесло.

И уже знакомый голос Сан Саныча с таким родным ворчанием наполнил комнату:

— Слышь, девка, ты давай приходи в себя быстрее, а то мне за подобные фокусы три шкуры спустят.

Шуршание, резкий запах.

— Как он говорил, это под нос, а это на руки. Или наоборот? Вот же склероз, будь он неладен.

Волна вони проникла в нос, вынесла все льдины из мозга, взорвав там мини-сверхновую. Аня замотала головой, замычала, перехватила у лица что-то мягкое, отбросила прочь. Вдохнула чистого воздуха, закашлялась, глотая потекшие по лицу слезы.

— Совсем другое дело, — преувеличенно бодро восхитился призрак, — а то лежит белая, чисто покойница. Мужика хоть бы своего пожалела. Я промолчу, конечно, не мое дело, но нехорошо это, когда мужик с красными глазами ходит.

Аня открыла глаза, попыталась сесть и повалилась обратно. Мягкое, точно пластилин, тело слушаться не желало.

Озабоченное лицо Сан Саныча тут же нависло над ней.

— Погоди, не так резко. Он сказал, полчаса должно пройти, не меньше.

— Он? — выкашляла Аня, мысленно пожелав неведомому спасителю

испытать то же, что и она.

— Так друг твой, фиолетовый. Классный мужик, кстати. С фантазией.

Вот с этим Аня была абсолютно согласна. С фантазией у Фиолета всегда было в порядке.

Мысли мохнатыми тучами лениво шевелились в голове, не желая сосредотачиваться ни на чем конкретно. Фиолет прислал гадость, Сан Саныч, изобразив какого-то мага, усладил Павла. Зачем? Чтобы она пришла в себя? А дальше?

— Он знает? — слова с усилием приходилось выдавливать из себя.

— Он хочет, чтобы ты отправилась к нему. Говорит, это единственный вариант.

Чертовы телепаты, менталисты, разумные растения, грибы и так далее и тому подобное. Ее загнали в угол. Сначала долбанули стрелой — не слишком вежливый способ пригласить в гости, а теперь намекают, что приглашение — единственный вариант остаться в живых. Ах да, еще дети. Судя по их поведению, слабо разумные. И как прикажете таких спасать? Никакого желания, особенно после попытки ее убить. Да, пошло оно все...

Плечо прострелила боль. Еще слабая, но с большим намеком на неприятное продолжение.

Идти. Надо идти. Одной. Рисковать кем-то она не станет.

— Поможешь?

— А я что тут делаю по-твоему? — возмутился призрак. — Думаешь, так просто было сюда это притащить, да еще мужика твоего выпроводить. Ты бы поторопилась. Он скоро вернется. Злой. Я бы предпочел исчезнуть к его возвращению.

— Что тебе передали?

— Эти лианы, он сказал ты в курсе, как они работают, а это, — в

ладонь ткнулось что-то твердое, объемное, — коробочка семян. Раздавишь, удержишь дыхание, досчитаешь до тридцати, и все, кто будет в комнате, уснут.

Сан Саныч внезапно замер, к чему-то прислушался, заторопился:

— Все, мне пора, — и добавил с досадой: — Твой быстро обернулся, на ракете летел, что ли...

Уже из стены донеслось:

— Во дает, мужик.

Аня успела сунуть подарки под подушку, принять невозмутимый вид, как по лестнице затопали. Через пару секунд в комнату ворвался Павел и замер, наткнувшись на улыбку девушки.

— Привет!

Голос прозвучал жалким шепотом, но все же это была маленькая победа над немощью.

— Привет, — отозвался Павел, не отрывая напряженно-изучающего взгляда от лица Ани. Через пару секунд осмотра маг чуть расслабился, бросил быстрый взгляд по сторонам, потом спросил: — И где этот?

Усмехнулся, заметив честно-недоуменное выражение лица девушки, еще раз оглядел комнату и махнул рукой:

— Не важно. Как ты себя чувствуешь?

В любое другое время Сан Саныч так легко не отделался бы, но сейчас Павлу явно было не до него.

Аня прислушалась к себе. Тело с каждой минутой наливалось силой, и голова становилась ясной. Ей было лучше, но внутри жила горькая уверенность, что улучшение ненадолго.

— Как побитая жизнью собака, — призналась, не покривив душой. —

Давно валяюсь?

— Больше суток.

Павел присел на кровати, погладил Анину ладонь.

— А выглядишь неплохо, до побитой собаки тебе точно далеко.

— И я с ним полностью согласен.

В комнату быстрым шагом вошел незнакомый маг, за ним следом еще пара парней не старше Ани, и в комнате сразу стало тесно.

— Вы ведь понимаете меня? — спросил рыжеволосый мужчина, и его светло-зеленые глаза заблестели от любопытства.

— Да, — кивнула девушка, узнавая этот голос.

— Тогда разрешите представиться — Эльтар, ваш целитель. А это, — он махнул рукой на сопровождающих, — мои ассистенты Аарон и Фахд. Ведь что главное для больного? — мужчина сделал паузу и сам же ответил на свой вопрос: — Не поддаваться унынию. Вот эти два недоразумения целительского дела лечить пока умеют плохо, зато шутить, — еще одна внушительная пауза, и парни потупились, — у них получается отменно.

Павел с сомнением оглядел пополнение сиделок, но возражать не стал. Аня разглядывала парней совсем с другим интересом — ее беспокоило, как на них подействует снотворное Фиолета, и под каким предлогом убрать Павла из комнаты. Ей почему-то казалось, что маг непременно что-нибудь заподозрит и раскроет побег.

К счастью, предлог образовался сам.

— Аня, — ласковое поглаживание по руке, — мне нужно ненадолго отлучиться. Обещаю управиться за час.

Значит и ей придется управиться за час, подумала девушка, стараясь выглядеть безмятежной. При одной только мысли о побеге сердце начинало с силой биться в груди, а руки леденеть. И кровать казалась ловушкой, с

которой надо выбраться побыстрее. В ушах звучало хулиганское «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел», а внимательные взгляды целителя почему-то напоминали рентген.

«Ни-че-го-я-не-ска-жу» добавилась строчка к песенке, и стало совсем весело. Смех сквозь слезы — это были именно они, и Аня с трудом сдержала подступающую истерику.

— Конечно, иди. Со мной все будет хорошо.

И ни слова лжи. С ней действительно все будет хорошо. Сначала побег, потом встреча с полоумным дитем-убийцей, который отведет ее к своему отцу, и...

Надо верить. Все будет хорошо.

— Подумаешь, плечо. Это что... Вот меня как-то под дробилку затянуло — с отцом на расчистке обвала работал.

Сиделки честно отрабатывали задание. Утешающие, по их мнению, байки сыпались одна за другой.

— Кровь фонтаном, осколки костей, думал — ноги лишусь. Но мастер Эльтар отрезать не велел. Ночь провозился, по осколкам собирал, но ногу мне сделал, не хуже прежней.

И Аарон притопнул, демонстрируя вылеченную конечность.

Ане полагалось вдохновиться, проникнуться несерьезностью своего ранения и мгновенно выздороветь. Ведь у мастера иного результата быть не может.

Две пары глаз с надеждой смотрели на нее, и Ане стало совестно. Действительно, целые сутки болеть у такого замечательного врача. Неудобно как-то.

За спинами сиделок из стены высунулся Сан Саныч и жестами показал, что пора закругляться. Выразительно провел ладонью по горлу, кивнул на парней, мол, прирезать?

Аня выдохнула и прикусила губу, стараясь не расхохотаться. В костюме цвета хаки, в каске, с разрисованной полосами физиономией, старик напоминал пенсионера, вышедшего на тропу войны с коммунальными службами. И хорошо, что нож, который он держал в руке, был лишь иллюзией. Или не был?

Она не стала заморачиваться данным вопросом, села в постели, одновременно засовывая руку под подушку и раздавливая коробочку семян.

Парни явно приняли ее гримасы на свой счет, вдохновились.

— А у нас еще был случай.

Один, два, три, четыре.

— Девчонка под завал угодила. Не успела из дома выбежать. Тервоники тогда крупно тряхнуло.

— Это Статхары были.

— Нет, Тервоники.

— Врешь, — и один из парней шумно зевнул.

Двадцать. Двадцать один.

— И не девчонка там был, а пацан, лет пяти.

— Пацан — это другое... х-р-р-р.

Звучный храп положил конец спору. Аня подождала для верности пару минут, но сиделки дружно сопели, свесив головы на грудь.

Пора!

— Нашли чем утешать, молокососы, — презрительно хмыкнул Сан Саныч, когда она выбралась из постели и нашаривала кроссовки под кроватью. Зимние ботильоны были решительно отвергнуты. Кто знает, что

ее ждет на той стороне? Кроссовки, джинсы, рубашка. Волосы убрать в хвост. На запястьях маскировка от Фиолета. Все, она готова выйти на свою тропу войны.

От слабости шатало и кружилась голова. Аня сглотнула, прогоняя тошноту.

— Сан Саныч, вы мне поможете?

Призрак оторвался от примеривания ножа к рукаву рубашки одного из парней.

— О чем речь, Анют, конечно, помогу.

— Когда они обнаружат мое исчезновение, передайте, чтоб не искали. Я сама вернусь, как закончу с делами. И, Сан Саныч, сделайте это сразу же. Не хочу, чтоб ребята пострадали.

Призрак недовольно поджал губы, спрятал нож за спину и кивнул.

— Не переживай, будет сделано.

Аня с трудом отогнала идею отобрать холодное оружие у старика, утешая себя тем, что кровожадности за ним раньше не замечала. Не станет же он их убивать! И за что только взъелся?

— И еще надо отвлечь товарищей от портала. Иначе меня могут перехватить.

Лицо у старика сделалось серьезно-торжественным, он кивнул, удобнее перехватил нож, салютнул им, а затем спиной шагнул в стену и исчез. Ой, что будет! Кажется, она выпустила джина из бутылки.

— Все, я пошла, — скомандовала сама себе, заставляя разжать руку и оторваться от спинки кровати. Комната казалась такой уютной и безопасной, а за дверью ждали суровые охранники-телохранители, пронцательный координатор и ущербный умом убийца. «Приятная» компания, ничего не скажешь, но идти надо.

Наверное, это было великой глупостью возвращаться туда, где тебя пытались убить. Да еще и в таком состоянии, когда она слабее ребенка, — трясущиеся руки, вспотевшие от усилий ладони, мушки перед глазами и гул в голове. Она не шла, ползла раненой улиткой. Лестница, коридор.

Нет, Павел не прав. Это она виновата. Сама требовала, чтобы присутствовала на переговорах, сама нарвалась, самой и расхлебывать. Утешало одно — Фиолет дурного не посоветует. Лесовик лесовика видит издали. Ох и задаст она ему парочку вопросов, когда вернется. Если вернется.

Под ноги метнулась черная тень, и мокрый нос ткнулся в ладонь. Укоризненный взгляд черных глаз был красноречив — дура ты, Хозяйка. Куда же тебя несет?

— Надо, понимаешь, мне очень надо туда, — прошептала одними губами. Пальцы перебирали шелковистую шерсть.

Пес вздохнул и пристроился рядом. Мол, не выдам, но и одну не отпущу.

Вот и нужный портал. Аня невидимкой шла по залу. Вальди с независимым видом трусил рядом, изображая прогулку. Получалось плохо, но магам было не до собаки. Ранение хозяйки что-то нарушило в привычном распорядке. Мрачные лица магов, красные глаза Таймары, а главное — ставший темно-серым потолок, точно закрытый плотными тучами и готовящийся заплакать дождем.

Тоска полоснула по сердцу. Это были не ее эмоции. Тосковал дом, это были его тревога и боль за Хозяйку. Аня смахнула выступившие слезы.

Что значит страх перед встречей с убийцей, если остаться в живых важнее, чем умереть. Дом, Вальди, мальчишка-маг с Чойгвея, Арвель... Лица проносились в памяти, и каждый что-то говорил, просил, требовал. Когда все они успели занять место в ее сердце? Когда успели там обосноваться? И Павел... нет, не стоит думать о нем. Слишком больно и сложно. Ясно одно — если потребуется, она готова и к дракону в гнездо наведаться, и к зомби на кладбище, лишь бы здесь все осталось по-прежнему. Она готова даже наблюдателей от Конгресса терпеть — пусть

смотрят.

И мучительно, до боли в сжатых кулаках захотелось жить. Выжить, чтобы жили другие.

Шаг стал уверенней, мысли прояснились. Спасибо, милый дом, за поддержку.

У портала остановилась, оглянулась и тут же увидела, как метрах в трех от пола плывет бутылка самогона. Да-да, та самая на пятьдесят литров, а сверху восседая, точно Наполеон на Буцефале, серебристой капелькой расположился дракончик.

Бутылка плыла неспешно, величаво, и в зале установилась заинтересованная тишина, пока лишь заинтересованная — маги не ожидали подвоха от посуды, а зря. Та внезапно дернулась и с диким грохотом рухнула вниз, разлетаясь на осколки. Резкая волна сивушных ароматов рванула в Анину сторону, а сама девушка рванула в сторону портала, пока товарищи маги созерцали, ругаясь, результаты выходки Сан Саныча.

ГЛАВА тридцатая

Взломать магическую печать было делом пары секунд, и в портал она не шагнула — влетела. Земля тут же ушла из-под ног, и Аня оказалась в воздухе, подхваченная кем-то высоким и сильным. Рука сама пошла в сторону, наткнулась на твердое — костяшки взорвались болью. Рядом глухо рычал Вальди, и, судя по тональности рыка, челюсти его были заняты.

Выжженная трава и небо снова поменяли положение, и Аня оказалась переброшенной через плечо, словно мешок с картошкой. Вид на спину, обнаженные ягодицы и вцепившегося в ногу ее похитителя Вальди был отличным. Собственно все, что и оставалось «мешку с картошкой», так это смотреть, ругаться и извиваться на манер гусеницы. Пес упирался в землю всеми четырьмя лапами, вгрызаясь в ногу — по бледно-зеленой коже текла ярко-салатовая кровь, но зеленокожий, казалось, не замечал, что кто-то пытается отхватить кусок его ноги.

Он поправил груз, зафиксировав дрыгающуюся добычу, чтоб

пошевелиться не могла, а затем сорвался с места. Это был бег гепарда. Скорость гоночной машины, где вместо двигателя — сердце, а вместо колес — длинные ноги с болтающимся на одной из них Вальди. Пес челюстей не разжал и черной тряпочкой развевался на ветру, не успевая даже касаться лапами земли.

Сколько они так неслись, Аня сказать затруднялась. Время превратилось в стелющееся внизу рыжее полотно травы. В полные ярости глаза собаки. В кровь, набатом стучащую в голове. В гаснущее сознание.

«Я просил аккуратнее!» — рассерженный голос звучал в мозгу перекатами грома.

«Отец, я торопился доставить».

Аня медленно открыла глаза. Разум еще пребывал в тумане, слабо соображая, что происходит.

Вокруг шумела густая зелень гигантского леса. Домами-колоннами темнели стволы деревьев, увитые лианами. Одурающе пахло цветами, только почему ей показалось, что в этом запахе присутствует сладкий аромат гнили?

Аня висела за шкурку, точно котенок, в руках зеленокожего, полностью голого мужика. Рычание справа. Девушка скосила глаза. В другой руке этот трехметровый мутант и по логике — ее убийца — держал Вальди. Оскаленная пасть явственно намекала, что при малейшей возможности плоть этого уroda снова окажется в зубах собаки.

А перед ними... Она прищурилась, помотала головой, поморгала, но Павел никуда не делся. Трехметровое, обнаженное тело зеленоватого оттенка явно не принадлежало магу, но лицо было точно его.

Вместо ругательства из горла вырвался придушенный хрип. Аня задргала ногами, хватаясь руками за ладонь мужика. Вот не зря мама предупреждала не знакомиться на улице, не пускать чужих мужчин домой, но оказалось, что в первую очередь их нельзя пускать в голову.

Повинуясь жесту зеленокожего Павла, Аню опустили на лист. Она

пошатнулась и не устояла на ногах, сев на попу.

«Я думал, тебе будет приятно увидеть знакомое лицо», — огорчился Павел, присаживаясь на корточки напротив.

Мысленная связь — удобно, но только не тогда, когда у тебя не хватает сил сдерживать ругательства.

Мать, мать, мать, — звучало в голове, отвлекая от серьезных оскорблений, рвущихся в мозг.

— Мне все равно, — выдавила девушка, повернула голову, Вальди уже хрипел, дергаясь в захвате.

— Отпусти, — попросила.

Павел обменялся взглядом с ее убийцей, и пес был отпущен. Рука мужика точно специально оказалась перед мордой пса за секунду до освобождения. Взбешенный рык — и зеленая кровь брызнула из-под клыков.

Это было уже слишком.

— Вальди, фу.

«Это его испытание», — предостерег от помощи голос в голове.

Но пес и сам понял, что его развели и руку подсунули специально. Разомкнул челюсти, скривился, сплюнул ставшую зеленой слюну на лист и даже лапой нос обтер. Посмотрел на девушку — на лице читался вопрос: «Что делать, Хозяйка? Кого рвать?».

Если бы Аня знала ответ на этот вопрос, она давно бы скомандовала «фас» и сама бросилась на врага. А эти зеленокожие... интуиция упорно твердила не спешить. Ситуация не простая и скоропалительные выводы могли быть чреватые для здоровья и жизни вообще. К тому же не за войной она сюда пришла, а за надеждой.

Не дождавшись команды, Вальди подполз и пристроился рядом. На

морде читалась решимость не подпускать к девушке никого и сражаться до последнего вдоха.

Аня положила руку на голову пса, потрепала. Подняла взгляд на зеленокожего. Обнаженный вид не смущал. Половых признаков у зеленокожих не было. Наверное, неправильно было считать это мужчиной, но ширина плеч, крепкие ноги, руки-лопаты, а главное черты лица в ее понимании следовало отнести именно к мужскому роду, а уж что там на самом деле с родом у детей этого ненормального — одному Богу известно.

«Ты готова».

Павел в трехметровом исполнении вышел замороженным. Застывшие черты лица, безэмоциональный взгляд, не человек, а ожившая статуя. И как с таким общаться? — размышляла Аня, разглядывая местного хозяина.

— Готова к чему?

Ей было привычно произносить слова вслух, а зеленокожему, похоже, было все равно. Он понимал ее ментально, а может, выучил язык, пока копался в голове. И как только пробрался? И она твердо решила по возвращении пообщаться с Фиолетом. Надо хоть барьеры научиться ставить против ментального вторжения.

— Вы говорили о лечении, но прежде я хочу знать, почему в меня стреляли и что вы хотите взамен за мое исцеление, если это все, конечно, правда.

Лист, на котором они стояли, внезапно дернулся. По поверхности прошла дрожь, запах гнили усилился, но все стихло так же внезапно, как и началось.

«Ложь — особенность вашего рода!»

— Наш род зовется людьми, — слабость нарастала, как и боль в плече, Аня держалась на одной силе воли, — рада, что ложь вам несвойственна. У нас она тоже не в почете.

На лице зеленокожего не отразилось ничего, словно слова

человеческой женщины пронеслись перед ним на манер прошлогодних листьев.

«В тебе еще много людского».

Очередной зеленокожий перл.

— Человеческого, правильнее говорить человеческого, — прохрипела. Боль сводила на «нет» все ее потуги в дипломатии.

«Разговор будет долгим, ты не доживешь».

Кажется, у кого-то тоже нелады с дипломатией.

«Ты точно хочешь получить ответ на свои вопросы?»

— Да, — выплюнула, перебарывая дрожь. У нее началась лихорадка — вернулось воспаление.

«Я ошибся, ты уже далеко от своего рода. Плата за плату, жизнь за жизнь, услуга за услугу. То, что я прошу — в твоей власти».

Перед лицом девушки замер ярко-алый цветок размером с две ее ладони. Один лепесток отогнулся, и внутри замерцала прозрачная жидкость.

«Это время на разговор».

«Время» имело горьковатый вкус, отдавало чем-то пряным, но действовало неплохо. Боль съежилась, слабость отступила, и дышать стало легче.

«Я — умираю».

Аня вздрогнула, а вот на лице зеленокожего не мелькнуло ни единой эмоции.

«Моя смерть — дело прошлое, но есть одно, что удерживает меня в настоящем и заставляет сдвигать прошлое в будущее. Много-много циклов

назад сюда попал человек. Он был ранен, растерял свои умения и не мог вернуться. Мы, как вы говорите, стали друзьями. Его речи наполняли соком мои мысли, его рассказы раскрашивали листву. До его появления я не знал, что бывает иная жизнь и есть иные миры. И когда он вернулся к своим корням, я осознал одиночество. Моя слабость и моя радость — мои дети. Я создал их, чтобы напитаться росой, и теперь они стали камнем, не дающим мне распрямиться и идти дальше. Пару десятков циклов назад черная вода увидела тебя, идущая дорогами иных миров. Я наполнился ожиданием и позволил разделить эту радость с детьми. Дети, — долгая пауза заменяли эмоции, — не всегда поступают разумно. Я слишком поздно понял — они боятся смерти. Боятся остаться без отца. Боятся настолько, что готовы прервать чужую жизнь, лишь бы отсрочить неминуемое».

И снова долгая пауза, во время которой запах гниения стал особенно тошнотворным. Казалось, он липким слоем ложится на кожу, забивает легкие, не дает вздохнуть. Значит, ей не показалось. Лес вокруг умирал.

«Ты — заберешь мое сердце и детей. Их дорога идет в другой мир. Отведи».

Это был практически приказ, на который все существо девушки встрепенулось протестом. И плевать, что некоторые в ее мозгах, как у себя дома, шарятся. Пусть читают все, что она думает — не жалко.

Наделал детей по образу друга, а объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, не сумел. А теперь добрая тетя что-то там должна. Да она лучше сдохнет, чем подставит Фиолета. Ведь и ослу понятно, куда нацелился зеленокожий.

— Кроме моей жизни, есть еще что-то важное, что меня убедит в правильности вашего желания?

«Недоверие...» — прозвучало в голове, но Аня перебила:

— Да, я в курсе. Особенность моего рода. И знаете, горжусь этим. И пока у меня не будет доказательств, с места не сдвинусь.

«Брат не ошибся».

Долгая пауза, волна дрожи, сотрясшая лист.

«И хорошо тебя изучил. Вы оба — моя память о Льяррусе. Рад, что брат нашел такого друга. Его сердце станет отличным отцом».

Каким отцом? — хотела возмутиться Аня. Фиолет еще ребенок, ему самому присмотр требуется! И тут же осекалась — а что она вообще знает о возрасте разумных лесов? И об их взрослении?

Но вместо возмущения спросила:

— Какое сердце?

Ответа не последовало. По коже прошлась прохладная волна, Аня поежилась, а затем на запястьях ощутилось движение, и плети, не потерявшиеся во время гонки, сползли вниз, скрутились, чтобы подняться фигурой друга.

— Я знал, что ты не согласишься, — с мягкой укоризной проговорил Фиолет, улыбаясь гибким отростком лианы, заменившим ему рот.

Вышел он ростом по колено девушки, лианы постарались передать образ друга, его фиолетовые волосы, собранные в хвост, женственное лицо. Кукольная Аня была хороша — нетрадиционное исполнение Барби в фиолетовом цвете и гибких, сплетенных между собой лианах. И голосок соответствовал — тонкий, мультяшный.

— Ань, прости, не сказал раньше, но мы успели пообщаться. Не злись, ты — только начинаешь, и твой дом лучше разбирается в подобных делах, он не увидел угрозу в нашем разговоре и в разговоре с тобой. Если тебя это успокоит — решение за тобой. Ты боишься, он захватит мой мир? Нет, это невозможно, ведь сердце... Мне трудно подобрать нужное слово. Это не мозг, не душа, ближе всего будет назвать живой памятью, способной самостоятельно думать и действовать. А дети... Знаешь, я столько циклов заботился о себе сам, что не буду против завести с десятков садовников. Ты ведь поможешь мне справиться с ними, если они выйдут из-под повиновения? Если опять попробуют тебя убить? Шучу. Ань, не бери в голову. Это наши дела, мне их и решать. Ты, конечно, мой друг, и я тебя очень люблю, но даже хозяйки живут меньше таких, как я. А сердце — это

фактически старший брат, да еще и с семьей. Ты даже себе представить не можешь, какой подарок мне сделала. Я и мечтать о таком не смел — найти себе подобного. Мы ведь всегда живем по одному на мир. Все, закругляюсь. Память у этих отростков не вмещает много слов. Я буду ждать вас. Всех вас, Ань.

Кукла начала рассыпаться, лианы темнели и съеживались, но успели все же кое-что добавить, прежде чем исчезнуть окончательно:

— Ох, Ань, какая ты смешная! С гусеницей ты курила, теперь довольна?

Аня выдохнула, сжала кулаки и часто-часто заморгала, прогоняя слезы. Глупое сердце никак не хотело успокаиваться, то падая в сомнения, но взлетая к полному доверию.

Слова могут быть разными. Добрыми, злыми, равнодушными. Наша жизнь строится на словах. Мы верим им или хотим верить. Сначала верим, а потом убеждаемся в правоте или лжи. Иногда одно слово может разрушить целую жизнь или спасти ее, а всего лишь трех достаточно, чтобы создать новую семью.

Чтобы спасти мир, потребовалась маленькая речь.

Аня подняла взгляд на трехметрового хозяина леса и решила быть краткой.

— Я готова, начинайте.

«Спи, маленькая Хозяйка. Спи, и боли не будет».

Аня легла, прикрыла глаза, рядом примостился Вальди. Она успокаивающе погладила пса, но тот уже сопел, видя третий сон. Его тоже настигла сонная магия властителя леса. Аня зевнула, расслабилась, а через мгновение открыла глаза, чтобы узреть голую грудь с зеленоватым оттенком кожи.

На этот раз ее бережно, точно ребенка, держали на руках. Она лежала на сгибе локтя, а Вальди был перекинут через плечо, и, судя по спокойному

висению, пес еще спал.

Девушка прислушалась к себе, чувствовала она отлично. Никаких признаков болезни. Осторожно пошевелила плечом. Не обманул зеленокожий Павел. Плечо не болело.

Девушка обвела взглядом окрестности. Снова бег. Выжженная трава. Ослепительно синее небо. Запах растрескавшейся земли и сухой травы. И с каждым шагом несшего ее гиганта внутри нарастало радостное предвкушение — скоро она будет дома.

Дом. Внутри отозвалось что-то теплое, и губы растянулись в улыбке. Так она чувствовала себя, возвращаясь после первого свидания — любовь переполняет сердце, молодость не замечает несовершенства мира, все просто и легко, а люди вокруг — такие же милые и хорошие, как ты сам.

Получается, она влюблена в свой дом? Странновато, но разве ее жизнь сейчас не чередой безумств и странностей? Одной больше, одной меньше... Вот и одна такая странность природы несет ее на руках.

— Ты меня понимаешь?

Мужик ответил не сразу.

— Да, отец дал мне знание. Рана мира уже скоро.

Низкий голос звучал ровно и безразлично.

«Рана мира» — видимо, портал, догадалась девушка. Еще одна новость — «дети» умели использовать речевой аппарат по назначению, а не только владели мысленной речью.

— А твой отец? Он...

Хотела спросить, когда ожидается завершение его жизни, но услышала краткое:

— Мертв. Отец никогда не ошибается. Ты несешь его сердце, но самого его с нами больше нет. Отец просил передать — мир свободен.

Можешь использовать, как пожелаешь.

Горечь кольнула сердце. Как там говорила темная вода — она придет и принесет гибель хозяину здешнего леса. И пусть эта смерть была желанной и давно ожидаемой, но смертью осталась.

— А ты?

— Должен служить тебе.

И вот тут спокойствие «ребенка» леса дало трещину. Бег замедлился, а затем «дитя» вовсе остановилось. Опустило ее на землю и замерло напротив.

Аня ощутила тревогу. Лысый трехметровый мужик. Супротив него она точно блоха под ногтем.

— Служить, — с усилием повторил здоровенный ребенок, на глазах теряя навык связной речи, — искупать вину. Пока не искуплю, не уйду, — добавил с неожиданной твердостью, почти угрозой.

Аня вздохнула, мысленно прикидывая, как объяснит присутствие этого чуда магам, а главное, что она с ним делать будет и как побыстрее убедить «подарочек» в его прощении. Ведь одного взгляда достаточно, дабы осознать, дите — упрямо, настырно и просто так не отвяжется.

Вот где, спрашивается, справедливость? Сначала ее убить пытались, а теперь она убийце нянькой заделалась, потому как самостоятельно этот ребенок таких дел наворотит — дом бы устоял, не говоря уже о психике хозяйки.

— Хорошо, — ответила успокаивающе с мягкой улыбкой, — служить. Правила обговорим потом. Сначала объясни про сердце.

Вместо ответа зеленокожий стукнул себя кулаком в грудь. Аня осторожно дотронулась до груди, нащупала тонкий витой шнурок, потянула, но ее остановили.

— Рано.

А потом она снова оказалась на руках, и рыжая трава понеслась им навстречу, а за спиной все удалялся умирающий без хозяина лес.

Около портала их ждали. Аня пересчитала зеленокожих товарищей — шестнадцать. С ее убийцей семнадцать. Ни о чем, если сравнивать с переселением чогвейцев. Однако легкая неуверенность не давала свободно вздохнуть. На этот раз она одна, без поддержки, если не считать сладко спящего Вальди. А еще это сердце... Живая память, надо же.

С другой стороны, если рассуждать логично, должны же у леса быть органы. Глаза, уши, нос — ветки, листья и все, что растет над землей. Они же — нервные окончания. Связь, скорее всего, идет по корням. Наверняка там внизу все связано между собой. Но остаются внутренние органы и мозг.

Аня тряхнула головой, фантазия отказывалась работать и объяснять многокилометровую разумную сущность. Пытать Фиолета бесполезно — отшутится. Вот разве что новый «брат» окажется вежливее и удовлетворит Анино любопытство.

— Поставь меня, пожалуйста, — попросила и через секунду стояла перед «детьми». Что тут сказать... рослые такие мужики, лысые опять же, без одежды. Интересно, смена имиджа связана как-то с гибелью отца?

Ладно, хватит тянуть. Пережили же маги ее появление с драконом? И этих, зеленокожих и голозадых, переживают.

— Ну что, граждане переселенцы, багаж с собой взяли? Декларации заполнили? Паспорта приготовили? Прошу запомнить, согласно правилам переселения, до конечного пункта назначения запрещается: вступать в конфликты с проверяющими, применять силу, препятствовать, — она запнулась, зеленокожие смотрели бесстрастно, накатившее вдохновение требовало воплощения, и Аня продолжила: — Личному досмотру, так же пользоваться магией, артефактами и иными предметами магической силы, провозить оружие, наркотики, курить, пить и, хм, материться.

Вдохновение выдохлось, возражений от граждан не поступило, лишь из-за спины донеслось уточняющее:

— А для защиты?

— Я — ваша защита, — отрезала Аня, — а еще мать, отец и брат на время переселения, ясно?

Но едва не состоявшийся убийца не успокаивался.

— Для твоей защиты.

Тут бы ей насторожиться, однако девушка была слишком вдохновлена ролью проводника. Ей уже представлялось, как она небрежно бросит Арвелю: «Пакуйте чемоданы». Как удивится координатор, как восхитится Павел.

Да, она такая. Без помощи все сделала.

— Я сама о себе позабочусь, — небрежно отмахнулась. Обернулась, окинула взглядом спящего на плече «ребеночка» пса и решила не будить. Безопаснее будет. Опять же неизвестно, что за зеленая кровь у этих... Вдруг в больших дозах ядовита?

Медленно потянула за шнурок. Достала украшение — зеленый с алыми прожилками цветок, казалось, окаменел под взглядом василиска, настолько искусно был сделан.

Затаив дыхание, Аня обвела край лепестка, чувствуя себя немного разочарованной — такая кроха и есть вместилище многовековой памяти? Не верится. Никак не верится.

Показалось или на кончике лепестка притаилась пылинка?

Подула, и цветок резко потяжелел, а потом принялся увеличиваться, достигнув в объеме размер баскетбольного мяча. Ане пришлось крепко обхватить его руками, чтобы случайно не выронить.

«Дети» дружно опустили на землю, спрятав лица в траве. Волна почитания ощущалась несмотря на расстояние, и Аня испугалась: а если Фиолет откажется? Если ей кто-нибудь помешает, и сердце не попадет в

нужное место? Эти так за ней ходить и станут? Упаси Господи.

Покачала в руках цветок. Еще раз усомнилась и мысленно выругала себя за это.

— Ну что, граждане, пора. Таможня, как говорится, дает добро.

Подождала пока зеленокожие встанут, а ее подопечный заново уложит спящего Вальди на плечо, и шагнула в портал.

Шагнула, оглядела зал и не смогла сдержать удивленного возгласа:

— Мама?

Взгляд сместился чуть в сторону.

— Ты?

Павел быстро управился с данным самому себе поручением — забрал Анины вещи, успокоил Клавдию Петровну и вернулся домой. Перебросился парой слов с Арвелем. Визит координатора к Фиолету оказался глупой затеей. Он даже не показался, как ни уговаривали, ни пугали смертью девушки.

Сойдясь во мнении, что Фиолет — тот еще урод, они прошлись по залу. Павел проверил текущую обстановку, переговорил с дежурной группой. Не считая глупейшей выходки Сан Саныча, все было в норме. Лужу убрали, но запах самогона до сих пор витал в воздухе. Совсем из ума дед выжил.

Павел задумался, а бывает ли у призраков деменция? Пока поднимался по лестнице, так ничего путного и не решил. Вошел в комнату, и сразу с порога сердце кольнуло предчувствие беды.

Богатырский храп звучал переливами на два голоса, но Павел лишь мельком скользнул глазами по парням, подивившись их странному, пущенному на полоски наряду. Затем взгляд мага зацепился за кровать. Пустую кровать. Ни следов борьбы, ни похищения. Он проверил магический фон — опять ничего. Складывалось ощущение, что Аня просто

взяла и ушла из комнаты на своих двоих.

Как больная, с тяжелым ранением, могла встать, он решительно не понимал. Как уйти — тем более. Оставался мизерный шанс, что кто-нибудь заметил этот странный, невозможный побег.

Хлопок по щеке вышел жестким. Голова парня дернулась. Раз, другой. Потом на Павла уставились осоловелые голубые глаза с длинными ресницами, невинные, как у теленка.

«Чисто дети», — вздохнул Павел, рывкая:

— ПОДЪЕМ!

Вскочили оба, чуть не стукнувшись лбами. Начальник охраны с озадаченным видом проследил, как полоски одежды слетают с молодецких тел, оседая на полу кучкой тряпья. Неизвестный шутник оставил парням лишь трусы, да обувь с носками. У правого дурня нижнее белье было в горошек, у левого — в клеточку.

По мере осознания случившегося лица парней медленно заливала краска, руки ползли прикрыться, а в глазах явственно читалось желание исчезнуть куда-нибудь, и поскорее.

Павел еще раз вздохнул, очень хотелось закатить глаза, а еще лучше устроить мордобой, но он сдержался. В конце концов, это не его подчиненные, целители недоделанные, не ему с ними и разбираться.

— Кто здесь был? Отвечать быстро.

Злой голос страшного дяди подхлестнул горе-сиделок, те выпрямились, руки вытянули по швам, и только тут парни заметили пустую кровать.

Глядя на вытянувшиеся от удивления лица, Павел понял — зря теряет время. Эти ничего не видели, ничего не поняли.

— Так это... Никого не было, — выдавил из себя самый сообразительный.

Но заснули они не сами, рассуждал Павел, снова сканируя комнату. Слабый запах едва ощущался в воздухе, да еще шлейф чего-то магического, словно здесь побывал артефакт. Безнадёжно.

— К своему наставнику бегом марш! Не одеваясь.

Парни мигом сменили красный цвет лица на белый и бросились к двери.

— Стоять! А мусор вы кому оставили?

Лекарские недоучки так же споро вернулись и, опустившись на корточки, принялись собирать жалкие остатки одежды.

— Павел, — дверь в комнату приоткрылась, на пороге стоял Лексар, — у нас ситуация шесть-ноль.

— Ясно, иду, — кивнул маг. Бросил взгляд на парней и попросил подчиненного: — Проследи, чтобы эти не мешались под ногами. Как все закончится — отправь их к наставнику.

— Сделаю, — кивнул Лексар и посторонился, выпуская Павла из комнаты.

Ситуация шесть-ноль — это появление посторонних около порталов. Ноль — они пришли из нулевого мира, то есть мира Ани. Шесть — намерения непонятны, но агрессии гости не проявляют.

«Кто это? — размышлял Павел, быстрым шагом спускаясь по лестнице. — Кто мог пройти через портал без разрешения хозяйки? Спецслужбы? У них нет ресурсов на взлом. Коллега? Исключено. Теневик, кто угодно, но не дурак. На прямой конфликт не пойдет».

Главное, не вовремя как! Некогда ему гостями заниматься. Надо исчезнувшую Хозяйку искать. Неудобно, что на Хозяйке из-за специфики ее магии не держатся следящие заклинания. Первые дни как-то удавалось их поддерживать, но потом они сталидохнуть сразу же после активации.

И вот где искать эту ненормальную? Куда ее понесло, да еще и в таком состоянии?

— Клавдия Петровна?

Эту милую женщину он меньше часа назад оставил в Аниной квартире, и никак не ожидал увидеть здесь, да еще в такой неподходящей компании!

— Ты?

В кулаках сразу начался зуд. Пришлось напомнить себе, что для битья морды, как ни хочется, времени нет.

— Я, — посмел ответить этот почти труп.

Павел мог предложить одно единственно разумное:

— Убирайся.

Глупо отпускать просто так, но у него действительно нет времени на разборки с коллегой, как и надеяться, что его предложение оценили.

— Как думаете, многоуважаемый Арвель, ваши смогли бы укрыться щитами от гранаты? И в рукопашной, уж простите, я бы поставил на ОМОН.

— А ты бы прятался за их спинами, пока мы выясняли кто сильнее?

И тут Клавдия Петровна продемонстрировала, чья она мать.

— ГДЕ МОЯ ДОЧЬ?

Всего этого следовало ожидать. А под каким предлогом — убью сволочь — Тагир уговорил Клавдию Петровну отправиться на авантюру под названием «Спасать дочь». Интриган плешивый!

— Успокойтесь, Клавдия Петровна, ваша дочь наверху, в комнате. Она отдыхает и беспокоить ее сейчас не стоит. Давайте подождем, когда она

проснется, а пока я готов ответить на все ваши вопросы и угостить чаем.

Арвель, как обычно, пытался примирить всех. Но сегодня это не сработает. Предъявить Аню матери они не смогут по причине отсутствия оной.

— Она больна? Я — врач. Если Аня больна или пострадала, мы теряем время. Отведите меня к ней, и как можно быстрее.

Начинается... Павел приготовился.

— Хорошо, раз вы настаиваете...

— Ани в комнате нет, — он быстро перебил координатора.

— Как нет? — охнула Клавдия Петровна, да и Арвелью подурнело.

Тагир смотрел на все это с возрастающим интересом.

— Просто нет и все. Комната пуста. Никаких следов.

Все мысли женщины читались на ее растерянном лице.

— Клавдия Петровна, — Арвель снова брал удар на себя, — не надо куда звонить и никого звать на помощь. Анечка не первый раз пропадает. Будем надеяться, скоро появится.

Вместо Ани появился Сан Саныч. И в каком виде! Павел, несмотря на всю серьезность ситуации, готов был пожать старику руку.

— Сан Саныч, — не одобрил издевательства над теневином Арвель.

— А что сразу я? — возмутился двойник и плавно поплыл от стены. — Он первый начал. У меня миссия. Практически спасение мира, а этот в меня...

— Мои глубочайшие извинения, сразу не признал, — Тагир быстро вник в ситуацию, что и говорить, профессионал, — не ожидал, что вы можете менять облик.

— Многие не ожидали, — призрак недобро посмотрел на стоящих мужчин, обогнул их, направился к Клавдии Петровне. За виснув перед побледневшей женщиной, он вдруг стремительно начал терять контроль, возвращая свой истинный облик. — Сражен прямо в сердце, мадам. Позвольте засвидетельствовать.

И тут женщина не выдержала. Без единого звука свалилась в обморок, хорошо, Тагир успел подхватить.

— Если я бесплотен, то и разволноваться перед красивой женщиной не могу? — оправдывался призрак, вися чуть в отдалении от склонившихся над жертвой его красноречия мужчин. — Подумаешь, концентрацию потерял...

— Ты бы лучше помолчал, а? Пока не развеяли, — недобро посоветовал Павел.

— А лучше вообще исчезни, — поддержал его Тагир, — мне и то было противно смотреть на себя, то есть на твое извращенное видение моей внешности. И запомни, в следующий раз вместо концентрации себя потеряешь, причем навсегда, понял?

Отвечать Сан Саныч посчитал ниже своего достоинства. Покрутился вокруг, потом не выдержал.

— А с ней все будет в порядке?

— Если бы некоторые не переборщили с внушением, — начал было Тагир, но Павел тут же вмешался.

— Если бы некоторые не полезли его снимать...

— Тихо! — рявкнул Арвель. Оба мага притихли. — Одного тут вообще быть не должно, а второй уже заработал предупреждение. Мало?

Призрак захихикал, почувствовав себе отомщенным.

— И кстати, — Арвель поднялся с колен, обратив внимательный

взгляд на подобравшегося разом Сан Саныча, — про какую миссию ты говорил?

Призрак поскучнел, попытался сделать важный вид, но под взглядами трех мужчин сдупся проколотым шариком.

— Велено было передать, чтобы панику не устраивали, искать не бросались, сама вернется, как все сделает, а если скучать начнете — могу показать, где бесценное хранится, — и он радостно потер ладони.

— Под кроватью? — хмыкнул Павел, прекрасно понимая, что именно является бесценным для алкоголика.

— Ах ты ж... — всплеснул руками Сан Саныч и помчался проверять тайник.

Прийти в себя Клавдия Петровна не успела, и хорошо. Сначала он уловил сработавший портал, вскочил, а слева уже неслось удивленное:

— Мама?

И следом не менее удивленное:

— Ты?

Аня, его милая Аня, живая и здоровая, стояла, держа в руках огромный, размером с голову взрослого человека цветок, зеленый с альми прожилками, по которым пульсировала жидкость очень похожая на кровь, а рядом толпились трехметровые зеленокожие личности, уже знакомые по последнему миру. Только на этот раз они были голыми и почему-то лысыми.

Волна ненависти рванула из глубин, заставив Павла зарычать. Один из этих уродов стрелял в его женщину!

— Что с мамой, Павел?

Новый вопрос, а между ними лишние восемьдесят метров, которые просто так не перепрыгнешь. Он медленно, боясь спугнуть, двинулся к

девушке.

Та явно уловила выражение его лица, потому как попятилась, крепко вцепившись в цветок, взгляд сделался затравленным. Она словно хотела и не могла на что-то решиться.

— Никому не двигаться, я сам, — рявкнул он, боясь, что охрана все испортит.

— Что с мамой? — девушка повторила вопрос, в голосе явно слышалась мольба.

— Все хорошо, Ань, правда, все хорошо. Увидела Сан Саныча, испугалась. Сейчас очнется.

Расстояние между ними сокращалось мучительно медленно. Еще десяток шагов и тогда он сможет прыгнуть, схватить в охапку, оттащить ее от этих уродов, что окружили девушку.

— Хорошо, — слабо улыбнулась Аня, и он скорее угадал по губам, чем услышал, добавила: — Прости.

Он видел, как мучительно искривилось ее лицо, точно внутри боролись две силы, и в ту же секунду решение было принято. Павел понял это раньше, что реальность изменилась — успел изучить, что значат поджатые губы, чуть прищурившиеся глаза и немного застывший взгляд. Рванулся вперед, ощущая, как безнадежно опаздывает. Стеклянная стена, стремительно возникшая перед ним, больно приложила по лицу и груди.

«Прости» снова уловил по губам, а потом Аня развернулась и направилась прочь по коридору. Он зарычал от досады, саданул рукой по стеклу.

Один из голых мужиков, который нес на плече Вальди, ослабилась, помахал ладонью и пристроился рядом с его женщиной, а затем все это голозадое безобразие окружило Аню и потопало следом, точно овцы за вожаком.

Павел приложился лбом к холодному стеклу, чувствуя себя

отвратительно. Что-то неправильное творилось в мире, если они там, с его девушкой, а он здесь кусает от злости и досады губы.

— Так это она тебе с ними изменяет? — поинтересовался Тагир, останавливаясь рядом.

Павел не ответил. Моральных сил не осталось ни врезать по морде, ни сказать, какой он идиот. Видно же, что мужская у этих недоразумений только внешность, а самое главное отсутствует.

— Хотя нет, это она нас на них променяла, — поправился Тагир, не дождавшись реакции.

Павел повернул голову, убедился, что зеленозадые скрылись в портале Фиолета.

Что же ты творишь, девочка? Неужели настолько нам не доверяешь? Боишься, что помешаем?

Он с трудом удержался от очередного пинка стеклянной стены.

— Жестко она с вами. Я думал только со мной так.

И стену все же пнули. Черный кожаный ботинок теневика пролетел сквозь исчезнувшую в тот момент преграду, увлекая за собой владельца. Тагир матернулся, с трудом увернувшись от встречи с полом. Выпрямился, одернул пальто.

Павел с интересом наблюдал за ним. Если коллега не врал, с Аней у него ничего не получилось. От этого открытия настроение поползло вверх.

— А вообще завидую. Весело тут у вас. Я таких чудиков зеленых никогда не встречал. А у меня... интернет надоел своим враньем, власть тупостью, люди ментальной податливостью. До жился, из всех мужиков, с кем можно нормально пообщаться — ты и твоя команда.

Павел сложил руки на груди, на губах играла усмешка — замысел теневика был ясен, как небо в безоблачный день.

— И не надейся. Выход вон там. В память о твоих заслугах, так и быть, мы не станем выдвигать никаких обвинений. Хотя знаешь, пользоваться слабостью пожилой женщины — подло.

Коллега на упрек никак не отреагировал, видимо, не считал подлостью, а может, не желал оправдываться.

— Злой ты, — укоризненно вздохнул он, — я для него лица не пожалел, машину под удар подставил.

— Вот потому ты и уходишь отсюда живым. Но если тебя что-то не устраивает...

— Мальчики, что случилось?

Клавдия Петровна при помощи оставшегося рядом с ней Арвеля поднималась с пола.

— И где Анечка? Мне показалось, я слышала ее голос.

— Аня действительно была здесь, но не смогла остаться — у нее важные дела, — голос Арвеля едва заметно дрогнул, ему было непросто признать, что у хозяйки могут быть иные дела, кроме переселения, — не беспокойтесь, она вернется. Вы можете подождать ее здесь.

— Здесь? — Клавдия Петровна обвела растерянным взглядом огромный зал, потерла указательным пальцем лоб. — Простите, но, кажется, вы предлагали чай.

— Да-да, конечно, вы правы, — облегченно перевел дух координатор, делая незаметный жест Павлу, — пройдемте в столовую, нам надо многое обсудить.

Павел подошел к ним, следом, естественно увязался Тагир.

— Мальчики, вы ведь составите нам компанию? — чуть кокетливо спросила Клавдия Петровна, беря обоих молодых людей под руку. Павел мученически скривился, но возражать не стал, только скрипнул зубами, поймав подмигивающий взгляд коллеги. Влез все-таки, ошибка заклинания,

выродок иного мира. Яду ему в чай подсыпать? Или Сан Саныча натравить? Знатно же Тагира перекосило, когда он себя в исполнении призрака узрел? Лучшее воспоминание этого дня.

Когда гости удалились, и в зале осталась лишь дежурная группа, с лестницы спустились трое. Двое в трусах с ворохом бывшей одежды в руках, третий — сопровождающий их маг.

Коллеги, после увиденного сегодня, им ничуть не удивились. Они бы не удивились, будь парни и вовсе голышом. Подумаешь, одним голозадым больше, одним меньше.

— Домой их? — понимающе спросил дежурный.

— Хозяйку проспали, — кратко ответил Лексар и прикрикнул на замедливших шаг парней: — Пошевеливайтесь, здесь вам не смех-шоу.

— Шевелите копытами, гамадрилы, — нарисовавшийся спереди Сан Саныч смотрел недобро, поигрывая ножичком.

Парни вскинулись.

— Что, подшутили над алкашом-маразматиком? Не успели? Ай-ай-ай, какая жалость, — покачал с притворным сожалением головой призрак и скомандовал: — А ну бегом, ушлепки разума! Чтобы духа вашего здесь не было! Ну! — и лезвие хищно сверкнуло в призрачных руках, явственно нацелившись на оставшееся целым из одежды.

Когда припустившие бегом парни скрылись в портале, Лексар протянул руку и осторожно обменялся рукопожатием с Сан Санычем.

— Спасибо, уважаемый, за помощь. Про этих шутников даже у нас разговоры ходят. Совсем, парни, совесть потеряли. Надеюсь, сегодня вы преподали им хороший урок.

ГЛАВА тридцать первая

Аня сидела, свесив ноги, на краю листа и бездумно смотрела на фиолетовую зелень леса. На душе было сумрачно. Вина мышью скреблась

в уголках души, и оттого девушке хотелось отсрочить возвращение домой. А лучше вообще там не появляться!

Она легла на лист, прикрыла глаза, раскинула руки.

Стать птицей, взмыть в небо и улететь далеко-далеко, где под крылом будет проноситься далекая земля, над головой синеть бездонное небо, а все проблемы решаться пойманным обедом.

Хорош мечтать... Жизнь давно научила — бегать от проблем бессмысленно, догонят, прихватив парочку новых по пути.

Проблема номер один — мама. Положим, она знает, как мама оказалась в доме — Тагир постарался. За что ему, конечно, "спасибо", впрочем, с теневином она разберется позже. Зная Арвеля, можно надеяться, тот применит свою фирменную чая-терапию, задурит голову, успокоит и примирит маму с новостью, что у ее дочери теперь странная работа, а в коллегам — маги из другого мира.

Арвель. Здесь проще. За надежду получить свободный мир ей простят любое самовольство. Как говорится: победителей не судят.

Павел... Как-то незаметно маг стал важной частью ее жизни, и просто так отмахнуться от него не получалось даже в мыслях. Он стал первым, кто протянул ей руку помощи, кто поддержал, кто встал на ее сторону. Но разве этого достаточно для рождения любви? Оказывается, да.

Его признание вспоминалось урывками и казалось частью горячего бреда. Было ли оно или ей приснилось?

Не важно. После сегодняшнего все это уже не важно.

Сердце болезненно сжалось, совесть из мыши выросла до крысы, принявшись выгрызть болезненные дыры раскаяния в душе. Как он смотрел, когда она уходила! Раньше думать надо было, когда к Фиолету сваливала, когда, не посоветовавшись, уходила к зеленокожим. Все сама... сама. А ведь это предательство — не доверять.

Нет, Павел ее не простит! Точно не простит.

— И кто тебя не простит?

Фиолет растянулся рядом. Аня приподняла голову, скосила глаза — рожа довольная, точно ему «Бентли» на день рождения подарили. Оказывается, последнюю фразу она произнесла вслух. Стареем, уже речь не контролируем. Или это некоторые опять в мозгах копались?

Зеленокожие ушли, кроме одного. Да-да, того самого, ее несостоявшегося убийцы. Он терпеливо сидел на корточках неподалеку и ждал, когда Хозяйка закончит маяться дурью и решится на что-нибудь конкретное.

— Не хочешь возвращаться? Так отсюда тебя никто не гонит. Выделю дерево, будешь на нем жить, дупло разрешу продолбить, на лианах научу летать... Не жизнь, а мечта.

Аня представила, как белкой скачет по дереву, спит в дупле, прикрывшись хвостом. Стоп, какой хвост, какое дерево, у нее там драконы еще не поселены. Нет, дупло и славную беличью жизнь придется отложить. А Павел... Пусть ненавидит, его право. Она не могла поступить иначе.

— Мне пора, — нехотя поднялась. Уходить категорически не хотелось, но и сидеть здесь вечно — не выход. Ответственность, чтоб ее в одно место. Опять же мама. Хороша она будет, если бросит ее с магами и их бесконечным чаем.

— Если что, дерево для тебя придержу, — понимающе кивнул Фиолет и неожиданно обнял: — Не бойся, все будет хорошо. И заходи к нам завтра.

"К нам". Многообещающее приглашение.

Аня криво улыбнулась. Если все будет хорошо... Если она справится. Если ее не запрут под домашний арест.

— Зайду.

И повернулась в сторону портала. Зеленокожий словно ждал, пристроился следом.

— Эм, — Аня помедлила, но детинушка выказывал твердое намерение не отставать, — Фиолет, ты не мог бы его отвлечь?

— Ань, кто я, чтобы менять его решение? — изогнул брови Фиолет. — У него долг перед тобой.

То есть Фиолет банально не желал вмешиваться. Аня подарила ему укоризненный взгляд и повернулась к зеленокожему.

— Послушай, я тебя уже простила. Нет больше долга. Ты можешь остаться здесь и присоединиться к, эм, братьям.

Трехметровый детина буднично, точно шел к себе в офис, шагнул к краю листа. На лице можно было прочесть одно — непоколебимость.

— Невыполненный долг — смерть. Хозяйка не желает моей жизни, я готов присоединиться к отцу.

Аня мысленно выругалась, пожелав упряму сдохнуть прямо сейчас, но случайно, а не по ее вине. И где-нибудь по-тихому, чтобы она не видела.

Вот ко всем проблемам ей только зеленозадой не хватает. И уже кляня себя за мягкосердечие и слабых характерность — не хватает, ох, как не хватает стальных, эм, Фаберже — она позвала.

— Хорошо, идем.

Не меняя выражение лица, точно иного результата и не ожидалось, зеленокожий товарищ отошел от края. Самоубийство отменялось, зато лично у Ани вырисовывалась перспектива домашнего Армагеддона.

Вы когда-нибудь пробовали приручить кенгуру? В ограниченных пределах трехкомнатной квартиры? А если вдобавок кенгуру уже нокаутировал вас однажды, и вам требуется убедить родственников в его приручаемости, а также пушистости и белизне кенгуровой шкурки и души. В самом простом варианте свежий ремонт точно перестанет быть таким, а в скором времени потребуются новые. Это если обойдется без жертв.

Аня с тоской посмотрела на трехметровое создание, на размер его кулаков, на объем бицепсов. Нет, не обойдется.

— Фиолет, — протянула жалобно, но того и след простыл. Удрал поганец. Бросил ее с этим. И где, спрашивается, справедливость?

Все дальнейшие попытки и уговоры: подождать здесь, отложить выполнение долга, дать ей время разобраться с делами — разбивались о молчание. Вкупе с непроницаемым выражением лица зеленокожего, ситуация складывалась — хуже не придумаешь, и Анины опасения становились все более кровавыми. Было бы у нее побольше времени, придумала бы что-нибудь, но беспокойство за маму кулачком пихало в спину. В конце концов Аня плюнула и сдалась.

— Тебя звать-то как?

Нормального, в человеческом понимании, имени у товарища не было. Кто бы сомневался...

— Сам как хочешь называться?

Детина неопределенно махнул рукой. Он вообще был молчалив, и это молчание — стоит, всякую фигню думает — Аню здорово раздражало.

— Хорошо, определимся по ходу пьесы. За мной хвостом не ходить, что скажу, то и делать. И только попробуй кого-нибудь тронуть. Порву на мелкие тряпочки, невзирая на долг и память о твоём отце.

Около портала их ждали. Усиленная дежурная группа. Павла среди них не было, и сердце Ани царапнула досада.

Лица встречающих светились настороженным дружелюбием, а в их руках уже кастовались разного уровня атакующие и защитные заклинания. Ей были рады, а вот ее подопечному, на плече которого возлежал сладко дрыхнувший Вальди, нет.

Аня постаралась встать так, чтобы как можно больше площади ее тела перекрывало доступ к зеленокожему. С языка так и просилось "Фу!", но она сдержалась — невежливо, хоть и очень хочется разом прекратить

назревающую свару.

Неожиданно за спиной запахло цветами, Аня чуть повернула голову и мысленно взвыла. Зеленокожий оказался магом — черный цветок в его руке пах смертью. И какой умник вложил это умение в трехметрового детину с явно нечеловеческим сознанием?

— Убери сейчас же, — прошипела, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

Воздух ощутимо потеплел, а количество заклинаний на один квадратный метр резко возросло. Аня перешла на магическое зрение, и сразу захотелось ругаться долго и со вкусом: интуитивно это ощущалось противостоянием фугасной бомбы и десятка револьверов. "Револьверов" больше, зато "бомба" мощнее. А если вспомнить, что маги официально ей не подчиняются, то...

И тут на глаза попала Таймара. Как удачно, что магиня сегодня в дежурной группе. Общая любовь к кофе их сблизила, а совместное приготовление еды сподвигло на парочку разговоров. Насколько она смогла изучить магиню, та не страдала излишней кровожадностью и не стремилась сворачивать шею гостям просто так, без разбора.

— Таймара, забираешь гостя. Ведешь в мою комнату. Побудьте там, пока я не освобожусь. Арвель в столовой?

— Да, тебя все ждут, — кивнула Таймара и первой отпустила боевое плетение. В глазах читался вопрос: «Ты уверена? Он безопасен?»

Аня не была уверена ни в его безопасности, ни в собственной адекватности, но приходилось рисковать.

— Он — мой гость, — повторила с нажимом.

Повернулась к зеленокожему.

— Вальди положишь на тот диван и пойдешь с Таймарой. Слушаешься ее, как меня. Ясно?

Кивок.

Аня проследила, как маги, удерживая заклинания, расступились, позволили гостю уложить Вальди на диван и следом за Таймарой отправили двух мужчин — на всякий случай. Ане оставалось лишь надеяться, что этот случай не наступит.

По пути в столовую она заглянула в туалетную комнату, умылась, привела себя в порядок. Зеркало отразило бледную девицу со спутанными волосами. Пришлось потратить еще несколько минут, чтобы заплести косу.

У двери в столовую девушка остановилась. Ровный голос Арвеля показался таким родным, аж в глазах защипало.

— Таким образом, Клавдия Петровна, ваша дочь помогает нам обрести новый дом. К сожалению, агрессия вашего мира не позволяет нам действовать открыто, отсюда и все меры безопасности. Вы должны понимать причины нашей секретности.

Вдох. Выдох. Собраться. Заставить себя улыбнуться и потянуться к ручке двери. Повернуть, открыть и застыть на пороге, приложив палец к губам, чтобы вскинувшийся Павел остался на месте. Маг послушался, лишь прикипел взглядом к девушке.

Голос мамы звучал уверенно, как врач она умела работать в кризисных ситуациях и быстро преодолевала стресс. Ане потребовалось гораздо больше времени, чтобы принять правду.

— Конечно, понимаю. Поверьте, после девяностых я не доверяю ни одному правительству, как бы сладко оно не пело о любви к народу. Да и страшно подумать, какой хаос наступит, если правда о вас просочится в газеты. Поэтому целиком поддерживаю любые меры секретности. И первым делом необходимо позвонить Андрюше. Я извинюсь и попрошу прекратить расследование. Скажу, что ошиблась, произошло недоразумение, он — хороший мальчик, поймет.

— Андрюше? Мама, ты позвонила Андрею? — Аня шагнула от двери. Головы присутствующих повернулись в ее сторону. Тагир одобрительно кивнул, точно появление девушки шло в полном соответствии с лично

разработанным им планом. А вот Павел... его изучающий взгляд она предпочла не замечать.

— Анечка, — мама растерянно заморгала, губы задрожали.

— Мам, ну что ты. Вот я. И со мной все в порядке.

Мама. Маленькая, хрупкая, не погрузневшая с возрастом, ниже ее на полголовы, а ощущение, что она прижала к себе ребенка. Седина щедро разбавила натуральный блонд. А еще от мамы пахло ванильным сахаром, домом и детством.

— Мам, ну перестань. Что подумает о тебе Арвель?

Клавдия Петровна отстранилась, торопливо вытерла покрасневшие глаза. Быстро брать себя в руки приучила профессия. Как бы тяжело не пришлось, врач не должен вести себя сопливой девчонкой, рыдая над смертельно больным.

— Прости, Ань, столько всего навалилось. Я ведь чувствовала, с тобой что-то не так. С ума сходила от беспокойства, а ты молчала. Вот и попросила Андрея проверить квартиру. Все-таки деньги и не маленькие.

— Мама-мама, — укоризненно вздохнула Аня, понимая, что будь у нее своя дочь, поступила бы так же. Дети всегда остаются детьми, будь им пять лет или тридцать.

— Клавдия Петровна, если я правильно понимаю, вы попросили своего знакомого последить за дочерью? — Арвель был корректен, но вопрос заставил Клавдию Петровну покраснеть и потупить взгляд.

— Да, — кивнула она.

Маги многозначительно переглянулись.

— А фамилия у этого товарища есть? — вмешался Тагир.

— Андрей Николаевич Травкин, сын наших близких друзей. Я его с детства знаю, да и Аня с ним росла.

Клавдия Петровна выглядела несчастной, но готова была лично поручиться за Андрея. Потому как и правда хороший парень, потому как она сама его в это втянула и не переживет, если у Андрея будут неприятности.

— Но он сейчас в больнице и не занимается расследованием.

— В больнице, — задумчиво протянул Тагир, вновь обмениваясь взглядом с Павлом, а рукой, словно невзначай, касаясь подбородка.

— Он не успел много раскопать, только твердил о пяти трупах, — еле слышно добавила Клавдия Петровна.

— Тархан мне в дымлу, — выругался Арвель. Аня не поверила своим ушам — на ее памяти координатор впервые употреблял ненормативную лексику. Судя по лицам остальных, они были целиком и полностью согласны с руководством.

— Проблемы? — спросила Аня, в принципе уже зная ответ.

— Старое дело, — Арвель скривил лицо, точно его угостили лимоном, и многозначительно добавил, глядя на Тагира: — И касается только нас.

Теневик пренебрежительно хмыкнул, всем видом показывая, какого он мнения о старых делах, которые всплывают через несколько лет.

— На пару слов, — Павел взглядом указал коллеге на дверь. К удивлению Ани, Тагир возражать не стал.

— Клавдия Петровна, Анечка, прошу прощения, но дела, — шутовский поклон, — не прощаюсь, еще вернусь.

Клавдия Петровна обеспокоенно вскинулась, но Аня положила свою руку ей на локоть и прошептала:

— Не беспокойся, так надо.

За мужчинами закрылась дверь.

— Он вообще не отсюда, наблюдатель из другого мира, вдобавок не совсем дружественного.

— А-а-а, — протянула Клавдия Петровна, — а с виду такой приличный молодой человек, женихом твоим представился, и мне показалось, искренне о тебе беспокоился.

Услышав про жениха, Аня фыркнула — мечтатель, хоть к маме, но подкатить.

— Все они приличные с виду и искренние, привыкнешь. Я попрошу Фиолета защиту от ментальной магии тебе поставить, чтоб не нагтели.

Судя по маминому виду, она хотела спросить о многом: существует ли ментальная магия, и чем конкретно занимается ее дочь, и что ее связывает с Павлом. И так хотелось сесть напротив и рассказывать долго, с подробностями, но Аня решительно отогнала от себя заманчивую идею. Нельзя вываливать на неподготовленного человека столько правды. Она не может рассказать про ранение, про злобных русалок, да и про Фиолета пока рано говорить.

Ирония судьбы в том, что сама она когда-то жутко злилась на переселенцев за недомолвки, а теперь сама в таком же положении.

Клавдия Петровна подошла к окну. Переживает. В этом вся мама, если она взяла кого-то под опеку, то будет отвечать за него до конца. И пациентов мама вытягивала, даже тех, кто уже потерял надежду задержаться на этом свете.

Увиденное ей понравилось, мама отвернулась от окна с просветлевшим лицом и тут же вспомнила, что хоть и в гостях, но люди сидят за столом, перебиваясь конфетами и печеньем, а разве это еда?

— Ань, я посмотрю, что у вас на кухне?

— Конечно, мам, чувствуй себя как дома, — кивнула Аня. Внутри было тепло и радостно, точно с плеч сняли невидимый груз, — если нужна будет помощь — зови.

А ведь именно этого ей и не хватало в доме — семьи. Настоящей семьи. И кажется или абажур сегодня светит теплым рыжим светом, и теней по углам нет?

— Ваша мама — потрясающий человек, — Арвель, похоже, уловил настроение дома, выражение лица координатора теряло напряженность, морщины разглаживались.

— Это вы еще не пробовали ее пирогов, — со скрытой гордостью проговорила Аня.

Безумие снова крутилось вокруг, звеня бубенцами на шляпе шута. Она расхваливает маму магу из другого мира. Добавить, что мама замужем и вполне счастлива? Нет, это будет пошло. Арвель итак в курсе дел ее семьи.

— Пирог, — мечтательно прикрыл глаза координатор, — это тесто с начинкой, да?

Аня кивнула.

Нет, безумие сегодня точно правит бал. От трупов и слезки они перешли к обсуждению пирогов. А ведь разговор предстоит непростой, так почему бы не разбить его лезвиями треснувшего зеркала рассудка. Она сегодня наделала столько глупостей... на целую палату больных хватит.

На кухне застучали дверцы шкафов, зазвенела посуда. Что же... у мага есть шанс попробовать пирог. Мама, как и Аня, предпочитала успокаивать нервы готовкой.

Вернулся Павел. Один. Сел за стол, покрутил в руках чашку.

— Уехал? — догадалась девушка.

— Пришлось.

— Это связано с Андреем?

Можно было и не спрашивать. Она прекрасно помнила слезку,

вмешательство Тагира. Силовиком, устроившим слезку, был Андрей. Тот самый парень, с которым они вместе убегали в лес на ночное, купаться в реке, катались на великах, рыбачили на озере. Боже, как давно это было. И какими детьми они тогда были! А выросли, и жизнь развела в разные стороны. Андрей был женат, неудачно, да и она пыталась выстроить жизнь с другими мужчинами, а теперь они оказались не просто по разные стороны. Стороны превратились в баррикады, и стылым холодом камеры тянуло из углов.

— Ань, — покачал головой Павел, — ты — не маленькая и понимаешь, к чему приведет расследование. Одно дело — чужой человек, и совсем другое — если он знает тебя лично. Обещаю, мы постараемся не причинить ему вред.

Теплота абажура наливалась бледностью.

— Скажи, больница — ваших рук дело? — очень тихо спросила Аня. В душе образовалась пустота, и ей хотелось крикнуть, бросить кружку с чаем об стену, лишь бы заполнить пустоту нужным ответом. Нужным, потому что этому человеку она доверяла, не просто доверяла — верила, что он самый лучший, добрый и справедливый.

— Мы работаем по-разному, — в голосе координатора слышалось сочувствие, — иногда человек устойчив к воздействию и тогда приходится искать другие способы вывести его из игры. Не судите нас строго, Аня. К тому же мы не знали, что молодой человек дорог вам.

На последние слова начальства Павел поморщился, но промолчал. Лишь руки, лежащие на скатерти, сжались в кулаки.

— Я лично хочу участвовать в операции, — Аня, не отрываясь, смотрела в глаза координатора, — нет, я требую этого.

— Это опасно, — быстро вмешался Павел, и Аня с трудом удержалась, чтобы не отправить чашку в полет к ближайшей стене.

— Все опасно! — она вскочила, зашагала по комнате. В кухне лилась вода, там намывали, приводя кухню в порядок. — Опасно к Фиолету, к русалкам, дракону. Мне купить куклу и нянчиться с ней наверху? Или

сделать вид, что ничего не случилось и последний мир все так же закрыт из-за соображений безопасности?

— Аня, ты преувеличиваешь, — нахмурился Павел, но девушку уже понесло. Злые слова рвались из сердца.

— Я хотела быть благодарной за вашу заботу, но нельзя благодарить за веревки, которыми тебя связали, за клетку, в которую тебя посадили. Прости, Павел, в куклы я больше не играю. Не интересно. Зато интересно ходить в другие миры. Рисковать. А еще помогать. Вы когда-нибудь думали, что я открыла миры не только ради вас? Точнее вовсе не ради вас, а ради них самих. И каждому из миров требуется мое участие. Не знаю, чем я могу помочь русалкам или теневикам, но мир, из которого я вернулась сегодня, готов принять новых жильцов. Можете отправлять туда команду исследователей прямо сейчас. И последнее, Арвель, Павел, запрещаю что-нибудь делать с Андреем без меня. Это понятно?

Ответить маги не успели. В столовую без стука ворвалась взъерошенная Таймара:

— Анна, там этот, твой, короче... Сама посмотри.

Что бы ни натворил зеленозадый засранец, Аня была ему благодарна за вмешательство. Сколько бы она наговорила лишнего в запале? Страшно представить. Все же нельзя говорить о серьезном, когда внутри кипит гнев.

На втором этаже маг придержал ее за локоть, заставляя притормозить. Развернул к себе, приподнял подбородок, заглянул в глаза.

— Тяжелый день, светлячок?

Гнев испарился окончательно, забрав с собой и здравый смысл. Аня смотрела в черные глаза мужчины, и единственная мысль, которую удалось поймать в голове, была сама "мудрость": "Какой он красивый!"

И в тот момент к ней пришло понимание: она простит ему. Все. Ладно, почти все. За Андрея еще выскажет, а главное, проверит, чтобы снова бедного парня до больницы не довели. Распоясались, в ее мире как у себя дома хозяйничают.

Кивнула, потому как слова так и не смогли выйти из перехватившего вдруг горла.

Светлячок... Везет ей на прозвища. Синеглазка, теперь вот светлячок. Внутри разливалось тепло, в глазах стояли непрошенные слезы. Близость к смерти сделала ее излишне сентиментальной. Захотелось обнять, прижаться, довериться и переложить все трудности на плечи этого парня. Она — маленькая, слабая. Она — просто женщина.

Прижалась, позволив себе расслабиться на пару мгновений, ощутить сквозь ткань рубашки тепло его руки на спине. Отстранилась. Шмыгнула носом. Отвернулась.

Наверху слышался подозрительный шум, причитания Сан Саныча. И надо было спешить.

— Спасибо, — прошептала еле слышно. И одеяло незримой поддержки теплом окутало плечи.

Они немного потолкались в дверях, но Павел все же уступил, позволив первой войти в комнату к "опасному" субъекту. Аня влетела, выдохнула:

— Твою мать! — и замерла, так как почти от порога начиналась лужа, занявшая добрую часть помещения. Пахло как на ликеро-водочном заводе в момент производственной аварии. Тот вариант, когда и пить не надо, а только дышать, чтобы надраться.

Субъект, не подозревая о своей опасности, сидел на полу, посередине спальни, и сосредоточенно уничтожал коллекцию Сан Саныча. Призрак, заламывая руки, метался над лысой головой, истерично вопя что-то о варварах и вандалах. Таймара с еще двумя коллегами стояли рядом, подпирая стенку, и с нездоровым азартом наблюдали за процессом, невмешиваясь.

— Сколько смотрю, так и не понял, как он это делает, — тихо проговорил один из магов.

Зеленокожий, не обращая внимания на зрителей и истерящего

призрака, брал очередную бутылку, та практически полностью скрывалась в его ладонях, сдавливал, потом мля, и стекло, точно пластилин, превращалось в блестящий ком, а на пол стекала очередная порция водки.

Аня перешла на магическое зрение и мысленно согласилась с магами. Даже на магическом зрении это выглядело ровно так же, как и на обычном. Стекло не трескалось, не рассыпалось, а собиралось в аккуратные шары, ряд которых уже выстроился около зеленокожего.

— Аня, — Сан Саныч бросился к ней, — это что же делается-то. И откуда только эта сволочь взялась.

— Я его привела, Сан Саныч, — не стала отпираться девушка. На цыпочках прошла по воняющей спиртом луже, встала перед вредителем. С ростом товарища их головы как раз оказались на одном уровне.

— Ты что же творишь, пога..., гм, друг мой? — ласково спросила она.

— Ты назвала меня другом? — зеленокожий отвлекся, и его рука зависла в паре сантиметров от очередной бутылки, чем тут же воспользовался Сан Саныч, спасая водку от расправы.

Аня мысленно застонала. Как она могла забыть, что для детины слова были не просто словами, а правдой. Ирония, иносказания, намеки и все прочее было вне его понимания.

— Другом, — тяжелый вздох, но не отречься же от своих слов, — так зачем ты это делаешь?

— Помогаю, — еще больше запутал ответом зеленокожий, но увидев вскинутые брови девушки, пояснил: — Мертвая вода не должна быть рядом с тобой. Это опасно.

Приличных слов для воспитания не осталось, а неприличных, как известно, детям не говорят, дабы дитя не приняло их на вооружение.

— Вообще-то она не совсем мертвая, — начала было девушка, но поймала взгляд зеленокожего и осеклась — распинаться перед товарищем было бесполезно. Баобаб, одним словом.

— Пойдешь со мной, — Аня потянула детину с пола, — и постарайся понять, рядом — не означает, что я начну это пить. Они вообще тут лежали и никому не мешали. До тебя. А теперь ты расстроил Сан Саныча и оторвал меня от важного разговора.

Зеленокожий смотрел внимательно, но в глазах не отражалось ни малейшего намека на стыд или пробуждение совести. Аня мысленно махнула рукой на свои педагогические способности.

— Сан Саныч, не переживайте, я все возьму.

— Еще чего! — тут же возмутился призрак. — Даже не думай. Чтоб женщина мне водку покупала? Да я лучше сдохну.

Павел, скрывая усмешку, кашлянул.

— Впрочем, я и так уже сдох, — констатировал Сан Саныч и с расстроенным видом исчез в стене.

Девушка оглядела комнату — бардак. Вздохнула — убираться нет ни сил, ни желания.

— Аня, идите, мы тут наведем порядок, — поддержала ее Таймара.

— Спасибо, — поблагодарила девушка и дернула за руку три метра недоразумения: — Пошли уже, горе мое.

По пути вниз ей удалось уговорить Павла поделиться шортами, заставить зеленокожего их нацепить и, наконец, доставить на кухню. Здесь уже было чисто, сладко пахло корицей, мама раскатывала тесто, на плите закипал чайник.

— Мам, присмотришь за ним? — попросила, усаживая товарища на пол — стулом решила не рисковать. Конечно, это было опасно, но она рядом, за стенкой. А просить магов помочь, все равно, что требовать от собаки стеречь кошку и при этом не покусать. Вот и во взглядах Павла явственно читалось желание размазать зеленого по стене и никаких угрызений совести при этом не испытывать.

Мама моргнула, дернула рукой, опрокинув пачку муки на бок, но в целом встречу пережила хорошо.

— Конечно, оставляй. Мне помощники нужны, — и спросила тихо: — Он ведь говорит по-нашему?

— Говорит, — подтвердила девушка, — а вот с логикой, — и она выразительно приподняла брови. Мама понимающе кивнула.

Аня приблизилась к зеленокожему, что-то прошептала на ухо, выпрямилась, окинула неверящим взглядом кухню: мама, за ее спиной в стене, маскируясь под листики искусственного цветка на стене, маячит лицо как-то быстро оправившегося от горя Сан Саныча, на полу сидит в тесных шортах лысый мужик. Осталось немного, чтобы сказка пришла в дом — добавить принца и белого коня. Впрочем, зачем конь, когда есть дракон. А с принцем... сложно все. Да и не нужен он ей, когда рядом Павел.

— А имя у него есть? — донеслось из кухни, когда они с Павлом усаживались за стол.

— Придумай сама.

— Ладно, буду звать Зеленкой.

— И почему не йодом? — пробормотала себе под нос Аня, здороваясь кивком головы с Тахмаром. Мага, похоже, спешно вызвали сюда, ибо вид он имел взъерошенный, но заинтригованный.

Дальше был долгий и обстоятельный разговор. Аня как могла, уходила от подробностей — сдавать участие Сан Саныча и Фиолета она не собиралась. Маги как могли эти самые подробности выпытывали. Перекрестный с трех сторон допрос — то еще испытание, но Аня выдержала. Впрочем, магов больше интересовал новый мир, чем ее побег из дома.

Лишь Павел все больше мрачнел и внимательно изучал стену у нее за спиной. А внутри девушки зрело предчувствие, что разборка ей не

избежать.

"И пусть" — решила она. Свинство, конечно, лиять от охраны, но что делать, если эта охрана мешает работе? И думать нечего, лияла и будет лиять.

Аня выпрямилась, приняла независимый вид. Пусть только попробует возмущаться... Она ему предложит не куклу купить, а наручники. Наручники, кровать... мысли неожиданно поползли в другую сторону, далекую от работы.

Девушка тряхнула головой, возвращаясь в реальность. Пригубила чашку чая. Кажется, жизнь налаживается. Мир свободен, маги довольны, вон как пирожки трескают, только за ушами трещит. Фиолет обзавелся старшим братом. Дел-то осталось всего ничего — начать и закончить. И она улыбнулась дракончику на боку кружки и даже почесала тварюшку за ухом.

Жизнь — странная штука. Еще сегодня утром она двигалась к концу, а к вечеру подарила уверенность в будущем. Что же... посмотрим, что принесет завтра.

Вечер затянулся. Николай Александрович должен был вернуться домой из командировки только завтра — "Я сама ему все скажу, дочь".

Клавдия Петровна спохватилась лишь к десяти вечера. Засобиралась, спешно наводя порядок на кухне. Работа отлично прогоняла тревожные мысли. А подумать было о чем.

Она несколько раз звонила Андрею, но абонент был недоступен или не брал трубку, и червячок тревоги грозил вырасти до размера змея. Но не только это беспокоило женщину. Зеленка вел себя тихо, послушно снимал пробу с ее готовки. Мясо и рыбу, правда, есть отказался. Помогал с тяжелыми кастрюлями, работал соковыжималкой, отдавая вместо лимона желтую лепешку. В остальное время замороженно следил за ее работой, и Клавдия Петровна скоро привыкла к присутствию Зеленки, относясь к нему как к троюродному племяннику-аутисту: вроде и не дурак, а социализации — ноль.

От чувства, что за ней следят и следит почему-то искусственный цветок на стене, Клавдия Петровна упорно отмахивалась — слишком много на сегодня потрясений, нечего впадать в паранойю, даже если она имеет право быть.

Иногда на кухню долетали обрывки разговора из столовой, и тогда вроде знакомые слова превращались в пугающие образы: драконы, Фиолет, русалки, теневики, разумное сообщество растений, маги. И ей почему-то казалось, что сейчас раскроется дверь и к ней войдет Баба-Яга, махнет метлой и гаркнет: "Мечи на стол, хозяйюшка", а метать-то и нечего. Продукты, конечно, были, но скажем так: для мужиков сойдет, а вот чтобы перед гостьей не опозориться — не годились.

И потому на сковородке жарились пирожки, а в печи доходила картофельная запеканка. Клавдия Петровна знала четко, если жизнь подбрасывает нечто необъяснимое, его тоже надо накормить, согреть, утешить, а потом уже разбираться, что за зверь к ним пожаловал и надо ли его лечить. Наверное, не будь Клавдия Петровна врачом, она бы обязательно пошла учиться в кулинарный техникум.

Десять вечера — не время задавать вопросы, и потому Клавдия Петровна молча ехала домой в машине с Павлом, лишь когда показался родной подъезд, тихо попросила:

— Вы уж берегите Анечку, она у нас одна.

— Не волнуйтесь, Клавдия Петровна, для нас она тоже единственная, — добавив еле слышно: — И для меня.

Казалось, после такого насыщенного дня она должна была отрубиться и спать без задних ног, но сон, подлый засранец, не шел. Аня стояла босиком на полу, завернувшись в одеяло, и смотрела в окно. Снаружи шел снег. В свете единственного, стоящего на берегу фонаря крупные хлопья грациозно кружились под беззвучную музыку, замечая почищенные днем дорожки. Комната была погружена в полумрак, зажигать свет не хотелось, и по бледной дорожке на полу, кидаемой фонарем с улицы, метались неясные тени.

С первого этажа доносился неясный шум — операция "Исход"

вступила в активную фазу разведки, и маги решили не размениваться на мелочи, отправив команды — представителей стран и союзов для поиска подходящих территорий.

Аня прислушалась, если не брать во внимания шум снизу, здесь, на втором, царила тишина. Никаких намеков, что в соседней комнате на полу расположился Зеленка.

Угораздило же ее получить подарочек от умирающего леса. Всегда знала, что последнее желание не бывает простым. Скорее бы этому чуду надоело сидеть в не магическом мире и он попросился бы к Фиолету.

Но об этом она подумает позже. Завтра истекают три заката, испрошенные драконом, и днем придется навестить русалок. А ей работать с Павлом... Попросить сменить начальника охраны? Ага, ежики плакали, но ели кактус. Так и она. Дико думать, что кто-то чужой заменит Павла, станет ходить рядом, смотреть за каждым ее шагом. Павел, каким бы перестраховщиком ни был — свой, родной, и менять его на кого-то она не готова.

За стенкой раздались шаги, подозрительный шум, чей-то шепот, затем дверь раскрылась, и в спальню шагнул — вспомнишь, он и появится — Павел. За спиной мага темнел трехметровый силуэт, но мужчина ловко закрыл дверь перед носом конкурента.

— Так и знал, что не спишь. А у тебя талант на странных друзей, — вымолвил маг и добавил: — Еле проскользнул. Впрочем, надо отдать ему должное, охранник из него что надо. Если научишь различать, от кого защищать, а от кого — нет, я готов смириться с его присутствием.

— Я — нет, — покачала головой Аня, — он такой... твердолобый. Все мои доводы и просьбы разбиваются об него, точно волны о гранитный утес.

— Первый опыт тесного контакта с иной цивилизацией? — понимающе кивнул Павел. — Иная логика, иные взгляды и ты не понимаешь, плакать тебе или смеяться над его поступками. Я чувствовал то же самое, когда начинал работать с Сан Санычем. Да я и сейчас порой чувствую себя дураком.

Аня опустила глаза, под укоряющим взглядом Павла проснулся стыд.

Теплые руки легли на плечи, сжали.

— Я не буду тебя ругать, Ань. Ты — взрослая, умная, вон в куклы уже не играешь, но неужели так сложно начать доверять?! Я не из прихоти прошу, не из вредности. Аня-я-я.

Имя, произнесенное нараспев, ударило в сердце, заставляя его ускорить бег. От мужчины пахло морозом, городом и цитрусом. Голова вдруг закружилась, и все очень умные и верные доводы в пользу свободы и независимости испарились, точно вода под лучами жаркого солнца.

— Маленькая моя, как мне заслужить твое доверие?

Его руки сместились на поясницу, и Аня сама сделала крохотный шаг навстречу, уткнулась носом в мужскую грудь, потом прижалась щекой, слыша, как гулко бьется его сердце. И стали неважны: снег за окном, Зеленка за стенкой, сегодняшний сумасшедший день и завтрашняя встреча с драконами.

Забывать обо всем, прикрыть глаза, отдаться невероятному чувству тепла, поселившемуся в сердце. Ощутить себя нужной, любимой и желанной.

И зачем что-то отвечать? Зачем объяснять, когда он рядом? Не надо слов, они лишь мешают.

— Поцелуй меня, — попросила. Одеяло само соскользнуло вниз.

ГЛАВА тридцать вторая

Под утро Ане приснился кошмар: Фиолет отбивался от вцепившегося в него Вальди и голосом Шапокляк орал: "Помогите! Хулиганье!"

Открыла глаза. Оскаленная морда Вальди у изножья кровати вызывала уважение белоснежным рядом зубов. Повернула голову в поисках источника собачьего гнева — на полу, у изголовья — и когда только

пробрался? — сидело ее личное трехметровое недоразумение, а попутно источник скандалов. А она между ними. "Отличное" начало дня!

— Ань, прости, — в комнату влетела Таймара, — упустили.

— Я разберусь, — успокаивающе махнула ей девушка, усаживаясь на кровати.

Следующие пять минут ушли на успокоение пса: — "В конце концов, надо уметь прощать», — на донесение точки зрения собаки до Зеленки: — "Ему, и правда, есть за что на тебя злиться".

Зеленка молча, не вставая с пола, вытянул вперед руку, рычание стало громче, затем нос Вальди сморщился, и пес оглушительно чихнул. Память о едкой крови Зеленки оказалась сильнее ненависти.

— Ну и что ты с ним будешь делать, если на его кровь у тебя аллергия? — ехидно уточнила девушка. Пес помотал головой, потом очень по-человечески вздохнул и улегся вдоль кровати. Весь его вид говорил: учти, Зеленый, за тобой присмотр будет особенный.

Аня выдворила обоих защитничков из спальни и занялась собой.

Вчера Павел ушел за полночь, и воспоминания о прошедшей ночи окрасили щеки в румянец.

С ума сойти, она решилась. Если бы не смертельное ранение, заставившее по-новому взглянуть на многое, если бы не желание мага разобраться с Хозяйкой, они бы долго ходили вокруг да около. Но тень смерти за плечом заставила переосмыслить и жизнь, и свою позицию в ней. Не хотелось больше тратить время на выяснение отношений, хотелось ими наслаждаться.

Прав был Павел, другой менталитет — жуткая вещь. Хорошо, ночью они выяснили, что разговор о невесте и женитьбе, по их традициям, это объявление серьезности намерений парня к девушке, а не простое бахвальство. А она уже придумала себе невесть что.

А ведь... И Аня замерла, обдумывая пришедшую в голову мысль, ей

предстоит знакомство с семьей Павла. Действительно предстоит. Руки похолодели, ладошки вспотели, и Аня торопливо вытерла их об джинсы. И тут же устыдилась. С чего она так испугалась? Драконов не боялась, а как услышала о свекрови, так сердце в пятки готово удрать?

На приведение себя в порядок ушло полчаса. Чувство, что она что-то забыла, заскреблось на краю сознания. Аня поискала по комнате, но мобильник не попадался на глаза. Спустилась вниз. Павел стоял около входа в порталный зал, что-то обсуждая с незнакомым магом. Увидел Аню, тепло улыбнулся, пошел навстречу.

— Доброе утро, Светлячок.

— И тебе, господин маг. Как успехи?

— Группы работают. Предварительные результаты — обнадеживают.

— Ого! — Аня восхитилась оперативностью магов, пригляделась к Павлу и спросила с тревогой: — Ты хоть спал сегодня?

— Какое спать, Светлячок, когда мы творим историю!

Он подхватил Аню на руки, закружил, широко улыбаясь.

— Пусти, дурачок, — потребовала девушка, притворно сердясь, — и, кстати, ты не видел мой мобильник?

Павел остановился, поставил Аню на пол, прижал к себе на мгновение и только потом отпустил.

— Видел, он у меня, забрал, чтобы не мешал, пока ты болела.

Достал телефон из кармана, протянул его девушке.

Аня разблокировала экран. Все, она снова в обществе. Без связи сегодня — ты точно Робинзон на острове.

Пара пропущенных звонков от Насти — надо перезвонить подруге. Шесть смс-ок, совсем обнаглели спамеры. А это что? Она ткнула в смс от

банка. Пополнение счета. Полчаса назад пришло.

Секунд десять Аня тупо смотрела на экран, считала нули, сбивалась, считала заново. Когда ошибка была исключена, она все же позволила поверить себе, что этот миллион был зачислен именно на ее счет.

— Что-то не так? — напрягся Павел. — Плохие новости?

— Это что? — уточнила хриплым от волнения голосом и продемонстрировала смс-ку.

— Быстро сейчас платежи идут, — отметил тот спокойно, точно каждый день отправлял и получал по миллиону. — А что тебя удивляет? Аванс и небольшая премия. Или мало?

— Н-нет, — помотала головой Аня, забирая телефон, — вполне достаточно. Но не рановато ли для премии? Ведь еще нет стопроцентного решения на переселение.

— Ань, считай, оно принято. Разведка — формальность. Надо понять, какую страну, куда переселять. И мы доверяем твоему слову. К тому же эти деньги ты полностью заслужила. Даже без последнего мира.

Аня открыла было рот — возразить и молча его закрыла. Кто она такая, чтобы отказываться от миллиона? Или убеждать магов повременить с вознаграждением? И в голову потекли приятные мысли: машина, норковая шубка и духи. Все-таки приятно, когда твою работу ценят в шестизначном эквиваленте.

А что касается веры на слово... Умеют же маги удивлять. То они каждое ее слово подвергали сомнению и проверке, а теперь вдруг верят просто так. С чего такая смена курса? Ладно, хотят — пусть верят. Тем более она от своих слов не отказывается. Мир — уникален. И всяко лучше болотного собрата.

— Анечка, доброго... О!.. уже почти дня.

Мимо них танцующей походкой прошелся Арвель. Аня проследила взглядом за напевающим незнакомый мотив координатором, ошарашенно

кивнула в ответ. Всегда сдержанный, по-английски невозмутимый Арвель и музыка в ее голове сочетались плохо.

— До катастрофы он был учителем танцев.

— А? — по-глупому переспросила Аня, все еще пребывая под впечатлением от увиденного.

— У нас многие до катастрофы занимались другим делом, Ань. У Арвеля семья одной из первых попала под удар стихии. Цунами накрыло острова Лунного света, где его жена и дочь проводили отпуск. Удар был силен и внезапен, мало кто спасся. Брат Арвеля выстроил к ним портал, вытащил, но сам погиб, когда пытался спасти кого-нибудь еще.

— Ужас, — выдохнула девушка. Холодок пробежался по спине, и зал порталов вдруг показался самым уютным местом на свете. А ей еще к русалкам сегодня. Может, не надо?

— Арвель пришел в Проект сразу же после его основания. Фактически это его детище. Сначала Проект считали невыполнимым — найти пустой мир, да еще и магический, потом был проложен стабильный канал в ваш мир. Тогда многие разочаровались, Проект чуть не закрыли, но Арвель сумел убедить правительства дать Проекту еще один шанс.

— И тогда появился Сан Саныч?

— Да, — кивнул Павел, протянул руку, провел по волосам девушки, потом, не стесняясь, обнял, — и наши шансы возросли втрое. Ну, а дальше ты и сама все знаешь.

Она знала. Надежда и разочарование шли рука об руку весь непростой путь Проекта. Только бы сейчас не сорвалось... И Аня поставила себе зарубку в памяти, зайти в храм в воскресенье. Пусть миры у них разные, как и вера, но помощь свыше им не помешает.

Маме она позвонила сама. Чувство беспокойства — взвалила на человека столько, а сама не проверила, как она там — червячком вины копошилось внутри.

Мама ответила сразу же, точно сидела около телефона. Они обменялись стандартными «Как дела?» и «Все хорошо», а дальше возникла пауза. Прекрасно зная, что мама не станет навязываться, Аня не могла заставить себя сделать то, что должна. Она по-дурацки ощущала себя героем шпионского боевика, который скрывается под видом добропорядочного отца семейства, ходит якобы на скучную работу страхового агента, а потом прокалывается на очередном задании, и за ним, как и за его семьей, разворачивается охота.

Даже думать страшно, что «Анна Николаевна Счастливецва? Пройдемте.» прозвучит когда-нибудь рядом с ней на улице. А мама?

От нарисовавшегося в воображении: Клавдия Петровна в фартуке, руки в муке, а на запястьях наручники — в желудке поселился кусок льда. Мама точно не переживет ни ареста, ни допроса. Вот и создан рецепт идеальной Хозяйки — безработная и сирота. К счастью... нет, все же к счастью, у нее есть семья.

Правда, остался Андрей и это глупое расследование... Он так и не вышел на связь со вчерашнего дня, создавая еще один повод для беспокойства, как будто ей дракона мало!

Было бы правильно оградить близких от своей беспокойной и сумасшедшей жизни. Стереть лишние воспоминания, заменить ложными и опять жить, изворачиваясь...

— Мам, если хочешь — приезжай. Арвель полночи твои пирожки расхваливал.

— Дочь, я точно не помешаю? — осторожно уточнила Клавдия Петровна.

— Даже поможешь. Зеленка утром опять чуть не сцепился с Вальди, Сан Саныч куда-то пропал, да еще и с дракончиком, товарищи переселенцы расхаживают точно под кайфом, у меня в обед важная встреча, а кофе варить почти никто и не умеет, молчу о нормальной еде.

Она говорила, чувствуя, как с плеч исчезает невидимая тяжесть. Как же здорово, когда есть с кем поделиться своими проблемами. Не просить их

решить, просто поделиться и услышать в ответ:

— Ань, не переживай, ты же знаешь этих мужиков — им лишь бы подрататься, а с едой что-нибудь придумаем.

— Даже не планируй все взвалить на себя, — тут же перебила ее Аня, — у тебя возраст, и сердце, и спина. Я попрошу найти помощников, если ты хочешь.

— Конечно хочу, чтобы моя дочь питалась нормально, а не бутербродами с дошираками.

Аня не сдержала улыбки — у мамы всегда был пунктик относительно здоровой и полезной еды.

— Тогда попрошу Павла забрать тебя.

Клавдия Петровна убрала телефон в карман фартука, потом спохватилась, выложила на тумбочку — ей же сейчас выходить, надо бежать собираться, а еще не забыть взять любимые приправы — с ними любое блюдо становится вкуснее.

Она взглянула в зеркало, потянулась поправить прическу, вскользь подумала, что сто лет не делала маникюр, да и маски для лица, подстричься опять же не помешает. Поймала себя на том, что улыбается, а еще впервые за два года на пенсии чувствует себя полной жизнью. А спина... На том свете будет время отдохнуть.

Андрей достал из шкафа собранную заранее сумку, переоделся. Заглянул к сестричкам — подарить конфеты и попрощаться, выслушал наставления от встретившего его зав. отделения кардиологии и наобещал много всего полезного, но абсолютно ненужного в свои двадцать семь лет.

Заехал домой, по-быстрому принял душ, сварил пельмени, сделал кофе, нарушив сразу два обещания, данные врачу. Пока готовил, ловил себя на том, что нет-нет да посматривает на лежащий на столике планшет. И ведь знал содержание файла наизусть, но за дни безделья настолько привык пересматривать сканы дела, что занятие перешло в привычку.

Звонить участковому Чуприяновки — областного центра, которому подчинялась деревня Красная Новь, Андрей не стал. Местные кадры не всегда отличались надежностью, особенно если речь шла о соседях.

Тверское отделение коллег информацией не порадовало. Да, есть такая деревня. Как и везде, живет в ней десяток семей, остальное большинство — дачники, приезжающие летом за свежим воздухом, экологически чистыми овощами, спинами, сорванными на огороде, и первачом, который гнала из свеклы тетя Нюра.

Словом, стандартная такая деревня, каких тысячи на карте родной страны. Андрей уже предвидел: разбитую дорогу, с перемолотыми на ней снегом и грязью, заколоченный магазин, он же бывший дом отдыха, а еще давящую на уши тишину, запах навоза — вот и вся пастораль деревенского пейзажа. И эти "богатства" ему предстояло в скором времени лицезреть лично.

Андрей вдохнул запах кофе, сделал первый глоток, он всегда пил его без молока и сахара, ценя горький насыщенный вкус. Прикрыл глаза — вот чего ему не хватало в эти дни в больнице. Мысленно пробежался по делу, выстраивая версию. Но сначала факты.

Некий тип укладывает четверых вооруженных братков из банды Хамона, получает семь пуль в упор и погибает. Дело расследуют питерские коллеги при активном содействии братков — те жаждут отомстить за своих. Затем труп неизвестного похищают, а оставшиеся четыре не приносят никаких зацепок, кроме следов от ударов молнии на телах, многочисленных наколок, а также радости следователей, в чьих делах фигурировали эти четверо. Из единственного вещдока — мобильного неизвестного — успели выудить несколько номеров до того, как его украли из хранилища. Звонки были вполне невинными: такси, поликлиника, нотариальная контора, единственный выпадающий из этого списка — звонок Жернову. Да и по самому телефону складывалось ощущение, что неизвестный получил его пару дней назад. Ни аккаунтов в сети, ни игр, ни почты. Кто же сейчас использует телефон только как звонилку? Даже бабушки и те ставят специальные программы для звонков по интернету. Жаль, что телефон выкрали вместе с трупом, и все, что осталось Андрею — надеяться на добросовестность эксперта, оставившего записи.

Жернов умирает, а через полгода некий Павел звонит с его номера Ане, устраивает девушку на работу, более того — продает ей квартиру покойного Жернова.

Афера с квартирой? Допустим, но при чем тут работа? Зачем вступать в тесный контакт с жертвой, если собираешься украсть у нее квартиру?

Не логично.

В чем же тогда цель этих ребят из Красной Нови? И что они затевают?

Андрей достал чистый лист, в который раз рисуя схему. Метатель молнии знал Жернова, Жернов знал Павла Самохина и отдал ему свой телефон, Павел знает Олега Ставрова, который получил от Жернова дарственную на квартиру и мог свести его с Аней. Обычная житейская ситуация, вот только в нее никак не вписываются пять трупов и парни без аккаунтов в соц сетях.

Андрей специально проверил, ни у Самохина, ни у Ставрова не было личных страниц. Молодые парни, из глубинки — и без желания продемонстрировать миру, какие они умные и красивые? Для такой скромности нужны веские причины. Жаль, не пробить их телефоны без ордера, а в базе на парней ничего нет.

Андрей потянулся было к мобильнику, поколебался пару секунд, но все же звонить начальству не стал. У него больничный, свободное время. Отчитываться не обязан.

Да и дело на первый взгляд не выглядело стоящим. Стоит ли из-за единственной зацепки беспокоить начальство?

Была и другая причина, по которой звонить шефу Андрей не стал — Аня.

Наверняка влезла по глупости и даже не понимает, во что ввязалась. В его памяти возникло лицо девушки с мечтательной улыбкой, в руках лист бумаги и карандаш. Аня всегда была выдумщицей, а уж когда на нее находило — часами погружалась в мир фантазий. Такую кто угодно обманет, стоит лишь поманить принцем на белом коне.

Он припомнил, как мать рассказывала о бывшем молодом человеке Ани, который оказался игроком. Андрей сам тогда был в не лучшей форме — развод трепал нервы не хуже зубной боли, а надо было обратить внимание, выспросить подробности, предложить помощь... Глядишь — и не было бы у нее сейчас бандитов в друзьях, да и у них самих может сложилось чего.

И все же он позвонил. Сергей Никиев пришел в отдел на три года раньше него, дослужился до старшего лейтенанта, к начальству относился с уважением, но без прогибания спины и всегда был готов поддержать коллегу морально — парой рюмок водки или физически — прикрыв от начальства.

С Сергеем он сошелся быстро и сейчас это был единственный человек, который мог обеспечить второй ствол, не начиная задавать при этом глупых вопросов: не сошел ли господин Травкин с ума, не мерещатся ли ему по углам зеленые черти и не летают ли над головой тарелки?

Сергей действительно не стал задавать лишних вопросов, лишь уточнил: "Завтра едем? Тогда я созвонюсь с корешем, он как раз в Твери служит, обеспечит нам бумаги".

Договорились, что поедут на машине Сергея и тот заедет за ним в семь утра.

После обеда Андрей собрался по магазинам — надо было закупить кое-что в дорогу, а то модными ботинками на тонкой подошве — только собак смешить в деревне. Уже на обратном пути, изрядно уставший, нагруженный пакетами, злой — поход по магазинам вызывал у него стойкое отвращение — он стоял около машины, пытаясь не уронить пакеты и открыть машину. И в тот момент, когда он почти преуспел, зазвонил телефон. Андрей ругнулся, полез в карман.

Можно было не отвечать, но служба приучила проверять каждый вызов, потому как перезванивать начальство любило примерно так же, как он поход по магазинам.

Неловко скособочась, он достал телефон, держа его двумя пальцами,

взглянул на экран, и в этот момент мимо прыжками пронеслось нечто невысокое, в ярко-красном комбинезоне с опушкой. Андрей ощутил, как руку подбили, скользкий гаджет вылетел, устремляясь на асфальт.

— Ради Бога, простите, — на мгновение около него затормозила запыхавшаяся девушка, бросила отчаянный взгляд вперед и с криком «Дашенька, стой!» продолжила погоню.

Андрей открыл все-таки машину, забросил пакеты внутрь и полез за телефоном. Тот, по закону подлости, ударившись о дверцу, соскользнул вниз, в грязную лужу, которыми так богаты обочины городских дорог, по дороге напоровшись экраном на бордюр. Экран треснул, а вода протекла внутрь. Вдобавок запасной телефон он сдал в сервис две недели назад, и тот еще не был готов.

Помянув про себя детей, мамаш и хрупкую технику, Андрей дома разобрал телефон, надеясь его просушить. Разобрал. Жучка не заметил бы и слепой. Некоторое время Андрей тупо смотрел на шпиона. В голове не было ни одной здоровой мысли. За ним следили. Осталось понять, кто и зачем.

Утром чудо не произошло. Мобильник не заработал.

Виктор Степанович маялся дурью. Для внешнего мира он был занят серьезным делом — игрой в шахматы, для себя — убивал время. А что еще делать на пенсии? Ящик раздражал своей тупостью, стрелялки — мультяшностью, да и какие к черту стрелялки, когда ты сам ходил на стрелки, от которых, попади на них в реале, создатели игр наложили бы в штаны. Раз в неделю они собирались приятной компанией, играли в покер, чесали языками, вспоминая прошлые деньки. Заскакивали племянники, наполняя дом жизнью, а потом снова приходила тишина.

— Виктор Степанович, можно?

В дверь постучали. Лешик. Больше некому. Домработница ушла, водителя он отпустил.

Виктор Степанович выждал для солидности секунд десять и разрешил войти.

Алексей бросил уважительный взгляд на шахматы, сам дитя технологий предпочитал что-нибудь стреляющее и взрывающееся.

— Виктор Степанович, помните, вы просили посадить жучок на мобильник Травкину? Ну тому фсбэшнику, который... Он еще в больнице оказался.

— Я помню, который, — перебил его Виктор, с раздражением думая, что его вид вызывает у окружающих мысли о маразме. А ведь еще совсем недавно они бледнели при одном упоминании его имени.

— Да, конечно, — мигом исправился Алексей, — так вот сегодня был любопытный разговор. Я пошуровал в сети, наш поджигатель был связан с одним старикашкой, тот откинулся полгода назад, но есть чел, которому досталась стариковская хата, где-то в Тверской глуши, село Красная Новь. Вот туда мужик и собирается двинуть завтра.

— Дом в деревне, говоришь... — прищурился Виктор Степанович.

— Не совсем в деревне. Дом построен на берегу озера, там километров пять до деревни по лесу.

Виктор Степанович передвинул слона, съел его ферзем, поставил белым шах.

Алексей терпеливо ждал.

— А знаешь ли, Леша, давно мы с тобой не выбирались за город. На лыжах покататься, свежим воздухом подышать. В Тверской, между прочим, живописные места.

Кислое лицо Алексея говорило само за себя. Хакер считал леса чужеродной, опасной для человека средой, а на лыжах катался разве что в далеком детстве.

— А как же ваше здоровье? — сделал он слабую попытку отговорить шефа от авантюры.

— Плевать на мое здоровье! — рявкнул Виктор Степанович. — Бегом собираться. Завтра выезжаем пораньше, перехватим их у деревни. Сядем на хвост, а там посмотрим. И не трясись — светиться не будем, но ствол на всякий случай возьми.

Мигом побледневший Алексей мелко закивал, развернулся и рванул из комнаты с видом человека, которому срочно понадобился гранатомет, ну или, на худой конец, пулемет.

— Что такой смурной? — спросил Сергей, когда они вырули на Садовое кольцо. Город только просыпался. Ездили полупустые автобусы, трамваи, но пробки уже подбирались к пяти баллам. Москва...

Сквозь мутный смог пробивалась утренняя свежесть. Было тихо, безветренно, и чистое небо дарило надежду на солнечный день.

— Из-за телефона расстроился? Плюнь. Знаешь, сколько я свой бил? И в туалет ронял. Симку вытащил?

— Вытащил, — уныло подтвердил Андрей, размышляя: сказать или нет приятелю о жучке. По инструкции должен доложить, а там... служебное расследование, экспертиза, десяток отчетов. Заставят пошагово вспомнить каждый день за последние три месяца, и обязательно всплывет дело, которым он занимался в обход инструкциям частным образом. А как начальство ненавидит подобные сюрпризы, он знал. Пара прецедентов в отделе уже случалась.

— Заедем в Тверь, купишь себе что-нибудь, в чем проблема?

Андрей хотел было добавить, что проблема вовсе не в этом, но вспомнил про Аню и промолчал. Нет, на самом деле, где он прокололся?

Дело о братках из тверской глубинки и дорогостоящий жучок никак не хотели складываться в общую картинку. Разве что все сложнее, чем кажется, и банда связана с человеком-молнией? И что получается? Преступная группа экстрасенсов? Работают тайно, боятся огласки. В банду входит гипнотизер, иначе чем объяснить провал в памяти вдовы Жернова? А в Красной Нови у них база. Отличное место для схрона, тихое.

Вопрос: сколько их там, на базе?

Андрей впервые засомневался, не переоценил ли он свои силы? Не стоит ли озаботиться поддержкой? И тут же успокоил себя — это разведка, в дом можно не соваться, хватит и наблюдения.

Итак, банда экстрасенсов. А что? Вполне рабочая версия. Остается один вопрос — каким боком ко всему этому относится Аня? Или она тоже?

Он вдруг представил, как Аня сидит за столом, разложив карты Таро, или двигает предметы взглядом. Рядом с ней почему-то оказался цыган, тот самый, с которым они по-глупому сцепились на дороге. Цыган противно улыбался и держал в руках гнутую ложку, а потом ловко достал из кармана пистолет, начав улыбаться еще противнее.

Сердце заныло, и Андрей, морщась, потер левую часть груди.

— Черт, — выругался Сергей, прокручивая экран навигатора, — все перерыли, сволочи. Придется в объезд. Слушай, а давай в твои Нови прямо сейчас рванем? Перед Тверью часа на два застрянем, а так срежем угол, полтора часа — и там.

Андрей глянул в боковое зеркало — показалось или нет — сзади мелькнула морда черного внедорожника? Очень похожего на тот, за рулем которого сидел цыган.

Отставить чертовщину, лейтенант Травкин! — приказал сам себе. Вы — офицер или впечатлительная барышня? Развели тут мистику в голове, так и до черного властелина додуматься недолго.

— Рванем, — согласился, чувствуя, как голова пустеет и появляется ощущение, что спуск нажат и его, как пулю, выпустили из ствола и свернуть уже без вариантов.

К участковому они все же заехали, во-первых — по пути, во-вторых — личный визит не то же самое, что звонок по телефону, в третьих — совсем без разведки ехать не с руки.

— Дом у озера, говорите? Красная Новь?

Участковый, по фамилии Степанов, был худощав, рыж и изрядно конопат. Светло-серые глаза смотрели с тоской собаки, чья жизнь состояла исключительно из будки, цепи, миски с водой и костей.

Андрей незаметно огляделся. Пункт полиции навевал ту же тоску, что стояла в глазах участкового. Серые, немые окна, с архаичными деревянными рамами и дохлой мухой на подоконнике. Выцветшие плакаты на стенах. Старые столы с потрескавшимися краями. Кувшин с зацветшей водой. Банка растворимого кофе. Грязные чашки. И воздух, пропитанный запахом дешевых сигарет без фильтра.

— Все верно, Александр Валерьевич, именно этот дом нас и интересует, точнее, его обитатели, — Сергей был предельно вежлив.

— Можно просто Александр, — отмахнулся участковый и спохватился: — Чай, кофе?

Андрей с сомнением покосился на банку "Черной марки" и решил, что больное сердце как раз тот повод, чтобы отказаться от чашки дрянного кофе. Сергей же попросил чай и, получив чашку кипятка, долго мочил в ней пакетик "Принцесса Нури", но пить не стал.

— Значится, дом, — повторил, словно собираясь с мыслями Степанов, наморщил лоб, от чего веснушки потонули в складках морщин, и вдруг просветлел лицом: — Знаю, знаю. Там еще старик Жернов жил, а потом дом москвичи купили.

Он помолчал, воздел глаза к потолку, и его лицо сделалось еще более просветленным, а затем добавил с убедительностью фаната:

— Хорошие люди купили.

— А конкретнее? — уточнил Андрей, начиная ощущать смутное беспокойство. Участковый на глазах превращался из унылой собаки в собаку, стукнутую кирпичом по голове.

— Очень хорошие люди, — повторил Степанов и расцвел блаженной улыбкой идиота, — пожилая, — выматывающая нервы пауза, — пара

живет. Сын, — пауза, за которую Андрей успел произнести про себя с десяток цветистых выражений, — им дом купил.

С каждой фразой паузы становились все дольше, точно для поиска ответа «мозговому компьютеру» Степанова требовалось сделать дополнительный запрос.

— Сам приезжает, — пауза, — продукты привозит. Потому в деревне, — снова пауза, — не появляются. А так живут очень...

Андрей не выдержал:

— Мы поняли, очень хорошие люди.

— Да, — с облегчением выдохнул Степанов, достал чистый, аккуратно сложенный платок и вытер отчего-то взмокший пот.

— Если понадобится — обращайтесь, вы нам очень помогли, — закончил он не совсем логичной фразой и смутился, упирая взгляд в сложенные на коленях ладони.

— Спасибо, — поблагодарил Сергей, вставая и делая знак Андрею двинуться на выход.

— Черте-те что творится. Понабрали идиотов, — ворчал он, широкими шагами продвигаясь по узкому коридору участка, — толку с такого, как с козла молока.

Андрей помалкивал, ибо имел другой взгляд на происходящее, но предпочитал им не делиться с коллегой, уж больно тема щекотливая...

Они вышли на улицу, Сергей остановился, запрокинул голову, подставляя лицо под холодные лучи зимнего солнца, сделал глубокий вздох и резюмировал:

— Хорошо живут, сволочи. Народу нет, работы тоже, а природа вокруг... закачаешься. Слушай, — он пнул носком ботинка сугроб, выросший по обеим сторонам дорожки, — открой-ка досье на этого покупателя, что у него там за старики живут?

Андрей достал планшет, активировал, открыл нужный файл и стал читать вслух:

— Олег Петрович Тавров, 1985-го года рождения, село Анишкино, Тверской области. Родители Петр Петрович Тавров и Анна Павловна Ставрова.

И он включил мобильные данные, чтобы зайти в базу данных. Как назло, связь тут была ужасная, и капризная база грузиться не хотела. Сергей, посмотрев на его мучения, принялся звонить кому-то по телефону.

— Танюшечка, солнышко, не сильно занята? Как кто? Конечно, я. Да, подлец, но в следующее воскресенье обязательно в кино, а лучше на концерт. Тань, ну когда я обманывал. Конечно, не просто так звоню, а чтобы сказать ты — лучшая. А если поможешь в одном маленьком деле, вообще цены не будет. Да, как обычно. Диктую: Петр Петрович Тавров, 1959-го года рождения.

Через пару минут трепетного общения, Сергей прошептал, убрав трубку от лица:

— Разбились оба на машине, Олег с десяти лет рос в детдоме.

Андрей, повинувшись промелькнувшей догадке, открыл досье на Павла Самохина. К походу в кино добавился ужин в ресторане, зато оперативники разжились информацией о Самохиных.

— Что же у них традиция такая гибнуть и оставлять детей сиротами?

Сергей потер лицо, полез в карман за сигаретой, потом вспомнил, что бросил курить, и поморщился. Андрей пожал плечами — совпадению он не удивился, как и тому, что никаких стариков у Олега не оказалось.

— Как под копирку, — продолжал рассуждать Сергей, выезжая на трассу, — что один, что второй — сирота. Уверен, копнем глубже, найдем еще совпадения. А знаешь, самое любопытное, детдом этот я помню. Два года назад там пожар был. Никто не пострадал, но дела все сгорели, да и само здание перенесли в другое место — проще новое было построить, чем

это восстановить. Знаешь, Андрюха, если хочешь мне что-нибудь рассказать, самое время.

Андрей глубоко вдохнул и задержал дыхание. Вот он — момент истины. Либо ему поверят, либо предложат пройти освидетельствование у психиатра. Сергей слушал молча, не перебивая. Что и говорить, слушать в их конторе умели.

— Значит, экстрасенсы, гипноз, — проговорил он задумчиво, потом резко свернул на обочину, заглушил мотор, — мне этот Степанов тоже подозрительным показался. Адекватный же мужик был, пока про дом не спросили. Ладно, брат, считай, твоя версия засчитана.

И он достал телефон, набрал номер, сел ровнее, и даже выражение лица стало серьезнее и строже.

— Вадим Петрович? Да, Никеев. Да, почти из Твери. Вадим Петрович, у нас тут с Травкиным странное дело нарисовывается. Травкин его еще до больницы зацепил, не успел доложить. Есть, следующий раз звонить до того, как штаны на заднице дымиться начнут. Так точно, и мозги включать будем. Да, файл сейчас перешлем. Да. Спасибо.

— Не благодари, — проговорил Сергей, возвращая телефон на панель, — и не спорь. Понимаю, боишься облажаться, но лучше быть живым дураком, чем мертвым и умным. Нас сейчас оперативная группа примет и будет вести. Выход на связь каждые три часа. Все, поехали в гости к твоим гипнотизерам. Ствол хоть не утопил?

Насмешку Андрей проглотил. Товарищ старше и опытнее, имеет право.

— Ствол взял, — и не удержался, проворчал: — Не мои они гипнотизеры.

ГЛАВА тридцать третья

Сказать, что Алексей мерз — не сказать ничего. Тонкие ботинки на меху, очень модные и дорогие, здесь, в Тверской глуши, превратились в ледяную ловушку для ног. Нос по цвету конкурировал с ярко-синим небом,

руки в перчатках онемели, и приходилось держать их в карманах. Словом, зимний лес оказался именно таким, каким он себе представлял: холодным, полным снега, превращающегося в воду, стоило ему попасть в ботинки. Здесь не было четырех ЖЭ, а хваленый Мегафон показывал жалкие три палочки, а еще здесь царила мертвая, давящая на уши тишина, и даже солнце, искрящееся в сугробах, и легкий морозец — минус семь — не могли примирить его с действительностью.

Алексей нехотя вылез из машины — тепло оттуда уже выветрилось, а включать двигатель на холостой ход начальство запретило — конспирация, твою мать. Он бросил раздраженный взгляд на Виктора Степановича: шеф в дутиках, белом пуховике, лыжных штанах напоминал снеговика, присевшего на пенек в лесу у дороги. Как присел, так и не двинулся с места. А они тут почти полтора часа торчат. И зачем? Ради каких-то федералов, которым приспичило тащиться в эту дыру.

Когда вечером выяснилось, что телефон объекта не выходит больше в сеть и жучок, который он поставил объекту на мобильник, тоже, Алексей понадеялся — поездка отменится, но Виктор Степанович, критически оглядев приготовленные лыжи, лишь постановил выехать пораньше.

Машину они спрятали, не доезжая до деревни, на обочине дороги, ведущей к ангарам бывшей фермы, а сами устроились в лесу, под елками.

— Ждем здесь, — изучив карту, приказал Виктор Степанович, — другой дороги в деревню нет, а отсюда, напрямик через лес, чуть больше километра будет. Пока они по деревне крюк делать станут, мы уже добежим.

Алексей не был настроен так оптимистично. В его понимании на лыжах он мог разве что доползти, но заранее огорчать шефа не стал.

За полтора часа он успел выпить литр кофе из термоса, три раза провалиться в сугроб, получить мини-лавиной по голове, когда зацепил еловую лапу, и проклясть все на свете. Здесь он чувствовал себя игроком Фольча — вокруг, не считая шефа, ни души, и за полтора часа по дороге проехало семь машин.

— Как вы их различаете, шеф? — спросил Алексей, растирая кончик

носа. — Ну как вы поймете, в какой машине едут федералы?

— Я их, Лешенька, за километр чую, будь то федералы или менты, мусора, одним словом, — поднял голову Виктор Степанович, он не выглядел замерзшим, лишь щеки чуть побелели, да на седых волосах, выбивающихся из-под шапки, серебрилась изморозь.

Послышался звук мотора, и мимо в сторону деревни проехал серый кроссовер субара.

— А вот и наши гостыюшки пожаловали, — неспешно поднялся Виктор Степанович, у Алексея неприятно екнуло сердце и заныло под ложечкой.

— Что встал? Пошевеливайся! — прикрикнул шеф на растерявшегося специалиста по информации, споро надевая лыжные ботинки и одним движением защелкивая крепления.

По дороге в сторону деревни пронесся черный внедорожник. Машина ехала быстро, не удосуживаясь объезжать ямы, которыми изобиловала местная трасса.

— Интересно, — протянул шеф, провожая внедорожник внимательным взглядом.

— Что интересно? — замер Алексей, уже влезший в промерзшие ботинки.

— Увидим, — коротко бросил Виктор Степанович и нырнул в елки.

Алексей, чертыхаясь, кое-как застегнул крепления, проверил пистолет в кобуре и бросился догонять по лыжне скрывшегося за елками шефа.

Догнал, на свою голову. Шеф стоял, в липнув в толстый ствол елки. Заметив Лешу, сделал страшное лицо и махнул на соседнее дерево. Алексей повиновался, хотя в глубине души был готов постоять где-нибудь еще, подальше.

Он отцепил крепления, снял лыжи и, прошел метра три, проваливаясь

по щиколотку в снег, прижался щекой к шершавому стволу. Выглянул, замирая от ожидания, что вот-вот прозвучит выстрел, и пуля выбьет щепку из дерева. Алексей и не думал, что в жизни все окажется иначе, чем в «стрелялке», там сердце никогда не стучало где-то в области горла, а тело не бил нервный озноб.

Обзор загораживала широкая лапа. Алексей, осмелев — выстрела не последовало, потянул за ветку вниз.

На узкой дороге, съехав с обочины и уткнувшись мордой в куст, стоял серый кроссовер. Внедорожник Хаммер нашелся метрах в трех — он перегораживал дорогу, точно черный пес, загнавший серую лису. Неизвестный мужик в кожаной куртке как раз вытащил под мышки из субару мужика и теперь волоком тянул его до внедорожника. Загрузив ношу на заднее сиденье Хаммера, он вернулся, покопался в салоне застрявшей в сугробе машины, потом вышел обратно, постоял пару минут без движения, и тут Алексей не поверил своим глазам — серая субара медленно, но верно начала терять свои очертания, становясь все более прозрачной, а потом и вовсе исчезла. Только примятый куст да вспаханный сугроб говорили о том, что минуту назад здесь стояла машина.

Твою же мать! — промелькнуло в голове у Алексея. Ни хрена себе тут творится.

От вонзившегося в уши вопля сойки он дернулся, стукнулся головой о ствол и тут же замер, перестав дышать, ощущая кожей, как чей-то холодный злой взгляд пытается проникнуть за дерево, отыскать съездившегося там парня и заставить исчезнуть, как машину пару минут назад.

Очень долгие тридцать секунд ничего не происходило, потом взревел мотор, зашуршали шины по снегу, звук начал удаляться, и Алексей наконец вспомнил, как надо дышать. Рвано вздохнул, обжег горло холодным воздухом, закашлялся, а неугомонный старик уже шагал по сугробам к дороге, неся лыжи в руках.

Алексей редко жалел о своей работе, но сегодня он явно побил рекорд. Передернул плечами — мокрая от пота рубашка неприятно льнула к спине, вытянул вперед руку, отметив тремор пальцев, зачерпнул снег, обтер им

лицо и пошел следом на дорогу. Двигало им не столько чувство долга, сколько боязнь выглядеть трусом в глазах шефа.

Шеф обнаружился перед вспаханным сугробом. Виктор Степанович стоял, засунув руки в карманы, старческие глаза, когда он посмотрел на подошедшего помощника, горели азартом, а еще там не было ни капли страха. Алексей мгновенно ощутил укол стыда. Подтянул перчатки и постарался принять независимый вид, точно каждый день участвовал в засаде и наблюдал убийство.

При мысли о трупe к горлу подкатил противный комок. Алексей сглотнул, пытаясь отвлечься на что-нибудь менее реальное. Завтра, например, выйдет апгрейд Fallout.

— Смотри, Лешенька, как интересно. Мы с тобой ничего не видим, так?

Воодушевление шефа Алексея ничуть не трогало, но он послушно кивнул.

— А ведь это иллюзия, машина никуда не делась. Вот она, — и Виктор Степанович протянул руку, ощупывая что-то невидимое.

— Поразительно, — выдохнул шеф, покачал головой, точно был не в состоянии поверить своим же словам.

— А этот... Ну...

Напавшее косноязычие точно насовало камней в рот, язык сделался чужим и отказывался повиноваться.

— С трупом который, — закончил он, наконец, внятно.

— С трупом, говоришь? — прищурился Виктор Степанович. — Трупы, Лешенька, обычно в багажник грузят, так что федералы еще живы. Пока.

— Так их что, несколько?

— Пока ты по лыжне тащился, я видел двоих.

— А, — только и сказал Алексей, потом подумал и спросил: — И что мы будем делать?

Если бы шеф сказал:- Идем до дома, разведаем, что к чему, — он бы пошел. Без особого желания, но пошел, а потому ответ шефа его особенно порадовал.

— Лет эдак двадцать назад я бы собрал надежных ребят и вскрыл этот домик на счет раз-два. Против калаша, Леш, ни один фокус не поможет. Но времена меняются. Хамон помер в прошлом году, а новый верховод не станет вписываться. Кишка тонка. Да и я уже...

Шеф замолчал. Молчал и зимний лес, тишина висела над дорогой, а где-то там тряслись на заднем сиденье вырубленные федералы. Один точно был не старше самого Алексея.

— И что мы оставим их просто так? — возмутился Алексей. Ему было плевать на ребят Хамона, он вообще относился к своей работе как к некоей игре, когда и мухлюешь, и закон нарушаешь, но по мелочи, без крови, трупов и бандитских разборок. Он и разрешение на оружие оформил, и стрелять научился, потому что уж больно обидно над ним подтрунивал водитель Виктора Степановича, называя задротом.

И сейчас в Алексее проснулась крепко спавшая до сего момента гражданская сознательность и захотелось совершить что-нибудь эдакое, подвигообразное. Интуиция шептала: «Фокусник — чужой», — и что тогда получается? Наших бьют, вот что получается. Пусть эти «наши» и поганые федералы.

Он вздернул подбородок, крепко сжал кулаки, в мыслях представляя, как впечатывает кулак в нос черноволосому фокуснику. Адреналин, бурлящий в крови, заставил забыть и о мокрых ногах, и об отмороженном носе, а еще о страхе.

— Можно и не просто оставить, — медленно проговорил шеф, что-то обдумывая. Алексей замер, ожидая ответ шефа.

— Эх, придется тряхнуть стариной, — выговорил тот наконец, и сердце парня радостно забилось, а кулак в мыслях трансформировался в дуло Glock-17, которым он тыкал в лицо черноволосого.

— Не думал, что когда-нибудь вспомню этот номер, — бормотал шеф, доставая из кармана мобильник и набирая чей-то номер.

— Привет, начальник, еще коптишь воздух-то? Узнал, значит. Ты при делах или уже картошку на даче копаешь? Даже так... Ну, поздравляю, товарищ полковник. Со звездочкой тебя и не хворать. Конечно, по делу. Просто так мы с тобой только в допросной общались. Нет, не настолько я соскучился, в гости с повинной не жди. Нет на мне вины, начальник. А что звоню-то? Так дело у меня. Тебе с федералами базарить с руки больше, чем мне. Парней у них двоих взяли. Кто, не знаю. Залетные. Записывай.

Закончив разговор, шеф повернулся к Алексею.

— Теперь можно пообедать, а через пару часов, когда кавалерия подъедет, на хвост им сядем. Ловок этот чертов фокусник, хочу посмотреть, как его брать будут.

Аня стояла в столовой, засунув руки в карманы брюк и покачиваясь с пятки на носок. Вальди носился где-то на улице, а его место за ее спиной занял лысый трехметровый мужик в нелепых шортах и дурацкими взглядами на жизнь. В руках он держал одного из котят, осторожно почесывая крошку за ухом. Тот жмурился, басовито мурча, несколько не смущаясь странным цветом кожи чесальщика. За стеной на кухне слышался перезвон посуды и голоса — в помощь Клавдии Петровне отрядили двух женщин из мира переселенцев, Таймара присутствовала там же в качестве переводчика. Словом, бывшая холостяцкая кухня Сан Саныча еще никогда не переживала столько женского внимания, как сегодня.

Идиллию нарушал лишь хмурый вид Павла. Маг стоял напротив, внешне спокоен, но выражение лица у него было самое решительное — точно за спиной Москва и ни шагу назад.

— Ты понимаешь, это бессмысленно? Я все равно пойду туда.

— К русалкам? — зло бросил Павел, но покосился на Зеленку и

шумно выдохнул, явно пытаясь успокоиться. Девушка отметила — с недавних пор присутствие зеленого товарища действовало на магов умиротворяюще.

— К дракону, — отрезала Аня, тоже начиная злиться. Голос она, впрочем, понизила, потому как маме совсем не обязательно знать ее послеобеденных планов.

— Зачем, Ань? — маг устало потер виски, выглядел он на одну бессонную ночь и выматывающее нервы утро. — Ты уже все сделала. Нашла отличный мир, чуть не погибла. Зачем этот бессмысленный риск сейчас? Ты не маленькая, прекрасно понимаешь, всем не помочь. Ты и так совершила невозможное для нас.

— Для вас, Павел, для вас. А как же остальные? Себя, родимых, спасли, а на остальных плевать? Я начинаю понимать, за что теневики вас ненавидят.

— И за что мы их ненавидим?

Дверь распахнулась, впуская свежий морозный воздух, Вальди, с налипшими комками снега на лапах, и Тагира. Павел сморщился, точно в дом принесло тещу, а вот Аня, наоборот, обрадовалась. Во-первых, Тагир поддержит любую авантюру, а во-вторых, у него должны быть новости об Андрее.

Через пять минут, стоя на улице в накинутой наспех куртке, она поняла — радовалась рано.

— Ты зачем притащил их сюда, придурок? Совсем стукнутый, да?

— Сам стукнутый!

Маги стояли друг напротив друга во дворе дома, у распахнутой дверцы машины, и орали, точно коты, делящие территорию. Аня подошла ближе, заглянула — внутри салона, вповалку, сладко похрапывали двое: Андрей и незнакомый парень.

— А что мне оставалось делать? В лесу их под сосенкой прикопать?

Они, считай, сюда добрались. Еле успел на повороте перехватить. Вчера думал в больничке по-тихому сработать, но этот уже слинял оттуда. Полночи по Москве мотался, привязка ослабла, никак ловиться не хотела. Как знал, охранку на дороге в Тверь оставил, на всякий случай. Она и сработала. Я рванул сюда, пока они к вам в дверь не постучали.

— Рванул, — насмешливо повторил Павел.

— Я — то всю ночь на ногах, а ты что делал, охранничек? Кофе гонял? И только намекни, я всегда «за» прикопать. Прибить проще, чем с памятью возиться. Только вот что Синеглазка скажет?

Аня задержала дыхание, досчитала до десяти. В больничке, значит, по-тихому хотел сработать. А кто из-за него в эту больничку попал?

— Значит так, граждане маги. Во-первых, никаких прикапываний под сосной. В бандитов будете в другом месте играть. Во-вторых, память стирать пока рано. Есть вероятность, что они успели доложить начальству о своих планах. А стереть память всему ФСБ... слабо?

Тагир скорчил недовольную гримасу, пнул сугроб и нехотя подтвердил:

— Слабо.

— Тогда будем договариваться. Павел, ты можешь разбудить Андрея?

— Я и сам могу, — тихо проговорил Тагир, и Аню прорвало:

— Ты, — она ткнула пальцем в грудь теневика, — очень много всего можешь. И пожилую женщину обманом в чужую квартиру заманить, и парня до больницы довести. Не много ли талантов для одного?

— Да нет, Ань, — губы Тагира кривились в усмешке, а в глазах стыла зима, — в самый раз. А вы, я вижу, тесно сошлись? Хозяйка и охранник? Отличная пара, только спроси у своего телохранителя, насколько он тебе доверяет, что жучок поставил на мобильник?

Аня повернулась к Павлу. И ведь ясно, чего добивается теневик. Влезть между ними. И пусть она это понимает, но остановиться не может.

Обидно, чес слово, день так отлично начинался, да и погода, как назло, не располагает к выяснению отношений. И все же она спросила, глядя ему в глаза:

— Это правда?

Павел бросил убийственный взгляд на коллегу.

— Да.

И что с ними делать? По-хорошему, прикопать бы обоих под сосной вместо федералов, да нельзя. Повязана она с ними, и крепко. Аня посмотрела на спящих федералов, вздохнула — а ведь это, милая, уже статья. Причинение вреда органам. Докатилась. Пора сушить сухари и отвыкать от маминых обедов.

Твою же мать. А ведь такое было чудное утро, а ночь и того лучше.

— Оба с глаз долой, — сказала, не глядя на мужчин, — и позовите Арвеля.

Арвель с расстроенным видом топтался около машины, бормоча об осложнениях, что они все обязательно исправят, пусть Анечка не волнуется. Аня хотела съехидничать, что поздно, батенька, волноваться, когда почки отвалились. Вот они, федералы, валяются без сознания во дворе ее дома. Ладно, пусть по документам не ее, но портал из квартиры ведет сюда, да и отпечатки ее здесь повсюду. Не отвертишься, что случайно пачку соли попросить зашла, причем не покидая пределов Питера.

В лесу застрекотала сорока, ей в ответ пронзительно мяукнула сойка, и Аня поймала себя на том, что вглядывается в гущу леса, пытаясь уловить среди темных стволов елок движение.

Совсем до жилась, мать, уже группу захвата в гости ждешь, — одернула себя. С другой стороны, если начальство парней в курсе их инициативы, сколько им потребуется времени, чтобы обнаружить исчезновение агентов и поднять тревожную группу? И не придется ли, как обещал Тагир, на практике проверять что круче: файербол или автомат Калашникова.

Она открыла было рот, чтобы спросить: а сколько здесь до Москвы, но осеклась. Андрей заворочался на сидении, шумно зевнул, потер лицо, открыл глаза и вдруг в одно движение оказался снаружи, рука засунута в карман куртки.

— Не это ли ищешь? — поинтересовался Тагир. Маг стоял, облокотившись о капот машины, и подбрасывал на ладони пистолет. Рядом, руки в карманах пальто, прикрывал отход в лес Павел.

Андрей обернулся, мигом узнал чернявого «цыгана», и неприятный холодок пополз по спине. Неужели его вели еще до больницы? Верить в подобные совпадения — себя не уважать. Значит, вели. Твою же мать... И где он так оплошал? Засветился, когда в квартиру пришел? Или во время слежки? Уже не важно.

Рядом с чернявым — хахаль Ани, и его Андрей возненавидел сразу. Просто так, без повода. Не понравился, и все.

Одного взгляда хватило, чтобы оценить шансы на прорыв, ругнулся про себя — хорошо обложили — не прорваться в лес, и сосредоточился на другой стороне — Ане, стоящей рядом с незнакомым седоволосым мужиком.

— Аня, — хрипло выдохнул, вцепляясь в девушку долгим неприятным взглядом.

Аня чуть ли не физически ощутила, как его взгляд скользит по коже, без всякого сексуального контекста — так изучают противника. Опасного противника, ну, или врага государства. И как-то сразу стало понятно, что игры закончились, а детство осталось только в памяти, и друг давно уже не тот, да и она, собственно, не та девчонка, с которой он бегал на заре на рыбалку. И между ними столько тайн, покруче, чем в ордене Тамплиеров.

И что она ему должна сказать? У нее все хорошо и это не то, что он думает? И здесь вообще все не то, чем кажется, даже дом?

А может, по-другому? Что черноволосый парень распылил неизвестный науке сонный газ, а не вырубил их заклинанием? Да-да, не

волнуйтесь, граждане, произошел взрыв газа, и зажигалочкой щелк. Но жизнь круче любых «Людей в черном», хотя такая «зажигалочка» ей бы пригодилась.

— Привет, Андрей, — кисло улыбнулась Аня, помахала рукой и, посчитав, что надо бы разрядить обстановку, спросила: — Как там тетя Аня?

Тагир за спиной парня закатил глаза. Наверное, оценил ее высокие способности к переговорам.

— Спасибо, хорошо, — медленно процедил Андрей. Выглядел он взведенной пружиной — тронь и сорвется, руку из кармана так и не вытащил. А кому понравится, когда его притаскивают, точно мешок с картошкой, на заднем сидении машины, да еще и оружия лишают?!

Аня его прекрасно понимала, но, кроме сочувствия, предложить ничего не могла. Впустить в дом родное государство? Нет, она еще не сошла с ума, чтобы загубить Проект. Тогда придется разнимать не только теневоков с переселенцами, но и сограждан в борьбе за место под чужим солнцем.

Повисла тишина. Нехорошая такая тишина, которая заполняет голову плохими мыслями и подталкивает к неверным решениям: например, выпустить бультерьера, то есть дать добро Тагиру на его злостные планы, вплоть до «прикопать под сосной». Вот разве она имеет право рисковать Фиолетом или Сан Санычем?

— Поговорим? Могу предложить чай или кофе.

Андрей дернул головой, разминая плечи, чуть расслабился и неожиданно уточнил:

— Кофе растворимый?

— Обижаешь, у нас только молотый.

Аня незаметно перевела дух. Если палач интересуется, каким именно кофе его собираются травить, то есть напоить, еще не все потеряно. Есть

шанс договориться.

— Прошу, — она махнула рукой в сторону дома.

— Только после тебя, — проявил он предусмотрительную вежливость. Шагнул за девушкой, но тут же остановился: — А он? — кивнул на открытую дверцу машины.

— Не переживай, присмотрю, — хищно улыбнулся Тагир, добавив: — И даже колыбельную спою.

Вид у «нянюшки» со стволом в руке был еще тот, и Андрей заподозрил членовредительский эффект «колыбельной», но тут вмешался Арвель. Скорбно, как только он умел, вздохнул и тоном уставшего от жизни, а особенно от глупых выходов молодежи человека предложил:

— Идемте, молодой человек, выпьем чаю. Обещаю, с вашим другом ничего не случится, зато вы получите ответ, э-э, на часть ваших вопросов.

Первой в дом вошла Аня, сделала страшные глаза, развернулась было прикрыть дверь, чтобы получить лишние десять секунд, но не успела — Андрей уже стоял на пороге. В его глазах она прочитала удовлетворение, он словно ставил галочки в мысленном блокноте.

Дом, неизвестные личности, европейской внешности и разговаривающие с акцентом — галочка номер один. Черный пес, басовито гавкнувший на него, — галочка номер два. А вот на третьей он споткнулся, беспомощно хлопнул по пустому карману, куда переложил пистолет, когда они свернули на дорогу к дому с озером, и сильно-сильно пожелал, чтобы товарищи поторопились с поддержкой, потому как ему одному во враждебном окружении требуется помощь, эм, психиатра, ибо трехметровые зеленокожие мужики в синих шортах в простых глюках не приходят.

— Знакомься, это — Вальди, а это — Зеленка, — страдальчески прикусив губу и мысленно плюнув на голос разума — чему быть, тому не миновать, — Аня принялась знакомить Андрея с обитателями дома. И вот куда вылезли? Сидели бы в столовой, может, и обошлось бы.

— Зеленка, — повторил Андрей, стоя с глупым видом и открытым от удивления ртом.

— Согласна, имя не очень, но мама такое выбрала. Знаешь этих врачей, им ближе йода и аспирина слов нет.

— Мама? — у Андрея глаза полезли на лоб от удивления. — Клавдия П-петровна здесь?

— Ага, — Аня с беззаботным видом кивнула в сторону кухни, — чувствуешь? Пирожками пахнет. А уж как она тебе будет рада!

«Хоть кто-то будет тебе здесь рад» — читалось между слов, но погребенный под впечатлениями Андрей подтекста не заметил.

— Анют, привет, что за сыр-бор? И какого этот к нам зачастил? Уж не собираешься ли ты кинуть Павлушу и сменить его на этого, чернявого? Ты у меня, девка, смотри. Мигом хвост накручу.

Аня не знала, плакать ей или смеяться. Сегодня решительно все шло не так. Павел аж потемнел лицом, услышав колкость старика, но хуже всего дело обстояло с Андреем. У Ани даже появилось опасение — выдержит ли психика друга, с другой стороны, в федералы слабаков не берут.

И без того вытянутое лицо Андрея вытянулось еще больше, в глазах появился опасный блеск, он протянул дрожащую руку, ткнув пальцем в просочившегося сквозь закрытую дверь Сан Саныча с дракончиком на плече, и шепотом спросил:

— Эт-то кто?

Делая страшные глаза и мысленно представляя, как она по очереди откручивает прозрачную голову, потом голову зеленую, а потом мелкую и чешуйчатую, Аня с улыбкой врача, успокаивающего пациента психиатрического отделения, ответила:

— Сан Саныч. Да ты не бойся, он безобиден. А начнет приставать — стакан водки поставь — сам отстанет, — и добавила со вздохом: — Алкоголизм в его положении, увы, не лечится.

— Ага, — с многозначительным видом кивнул Андрей, но глаза мужчины были пусты. Он тщетно пытался уложить в голове сваливающие туда снежным комом откровения жизни. Получалось плохо. И версия с экстрасенсами-гипнотизерами постепенно заменялась клубом алкоголиков-пришельцев, ну или тех, кому они мерещатся. Он все еще пребывал в сомнениях — творящееся вокруг бред или реальность? Или он под гипнозом? Но, блин, какой же реальный этот гипноз!

— Ань, я не понял, это кто? — опять вылез вперед Сан Саныч.

— Мой хороший знакомый.

— Страж местного государства.

Анин и ответ Зеленки прозвучали одновременно, и девушка с трудом сдержалась, чтобы не съехидничать о речевом прогрессе зеленокожего, но вовремя остановилась. Пустая трата сил — этот все примет за чистую монету.

— Ох ты Господи, мент, что ли? — всполошился Сан Саныч, метнулся туда-сюда, как будто у него в каждом углу было заныкано по запрещенке и он не знал, что первым перепрятывать.

Андрей откашлялся, зачем-то застегнул куртку, расстегнул снова.

— Вообще-то, агент федеральной службы, — представился он, протягивая удостоверение.

Призрак мгновенно приблизился, сунул прозрачный нос в корочку.

— Не поддельное? — спросил, прищулив один глаз.

— Уверяю, самое настоящее, — усмехнулся Андрей и уже собрался спрятать удостоверение обратно в карман, как сверху спикировал дракончик, подцепил документ и в два взмаха крыла скрылся в глубине дома.

Андрей так и остался стоять с протянутой рукой и приоткрытым от

удивления ртом.

Аня с беспомощным видом обернулась. За ее спиной кусал губы, сдерживая смех Павел, Арвель был невозмутим, но вид имел настолько отстраненный, что сразу было видно, все силы у координатора уходили на поддержание этой самой отстраненности. Словом, помощи от них ждать было бесполезно.

Устроили черт-те что, а ей разгрести! — разозлилась девушка.

— Он не специально, — попыталась она спасти ситуацию, — просто красное обожает, — сочиняла на ходу. — Как увидит что-нибудь, эм, такого цвета, так сразу к себе в гнездо тащит. Но ты не волнуйся, мы обязательно вернем удостоверение, да? — и она выразительно посмотрела на Сан Саныча.

— С органами не сотрудничаю, — отвернулся призрак, гордо вздернул голову и сложил руки на груди — чисто диссидент на допросе.

— А со мной? — тихим голосом уточнила Аня, однако призрак вздрогнул, поежился и отплыл подальше. — Со мной сотрудничаешь? — повысила голос, и в тон ей задребезжали стекла, откуда-то потянуло холодом. Призрак скукожился, поджал ноги, став в два раза меньше ростом.

— Как водку под кроватью прятать — так Анечка, а как человека встретить и не устраивать балаган с цирком, так это мы не можем, да?!

Наверху что-то завывало, грохнуло, по ногам прокатилась волна ледяного ветра.

— Ань, — на плечо легла ладонь, вторая рука обняла за талию, от шепота Павла веяло теплом и спокойствием, — дыши. Глубокий вдох, выдох. Вот так, маленькая. Ты у меня умница.

Она прикрыла глаза, злость отступила, и стало стыдно за срыв. Распсиховалась точно дите малое, да еще и перед Андреем. Стыдоба...

— Все, я в порядке. Спасибо.

Отстранилась от Павла, еще раз глубоко вздохнула и проворчала, глядя под ноги:

— И что мы до сих пор на пороге? Идемте пить чай. И кто-нибудь здесь заткнет дыры? А то не дом, а сплошные сквозняки.

— Идемте, молодой человек, — потянул Андрея за рукав седоволосый мужчина, между делом представляясь: — Арвель, а вас, я знаю, Андрей зовут.

Андрей закрыл, наконец, рот, опустил руку, позволяя увлечь себя вглубь дома. Кажется, он устал удивляться. Тролль, дракон и призрак. Кто там прячется на кухне, куда его так настойчиво зовут пить чай? Гигантский паук или остроухий эльф? Какая разница? Его уже ничем не удивишь.

— Вы же заметили изменение климата в доме? — тихо спросил его мужчина со странным именем Арвель.

— Сквозняки? — предположил Андрей, ощущая, как оживают мозги, как начинают работать и анализировать. И реальность упрямо вторгается в сознание, разрушая надежду на фантомность происходящего.

— Да нет, не сквозняки.

Они остановились около двери, откуда и правда пахло свежей сдобой.

— Мой вам совет — не злите Аню. Она еще неопытна и не всегда может себя контролировать. Выведете из себя, боюсь, пострадают все, кто в доме. И сквозняки покажутся вам легким неудобством.

Андрей сделал вид, что все понял.

— Угрожаете? — прищурился.

— Да нет, предупреждаю. Мы с вами в одном, эм, доме. Улавливаете?

Андрей кивнул. Он признавал, что дело не в сквозняках и пожилой мужчина, напоминающий Ричарда Гира, предупреждает об Ане. Но, твою же мать, это Анька! Как она может быть опасной? Нет, рано он поспешил

принимать эту реальность за правду. Бред — вот ее истинное название. И если с троллем, драконом и призраком он может смириться, то вот с такой Анькой, о которой предупреждал Арвель, — нет.

А дальше открылась дверь и он шагнул в комнату, где над овальным темно-коричневым столом висел желтый абажур, кругом чинно стояли стулья с высокими спинками и вся атмосфера напоминала собой советскую дачу какого-нибудь литератора, на которой произошло убийство, и сейчас, за этим столом, соберутся подозреваемые. Почему он подумал об убийстве, Андрей и сам не понял. Сложилась ассоциация и пропала, погребенная под раздавшимся:

— Андрюша!

Его крепко обняли. Клавдия Петровна, встав на цыпочки, взъерошила волосы, посетовала на бледный вид, порадовалась выздоровлению и, обняв во второй раз, тихо прошептала:

— Прости меня, Андрюш. Заварила бабка кашу, а тебе расхлебывать.

— Ничего, тетя Клава, нас так просто не возьмешь. Не бойтесь, все будет хорошо, — и провел ладонью по морщинистой щеке, отряхивая мучную пыль.

Сколько он себя помнил, любая болезнь, озноб или кашель начинались со звонка Смельцовой. Мама свято верила в талант подруги. А потому лечились Травкины младшие дома под четким руководством Клавдии Петровны. Впрочем, оба брата росли крепкими, болели редко, возможно благодаря дефицитным импортным витаминам с рыбьим жиром, которые доставала Клавдия Петровна, или зарядке, которую каждое утро заставлял их делать отец.

И почему-то вспомнилась неделя, когда он тяжело заболел гриппом, а Аня каждый день навещала его, несмотря на запрет матери и опасение заразиться. Приносила книги, читала вслух, рассказывала последние школьные новости. Счастье этих коротких дней он оценил позже, только к тому времени между ними стояли его развод, ее бывший парень-игрок и несколько сотен километров от Питера до Москвы.

Вот почему он здесь, садится за стол пить чай, а не прорывается с боем в лес. Вот почему согласился выслушать тех, кто его похитил. В память тех дней.

Странное чувство — сентиментальность. На его работе подобное вытраивают быстро — сентиментальные идиоты долго не живут. И правило номер один: ты — никому ничего не должен. Привязанности не существуют. Есть лишь начальство, устав, твоя жизнь и выгода, которая может сделать жизнь удобнее. Но, видно, не до конца вытравили, осталось что-то в душе, что не дает воспринимать Аню закоренелой преступницей. Да и Клавдия Петровна никогда бы не стала печь пирожки злодеям.

Успокаивал он себя зря, в душе медленно нарастала паника. Один, без напарника, в доме, который больше напоминает сумасшедший. Ствол — и тот отняли. Но больше всего напрягали «чудеса». Не должно их быть. Не может — и все.

Неизвестная женщина, с яркой внешностью испанки, длинной гривой угольно-черных волос и холодным взглядом убийцы, поставила перед ним чашку с ароматным, действительно нормальным кофе. Аня села напротив, Павел занял место рядом, и Андрей опустил взгляд, скрывая неприязнь.

— Симпатичный сервиз, — отметил он, проворачивая чашку. Зеленый дракончик на ее боку пытался достать свой хвост, затем вдруг выгнулся, зевнул, высовывая алый язык на неприличную длину.

Андрей замер, в голове закрутились предположения — а вдруг это газ? Распылили — и ему мерещится, начиная с призраков и заканчивая оживающими дракончиками на чашках?

Аня вдруг фыркнула, встала, прошла через арку на кухню, вернулась с большой белой кружкой, перелила туда его кофе и со словами:

—пей спокойно, проверено, на другие кружки они не переползают, — поставила ее перед ним.

Ощущение дурдома усилилось, но Андрей твердо решил идти до конца и получить полную порцию глюков. Другие вон всю жизнь йети с инопланетянами ищут, а ему тут полный набор: призрак, тролль и дракон.

На серию мемуаров хватит: «А потом нарисованный на фарфоре дракончик попытался меня укусить». Ай, и ведь правда попытался. Дотянулся с отставленной в сторону чашки, царапнул когтями, еще и шипанул, недовольный, что его потеснили.

Андрей двумя пальцами взялся за ручку кружки и переставил подальше.

— Смотрю, осваиваетесь? — благожелательно заметил Арвель. Он единственный из всех производил впечатление нормального человека, а потому Андрей решил обратиться именно к нему.

— Что же... предлагаю начать. Учтите, явка с повинной облегчает вину.

Павел насмешливо хмыкнул, Аня сделала такое лицо, точно он ей лично наручники нацепил, а вот Арвель, наоборот, проникся и с тревогой уточнил:

— И насколько, по вашему мнению, мы должны повиниться?

— Афера с недвижимостью двухкомнатной квартиры в Петербурге, обманом оформленная дарственная и доведение до смерти владельца квартиры, — начал перечислять он, — обработка вдовы покойного и сокрытие ее доли при оформлении документов на дом, убийство четырех человек, похищение трупа и улики, и это не считая сегодняшнего похищения двух федеральных агентов при исполнении. Ах да, уплату налогов от вашей деятельности я тоже не проверял. И вот у товарища, — ткнул пальцем в пристроившегося на полу Зеленку, — есть документы? Или миграционная карта?

— Кошмар, — простонала Аня, роняя голову на сложенные на столе руки, — вот этого я и боялась.

— У меня много чего есть, — с достоинством отозвался Зеленка, — держи.

Никто не успел среагировать на меткий бросок. Перед Андреем на стол приземлилась черная коробочка семян, от удара она раскрылась,

оттуда вырвалось темное облачко, которое без остатка было поглощено сделавшим вдох оперативником.

— Кхе-кхе, — откашлялся Андрей, обвел расфокусированным взглядом настороженно застывших за столом людей. Его губы начали мелко подергиваться, зрачок расширился, заполняя собой радужку, а потом широкая улыбка смахнула лет пять с лица мужчины: — Анют, сколько лет, сколько зим! Дай я тебе поцелую!

ГЛАВА тридцать четвертая

— Зачем? Зачем ты это сделал? — повторяла с отчаянием Аня, одной рукой удерживая Павла, вторую уперев в грудь Андрея. Ничего не замечая вокруг, Андрей тянулся к губам девушки.

— Пусти, Ань, я ему морду набью, — рвался в драку Павел.

Спокойствие сохранял лишь Зеленка. Арвель удалился на кухню, повесив на арку полог тишины — дабы не волновать Клавдию Петровну. Аня сильно надеялась, маг отправился за чугунной сковородкой, чтобы успокоить обоих мужчин.

И ведь подерутся, — с каким-то буддистским спокойствием подумала девушка, но тут вмешался Зеленка. Встал, чуть-чуть не доставая макушкой до потолка, благо те в доме были высокими, легко, точно ребенка, приподнял Андрея, выдвинул стул и усадил за стол.

— Надо было избавить его голову от дурных мыслей, — пояснил он, возвращаясь в свой угол.

Аня с сомнением посмотрела на друга.

— Мне кажется, после твоей дури у него их стало еще больше. И как долго продлится его кайф?

Ответ был прост:

— Пока дурные мысли не уйдут.

— Знаешь что, Зеленка. Мое терпение не бесконечно. Даю тебе полчаса на приведение его в порядок. Иначе я за себя не ручаюсь. И ты тоже сядь, — она разжала руку, перестав удерживать Павла за рукав рубашки, — нечего устраивать сцены, а то дурью за компанию накормят, а я и с одним безумцем не знаю, что делать.

Павел фыркнул, но, покосившись на Зеленку, уселся за стол, проворчав:

— Вот что бывает, когда пускают в дом непроверенных личностей.

В кои-то веки Аня была с ним полностью согласна, проблема заключалась лишь в одном — это она впустила вредителя в дом и теперь не знала, как выпроводить обратно.

Личность демонстративно подбросила возникший из воздуха черный коробок. Маг побледнел, проглотив остаток фразы.

— Я серьезно, — еще раз повторила девушка, сверля Зеленку злым взглядом. Бесполезно. Точно так же она могла выразить недовольство кактусу.

Но тут из кухни появились Арвель с Таймарой, и пришлось отвлечься на них. Не говоря ни слова, магиня заняла место рядом с Андреем. Мужчина повернулся к ней всем корпусом, глаза заблестели, а улыбка, которая и так не сходила с его лица, стала еще шире и глупее.

— Ты кто? — спросил он, приосаниваясь.

Ну точно Зеленкина дурь добавила ему дури, а не ума, — с раздражением подумала Аня, испытывая стыд за друга детства и твердо решив, каким угодно способом отправить Зеленку домой. Хватит устраивать еще больший дурдом, чем тут обычно творится.

— Твоя смерть, красавчик, — губы Таймары искривила усмешка. Было в ней что-то от красоты лезвия ножа, смертоносности пули и стремительности удара кобры. Андрей захрипел, дернулся, но легшая на плечи рука не дала парню удрать. Аня хотела было вмешаться, но не стала торопиться. И почему она все время забывает, что женщина, которую

недавно учила варить кофе, с которой они вместе готовили обеды, боевой маг. С другой стороны, убивать Андрея пока никто не собирается, а Таймара в некотором смысле лучше чугунной сковородки, хоть и опаснее.

День из плохого превращался в....

— Кошмар, — Аня взъерошила волосы. Подергала за пряди, вспомнив, что у некоторых народов так принято выражать скорбь. Настроение было... точно на половину скальпа.

— Не понимаю, как они связали нас с теми бандюками?

Павел залпом допил остывший кофе. Переглянулся с Арвелем, побарабанил пальцами по столу, одним словом, нервничал. У Ани тут же возникла масса вопросов, но главным был один: за что? Она уже не надеялась пойти свидетелем — с трупами, ха! Соучастница, точно.

— А я не понимаю, почему у вас все время от меня секреты, которые я узнаю от посторонних людей, — язвительно заметила Аня.

— Ты права, Синеглазка, тебя здесь не уважают, но я говорил, что могу предложить больше?

Тагир стоял на пороге столовой, держа в руках планшет. Вид у теневика был как у человека раскрывшего все тайны на земле.

— А я говорил — тебе не место в доме?

Павел медленно вставал из-за стола. У Ани возникло четкое дежавю.

— Хватит. Если кто-то еще не понял — мы в заднице, причем в полной! И я не уверена, что выкрутишься даже ты!

Тагир ответил самоуверенной ухмылкой, активировал планшет и помахал им в воздухе.

— Вся информация здесь, но у меня условие: полный доступ в дом.

— Нет.

— Да.

С Павлом они ответила одновременно.

— Пусть ходит, — пожала плечами Аня, — я сумею уговорить дом присматривать за ним, да и Сан Саныча попросим, не откажет. В конце концов, в его мир дверь я открывать не собираюсь.

— Нам надо поговорить, — с этими словами Павел ухватил ее за руку и потащил на второй этаж.

— Ты не понимаешь, Ань, кого пускаешь в дом, — Павел пытался быть спокойным, однако было видно, каких трудов ему стоило держать себя в руках.

— Почему не понимаю? — Аня прикрыла дверь своей комнаты, посмотрела на мужчину. Она совсем не боялась его гнева. Внутри жила уверенность — он никогда не причинит ей вреда.

Воспоминания прошлой ночи нахлынули вдруг с пугающей реальностью. Его дыхание, ее стон, жаркий шепот. Спокойно, только взбунтовавшегося организма ей не хватает. Но как хочется подойти, обнять, прижаться и попытаться объяснить, что она в отчаянии. Что готова обратиться за помощью к кому угодно, лишь бы не камера, допросы и холод наручников на руках, а главное — лишь бы дом не стал большим таким белым мышем для опытов ученых.

Вздрогнула от этой мысли, обняла себя за плечи, ощущая, как ее начинает потряхивать.

Только не ученые с их маниакальной жадью познания в глазах — разрезать все на кусочки, чтобы понять, как оно работает. И дом... он живой, сильный, но не в этом мире. Здесь он беззащитен. Но хуже того — беззащитна она сама. Армагеддона в Тверской области ей не простят.

Впрочем, это мысль... Сжечь все дотла. Портальный зал все равно не пострадает. Но это значит — прости-прощай родной мир. А родители? Если прижмет, они пойдут за ней, но как же не хочется ломать им жизнь.

— Риск, конечно, но он самый сильный менталист, и нам нужна его помощь. К тому же я хочу понять, с какой целью он нам помогает?

Павел ответил не сразу. Одарил острым взглядом, помедлил.

— Вижу, ты ухватила суть, а ведь я до последнего боялся, что окажешься под его влиянием. Он ведь пытался тебя перехватить. Устроил уход с работы, подкараулил около офиса. Тогда вмешался Вальди, да и ты острее, чем он предполагал, восприняла увольнение.

Так значит... Значит так, твою же мать! Спокойствие, только спокойствие. Всегда неприятно, когда узнаешь, что тебя подставили. Даже из благих намерений. Если бы не то дурацкое обвинение в шпионаже, сколько бы она еще дорабатывала? Минимум две недели, а зная ее начальство — все четыре. «Анечка, вы незаменимы...»

Как ни горько сознавать, но Тагир был прав, организовав моментальный, в пару часов, вылет с работы. Ну какой же он все-таки зараза. Так и хочется придушить!

— Ты берег этот аргумент напоследок? Чтобы я не захотела его видеть? — поинтересовалась Аня, чуть успокоившись.

— Нет, думал, ты в курсе. Погоди. Это не было простым увольнением?

Аня не успела скрыть эмоции, и они живо отразились на ее лице, так как Павел прошипел:

— Я убью этого урода.

— Нет, я первая. У меня к нему тоже счет, но сначала решим нашу проблему, а то в камере не до вендетты будет.

— Никаких амулетов, особенно ментальных, — прокурорским тоном, точно оглашая приговор, перечислял Арвель, — ты добровольно одеваешь на себя ограничитель номер семь.

— Пять, — тут же перебил его Тагир.

Переселенцы переглянулись. Все происходящее в столовой живо напоминало сделку подозреваемого с обвинителем. Вот только у подозреваемого была слишком довольная рожа, но тут ничего не поделаешь — натура такая... с наглещой, вызывающая одновременно чувство восхищения и желание прибить.

— Хорошо, пять, — согласился Арвель, — но тогда без доступа в другие миры.

Тагир скорчил недовольную гримасу, покрутил головой, разминая шею.

— Уговорили, согласен на ваш седьмой и покончим с этим.

А дальше все наконец приняло вид серьезного совещания. Тагир кратко доложил о результатах взлома планшета и собранном Андреем материале.

— Коллеги, — иронии в его голосе было хоть отбавляй, и Павел опустил голову, — мобильник в этом мире не просто средство связи, но еще и способ отследить, прослушать, ну и просто установить паспортные данные владельца. Трудно было не светить номером Сан Саныча после его смерти? К тому же он у вас свидетелем по делу проходил. Сами знаете какому.

— Но его даже не допрашивали! — воскликнул Арвель.

— Потому что сочли звонок случайным, проверили удаленно, но информацию собрали и в дело добавили. И кстати, я проверил телефон второго бойца. Он звонил кому-то час назад. Звонок был не коротким, есть вероятность, что они доложили руководству о цели поездки.

— Андрей, — Аня постаралась говорить как можно спокойнее, — кто еще знает о том, что вы здесь?

Мужчина посмотрел на нее взглядом, в котором плескалось безумие.

— Вся королевская конница, вся королевская рать, — процитировал он

вдруг.

— Понимаю, что да, — вздохнул Арвель, покачал головой, а вот Аня успокоилась. Нет, а что волноваться, когда они, наконец, все выяснили. Когда самый страшный кошмар ее жизни начинает сбываться. Поздно закатывать истерики, если те, кто едет к ним в гости, чихать хотели на женские слезы.

— Ну что, господа похитители федеральных агентов, убийцы и незаконные иммигранты, делать будем? Как альфовцев встречать планируем?

— Поцелуем? — предложил Андрей,

— Ань, — из стены высунулся Сан Саныч — кто бы сомневался, что старик не станет подслушивать, — если что, я там твою бутылку спас. Пользуйся. Мужик, знаешь ли, всегда добрее, когда ему нальют.

— Спасибо, Сан Саныч, — поблагодарила Аня, — если ничего не получится, попробуем ваш вариант.

И она представила, как на команду «Лежать. Работает спецназ!» протягивает вбегающим в бронниках мужчинам стакан самогона.

— А теперь постараемся успокоиться и собраться с мыслями. Нужен мозговой штурм, — Аня обвела будущий комитет по встрече внимательным взглядом, сама думая о том, что любая проблема, как говаривал проглоченный драконом рыцарь, имеет, по крайней мере, два выхода: через глотку и через...

Нет, плохая вышла ассоциация, ей часа через три встречаться с драконом. Не хотелось бы проверять это решение на практике.

— Анечка, чей мозг вы предлагает штурмовать? — Арвель был, как обычно, занудно точен.

Очень хотелось съязвить, что Зеленки, дабы навести в нем порядок, но Аня сдержалась.

— Это метафора. Означает обсуждение проблемы группой.

Павел высказался первым.

— Аня, в случае силового, эм, столкновения, мы всех положим еще на пороге. Сколько народу в ваших боевых группах? Десять? Двадцать? Мы можем выставить пару сотен. Наши маги будут работать на личном резерве, его хватит минут на пять боя, а больше и не потребуется.

Аня представила бой — дым, крики, выстрелы, с жужжанием проносящиеся файерболы, и страх ледяными пальцами прошелся по спине. Стало жутко и одновременно весело — адреналин зажег в крови азарт. Раскатать всех, кто посмел покушаться на ее владения! Зарыть, чтобы неповадно было. Чтобы ни одна собака...

Стоп! — оборвала кровожадные мысли дома Аня. Она не готова... Да и невозможно к такому подготовиться, когда ради тебя гибнут люди. А всех раскатать — не выйдет. Грохнут одних, на их место придут другие, да столько, не одной сотни магов не хватит. Страна большая... народу много.

— Силовой вариант — не наш, — покачала она головой.

Павел пожал плечами, мол, предложить надо было, и продолжил:

— Мы активировали полную систему наблюдения. Они не подойдут незамеченными.

Над столом повисли с десятков шаров, в которых мелькали картинки: озеро, дорога, край деревни, поле, запорошенное снегом, зимний лес.

— Как видишь, — быстрый взгляд на Тагира, — мы могли тебя уничтожить еще по дороге сюда.

— Тронут. Весьма, — теневик привстал со стула, отвесив шутовской поклон. — И на сколько часов хватит вашей системы?

Вопрос был простым, но Павел почему-то смутился.

— Часов пять-шесть.

Даже Аня уловила неуверенность в голосе мага. А что это означает? Что они ее не тестировали толком. Тагир пришел к такому же выводу, презрительно дернул уголками рта, но высказываться не стал, кивнул и молча сел за стол.

— Давайте подведем итоги. Нас не застанут врасплох — это хорошо, но штурма избежать это не поможет. Зеленка, ты точно не хочешь помочь и вернуть нам Андрея?

Зеленка даже открывать глаза не стал, не то что отвечать. Аня подождала, мысленно плюнула и продолжила:

— Давайте исходить из того, что начальство в курсе. Я не специалист, но разведгруппа должна выходить на связь через обговоренное время. И если сеанса не будет, их начнут искать.

— Их и так начнут искать, — справедливо заметил Арвель.

— А может, просто выкинем в деревне? — предложила девушка.

— Это отсрочит, но не решит проблему, — с сочувствием посмотрел на нее Павел.

— Ань, поверь специалисту, подобные мне, — Тагир не удержался от эффектной паузы, — в любом мире обладают одним и тем же качеством — они вцепляются в тебя и избавиться от них без их на то согласия крайне сложно. Я могу убедить молодых людей, что им все приснилось, удалить данные с планшета, но в глазах начальства такая амнезия будет как минимум странной, как максимум — достойной пристального внимания.

— А заменить воспоминания на ложные?

— Это сложнее, потребуется часов десять-двенадцать плотной работы. С тем, что валяется в коридоре, проблем не будет, а вот с ним... — Тагир пристально посмотрел на Андрея, взъерошил волосы. — Личные воспоминания о тебе в детстве тесно сплелись с сегодняшним днем. Корректировать придется многое.

— Время, — пробормотала девушка, — как всегда во всем виновато время... Но если сеанс связи состоится? Тагир, ты сможешь скопировать голос Андрея?

— Могу, — пожал плечами маг.

— Рискованно, — тут же вмешался Павел, — мы ничего не знаем, кроме имени парня. Этого мало для правдоподобности.

— А что мы теряем? Если они не выйдут на связь, они все равно пришлют сюда людей, — и девушка умоляюще посмотрела на Павла.

— Соглашусь, рискованно, — кивнул Арвель, — но знаете: деревня, самогон, молодые, а значит неопытные агенты, бардак опять же, как и в любой конторе. Может сработать. Действуйте, — обратился он к Тагиру.

Тот вышел из-за стола, выдвинул стул вместе с сидящим на нем Андреем и, чуть наклонившись, попросил:

— Скажи что-нибудь, мальчик.

— Пошел в ж... — буркнул Андрей, и Аня порадовалась, что завеса тишины, поставленная Арвелем, отгораживает кухню от столовой. У мамы возникло бы слишком много вопросов после сегодняшнего вечера.

— Фу, как грубо, — покачал головой маг, делая пас перед лицом парня. Нахмурился, прорычал: — Зеленка, убью.

— Пошел в ж... — повторил Андрей, демонстрируя отогнутый средний палец и отвечая на взбешенный взгляд мага не менее злым.

— Милый, не надо грубить, — Таймара стекла со стула, другого слова у Ани, чтобы это описать, не нашлось, опустилась перед парнем корточки, взяла его руки в свои, и парень расслабился, размяк на стуле, заулыбался.

— Скажи, не упрямясь.

Андрей наклонился и зашептал что-то на ухо Таймаре. Та отчего-то стала заливаться румянцем, а Тагир, который был ближе всех и смог

рас слышать шепот парня, захохотал.

— Знаешь, Зеленка, — сказал он, отсмеявшись, — если ты решишь проделать нечто подобное со мной — ты труп. Это какое-то извращенное чувство правды. Он же говорит то, что думает. Нельзя так со взрослым мужиком.

— Неужели? — приподняла брови Аня, потом покосилась на рдеющую румянцем Таймару и согласилась с магом — действительно нельзя, особенно в присутствии красивой женщины.

— Ладно, работаем.

Тагир откашлялся, щелкнул пальцами и проговорил голосом Андрея:

— Пошел в ж... Простите, пристало. Так бывает с первой услышанной фразой.

— Ты, главное, начальству такое не скажи, — хмыкнул Павел, и Тагир на полном серьезе кивнул.

Они вышли в коридор, где действительно сладко спал на полу второй конторский. Маг приложил его палец к датчику, разблокировав мобильник. Бросил короткий взгляд на девушку, вызвал последний номер, включил громкую связь.

— Слушаю, — густым баритоном отозвалась трубка.

— Эт-т-то я, — заплетающимся языком проговорил Тагир, — Т-травкин.

В трубке стало тихо, затем баритон вкрадчиво уточнил:

— Травкин, вы что? Пьяны?

— Так точно, то есть, никак нет!

— Травкин, вы там совсем охренели?! Где Сергей и почему ты звонишь с его телефона? — начальственный рык разнесся по коридору.

— Спит, — покаялся Тагир.

В трубке шумно выдохнули, рыкнули, но тут же взяли себя в руки.

— Травкин, где вы сейчас?

— В деревне.

— А как же ваш дом с привидениями у озера?

— Пустышка, шеф, — и Тагир вполне правдоподобно икнул.

— Значит, пустышка, — протянул обладатель баритона, — подожди минутку.

В телефоне что-то щелкнуло, стало тихо. Заговорщики переглянулись, но остались терпеливо ждать.

— А скажи мне, Травкин, — баритон снова обрел вкрадчивость, от которой у Ани мурашки побежали по коже и стало так жутко, точно она смотрела в черное дуло пистолета, — почему телефон Никеева пеленгуется в лесу, а машина в трех километрах от деревни?

— Так это... — тянул Тагир, беспомощно смотря на жестикулирующую руками Аню, — сломалась машина-то. А мы замерзли, как кошки, нет, собаки. Вот и согрелись. Чуть-чуть, шеф, честное слово.

— Согрелись они, — зловеще повторила трубка и вдруг рявкнула: — Представьтесь, агент. Живо. Ваш номер.

Тагир развел руками — мол, сделал все, что мог.

— А теперь слушай сюда, фокусник, — баритон, нет, это уже был не баритон, это был рык тигра, предупреждающего чужака о нападении, — не знаю, кто ты там на самом деле, но не Травкин. И если ты что-нибудь сделал с моими ребятами, я лично, слышишь, лично тебя урою. Из-под земли достану. Понял?

Аня выхватила мобильник из руки Тагира, нажала трясущимися пальцами отбой, потом быстро открыла панель, достала симку и раздавила каблуком на полу. Обвела мужчин отчаянным взглядом.

— Это действительно была плохая идея.

— Нет, Ань, — вздохнул Арвель, — идея была хорошая, просто он уже знал, что мы их взяли. Машину запеленговали, телефон. Даже у нас на магический поиск требуется время. Там точно был кто-то еще. Тот, кто видел похищение. Павел, пойдем, дальние визуалы активируем, проверим, кого мы упустили.

— И кто это у нас тут? — поинтересовалась Аня, разглядывая спину мужчины среднего роста, одетого в белый лыжный костюм. Вот он повернулся в сторону леса, и в шаре возникло крупное изображение его лица.

«Волк» — решила девушка. Старый, матерый волк. И взгляд нехороший такой... с прищуром. Точно дичь выцеливает.

— Второй не попал в поле захвата визуала, — признался Павел, бросив предупреждающий взгляд в сторону Тагира. Тот промолчал.

Лично Ане пояснений не требовалось. Она и сама догадалась, что в обычном режиме визуалы держали под прицелом дорогу, окрестности дома и озера. Ставить же под наблюдение весь лес — дело затратное, а с учетом того, что магии в этом мире нет и визуалы на зарядку приходилось относить в мир переселенцев, крайне затратное.

— Друзья мои, дела делами, но время ланча, — из кухни выплыла Клавдия Петровна, держа в руках поднос с тарелкой, на которой возвышалась горка горячих бутербродов, а рядом благоухали булочки с корицей. Столовая окуталась ароматами, и все, включая Андрея, сглотнули слюну.

— Давайте я помогу, — Тагир среагировал первым. Клавдия Петровна расцвела, благосклонно кивнула и передала поднос молодому человеку. Аня сходила на кухню за чаем и посудой, прихватив заодно салат в глубокой миске.

На какое-то время все дружно отвлеклись от дел. Аня разливала чай, мужчины помогали расставлять тарелки на столе.

Таймара было подобралась, но Андрей вел себя прилично, буянить не собирался, и магиня чуть расслабилась, позволив себе взять булочку с тарелки.

— Ань, а это кто? — тихонько спросила у дочери Клавдия Петровна, указав на один из шаров. Именно тот, на котором крупным планом демонстрировался незнакомый мужчина. — Вы его знаете? — мигом насторожился Арвель. Его можно было понять. Сначала сама Клавдия Петровна проникла в зал порталов, потом сын ее подруги организовал слежку и теперь ФСБ наступает им на пятки. А дальше возможны любые варианты от дяди до двоюродного племянника. Он бы, конечно, предпочел, чтобы Хозяйка была сиротой. Не со зла, но сколько проблем можно было бы избежать. Хотя... булочки с корицей изумительны, и это несколько примирило координатора с действительностью.

— Да нет, — рассеянно ответила Клавдия Петровна. Она явно погрузилась в какие-то воспоминания, и маг терпеливо ждал ответа, чем именно ее зацепил этот немолодой мужчина.

— Так да или нет? — попытался настоять Арвель.

Клавдия Петровна потерла наморщенный лоб, отряхнула муку с фартука, еще раз посмотрела на визуал и покачала головой:

— Не пойму. Мне бы на него поближе посмотреть, может, и вспомнила, а так... возраст, сами понимаете, память уже не та.

Клавдия Петровна удалилась на кухню, чай был выпит, бутерброды съедены, а решение так и не было найдено.

Они обсудили все, что было предложено: от военного конфликта до временного ухода в Питер и блокировки дверей. От наложения невидимости на дом до мирных переговоров. Против боя выступала Аня, Арвель не соглашался с блокировкой, Павел не видел смысла в сокрытии дома невидимостью — не поверят, пойдут проверять, тут все и раскроется,

а Тагир лишь посмеялся в ответ на предложение «поговорить».

Куда ни кинь, всюду клин. Аня пыталась вспомнить, где, кроме Крестов, содержатся задержанные. Потом вспомнила, что они в Твери, а не в Питере и рядом Москва, и, значит, не повезут ее в Кресты в компании с Зеленкой и Сан Санычем, а напрямик отправят в какую-нибудь лабораторию — препарировать.

Так, мать, отставить панику, — приказала сама себе, но стало только страшнее. Сан Санычу хорошо, он ушел сквозь стену и ищи его по всему дому, а ей что делать? Уходить в Питер и там сидеть в ожидании звонка в дверь?

— Мое предложение, — Арвель повысил голос, призывая к порядку горячо заспоривших молодых коллег, — скрываем проход в зал порталов, удаляем следы пребывания в доме. А товарищей оставляем здесь с бутылкой самогона. Можем и напоить для достоверности.

— Ненадежно. Вычистить дом от отпечатков мы не сможем, молчу о ДНК. Информацию товарищи должны были отправить руководству, с этим у них строго. Значит, Аня там есть. Возьмут отпечатки, сверят с теми, что найдут в доме... И сами понимаете, — Тагир обвел всех чуть насмешливым взглядом, — добраться до Ани в Питере — дело техники. А сколько, красавица, ты продержишь под сывороткой правды?

Ане очень хотелось ответить, что она будет молчать, что допрос ее не пугает, но вместо этого проворчала:

— Ты слишком много знаешь о моем мире.

— Служба такая, — криво улыбнулся Тагир, и сквозь маску весельчака и балагура проступил другой Тагир — внимательный, умный и... опасный.

— Поддерживаю, — Павел неожиданно выступил на стороне теневика, — кто-то видел похищение, а значит и то, как ты накладывал невидимость. Кто-то знает, что мы так можем. Это больше не наше преимущество. Они будут искать и найдут проход.

Иллюзия, двойники, отпечатки. Идея мелькала на краю сознания, и

Аня никак не могла ухватить ее за хвост и вытащить на поверхность. Невидимость, блокировка, все это были полумеры, способные ненадолго сбить с толку. Нет, им требовалось нечто более глобальное и убедительное. Чтобы отстали раз и навсегда. Чтобы навсегда запомнили, сволочи, как Хозяйку трогать.

Стоп, это снова не ее мысль.

С другой стороны, действительно, зачем они вцепились в этот дом? Даже Кутузов сдал Москву, когда потребовалось отступить. А у них есть зал порталов — самое ценное, и находится он не здесь. Там, здесь. Здесь, там. Ерунда пространственная или не ерунда?

Аня раздраженно пробарабанила пальцами по столу. А еще этот дракон... сплошной цейтнот. А смешно тогда с самогонкой Сан Саныч придумал. Дракон. Самогонка! Сан Саныч! Ну, конечно же! Как она раньше не догадалась!

ГЛАВА тридцать пятая

Полковник Прохоров был профессионалом. Чистые руки, горячее сердце и холодная голова, — вот то, что он считал необходимым на службе. С годами, правда, сердце начало остывать, голова болеть чаще, а руки после банкетов противно подрагивали по утрам. Но возраст еще несмело подступал к противнику, пули на стрельбище уверенно ложились в десятку, и подтягивался полковник двадцать раз, и жару задавал на совещаниях такого, что подчиненные выползали из кабинета.

Грудь уже украшали шесть наград, вчера намекнули на седьмую — подарок к Новому году, то-то супружница обрадуется премии. И вот на тебе... такой прокол. Вечно с этим молодняком проблемы. Соображения никакого, а гонору, точно у них по девять жизней. Но полковник точно знал — одна. И ценил эту жизнь, не рискуя понапрасну. Тех же, кто не хотел этого понимать, давно уже приняла к себе сырая земля. Когда он последний раз был на проводах? Полгода прошло, как они схоронили коллегу из соседнего отдела. И вот теперь этот звонок от смежников.

Вадим Петрович ослабил узел галстука, допил холодный чай, поморщился. А ведь не хотел верить. Мало ли что наплел информатор, тем

более его предупредили — источник непроверенный, но маразмом или мнительностью не страдает. И, получив весточку полковник решил подождать. Вот если парни не выйдут на связь... тогда можно и активничать. А пока даже звонить им не стал, чтобы не мешать работе. Ведь почти на сто процентов был уверен, что деза.

А вот поди-ка ты... вышло наоборот.

Травкин позвонил сам. Голос его Прохоров узнал, а толку-то. Все в отделе прекрасно знали, как полковник ненавидит западные словечки, и назвать его «шефом» никому и в голову бы не пришло, пусть и очень пьяную голову.

Значит, похищение...

Карандаш с хрустом сломался пополам.

Что там смежники говорили? Гипнотизеры, фокусники, а еще имитаторы голоса. Да будь похитители с самой Альфа-Центравры, он их и оттуда достанет. Прохоров разблокировал телефон, набирая номер командира группы спецназа. Потом позвонил в тверское отделение. Там подтвердили, Травкин с Никеевым собирались заехать утром, но перенесли время на после обеда. Полковник дал себе волю и с удовольствием прошелся по бездействию коллег, которые у себя развели черт-те что под носом, а у него ребята пропадают. Коллеги прониклись и поспешили предложить помощь, но Прохоров запретил — под ногами будут мешаться.

Он сделал еще пару звонков, когда в дверь постучали.

— Вадим Петрович, — в приоткрывшуюся дверь просунул голову капитан Щеглов, — там ребята из группы контроля сказали, Травкин с Никиев пропали, правда?

— Капитан, — полковник поморщился про себя — не отдел, а сборище сплетников, где информация распространяется со скоростью пожара, — вы поболтать или хотите что-то ценное предложить?

— Себя, — шагнул в кабинет Щеглов, но увидев, как потемнело лицо полковника, мигом исправился. — То есть мы все готовы поехать с вами.

— Нашел время для шуток, — проворчал полковник, встал из-за стола, открыл дверцу сейфа, достал пистолет, убрал в кобуру и только потом ответил: — Через пять минут жду вас внизу. Оружие, бронники, а впрочем, не маленькие, сами знаете, что брать.

В машине он включил планшет, еще раз просмотрел файл, который скинул ему на почту Травкин. Файл был явно неполным. Отсутствовало важное: почему лейтенант Травкин заинтересовался старым делом об убийстве пятерых людей, да еще и в Питере. С какого спрашивается? И связь с домом на озере, как обозначил его в записях Травкин, была столь слаба, что сам Прохоров, попади ему эти данные, просто отмахнулся от них. Вывод: было что-то или кто-то, о чем умолчал лейтенант, что натолкнуло его на эту связь.

Ну что же... Прохоров спросит лично. О всяких же «если» полковник предпочитал не думать. Рано пока хоронить парней.

— Аня, это безумие! И опасно, очень опасно для тебя.

Павел мерил широкими шагами столовую, периодически хватаясь за волосы, от чего его прическа напоминала взъерошенного ежика.

Тагир был более сдержан в оценке ее плана:

— Круто придумано, но соглашусь — такого еще никто не делал.

— Анна Николаевна, — Арвель за волосы не хватался, но вид имел встрепаннный, — идея, конечно, гениальна, но будем честны. У нас даже с Сан Санычем не получилось, а вы хотите целый дом, эм, от сканировать. И слово-то какое... от сканировать. Тархан мне в дымло. Ох, простите, вырвалось.

— Дом-призрак... Признаюсь, до такого у меня мозги не дошли, — Тагир салютнул пустой чашкой, — но теоретически, господа, все упирается лишь в объем энергии. Снимем отпечаток за три года вашего здесь пребывания и... никаких следов в истории. Нет, правда, гениально. Жаль, невыполнимо. Он прав, Синеглазка, просто невыполнимо. Даже если предположить, что удастся, эм, укрепить твою связь с домом и структура

порталов не пострадает, откуда мы возьмем столько энергии?!

— Я, — Зеленка говорил, не открывая глаз, отчего создавалось впечатление, что трехметровый верзила умеет говорить во сне, — замкну контур.

Лица магов одновременно уважительно вытянулись. Словом, Аня была единственной, кто ничего не понял.

— Тогда без базара, работаем, — хлопнул ладонью по столу Тагир.

— Молодой человек, — поморщился на жаргон Арвель.

— Понял, не дурак. Меняю волну. Не соблаговолите ли, уважаемый, пояснить одно маленькое осложнение, что мы будем делать с нашими не менее уважаемыми гостями?

Арвель закатил глаза, и Аня была согласна с его чувствами, но Тагир без шутовства и позерства — не Тагир.

И тут неожиданно оказалось, что они слишком увлеклись обсуждением Аниной идеи и все вместе, включая Таймару, проворонили одно важное событие. Впрочем, «событие» и само постаралось сделать все, чтобы о нем вспомнили как можно позже.

— Не надо с нами ничего делать, — Андрей кашлянул, растер лицо, залпом опрокинул в себя холодный чай. — Я уже понял, что вы ребята не отсюда. Просто ответьте мне на один вопрос: зачем вам наш мир.

Заговорили хором. Андрей переводил взгляд с одного на другого, стараясь уловить суть.

— То есть, — сумел вставить он, когда в потоке информации образовалась пауза, — ваш мир гибнет, и вы переселяетесь в другой, используя наш, как транзит?

— Да, — кивнула Аня, — а я здесь что-то вроде паспортной службы и таможенного контроля в одном лице.

Андрей взъерошил волосы, пробормотав еле слышно:

— Твою же за ногу... бывает такое...

Потом глянул на часы, что-то прикинул.

— У вас от силы часа три.

— Меньше, — дернул уголками губ Тагир, — мы немножко пошалили, словом, ваши уже в курсе, и даже твой звонок ничем не поможет. Ладно, — он поднялся, — вы готовьтесь, а мне машину пригнать надо. Павел?

Маг обменялся быстрым взглядом с Таймарой, потом приобнял Аню за плечи и жарко зашептал:

— Аня, ты не понимаешь, на что соглашаешься. Невозможно отсканировать дом, без помещения туда твоего сознания. Существует огромный риск, что обратно ты не вернешься или вернешься не совсем ты.

В голове девушки тут же всплыли слова дракона: «От человека в тебе лишь оболочка. То, что внутри, скоро прорастет». Так какая разница — днем раньше, годом позже... Встретиться с тем, что растет внутри, все равно придется.

Она поймала взгляд Павла — страх за нее боролся с пониманием: другого мирного выхода нет.

— Прости, но я уже решила, — веско роняя слова, она медленно произнесла то, что должна была. И с горечью увидела, как исказилось болью его лицо.

— Просто останься в живых, — добавил он, наклонился, коснулся губами ее волос, тут же отстранился и вышел следом за теневином.

Сидящие в столовой тактично сделали вид, что ничего не заметили, лишь у Андрея удивленно округлились глаза.

— Андрей, у нас мало времени. Вынужден спросить прямо — вы с нами?

Андрей ответил не сразу, пристально посмотрел на Арвеля, тот не отвел взгляд.

— Я могу попросить доказательств, но если честно — не хочу. Мне как-то хватило того, — и он покосился на Зеленку, — что я уже видел. И, Ань, я с самого начала не верил, что ты могла связаться с плохими людьми.

— Тогда работаем, — Аня повторила слова Тагира и с облегчением улыбнулась Андрею: — Добро пожаловать в дурдом.

Ее сказка обзавелась еще одним героем. Пусть и без коня, зато с настоящим оружием, а главное — не побоявшимся приехать в глушь, чтобы освободить ее из плена дракона.

Андрей покосился на Таймару и неуверенно кивнул.

— А все-таки хорошо, что вам неведома магия. В нашем мире такое бы не прошло. Мигом отследили бы по уровню возмущения. Даже я не могу предсказать, какая отдача нас накроет.

Они вчетвером вышли в коридор, чтобы не мешать наспех созданной рабочей группе магов. В доме, в каждом помещении, по периметру необходимо было проложить энергообразующие линии. После их активации, маги получают объемный слепок дома, который потом нужно будет сместить. Примерно так понял Андрей, а еще понял, что до него довели весьма упрощенную версию происходящего и в успех замысла мало кто верит. Арвель и тот нервничал, откручивая пуговицу на рукаве рубашки. Таймара кусала губы, когда думала, что никто этого не замечает. Аня была бледной, но держалась хорошо. Словом, Андрей — единственный, кто сохранял спокойствие, потому как ничего не смыслил в магии и привык доверять профессионалам. Мужик сказал, мужик сделал. Надо помочь коллегам из другого мира — поможем.

Решение не далось легко. Сначала был шок от встречи с братьями по разуму, двойной шок от того, что подруга детства замешана в этом деле, затем пришло осознание, что сдать их всех — означает предать не только себя, но и мать, и тетю Клаву, дополнившись никогда не забываемыми заветами отца: «Можно пережить все, сын, кроме подлости и

предательства».

Да и не трудно было представить, что здесь будет с приходом власти родной страны. Шила в мешке не утаишь — больно много после девяностых в рядах его конторы окопалось двойных агентов — кушать хотелось всем, в том числе и бывшим кgbэшникам. Вопрос времени, как быстро узнают граждане других стран о появлении в Тверской глубинке такого лакомого кусочка, как проход в другие миры. А узнав, останутся стоять в сторонке и молча завидовать? Как же... Пожалуй, японцы попробуют договориться, а вот что предпримут задыхающиеся в тесноте и менее щепетильные китайцы или индусы? И как отреагируют Штаты на повышение статуса России в глазах мирового сообщества? Не решат ли, что вечный соперник пытается посягнуть на святое — их самостоятельно присвоенную себе роль надсмотрщика на Земле. А решат, как отреагируют? Просто и решительно — бомбу на одну маленькую область. И никому не будет обидно. Есть дом и нет его, как нет и искушения для остальных мечтать о несбыточном: новых и чистых территориях.

Примерно так думал Андрей, глядя на зимний пейзаж за окном. Солнце уже подбиралось к зениту, и синие тени прятались на снегу за стволами елок.

— Ань, это действительно не опасно для тебя?

Девушка в ответ вымучено улыбнулась, а координатор клятвенно заверил, что они минимизируют риск. Андрей, конечно, не поверил, но влезать с советами к магам с его стороны было примерно так же, как пытаться доказать хирургу, что печень совсем в другой стороне и резать нужно на десять сантиметров левее.

— Объясни еще раз, что вы будете делать?

Аня задумчиво покрутила в руках кончик косы, и Андрей едва сдержал улыбку — привычка теревить волосы у девушки осталась с детства.

— Видишь ли, порталы находятся не здесь. То есть они привязаны к этому миру, но физически находятся в другом измерении, если слово «физически» к ним вообще применимо. Мы пытаемся их совместить, точнее переместить дом к порталам. Но не целиком, а снимем отпечаток

воспоминаний предметов об окружении в доме, а потом сотрем.

— Сделаете дубляж?

— Да, дубляж. В нашем мире дом станет таким, каким был три года назад.

Она не стала говорить, что квартира окажется единственным местом, связывающим порталы с ее миром. И если с ней что-нибудь случится, доступ будет закрыт. Судя по одобрителю кивку координатора, ее предусмотрительность ему понравилась. Уязвимость — не тот случай, о котором стоит рассказывать всем подряд.

Арвель вмешался, отвлекая дотошного союзника от вопросов, которые тот явно хотел задать.

— Андрей, спрошу еще раз, может, мы уберем лишние воспоминания? Зачем вам проблемы на работе?

Андрей покосился на стоящего рядом с ним координатора и потряс головой. Нет, он хочет помнить. Хочет знать, что где-то, за гранью мира, есть другие миры. И там живут тролли с забойной дурью, крошечные дракончики, ворующие удостоверения сотрудников ФСБ, и обычные с виду мужики, умеющие вырубать с одного невидимого удара, словом, крутые маги. И от всего этого ему предлагают отказаться? Да пошли они... куда подальше.

— Хорошо, — тяжело вздохнул координатор, нехотя принимая его право на желание, а ведь могли бы, и не спрашивая, стереть память. — Вы знаете, что делать, а как насчет вашего товарища? Можете за него поручиться?

Андрей покосился на сладко спящего Сергея и снова отрицательно помотал головой. В таких вещах каждый выбирает сам. К тому же у Сереги нет личных оснований колебаться и предавать контору.

— Сергей жаловался — аллергия на пыль развилась за последний год. Один раз приступ с удушьем был. Он теперь ингалятор с собой таскает.

— Это можно использовать, — задумчиво проговорил Арвель.

Во двор въехал черный внедорожник, следом машина Никеева. Вот и все. Процесс пошел, как говорил препод по криминалистике. Осталось смешать нужные ингредиенты и ждать реакции.

Андрей протер стекло, чтобы лучше видеть то, что творилось во дворе. Одно дело — в кино «Гарри Поттера» смотреть и совсем другое — наблюдать, как джип на твоих глазах превращается в старый, заюзанный трактор, а Тагир, которого Андрей про себя так и продолжал звать «Цыган», в пятидесятилетнего бугая с пропитой синей мордой. И даже походка стала другой.

— Местный персонаж, — пояснил Арвель, — Никитой звать. Часто плохо помнит, что было вчера. Трактор в деревне есть только у него. Дом приметный. Первый с нашей стороны, шиферная крыша, крыльцо зеленой краской выкрашено. Павел сейчас в деревне, подправит ему память в нужную сторону. В вашей машине мы кое-что ломаем, не заведется без ремонта. Остаются свидетели, но и этот вопрос попробуем решить.

Андрей слушал вполуха, что не мешало ему запоминать информацию.

— Привет, братаны! Дамы.

Дамы ответили смешками. Персонаж был, и правда, колоритный. Фуфайка, потертые джинсы, сине-красный шарф СКА, высокие, по колено, валенки и спортивная шапка а ля «петушок».

Лже-Никита принес с собой запах мороза, а еще тонкий аромат дорогого парфюма. Андрей поморщился — дилетант. Вот так и прокалываются на мелочах.

— Надеюсь, трактор смазкой и дизелем хоть немного воняет? — поинтересовался он, с удовлетворением наблюдая, как озабоченно вытягивается лицо мага.

— Запахи! — здоровенная ладонь смачно впечаталась в лоб, а на круглом лице тракториста проступила виноватая улыбка. — Ща все будет.

И он умчался обратно во двор.

— Нам пора, — тронула его за рукав Аня, — спасибо за то, что помогаешь.

— Пустое, Ань, исправляю, что напортачил. А с тебя экскурсия. Хоть в один мир. Договорились?

— Ага, — кивнула девушка.

— С сувенирами?

— Обязательно, — она помедлила, — Андрей, если не получится, не геройствуй, хорошо? Ты у нас вроде как заложник, так что пользуйся, не стесняйся.

— Я и так не планирую стесняться, — Андрей кивнул на приоткрытую дверь в столовую, где на столе возвышалась десятилитровая бутылка с мутной жидкостью.

Он обнял на прощание Аню, твердо пообещал не лезть под пули и обязательно зайти в гости, как все уляжется. После девушки удалились. Надо было проводить Клавдию Петровну, убрать лишний народ и живность из дома, заблокировать порталы, забрать личные вещи и сделать еще много всего до переноса.

— Молодой человек, могу я задать вам нескромный вопрос? — координатор вперил в Андрея пронзительный взгляд.

— Валяйте, — Андрей пристроил пятую точку на подоконник. Перед глазами маячила бутылка, и он уже ощущал обжигающий вкус самогонки во рту.

— Если вы согласились ради Ани, то...

— То что? — он насмешливо посмотрел на мага.

— Боюсь, вас ждет некоторое разочарование, — тихо проговорил Арвель, смотря при этом в окно.

Андрей покрутил головой, размял плечи. И с раздражением подумал, почему в этом мире все в конечном итоге сводится к отношениям между мужчиной и женщиной. Как будто остальное можно выбросить за борт. Аня, конечно, классная девчонка, и он не против углубить их отношения, но его мотивы просты, как выпивка — либо ты пьешь, либо нет. Аньку он сто лет знает. Верит в ее порядочность, верит, что не предаст, а не это ли важно, когда один раз уже обжегся на женской неверности?! Анютка ему глубоко симпатична. Он за нее любого на британский флаг порвет. Жаль, тогда дал клятву матери не вмешиваться и не уродовать ее бывшего. Он искренне считает, что этих мотивов достаточно для начала отношений, а там... как Бог даст. Только почему в темноте леса сейчас мерещится черная грива волос, а в ушах звучит глубокий женский голос: «Красавчик».

— А вы не бойтесь, — усмехнулся Андрей, ощущая странное превосходство над собеседником, — я не кисейная барышня. Разочарование переживу. И считайте это моей прихотью — всегда мечтал встретить кого-то с другого мира или планеты.

И они обменялись с Арвелем понимающими взглядами.

— Знаете, Андрей, ваш мир, несмотря на то, что обделен магией, богат людьми с воображением.

— Это да, с фантазией у нас все в порядке. Могу представить, что там придумывали мои коллеги...

Они замолчали, каждый думая о своем. Ровно до появления Тагира, полностью вошедшего в роль тракториста.

— Что грустим? А не выпить ли нам по маленькой?

От запаха, исходящего от лже-Никиты, Арвель поморщился, на панибратский хлопок по плечу закатил глаза, но нашел в себе силы промолчать.

— Мы закончили, — доложил подошедший к координатору маг, — контур разведен.

— Отлично, — Арвель отошел от окна, кивнул мужчинам, — мне пора. Визоры будут работать до последнего. Вас мы экранировали, но из-за стола не вставать, а то распылит, не соберем. И... удачи всем нам.

— Удача, — Тагир сплюнул на пол, не удержался, проворчал в спину мага: — Раньше надо было об удаче думать. Ладно, взяли этого.

Они подхватили Сергея подмышки, затащили в столовую, усадили за стол. Сели, синхронно огляделись. Все так же светил абажур, монотонно моргали три визора, демонстрируя картины зимнего леса, но больше не пахло кофе, не сверкали белизной фарфора чашки, и стол с бутылью, стаканами и хлебной нарезкой в пакете смотрелся осуждающе убого...

Андрей тяжело вздохнул. Пить не хотелось, но впервые в жизни это была необходимость. Столько людей и нелюдей сейчас работают над тем, чтобы легенда — пьяные фейсы застряли в доме у озера — стала правдой. Он не может их подвести.

— Заскучали, мужики?

Призрак материализовался около стола, прошел сквозь стул и пристроился на нем, как обычный человек.

— Будем знакомы, Сан Саныч, — и он протянул прозрачную руку. Тракторист с уважением пожал ее.

— Никита.

— Андрей, — парень повторил маневр лже-Никиты. Он боялся, что будет пожимать воздух, но рука призрака неожиданно оказалась плотной и теплой на ощупь.

— А это Сергей, — кивнул в сторону спящего товарища. Тот полулежал, пристроив голову на столе, и периодически всхрапывал, счастливо улыбаясь. Снилось Сереге явно что-то приятное.

— Мы его потом разбудим, — пообещал Никита, — а пока приступим. Времени мало, мужики, до гоняться придется быстро.

Мутная жидкость полилась по стаканам. Резко запахло самогонкой.

Сан Саныч шмыгнул носом, промокнул глаза и просипел:

— Пряма как в прежние времена.

Никита хмыкнул, но четвертый стакан долил доверху, лично пододвинув его к призраку.

— За знакомство, — Никита первым поднял стакан, с глухим звоном их емкости соприкоснулись. Андрей еще успел подумать, что никогда его жизнь не была так безумна и насыщена, как сегодня, а затем обжигающий комок прокатился по пищеводу, стирая лишние мысли.

Они одновременно выдохнули. В желудке точно сверхновая взорвалась, и Андрей потянулся за куском хлеба.

Сан Саныч поднял голову от стакана, на лице старика блуждала улыбка человека, нашедшего счастье. Андрею даже показалось, что уровень жидкости в стакане уменьшился.

— Слышь, я помогу, — и тяжелая рука тракториста опустилась ему на плечо. — Не бойсь, полностью стирать не буду. Легкий блок поставлю, сам рассосется дней через пять. По рукам?

Андрей подумал, глотнул из стакана, за нюхал хлебом, снова подумал и кивнул. Пусть будет блок. Если решат сыворотку колоть, никого не сдаст.

— Сан Саныч, а вам не пора? — спросил Андрей. В голове уже зашумело, но он был еще достаточно трезв, чтобы заметить тени, крадущиеся в лесу.

— Ты, малой, за меня не переживай, — старик пожевал губы, к чему-то прислушиваясь, — я сам решу, когда пора. Это вам, молодым, туда-сюда долго, а мне — раз и там. А когда я еще посижу в такой душевной компании? — и вдруг рявкнул: — Что тормозим? Наливай!

— Н-наливай? — сипло уточнили сбоку.

— А вот и Серега, друг, проснулся, — искренне, как родному, обрадовался Никита. Полез обнимать ошалевшего федерала, попутно всовывая стакан в руку и уговаривая выпить до дна.

Шансов у Сереги устоять было ровно столько же, сколько у молоденькой провинциалки против Дон Жуана. Он опрокинул в себя стакан, мигом захмелел, с удивлением вслушиваясь в речь незнакомого мужика, который панибратски хлопал его по плечу, называл Серегой и вел себя так, точно они вместе детей крестили. Причем своих.

— А где это мы? — нашел он в себе силы уточнить диспозицию.

— Не помнишь? — самым искренним образом удивился Андрей. — Тебя приступом накрыло, видать, нанюхался пыли в участке. Ты как задыхаться начал, мы в сугроб и впилились, тачка заглохла.

Говорил, а перед глазами вставали картины — сугроб, машина, трактор.

— Подтверждаю, — влез Никита, наливая еще по стакану, — намертво вы, парни, тачку сломали.

— Я за Никитой в деревню, он нас трактором сюда дотащил.

— П-почему сюда? — Сергей попытался отказаться от второго стакана, но, к собственному удивлению, не смог, рука потянулась за самогонкой, рот открылся и внутрь, обжигая, полилась жидкость.

— Ты же сам орал, что не уедешь, пока этот дом не проверишь.

— Да-а-а? — засомневался Сергей, неожиданно припоминания: дорогу, сугроб, холод, собственное хриплое дыхание. Сунул руку в карман, проверяя, баллончик на месте. Ствол, уф, тоже. Не потерял, уже хорошо. Это как же его накрыло-то качественно... Надо будет погуглить, вдруг у лекарства побочный эффект психотропный есть.

Нет, но точно же было. И бутыль эта. И по сто грамм для сугрева.

— Никита, мать твою, ты как нас обратно, ик, тащить будешь?

Мир вдруг обрел ясность, исчезли провалы в памяти, все стало четко и понятно. Мир был реален. Никаких гипнотизеров, заговоров зеленых человечков, одна серая банальность, от которой срочно захотелось либо повеситься, либо выпить.

— Не бзди, — Никита развязно подмигнул, — я, шоб ты знал, круче вожу, когда принял. И до дому в лучшем виде доставлю.

Тени уже были рядом с домом. Визоры пропали, незаметно растаял Сан Саныч, и Никита ловко оприходовал лишний стакан. Андрей шкурой ощущал — снайперы выцеливают в окна, микрофоны ловят каждый вздох и шепот, щелкают затворы, проверяются застежки бронников, готовится штурм, а где-то вдалеке пока еще тихо рубят воздух винты.

— Анечка, не волнуйтесь, у вас все получится. Вспомните наши занятия.

Арвель был сама терпеливость, точно у них на пороге не топтался спецназ, готовясь за метнуть внутрь парочку свето-шумовых гранат.

Аня скрипнула зубами, сжала кулаки, глубоко вздохнула и попыталась расслабиться, одновременно концентрируясь на невидимом центре внутри нее. Точку приложения силы требовалось найти, затем расширить до границ тела, протянуть до внешнего мира, охватив площадь дома.

Она пробовала восстановить то чувство, которое испытывала, когда меняла коридор порталов. Вот только мысли путались, а мнящееся дыхание противника сбивало с толка. Еще и Павла нет. Даже для Вальди и то нашлось поручение, а без их поддержки совершать подвиг выходило плохо.

— Ну что же... — разочарованно проговорил координатор, глядя в закрытый мерцающей пленкой проход в дом. Рядом топтались десятка два магов, сидел на полу, скрестив ноги и ни грамма не волнуясь, Зеленка, — будем готовиться к силовому варианту. Пусть целители ждут приема раненых. И начнем возводить защиту. Полгода продержимся, пока идет эвакуация, а больше и не требуется. Анечка, не вините себя, вы сделали все, что могли. Нашим людям не впервой умирать за родной мир.

Раненые, смерть. Ане показалось, что воздух запахом кровью и пеплом. Мечтала о рыбалке, прогулках по лесу? Вместо этого у нее здесь будет маленький, но весьма кровопролитный Армагеддон локального размаха и длиной в полгода.

Представила — и точка силы как-то сразу отозвалась жгучим теплом, волной разошлась по всему телу.

— Не торопитесь, Анечка, у вас все отлично получается. Теперь главное — не спешить, — и бросил кому-то в сторону: — Активируйте контур.

Вокруг загудело, мир стремительно начал заполняться белым светом. Сознание растворялось, и она растворялась вместе с ним. Исчезала Аня Смельцова, вместо нее рождался кто-то новый, незнакомый. И этот незнакомый не был человеком.

Масса новых ощущений. Окутывающий фундамент снег. Небо над головой. Морозный воздух.

Это снаружи.

А внутри? Соленый теплый воздух моря. Болотная ржавость болот. Пахнущий цветами воздух и одобрительное Фиолета: «Привет, сестренка!».

Она знала теперь так много, что теряла себя и связь с реальностью. Знала, как выглядит мир теневика, знала, почему Тагир здесь. Знала, что дракон уже ждет ее на берегу моря. Слышала, как бьются сердца мужчин, оставшихся в столовой. Слышала, как ускоряются сердца тех, кто притаился в лесу. Она могла заставить их прекратить свой стук. Могла так много всего...

— Анечка, — сквозь вату донесся голос координатора, — соберитесь. Вы нам нужны. И Павлу, и Вальди. И ваша мама без вас пропадет.

Мама? Искреннее удивление — у нее есть мама?

— Вспомните, кто вы.

Кто она? Простой вопрос вызвал замешательство.

В памяти медленно всплыло имя — Аня, и она всеми силами зацепилась за него, как за якорь. Аня, Анечка, Анютка. Двадцать шесть лет. Любима родителями, а с некоторых пор и мужчиной. Имеет собаку и двух котят, а еще зеленого мужика-телохранителя, дракончика-воришку и призрака-алкоголика.

Память возвращалась со скрипом, и кто-то внутри был крайне недоволен ее самодеятельностью.

Хочешь остаться человеком? Быть слабой, глупой, ничтожной? Отказываешься от силы? — насмешливо уточнил некто.

Зачем сила без души? Зачем дар, если не с кем его разделить? Зачем могущество, если к нему автоматом прилагается одиночество? Знаешь, что никогда не надоест?

Внутри заинтересованно притихли.

Смотреть, как растет твой ребенок, как делает первые шаги, как читает первую книжку. Пить вино вместе с любимым мужчиной, готовить ему вкусности и получать в благодарность завтрак в постель. Гулять всей семьей по засыпанной листьями аллее. Смотреть фильм и смеяться до слез, а потом еще неделю сыпать фразами из него. Готовить подарки на Новый год, читая честно сворованное письмо к деду Морозу. И получать на Восьмое марта криво нарисованный, но бесконечно дорогой рисунок вазы с цветами.

И могущество сдалось.

Хорошо. Пусть будет по твоему. Живи. Я подожду, когда ты будешь готова.

Реальность встретила кудахтаньем Арвеля, угрожающим сопением Зеленки и ощущением, что она лежит в луже воды. Пошевелилась. Нет, не показалось. Кто-то «умный» вылил на нее не меньше ведра воды.

— Анечка, вы очнулись!

Последний раз ей так радовались в институте, когда она одалживала тысячу до стипендии.

— Как себя чувствуете? Что-нибудь болит? И, Анечка, это вы? — осторожно уточнил координатор.

Очень хотелось ответить:

«Ани больше нет. Я вместо нее», но взглянув на встревоженное лицо Арвеля, поймав боковым взглядом нервно сжимающего и разжимающего пудовые кулаки Зеленку, она передумала.

— А что тут у нас происходит?

Встала с пола, попыталась отжать край свитера и махнула рукой — потом переоденется.

— Штурм вот-вот начнется, — с каким-то нечеловеческим спокойствием, пожав плечами, произнес координатор, — нам удалось объединить ваше сознание с сознанием дома, но мы в той же точке, что и раньше.

— Та-а-ак, — протянула девушка. Ругнулась про себя. Это что же получается? Она там чуть ли не с вечностью спорила, от искушения быть владычицей мира отказалась, а они имеют наглость заявлять, что все напрасно?! Какого спрашивается, она так рисковала?! И Аня прикрыла глаза, готовясь снова нырнуть в себя.

— Анечка, стойте. Вам нельзя, — координатор бросился было к ней, но его перехватил Зеленка и, как пушинку, отшвырнул в сторону. — Вы и так почти потерялись.

— Почти не считается, — со злым отчаянием проговорила Аня. Адреналин ударил по нервам, кровь из прикушенной губы наполнила рот соленым вкусом, мокрая одежда неприятно холодила кожу. Хотелось лечь, закутаться в теплое одеяло и уснуть, но за стеной чужие готовились вторгнуться на ее территорию. Их надо было остановить.

— Ты сможешь, это почти фокус. Пространства не существует, только время, — прошептала она себе и повернулась к Зеленке: — Помогай.

Ее ладошка утонула в его руке.

ГЛАВА тридцать шестая

В столовой чокнулись еще раз. Который Андрей уже и не помнил. Он вообще плохо соображал, что происходит. Последний стакан вырубил окончательно. Гаснущим сознанием уловил, как со стуком его голова соприкоснулась с поверхностью стола.

Получив разрешение на штурм, майор отряда «Вымпел» знаками отдал приказ выдвигаться. По данным аудио-визуального наблюдения в двухэтажном деревянном доме находилось трое мужчин, и занимались они чисто мужским делом — напивались. Заложников обнаружить не удалось, и это напрягало, но руководство торопило, им не терпелось получить результат. Приказ был двух заложников вытащить, остальных задержать, огонь на поражение открывать только в случае угрозы. Руководство мялось, информацию цедило, точно яд, и майор заранее предчувствовал — дело не пахнет, оно воняет тухлятиной.

Когда уже подходили к дому, вдалеке раздался шум винтов. Это было странно — вертушку они не вызывали. Майор хотел было уточнить у центра, что за самодеятельность, но тут пошли такие помехи — рации пришлось отключить. И по старинке — вслепую, без поддержки, идти в дом.

Рука первого бойца коснулась ручки двери, и в этот момент у командира случилось легкое помутнение, дом поплыл, контур стен размазался, и здание принялось точно змея сбрасывать шкуру. Стены мелко тряслись и слоились. Под ногами дрогнуло. Где-то жалобно зазвенело стекло.

Майор чертыхнулся, моргнул, раз, другой, задержал дыхание. Волосы на руках встали дыбом, а чуйка вопила, чтоб не геройствовал, а руки в ноги и отсюда. Желательно бегом.

Но передовой уже открыл дверь, отскочил в сторону, пропуская вперед товарища со щитом, чтоб под его прикрытием проскользнуть в дом, а значит не оставалось времени на раздумья о чертовщине, творящейся здесь. Шум вертушки уже раздавался совсем рядом — над головой.

«Показалось», решил майор и нырнул следом за бойцами в полумрак коридора. Ствол за угол, присесть, проверить. Махнуть — чисто. Впереди слышались пьяные голоса, вот туда «Зарю». Прикрыть глаза. Вспышка. И бегом с криком:

— Всем на пол, работает спецназ!

Звон разбитого стекла. Чьи-то тени влетают в комнату и эхом отражается его крик:

— Работает спецназ!

— Удивительно, как вы друг друга не перестреляли! — Вадим Петрович покачал головой, рассматривая две группы бойцов, стоящих друг напротив друга. Между ними жалкими трофеями лежали упакованные клиенты. Трое. Больше никого в доме обнаружить не удалось. Да и сам дом был заброшен не меньше полугода назад, а до того явно использовался алкашами, как притон. Заросшая грязью кухня, выцветшие обои, поломанная мебель. Пустых бутылок не было видно — успели сдать.

— Это кто? — и он ткнул кончиком ботинка лежащего на полу мужика. Остальные двое были, увы, ему хорошо знакомы. С красными глазами, дорожками слез, воняющие перегаром, словом, позор, а не сотрудники. А главное, перед смежниками-то как стыдно.

Один из спецназовцев подцепил мужика за шиворот, приподнял, пошарил по карманам и выудил карточку водительских прав.

— Никита Сергеевич Лихачев.

Никита Сергеевич согласно замычал и громко икнул.

Вадим Петрович махнул рукой, и мужика уронили обратно на пол. Здесь и без дедушки было все ясно. Во дворе стоит тракторе, у мужика

куртка в смазке, да и руки тоже.

Все же поразительно, как бывает заразно безумие. Когда он последний раз поддавался на авантюры? Двадцать, тридцать лет назад? А сейчас подорвался, точно мальчишка. И дело было не в пропавших парнях. Вот они, собственно, валяются на полу, а в тайне. Его поманила тайна дома у озера. Поманила, оказавшись миражом в пустыне.

Но смежники-то, смежники хороши... Ладно, он своих выручать помчался, а эти-то чего подорвались? Да еще на вертушке. И где они, кстати? Все еще шарят по пыльным углам?

Раздались шаги, и в столовую вошел мужчина в форме полковника полиции. Они были знакомы, не близко — встречались несколько раз на столичных мероприятиях. И по сведениям Прохорова Антон Семенович Богданов, полковник Санкт-Петербургского МВД, относился к той, еще старой когорте товарищей, кто сумел пройти сквозь лихие девяностые, обойти коррупционные двухтысячные и спокойно делать свое дело, продвигаясь по служебной лестнице. Антона Семеновича уважали, за глаза называя псом. Крупный, с узким лицом, чуть оттопыренными ушами, коротким ежиком седых волос и с миндалевидным разрезом глаз он действительно напоминал бигля, а привычка наклонять голову вперед — бигля, вставшего на след. Впрочем, свое прозвище Антон Семенович заработал еще следователем — за высокий процент раскрываемости дел и поразительное чутье на неприятности.

Сегодня, когда улеглась суматоха и, слава Богу, никакой идиот не открыл огонь, они успели поорать друг на друга, выяснить, кто тут главный и обвинить друг друга в срыве важной операции. Но запал быстро угас. Пустые обшарпанные стены и чувство, что их надули, не располагало к долгим выяснениям отношений. Смежники еще на что-то надеялись — расползлись по дому. Вадим Петрович даже напрягаться не стал — сразу ясно, дом — пустышка.

— Выйдем, покурим, — мотнул Антон Семенович головой в сторону двери.

Они вышли на крыльцо. Время было полуденное, солнце стояло в зените, снег — чистый, пушистый, такого давно не увидишь в Москве —

искрился, слепя глаза. А воздух... каким здесь был сладким воздух. Вадим Петрович вдохнул полной грудью, мысленно давая себе зарок на праздниках обязательно выбраться загород.

От сигареты он отказался — бросил лет пять назад, когда начало пошаливать сердце и болеть сосуды на ногах.

— Ну и правильно, — поддержал его Антон Семенович, прикуривая, — а я раз сто бросал. Кодироваться пробовал — ничего не берет.

И он с наслаждением сделал затяжку, выпуская дым из ноздрей.

— Что думаешь? — спросил, кивая на дом.

— А что тут думать, — с раздражением ответил Вадим Петрович, — сам видишь — напились два дебила. Устроили цирк. Выгоню к чертовой матери.

Они помолчали. Перед ними лежал зимний, похожий на сказку пейзаж, за спиной, в доме, сказка превращалась в жизнь, уничтожая любой намек на чудо.

А в доме, ставшем частью порталного зала, за их разговором внимательно следили двое: Аня и Арвель. Визор работал с помехами, изображение дергалось, плыло, но звук выдавал качественный.

— Совет примешь? — Антон Семенович бросил хитрый взгляд из-под густых бровей. Вадим Петрович пожал плечами — почему бы и нет. Он сейчас с удовольствием принял бы грамм двести, а не только совет. — Не торопись рубить головы. Вполне возможно, твои парни не при чем. Давай, я введу в курс дела. Тебе доложили о ребятах Хамона, которых неизвестный поджарил в гаражах у проспекта Металлистов? Доложили. Отлично. В то время я как раз замещал начальника отдела Калининского района, и нам крупно не повезло заполучить пять трупов на свою территорию. Вот такой висячий подарочек. Орудия — нет, хоть док клялся, что такого оружия, которым уделали ребят Хамона, у нас быть не может. Словом, «Секретные материалы», как ни изворачивайся. Представляешь, такое в отчет вставить?

Вадим Петрович понимающе кивнул.

— Вот и мы не стали.

Окурок пролетел метр и закончил свою жизнь в сугробе.

— Я потом в Управление вернулся, но дело не отпускало. Занозой сидело в заднице. Жернова мы пропустили... Кто ж знал...

— Знал, что? — начиная терять терпение, уточнил Вадим Петрович, добавив: — Это ты дал информацию о моих парнях?

— Я, — не стал отпираться полковник МВД, — источник знаю лично, если ты об этом. Но дело не в этом. Три дня назад мне позвонил информатор. Дал наводку на одного парня, которому он два года назад помог выкрасть труп поджигателя Хамоновских ребят. Телефон оформлен на Жернова.

— Ага, — сказал Вадим Петрович, чувствуя, как начинает оживать загубленное настроение.

— Твою мать, — прокомментировала Аня, и Арвель согласно кивнул.

— Номер мы взяли на контроль — без толку. Пользовались им пару раз. Но что примечательное, один раз был странный сбой. Зафиксировали звонок из Ленинграда, а через короткий промежуток — откуда то из Тверской области, точнее запеленговать не удалось.

— Ага, — повторил Вадим Петрович, — вашего парня я знаю. Павел Самохин. Сирота. Чист по базам, да и по сетям тоже. Информатор еще чем-то поделился?

— Что «чистый» парень покупал прослушивающее оборудование, — сыронизировал Антон Семенович.

— Понятно, — помрачнел Вадим Петрович, нагнулся, зачерпнул снег, растер в ладонях. «Чистые» парни без страниц в соц сетях, с классической биографией сироты, умеющие убивать неизвестным оружием, ведущие тайную деятельность на территории страны. Пришельцы?

— Как думаете, что им здесь надо?

— Не могу знать, но судя потому, как тщательно они скрываются, они боятся привлечь к себе внимание. И наш интерес уже заметили. От квартиры избавились, продав случайному человеку. В доме все зачистили. Телефон со вчера выключен. Ну и товарища Самохина, думается, мы больше не увидим. Зацепок больше не осталось.

— А мои парни?

— Попробуй, но я уверен, они вспомнят только то, что мы и так знаем. Их никто не похищал. Машина заглохла, ее дотащили трактором до дома, а выпить они решили, чтоб не заболеть. И ничего подозрительного не заметили.

— Даже так, — Вадим Петрович сунул руки в карманы, покачался с пятки на носок, — им что, память стерли?

— А как думаешь, они у нас труп увели, да еще и с вещдоками? — Антон Семенович полез в карман за сигаретами, зло чиркнули спички. — У меня после их визита треть отдела провалами в памяти страдала, а остальные боялись признаться, считая себя психами.

Аня бросила уважительный взгляд на Арвеля. Интересно, кто поработал? Павел? Тагир? Или лично сам?

— Допустим, они это умеют, — нехотя признал правоту коллеги Вадим Петрович, — но все равно в деле полно нестыковок. Предположим, дом использовали, как базу. Удобно. Место тихое, заповедное. Но Петербург... Соседей по квартире опросили?

— Опросили. Никто ничего не знает и не помнит. Недавно был какой-то скандал, но быстро закончился. Соседка подтвердила, что видела мужчин разного возраста, входящих и выходящих из квартиры. Была уверена, что та сдается фирме для проживания сотрудников.

— Бывший хозяин квартиры?

— Исчез. Сегодня пытались найти — адрес недействителен, телефон не активен, карт нет, паспорт... — Антон Семенович поморщился. — Детдом у вас тут сгорел со всей базой данных. Не удивлюсь, если не только хозяин дома оттуда, но и вся компания. Мы проверим всех воспитанников, но там хорошо подчистили еще тогда.

— Уверен, что покупатель квартиры — случайное лицо?

— А ты бы стал так по-глупому подставлять того, кто тебе нужен?

Вадим Петрович прикинул. В свете вероятного ухода на дно — нет, не стал бы. Продал бы любому, который не при делах. А это значит — опрос покупателя ничего не даст, кроме портрета Самохина и Ставрова, а их фотографии у них и так есть. Это если покупатель вообще что-либо вспомнит.

— Отозвать сделку и посмотреть, кто отреагирует? — предложил он.

Аня предпочла опереться на стул, а потом и вовсе сесть. От перспективы потерять квартиру, а вместе с ней единственный якорь, связывающий порталы с ее миром, девушке стало нехорошо.

— С вероятностью девяносто процентов — никто, кроме покупателя, — не поддержал его идею Антон Семенович. — Мы здорово их напугали. Жаль, не удалось выяснить, откуда у них наши деньги. Думаю, они разделили деятельность. Те, кто работал с финансами, снимали нал и отдавали тем, кто работал с Жерновым и другими.

— Или они вообще не работали с банками, орудуя через черный рынок.

Высказавшись, Вадим Петрович с неудовольствием подумал, что в этом деле дыр больше, чем заплат. Ничего они не знают: ни про цели, ни про дела товарищей из неоткуда, умеющих убивать на расстоянии без оружия. А еще подумал, что смежники могли бы и раньше поделиться информацией. Глядишь, вместе и выловили бы хоть одного...

— За домом я бы последил, — задумчиво произнес он, — как и опросил бы жителей деревни.

— Пробуйте, — пожал плечами коллега, явно не разделяя его намерений. — Мы будем искать денежный след. Самохин не на фантики себе машину покупал, как и телефон. В розыск объявлять рано, но можно. Как возможного подозреваемого в деле убийства парней Хамона.

Арвель шумно сглотнул и потер левую часть груди. Теперь и координатору стало нехорошо от перспектив, объявленных полковником МВД.

— Ты прав, в розыск рано. А так, сглупили мы, конечно. Тут пару недель слежки и вот где бы они у нас были, — и Вадим Петрович сжал правую руку в кулак.

Мужчины помолчали.

— Что теперь уж говорить, сворачиваемся, — Вадим Петрович в последний раз оглядел спящее под снегом озеро, вздохнул и предложил: — Если закончил, могу подбросить до деревни. Вы ж там вертушку посадили? А то местный, что вас доставил, давно уже домой удрал.

— Паршивец, — усмехнулся Антон Семенович, снял фуражку, огладил голову. — От помощи не откажусь, коллега. Стар я уже пять километров на своих двоих идти.

— Значит, договорились, — они обменялись понимающими взглядами, и Вадим Петрович протянул собеседнику визитку. — Дело мы замнем до появления какой-нибудь конкретики, а ты держи меня в курсе, если твои ребята что-нибудь наруют. Не люблю я такие вот сюрпризы в подполье на своей территории.

Через полчаса кавалькада машин покинула лужайку перед домом. Несколько минут лес стоял, затаившись, а потом тренькнула синичка, ей ответила другая, и скоро лесные обитатели вернулись к привычной жизни.

Виктор Степанович пребывал в глубоких раздумьях. Первоначальный план сесть на хвост федералам провалился с треском. Он как-то не рассчитывал, что сюда подтянется не просто оперативная группа, а «вся королевская конница», да еще и «рать» подоспеет на вертушке. Больно

круто выходило для спасения двух тощих задниц, но размах операции говорил сам за себя. Странно, что еще армию не пригнали или Росгвардию.

Можно было попробовать подобраться ближе, но снайпера, хоть и не ждали нападения из-за спины, могли нервно среагировать на блеск бинокля среди стволов елок.

Лешика он оставил в машине и теперь стоял один, в зимнем лесу, пытаюсь договориться с собой. В конце концов, чем он рискует? Пуля в черепе, конечно, никого не красит, но и уезжать, не солоно хлебавши, категорически не хотелось. И он оттолкнулся палками, углубляясь в лес.

Когда и как в нем стал пробуждаться необоснованный авантюризм, и не был ли он первым предвестником маразма, об этом Виктор Степанович предпочитал не думать. Лыжи шли легко, солнце светило ярко, весело тринькали синички, радуясь хорошей погоде.

Когда до дома оставалось километра три, перед Виктором Степановичем, успевшим к тому времени набрать приличную скорость, пронеслось что-то черное и лохматое. Вынырнуло из елок, обдало снежной пылью и беззвучно исчезло, растаяв среди сугробов залитого солнцем леса.

Мужчина остановился, воткнул лыжные палки в снег, освобождая руки. Дыхание у него перехватило, а сердце зашло, рвано стуча в груди. Он не разглядел, что это было, лишь ощутил, как опасность сгущает вокруг воздух, как от страха выступает капельками пот на спине, и рука сама тянется к кобуре.

— Я бы не советовал, — голос раздался чуть в стороне, и было в нем столько уверенности, какая бывает у молотка, зависшего над чашкой: дернешься — разобью, без вариантов.

Виктор Степанович вернул руки на лыжные палки. Глубоко вдохнул, утихомиривая разыгравшееся сердце. Страх ушел. Осталось непонимание — на кого наткнулся? На тех, кто берет штурмом дом или тех, кто отбивается?

— Где второй?

Штурмующие о втором могли только догадываться, этот же знал наверняка.

— Кто вы? — спросил, не поворачиваясь. Рядом заскрипел снег, и большая черная собака уселась в паре метров от мужчины. Она склонила голову и, как показалось Виктору Степановичу, укоризненно посмотрела на него. Ей явно не понравилось его любопытство.

— Это не важно. Мы уходим, и вы забудете о нас.

Горькая обида всколыхнулась в сердце Виктора Степановича. Он слышал шумное дыхание собаки, спиной чувствовал напряжение незнакомца. Он был близок к тайне... И Виктор Степанович вновь ощутил себя шестилетним мальчиком, у которого отобрали подарок, и он так и не узнал, что было в яркой коробке, которую оставил для него отец.

— Кто вы? — повторил, понимая, что у него нет достойных аргументов, и здесь не прокатят угрозы или посулы денег. Его выкинули из игры, как ненужный элемент.

— Второй в машине?

Чужая воля давила на плечи. Виктор Степанович сгорбился, колени ощутимо подрагивали, но он стоял, стиснув зубы, не позволяя себе упасть.

— Не упрямитесь, больнее будет, — устало посоветовали за спиной.

Черная собака подошла, ткнулась носом в бедро, и Виктор Степанович не удержался, погладил ее по голове. И тут же зашумело в ушах, мир расплылся перед глазами, а следом накатило такое безразличие, что, даже увидев направленный на него ствол пистолета, Виктор Степанович не дрогнул бы.

— Идемте, — уже мягче произнес незнакомец, и Виктор Степанович повиновался легко, с радостью. По-молодецки лихо развернулся на лыжах и покатил обратно к дороге.

Удивление Лешеньки длилось ровно до того момента, как незнакомый мужчина, сопровождающий шефа, открыл заднюю дверцу, отряхнул

запорошенные снегом брюки, и властно приказал: «Едем». Дальше в голове само собой сформировалось ощущение правильности происходящего, и он, как только шеф бросил лыжи в багажник и плюхнулся на переднее сидение рядом с ним, утопил педаль газа.

Мужчина с черной собакой вышли из припаркованной у обочины дороги машины. Та почти сразу же сорвалась с места, рванув по направлению к Москве. Мужчина проследил за ней внимательным взглядом, словно раздумывая, а правильно ли он поступил, отпуская, пусть и обработанных ментально, но свидетелей. И не проще ли было прикопать их под елочкой? Потом тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли, и переключил внимание на проезжающие мимо машины. Им нужно было добраться до Петербурга и, желательно, быстро.

— Анечка, не беспокойтесь, мы все уладим.

Арвель перестал изображать столб и сел за стол. Выглядел координатор неважно. Над губой испарина, лицо бледное, шея в красных пятнах.

— Нам уже дали отличный совет, — девушка кивнула на визор, — лечь на дно.

Арвель тяжело вздохнул, проверил чашку на предмет — не осталось ли на дне еще чая — и произнес:

— Анечка, мы, безусловно, заляжем. Все работавшие в вашем мире сотрудники будут возвращены. Контакты проверены и обезопасены. Прибегнем к личинам для маскировки. Нам потребуется время, чтобы подготовить замену, но можете не переживать — денежный вопрос это не затронет. Вы будете, как прежде, получать зарплату. Этот человек прав, — кивок на визор, — мы разделили финансы и оперативную работу. Аня, обещаю, мы сделаем все возможное, чтобы на вашей, эм, свободе передвижения это не отразилось.

— Надо же, — Аня сцепила руки в замок, посмотрела в глаза координатора, — а я уже готовилась уйти в подполье, оборвать личные связи, а еще сыграть похороны. Для надежности — всей семьей разом. Правда, квартира тогда достанется родственникам...

— Никаких родственников, никаких похорон, — испуганно замахал на нее руками Арвель. — Нам и ваших друзей достаточно. Давайте, не будем усложнять ситуацию. На данном этапе, они знают, что мы есть. Мы знаем, что они знают, но пока не попались — можно работать. Хорошо, что ваш друг согласился помочь.

— Что с ними будет?

— Продержат дня три, допросят и отпустят домой. Не бойтесь, Тагир и не из таких передраг выпутывался.

— А Павел?

— С ним тоже все хорошо. Он — сильный маг и отличный оперативник. Доделает кое-какие дела в деревни и вернется.

Аня кивнула, прикрыла глаза. Усталость навалилась на плечи, голова была пустой, но все же одна мысль не давала расслабиться.

— Вы сказали, что разделили финансы. И кто ими владеет?

— Хотите узнать, кто такой Петр Петрович Афонский? Вы его прекрасно знаете под именем Тагир.

— Тагир?! — Аня аж проснулась от удивления. — Фирму «Новый мир» создал Тагир?

Координатор развел руки — да, такой вот парадокс.

— Но почему?

— У него получилось быстрее и лучше всех адаптироваться в вашем мире. Да и одиночку вычислить сложнее, чем группу людей.

Аня прикусила губу. В душу точно болотной жижи плеснули. Ей казалось, она знает все тайны переселенцев, связанные с ней. Но нет... Сюрприз-и-из.

— Вы были в курсе, зачем ему нужен доступ в порталы, да? И потому позволяли крутиться рядом. Потому разрешили помогать, пустили в дом. Он изначально был частью ваших планов. И кто-нибудь еще знает об этом?

Арвель помотал головой. Было видно — разговор дается координатору нелегко.

— Тагир моя ответственность и только моя. Остальные считают, компания зарегистрирована на меня.

— Дурдом, — Аня дернула себя за косу.

Нет, это даже не дурдом, это форменное издевательство. Только она начала верить, что все, ну почти все, держит под контролем. Только начала считать, что становится настоящей Хозяйкой, как ее звучно щелкают по лбу. Не маги, а мастера интриг, какие-то.

— Понимаю, вы расстроены. Я виноват. Должен был рассказать. И готов сейчас, в искупление, честно ответить на любые вопросы.

Координатор поправил воротник рубашки, точно готовясь распахнуть рубашку, обнажив грудь — стреляйте вопросами, я все стерплю.

— Где Тахмар? — спросила Аня первое, что пришло в голову. — И наблюдатели?

— Выигрывает нам время. У вас есть отличная поговорка: «Победителей не судят», вот мы и хотим уведомить Совет только, когда разберемся с вашими органами безопасности, а вы с драконами. У вас сейчас встреча, если я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, — кивнула Аня, но увести разговор в сторону не дала. — Это правда, что я могла повторить судьбу Сан Саныча? И вы могли устроить не только перенос дома, но и запечатление моей души?

Арвель все же потянулся, расстегнул ворот рубашки, глубоко вздохнул, с тоской посмотрел на пустую чашку.

— А вы умеете делать выводы. Или это информация извне?

Аня промолчала. Арвель разглядывал ее с недоверчивым видом, точно не верил, что его вынудила раскрыться девушка, сидящая напротив.

— Хорошо, — решил он, наконец, — я объясню. С душой, как и с любой энергетической сущностью, можно работать. Самый простой пример — целители, лечащие душевные болезни, но с перемещением иначе. Проще разорвать связь души и тела — убить, но изъять — нет, с этим сложнее. На подобное у нас способны единицы. И чем больше ослаблена связь, тем больше шансов на успех. Поясню, если человек при смерти, то, теоретически, можно перенести душу, заключив ее в кристалл или в другой, подходящий предмет. Теоретически. На практике перенос происходит частично. В кристалл попадает лишь часть воспоминаний, какие-то черты личности. Подобные опыты у нас под запретом, и полноценных исследований не проводилось. И как вы знаете сами, даже в случае с умирающим, запечатление не проходит успешно. Сан Саныч, каким бы живым он не казался, лишь тень своего прежнего хозяина. В вашем случае... Мы бы обязательно рискнули, окажись вы при смерти. А в остальном, что бы не наговорил ваш источник информации, риск потерять вас при запечатлении слишком велик, чтобы пытаться получить нематериальную Хозяйку. К тому же ваши друзья и семья доказали, что не смирились бы с вашей смертью или исчезновением. Успокойтесь, Анечка, вне зависимости от решения Совета, ни я, ни Павел, ни Тахмар не стали бы причинять вам вред. Я все еще координатор и последнее слово остается за мной. Ну и сейчас вам точно не стоит волноваться. Проект вошел в последнюю стадию, и вы помните: «Победителей не судят».

ГЛАВА тридцать седьмая

Дракон сидел на песке, чуть сторбившись, мордой к морю. Он не повернулся, когда девушка подошла, села рядом.

Здесь, как и в мире Фиолета, разница во времени с ее родиной составляла часа четыре, и солнце уже клонилось к линии горизонта, окрашивая голубое небо в нежный бирюзовый свет, море застыло, превратившись в гигантское зеркало, лишь около берега лениво плескались волны. Ветер стих, и воздух был напоен сладким ароматом цветущих водорослей, которых прибило к берегу. Идеальный пляж в который раз дразнился своей недоступностью. И можно было сколь угодно травить

душу несправедливостью, пляж от этого безопаснее не станет.

Они застыли: она — положив голову на колени и обхватив их руками, он — мордой на лапах, и оба блуждали взглядом в затянутой в белую дымку горизонте. Двигаться не хотелось, тело медленно погружалось в транс.

— И почему все женские особи такие...

Эмоции дракона сложно было выразить одним словом, и наиболее близко Аня подобрала одно — «Стервы», с чем мысленно согласилась.

К радости девушки в этот раз ментальная связь не вызвала никаких неприятных ощущений, и голос дракона в голове звучал густым, рокочущим баритоном.

Пояснений к озвученному не требовалось. Аня окинула понимающим взглядом повернувшуюся к ней морду дракона: один глаз полностью заплыл, на носу широкая царапина, нижняя губа надорвана.

— И ведь какие...

Множество негативных эмоций вылилось в то, что можно было перевести, как испражнение, отрастившее себе чешуйчатый хвост и вступившее в связь с болотной пиявкой. Кратко — все те же стервы.

— Голые скалы пожалели, небо, до которого им даже с самой высокой волны не допрыгнуть, рыбы, что никогда не вместят их уродские животы.

Можно было промолчать. Дракону не требовался ответ, ему нужно было выговориться, и без разницы, что он плачется в жилетку женской особи. Но у Ани день тоже выдался непростым. И она многое могла бы рассказать о том, как это стремно, когда к тебе в дверь и окна ломится толпа серьезных дядек, а ты, бедная, пытаешься спрятать от них не только себя, но и целый дом.

— Значит, не договорились, — резюмировала она.

— Почему? — оскорбленно уточнил дракон, точно она его в

слабоумии заподозрила. — Я, хозяин неба, не могу убедить каких-то там подводных моксиц пустить нас в свой мир?

Аня пожала плечами. Она слишком мало знала о тех и других, чтобы делать какие-то выводы.

Дракон вздохнул, опустил голову на лапы, устремив задумчивый взгляд на море.

— Идеальный мир. Без надоедливых двуногих. Вода. Много воды и горы. Спасибо.

Аня честно не понимала, за что? Но... всегда пожалуйста. Обращайтесь.

— Смешная, — хмыкнул дракон, — цепляешься за слабую двуногую сущность? Почему?

Если бы Аня могла ответить на этот вопрос. Действительно, почему? Может потому, что эта слабость позволяет ей оставаться человеком? И так ли нужно могущество, если оно принесет с собой одиночество?

Закат наступал. Небо играло красками от розового до алого, от нежной лазури до глубокой синевы, и было мирно на берегу, где сидели двое: темный, почти черный дракон и хрупкая девушка в джинсах и бадлоне. Белый песок окрашивался в розовый, розовели светлые волосы девушки, а в чешуйках дракона отражалась тысяча алых точек — солнц.

Она не заметила, как подплыли русалки. И пусть их было всего две, но Аня подобралась. Русалки внушали ей страх. Дракона не боялась, а при появлении хвостатых — неприятный холодок пополз по спине. Сам дракон не пошевелился. Так и продолжал пребывать в прострации, и солнце, отражаясь в единственном открытом глазе, делало его похожим на золотую монету.

— Слышь, уродина, — донеслось с воды. Две габаритные и явно в возрасте тети с впечатляющими верхними сто двадцать, с зелеными волосами, облепившими плечи, хотели общаться, используя Аню в качестве переводчицы, — ты зачем наших мужей порвал?

Аня не удержалась и закатила глаза. Вот она — прелесть дипломатии. Только встанешь на одну сторону, проникнешься ее проблемами, как оказывается, что ты поддержал агрессора.

Ее эмоции было столь яркими, что перевода не требовалось.

— Эти мужья... — прогудело в голове.

Дальше шло образное сравнение с простейшими, испорченными уже в утробе матери и способными лишь на связь все с теми же пиявками.

— Они первыми напали, — перевела девушка.

Девы моря, похоже, были в курсе и коварством мужей не огорчились. Решив, что обращаться к Ане предпочтительней, они спросили:

— А этот урод с крыльями, перепутавший небо с морем, что тут вообще делает?

Ане хотелось ответить честно: от людей спасается, но правда была унижительной для драконьего достоинства, и потому пришлось напрячь мозги, чтобы ответ удовлетворил обе стороны.

— Ищет новый дом для себя и своей семьи.

— Пусть в другом месте ищет, — последовал ожидаемый ответ.

На что она надеялась? Что две расы, живущие в разных средах, найдут способ договориться? А вариант был только один. И Аня скосила взгляд, прикидывая, сколько русалок за один раз поместится в желудке дракона. Заманчиво, конечно, и пляж... Чертов пляж не отпускал. А все из-за каких-то там... стерв, одним словом.

— А что ты имел в виду, когда говорил про утробу матери? — мысленно спросила она у дракона. Картинка, которую обрисовал дракон, была отвратительной, но идея про порчу прослеживалась четко.

Дракон подтвердил ее догадки. Русалы болели генетическим

заболеванием, передающимся только мужским особям. Можно было представить, как это было. Сначала несколько заболевших, потом рост продолжился в геометрической прогрессии, пока не охватил целый народ.

— Это лечится? — поинтересовалась Аня.

Дракон фыркнул, взметнув облачко песка. Тратить силы на мокриц? Никогда.

— Ваших мужей можно вылечить, — пояснила Аня русалками. Девы моря аж на берег выползли от таких новостей, бормоча о проклятии моря, которое много веков висит над их народом, — он готов попробовать, но процесс сложный. И нельзя сказать получится ли, но я бы рискнула.

Дракон хрюкнул, зарывая морду в песок. Аня удивленно покосилась в его сторону, не понимая, что того развесило. У нее тут сложные переговоры, да еще и со стервами, а этот...

— Я понял, ты двуногое и одновременно крылатое. Такое извернется и найдет путь даже в самой чернильной мгле.

И вот как это воспринимать? Как комплимент или оскорбление?

Пока она размышляла, дракон закончил маяться дурью, высунул испачканный нос из песка и торжественно объявил:

— Радуйтесь, пиявочные мокрицы, сыны неба помогут вам.

— Он согласен излечить ваших мужей, — перевела девушка.

На том и разошлись. Драконы получали право: селиться на прекрасных островах — голых скалах, питаться мелкой рыбой — жрать все, что плавает, а взамен они обещали снять проклятие — излечить будущих русалов от генетической патологии.

Аня проводила взглядом неспешно уползающего к себе дракона, оставляющего за собой на каменном полу дорожку из белого песка. Все же такое громадное животное смотрелось в зале с диванчиками феерично.

Арвель уже шел к ней, но девушка махнула рукой координатору и... улизнула к Фиолету. День выдался тяжелым, но она не смогла бы заснуть, не проверив, как там дела у друга.

В лесу уже наступила ночь. Было темно и одуряюще сладко пахло невидимыми цветами. Стоило ей шагнуть из портала, как лист под ногами рванул куда-то вверх. Остановился под самым небом. Здесь, под звездами, на краю листа сидели двое, и красные огоньки горящих трубок плавали в темноте.

Курительная комната была открыта, и Аня подозревала — специально для нее. Действительно, стоило сесть на край листа, свесить ноги в пустоту, охватить взглядом купол звездного неба над головой, вобрать в себя эту мерцающую бесконечность, как в руки легла продолговатая деревяшка трубки.

Она молча, говорить не хотелось, затаилась, вдохнула горьковато-пряный аромат дыма, чувствуя, как уносится прочь напряжение дня, как пустеет голова, а на душе становится тепло.

Сколько они так молчали? Сложно сказать. На вдохе огоньки в трубках разгорались, и тогда становились видны лица: два мужских и одно женское.

Аня не сразу поняла, что Фиолет сегодня в новом облике. Не в образе Павла или ее, а в незнакомом — парня лет двадцати, с густой шевелюрой белых, отливающих фиолетом, волос, заплетенных во множество косичек и перехваченных сплетенным из трав шнуром на затылке. Загорелая кожа могла принадлежать любителю моря и пляжей, прямой нос, красиво очерченные губы — наследнику аристократического рода, а вот большие глаза с фиолетовыми зрачками и мерцающими в них искорками — точно были нечеловеческими.

Его сосед, напротив, выглядел обычным. Короткий ежик соломенных волос, широкое лицо, грубые черты, квадратный волевой подбородок. Глубоко посаженные глаза принадлежали человеку лет сорока, а шрам на виске, человеку, чья жизнь не была простой. И только понимание, что перед Аней «старший брат» Фиолета, разрушало эту иллюзию. А еще она понимала, чей образ сейчас видит — мага, дружба с которым послужила причиной создания собратьев Зеленки.

Серебристая молния метнулась к горизонту, оставляя за собой мерцающий след, послужив сигналом к началу звездопада. Десятки гостей из космоса сгорали в атмосфере, даря протрясающее зрелище.

Аня забыла дышать, осознавая, сколь скуден ее словарный запас, чтобы описать происходящее чудо.

— Спасибо, — прошептала, когда звездопад пошел на убыль.

— Повод есть, почему бы не отпраздновать, — ответил Фиолет. — А тебя, сестренка, вижу можно поздравить.

Ее действительно можно было поздравить. Штурм пережила, федералов с носом оставила, со своей сущностью познакомилась, с русалками договорилась, но если копнуть глубже... Поводов праздновать не оставалось.

— Дай ей высказаться, — вмешался старший товарищ, — не видишь, грызет бедняжку. И первый ответ: ты можешь звать меня Льяр.

«Бедняжка» сделала затяжку, поболтала ногами и решилась:

— Я не понимаю, что сегодня произошло. Что это вообще было и что делать дальше.

— Конечно, ты не понимаешь, Ань, — немного сердито ответил Фиолет, — если заглянуть в комнату и тут же закрыть дверь, сложно разглядеть, что внутри. Ты испугалась.

— Ага, — не стала отрицать девушка, легла на спину, раскинула руки. Хорошо-то как. И звезды близко — протяни руку — дотянешься. И рядом с другом сегодняшней день выглядел иначе — проще и легче.

— Не дави на нее, она еще человек.

— Вот именно, а не должна была быть. Я мечтал принять ее на равных, а теперь...

— Ты думаешь только о себе. Для людей такие быстрые изменения не полезны.

Слушать спор двух бессмертных сущностей, искренне переживающих о ней, было приятно и самую малость смешно.

— Ань, — Фиолет улегся рядом, — ты сейчас ручей, впадающий в полноводную реку. Вся вода в реке принадлежит тебе, но ты боишься ее принять, предпочитая оставаться все тем же тоненьким ручейком, лишь мысленно отгороженным от реки.

— Не поняла, я ручей или река? И можно как-то подольше оставаться отгороженной?

— Смешная... Ты — река, считающая себя ручьем. Так понятнее? И сколько ты собираешься оставаться ручьем?

Аня подумала о Павле — а вдруг у них получится стать семьей, о маме, о друзьях, о родном мире, в котором так хорошо ручейку, но тесно будет реке.

— Тридцать лет.

— Вот видишь, — одобрил ее ответ Льяр, — какие-то тридцать лет. Девочка их заслужила, не находишь? И подумай, сколько радости тебя подарят ее дети...

— Дети... — мечтательно протянул Фиолет и заявил: — Трое, Ань, а лучше четверо.

— А давай ты сам их родишь? — предложила девушка.

— Ох, Ань, — заржал лес, — я же постоянно «рожаю». Деревца там, кустики. Вот дети, правда, не выходят. Ладно, поможем. Только учти, если решишь умереть — блокировка сразу слетит. Станешь рекой раньше срока.

— Ясно.

Помирать было никак нельзя. Маги запечатлевать кинутся, а сущность

портального перехода — возьмет свое и сделает из нее полноценную хранильницу.

— А как там Зеленка?

Фиолет хмыкнул и на полном серьезе произнес:

— Лечится от стресса и шарахается от женщин. Тяжко ему пришлось, здорово ты его потрепала.

— Я? Его? Потрепала? — возмущенно вскинулась Аня и только потом заметила смеющийся взгляд Фиолета. — Он сам всех довел своей... а... — и она махнула рукой. Объяснять было долго, и это был именно тот случай, когда хорошо, что все закончилось живыми и здоровыми.

— А я, кажется, сегодня глупость совершила.

— Еще одну? — «удивился» Фиолет.

— Многую из, — улыбнулась девушка, — пообещала, что драконы излечат русалов и зря. Как только обман вскрыется...

И она кратко рассказала, что произошло в мире русалок.

— Ой, Ань, какая ты наивная, — заржал Фиолет, и даже Льяр его поддержал скупой улыбкой, — нет, тебе действительно рано в наш клуб. Драконы, да будет тебе известно, с их сложным деторождением, действительно много знают о вынашивании плода и его возможных патологиях. И в этом они опередили русалок, которые генетическую патологию считают проклятием моря. Но лечить они хвостатых дам не будут. Те сами справятся. Каждая русалка — маг, и прекрасно позаботится о детеныше, стоит только направить ее мысли с нужную сторону. Так что все будет нормально. Да и где ты еще найдешь столь две прекрасно подходящие друг другу расы? Честно, Ань, ты отлично справляешься. Пока на одной интуиции, но знания придут с возрастом.

С возрастом... И какой, интересно, возраст у нее теперь может быть?

— Какой захочешь, — услышал ее мысли Льяр, — тридцать лет ты

проживешь, как обычный человек, разве что болеть не будешь и стареть медленней, а дальше — преград нет. Как захочешь — так и будет.

Как захочешь? Перспективы завораживали, вечность оказалась вдруг рядом — один шаг, но торопиться не хотелось. Да и многое нужно было решить, вот, например.

— Льяр, там один товарищ хочет с тобой познакомиться. Родом из того же мира, что и Льяррус. У них давняя проблема. Не могут найти лекарство от какой-то болезни. Эпидемии каждые пятьдесят — шестьдесят лет, а один из образцов, который Льяррус привез из твоего мира, оказался антидотом.

Она не успела переговорить с Тагиром и сейчас действовала на свой страх и риск, но вытрясти правду из теневика еще успеет, главное — заручится поддержкой Льяра. Да и теневик сам виноват — заигрался в тайну. Не хотел выдавать уязвимость родного мира, а она не понимала, почему он в нее клешем вцепился.

Льяр был краток:

— Пусть приходит.

— Спасибо. А скажи, я вот еще понимаю, почему Льяррус вернулся к тебе, после того как побывал на родине, но почему его сородичи не смогли найти вход в твой мир, а они его упорно искали, идей нет.

Оба леса синхронно вздохнули и выдали:

— Молодая.

— Глупая.

Льяр пояснил:

— Аня, со временем ты вырастаешь в этот мир, и любое открытие портала ощущаешь, как живой разрез на коже. Будет тебе лет, скажем, пятьсот, ты тоже сможешь блокировать доступ в свой мир.

— Понятно.

Понятно было и другое — ее версия о неслучайном подборе миров в порталной связке была верна.

Звезды над головой ехидно подмигивали, точно подтверждали: — Да-да, ты не ослышалась, пятьсот лет. И нет смысла спрашивать возраст обоих товарищей, так по-простому сидящих рядом с ней на листе и курящих трубки. Все, что больше ста лет — ей представлялось с трудом.

С другой стороны, три недели назад она вообще не представляла себя в разумном лесу. Или открывающей двери в другие миры. Или летающей на драконе. А сколько еще предстоит... И если с мирами лесов было все понятно, и просматривались отличные перспективы по линии: драконы — русалки, с миром теневиков так же появилась надежда на прогресс, про болотный мир можно было просто забыть, то средневековый город еще не проявил себя. А может и не проявит, оставшись обычным таким городком средневекового мира.

— Ты уже спишь, — ласково прошептали над ухом, и девушка плавно взмыла в воздух, поддерживаемая невидимой силой, а затем ее понесло куда-то. Звезды мигали, расплываясь, сливаясь в сверкающую круговерть. А потом был тихий голос Арвеля и мягкость постели.

Проснулась Аня отдохнувшей и полной сил — хоть сейчас картошку копать или миры открывать, в зависимости от обстоятельств. За окном алыми полосами пламенел рассвет, намекая на морозный день. На стеклах серебрились узоры.

Аня полежала, наслаждаясь тишиной и покоем, и вдруг подскочила, осененная внезапной мыслью. Если дом сейчас часть порталов, то это же... Это просто... Какой простор для творчества! В душе колыхнулась волна радости — сказка стала реальностью. Это ее дом, и она может делать все, что хочет. Хочет — дворцовые покои, хочет — хай-тек или строгий классицизм. Все, что душеньки угодно.

Аня обвела прищуренным взглядом комнату, оббитые вагонкой стены, кресло, мольберт и... не стала ничего трогать. Может потом, лет через сто, когда надоест, решила она. Внизу слышались голоса, и голос отца она узнала сразу. Этого следовало ожидать — мама всегда была флагманом их

семьи, и если она сказала, что дочь вне закона и работает на другие миры, и ей нужна помощь, потому как дисциплина и нормальное питание не налажены, то партия в лице отца ответила «есть»!

А потом ее взгляд зацепился за столик и букет роз на нем. Внизу белела записка. Девушка развернула и прочла: «С добрым утром, милая. Кофе и я ждем внизу. Хотел разбудить, но буду ждать следующей ночи».

Постскриптумом шло: «С твоими договорился — свадьбу празднуем здесь».

Хотелось возмутиться — не посоветовался, в любви толком не признался, но счастливая улыбка уже играла на губах, и Аня точно знала, что ответит «Да».

ЭПИЛОГ

Снег валил крупными хлопьями. После знаменательного дня, когда им чудом удалось избежать провала, прошло десять дней. Через два дня наступал Новый год, и в доме все сильнее ощущалась атмосфера праздника. Вкусно пахло елкой, которую установили в углу столовой, но еще пока не наряжали. Арвель, замученный, с синяками под глазами, ходил с таинственным видом и обещал какой-то сюрприз в новогоднюю ночь. Мама не ходила, летала по дому, периодически замирая на месте, и тогда из кармана доставался блокнот с карандашом, и вслух заклинаниями произносились: кардамон, ваниль, горчица и бальзамический соус.

Отец, которому весной, предстояло выйти на пенсию, не заикался больше о том, чтобы поработать еще года два. Он часто закрывался с Арвелем в гостиной, переоборудованной в кабинет. С его опытом геолого-разведочных работ мир дракона представлялся эдаким Клондайком. Маги это тоже понимали, а потому относились к Николаю Александровичу с большим уважением, на что отец смеялся, мол, магия — магией, а науку никто не отменял.

Переселение драконов прошло буднично, без фанфар, красных дорожек и цветов. Пока маги заканчивали разведку нового мира, которому дали название «Латье», что в переводе значило «Идеал», Аня выторговала право для драконов разок, в одну сторону, прогуляться по залу порталов.

Громадные животные полные смертельной мощи, обладающие внушительным набором когтей и зубов, неспешно двигались мимо столов, мимо пухлых диванов с резными ножками, мимо нервно переминающейся охраны, мимо застывших магов, работающих в наспех развернутом здесь же координационном центре.

— Анечка, вы понимаете, если они захотят, мы не сможем им ничего противопоставить? — тихо, наклонившись, прошептал Арвель.

— Поэтому, мой дорогой координатор, мы будем с ними дружить. Долго и счастливо. И без жертв. Кстати, для переноски яиц все готово?

Яйца — были самым ответственным и самым хрупким в прямом смысле этого слова моментом переселения.

— Добровольцев мы нашли, — кивнул Арвель, — каждый оставил распоряжение на случай своей гибели.

— Пусть не надеются, — сердито мотнула головой девушка, — никаких случаев. Если не разобьют яйцо...

В этот момент из портала показалась первая четверка добровольцев. Двигались они со скоростью груженых хрусталем черепах — практически не дыша — держа за углы сеть, в которой лежало крупное, серое в крапинку яйцо. До портала яйца доставили в сетях же сами драконы, а вот по непривычному полу переносить отказались. Катить не рискнули сами маги — а ну как треснет? Кто его знает, какова прочность у скорлупы? Потому переносили вручную. Чужеродную магию зародыш дракона блокировал интуитивно, как опасную.

— Опускай. Аккуратно. Все, держу.

Каждую четверку ждала небольшая платформа на колесах, на которую со всей предосторожностью грузили яйцо. Драконы уже прошли по ту сторону портала. Аня предполагала, ящерицы все же приглядывают за транспортировкой, но своими методами... Так было даже лучше, и маги, хоть и нервничали, но гораздо меньше, чем если бы за ними наблюдала пара глаз с вертикальными зрачками.

Посмотрев третью по счету погрузку, Аня решила, что ее присутствия не требуется — Арвель справится сам. Повернувшись уйти, как тут раздался предупреждающий крик. Уже оборачиваясь, Аня успела заметить, как обрывается край сети, как яйцо, зависнув над платформой, неспешно, но вместе с тем стремительно наклоняется, с глухим стуком приземляется на край и соскальзывает вниз.

— Держу, — просипел маг, лежа на полу. Яйцо, приземлившееся ему на живот, он обхватил руками, еще и ногами зафиксировал. Судя по красному лицу и выступившей испарине — удержание вышло жестким. Так и оказалось — целители установили ушиб брюшины и два сломанных ребра. Героя отправили лечиться. Яйцу повезло больше — ни трещинки.

— Я же ему второй отец теперь, — бормотал, уплывая на носилках маг, — хоть на рождение позовите.

— Позову, — пообещала Аня, только сейчас начиная осознавать, что держать эти миры порознь не выйдет. Люди — существа любопытные, не оставят в покое крылатых и хвостатых, а тем, в свою очередь, придется привыкать, что двуногие — не только еда, точнее совсем не еда, а отличное средство от скуки. С другой стороны, есть надежда, что когда-нибудь людям удастся подняться в глазах драконов выше и заслужить уважение. Стал же Льяррус для разумного леса настоящим другом....

В Анином мире маги ушли в глубокое подполье. Девушка не вникала в детали, главным было то, что Павел, после нескольких дней чуть ли не круглосуточного отсутствия и возвращения каждый раз под новой личиной, теперь был дома.

За самой Аней последили дней пять, и девушка честно старалась вести себя самым естественным образом, уходила в дом, оставляя телефон в квартире, но федералы на контакт не пошли и на допрос не вызвали. А потом, по словам Павла, слежку убрали, как и прослушку с ее телефона.

Тагир вернулся через неделю после штурма. Как и предсказывал Арвель, федералы продержали их дня три — а дружок твой, кремень, даже на детекторе не сломался. Сразу из Москвы маг отправился в деревню, выпустил из подвала тракториста, снял с него внушение, и мужик перестал

бояться выходить из дома, прячась в подвал от любого шума, не зажигая свет и сидя в полной темноте, зато и пить бросил с пережитого.

Вторым делом Тагир навел порядок в фирме, прибегнув к услугам знакомой ему группы хакеров. Подчистил следы о нецелевых внесении наличностей и снятиях. Арвель был прав — маг быстро стал своим в их мире, освоил технику и даже простые методы взлома. Бизнес он, по его выражению, давно отдал на поруки, наняв персонал, и дела пошли в гору, так что теперь не требовалось дополнительных вливаний от продажи камней на черном рынке.

Аня встретилась с Тагиром в Елагином парке. Белел под зажженными фонарями снег, крутились в не замерзшей воде утки, по аллеям разносились звуки вальса, горела украшенная огоньками на катке елка.

— Привет, Синеглазка.

Тагир похудел — одни глаза остались. Взгляд почернел, растеряв природный оптимизм, но это остался Тагир — несломленный, хоть и дико уставший.

— Привет. Досталось? — спросила с сочувствием. — Пожалел, небось, что со мной связался?

— Пару раз было. Своих-то они не особо трогали, а вот на мне... — и маг, поморщившись, ощупал правый бок. — Но ты не переживай, я живуч, как сто ваших, да и заживает на мне быстро. Все равно спросишь, скажу сразу — с Андреем твоим порядок. Уверен, еще заявится. Не утерпит.

— Пусть, — пожала плечами девушка, — одним больше, одним меньше.

— Мне стоит беспокоиться? Или предупредить Павлика? — прищурился маг.

За «Павлика» можно было и высказать, но сегодня ссориться Ане совсем не хотелось.

— Тебе стоит начать готовиться. Я договорилась о твоём визите к

Фиолету. Он, конечно, не дракон, сразу жрать не станет, но на нервах поиграет.

— Знаешь уже, да? — он остановился около ограды, положил руки на перила моста. — Ань, я не буду извиняться, хоть порой и переходил черту, но таков я и методы у меня, — он дернул уголком рта, — не для милых барышень. А ты всегда была хорошей девочкой. Слишком хорошей для меня. Жаль, тебе не нравятся плохие парни, Синеглазка, но это твой выбор, и теперь я могу позволить себе сказать: чертовски правильный выбор. С Павлом, каким бы занудой он ни был, ты будешь в надежных руках. Он не даст тебе рисковать, не потащит ломать шею в горы или ловить русалок сетями. А я, Ань, не смогу без этого. Семья, дети, четыре стены, бокал вина по пятницам и поход в кино на выходных — это не для меня. Хотя... Кому я говорю? Ты ведь это сразу поняла, да? Вот такой я, Ань, не курю, почти не пью, а без адреналина не могу. Мне ваш мир потому так и зашел — в нем всегда можно найти приключение на голову. А другу своему фиолетовому передай: на нервах — всегда пожалуйста. Они у меня закаленные.

Откровения теневика не были неожиданностью. Аня интуитивно чувствовала, что интерес Тагира к ней выходит за рамки обычного интереса мужчины к привлекательной женщине. Но его доверие... его желание объясниться — все это смахивало на извинение, чтобы там Тагир не говорил.

— Ну-ну, — с сомнением покачала головой Аня, припомнив выходки Фиолета. Ведь не удержится — залезет в голову к теневику, откапает что-нибудь и... — Мое дело предупредить. Все равно ведь не откажешься?

— Не тот вариант, Синеглазка. Я, как услышал про разумный лес, еле сдержался, чтоб не прорываться к вам силой. Ты себе представить не можешь, как долго мы искали к нему путь. Он же блокирует любые порталы. Льярруса к себе пустил, пожалел умирающего. А когда тот вернулся с образцами и рассказами, то... Словом, ему не слишком поверили. Образцы убрали в архив, рассказы записали, но дальше стола они никуда не делись, а Льяррус... ушел обратно. И только через много лет один студент случайно наткнулся на них в архиве. У нас как раз бушевала эпидемия. Антидот мы получили, а вот синтезировать не смогли — слишком мало материала. Вот и вся история, Синеглазка. Так что я сейчас,

как трепетная барышня, жду первого свидания с твоим другом.

Аня фыркнула. Трепетная барышня, как же... Скорее головорез, притворяющийся джентльменом. И ведь не попросишь оружия не брать, потому как сам Тагир и есть оружие.

Проект переселения находился в стадии подготовки — людей нельзя было так просто выкинуть на пустые земли, а потому задача магов-пространственников сводилась к одному — переместить как можно больше зданий, производств и домов. В Латье уже работали: искали воду, прокладывали водопровод, ставили солнечные нагреватели и монтировали водные станции по добыче энергии. Десятки команд-ученых перемещались по миру: составляли карты, изучали флору, проводили множество замеров и наблюдений за климатом. Эти данные следовало систематизировать, занести в базу, а ученых, которые норовили увлечься и не выйти в положенное время на связь, накормить и отправить вовремя отдыхать.

В зале круглосуточно работал координационный центр. Диванчики чередовались с рабочими столами. Да и сам зал претерпел ряд изменений — теперь его за считанные секунды можно было разгородить на сектора, а каждый сектор держала под прицелом пара автоматических пушек — идея Тагира. Он вообще никогда не отказывался от оружия, вот и купил одну по случаю — а больше и не требовалось.

Пушка была разобрана и собрана раз пятьдесят, пока девушка не выучила начинку и скопировала «подарок», ведь воспроизвести в доме Аня могла только то, что сама знала хорошо.

В дополнение около каждого портала появились спрятанные в пол и потолок перегородки из бронированного стекла, усиленные стальными решетками. Можно было посчитать это признаком паранойи, но после штурма вопрос безопасности вызывал у Ани стойкое желание окружить себя дотами с пулеметами.

Часть зала около входа в дом отвели под кафе-столовую, где в любое время суток можно было рассчитывать на простой, но горячий обед. Аня с родителями съездили на оптовую базу, сделав запас продуктов на пару недель.

За суетой грядущего переселения терялась подготовка к свадьбе — ее решили отложить до лета. Павла предстояло легализовать заново, а на это требовалось время. Выходить замуж за чужого внешне человека, Аня отказывалась, соглашаясь лишь на минимальное изменение во внешности — цвет волос и глаз.

Сан Саныч в эти дни был незаменим. Его можно было видеть в компании молодых магов, с которыми старик делился «мудростью» прожитых лет. Он с радостью работал гонцом, передавая просьбы Ани, частенько пропадал у Фиолета, но чаще всего его замечали в столовой, где командовала поварихами Клавдия Петровна. Милейшая женщина пребывала в полном недоумении, откуда каждое утро на ее рабочем столе появляется то букетик засушенных фиалок, то старая открытка, то диковинный цветок.

На Новый год работы были приостановлены. Центр зала Аня превратила в каток, и на льду отражалась красавица — под потолок — искусственная елка с сотней плавающих свечей на пушистых лапах, с гигантскими шарами и бусами. Елка пришлась по душе многим, и на ветвях то и дело можно было заметить зеленых дракончиков, дружно гоняющих одного бриллиантового или наоборот.

Преображенная по случаю праздника столовая в парадном дворцовом интерьере выглядела роскошно. На столах сверкал хрусталь — гулять, так гулять. В холодильниках охлаждалось шампанское. Под потолком мерцали тысячи крошечных звезд, то одна, то другая срывалась вниз, оставляя в воздухе сверкающих серебряный след. Звучала музыка. Кое-где уже танцевали. На льду, в призрачных коньках, рассекал Сан Саныч, решивший вспомнить молодость. Тагир, занявший место рядом с Таймарой, активно пытался расшевелить магину всей силой своего обаяния. Та держалась неприступно, но слабая улыбка то и дело играла на алых губах.

Вкусно пахло запеченным в духовке мясом, пирожками и ванилью. А еще в воздухе витало ожидание праздника. Годы беды и борьбы за выживание дались магам непросто. Многие похоронили родных, а некоторые и надежду. Проект переселения прошел все стадии отчаяния, слепой веры и разочарования. Сейчас в нем впервые зазвучали ноты реальности.

«И если бы не было праздника, его следовало обязательно устроить», — думала Аня, всматриваясь в лица красиво наряженных мужчин и женщин.

— Скучаешь, красавица?

Бокал шампанского в руку Павла смотрелся... искушающе.

— Нет, просто наслаждаюсь.

Игривые пузырьки с кисло-сладким вкусом винограда прекрасно вписались в атмосферу праздника.

— А я смотрю и не верю, что мне досталось такое сокровище.

Сокровище сделало глоток из бокала и подмигнуло.

— Знаешь, ты единственный, кого я не боюсь случайно прибить. Я даже когда злюсь на тебя, все равно чувствую — не всерьез. И с тобой мне как-то проще думать о будущем. После разговора с Фиолетом мысли о вечности никак не выходят из головы. А посмотрю на тебя и думаю: ну какая из меня всемогущность? Не нужны мне сверх способности такой ценой. Я хочу быть рядом с тобой. Хочу любить, хочу иметь детей.

Ее обняли за талию, притянули, и обжигающий шепот коснулся лица:

— Обещаю. Всегда. Пока не прогонишь. Быть рядом. Моя жизнь — лишь для тебя. Рассчитывай на меня во всем. Я прогоню любые кошмары из твоих снов, решу любые проблемы, но безумства поддерживать не буду, прости. Даже сейчас, как подумаю, что с тобой может случиться нечто непоправимое, а я не успею прикрыть, вот здесь, — и он дотронулся до левой груди, — точно огнем горит. Давай договоримся — я согласен даже на безумство, но в моей компании. И я должен попросить прощения. Мои ошибки поставили Проект и твою жизнь под угрозу.

— Я давно тебя простила. Во-первых, ошибки не совершает только тот, кто ничего не делает, а во-вторых, у тебя был серьезный противник, — и она бросила выразительный взгляд на Тагира.

— Был? — уточнил Павел, и в его глазах застыл лед.

— Был, — еле заметно улыбнулась Аня. Ревность, в разумных пределах, — бальзам для женской души и еще одно подтверждение чувств.

Она чуть отстранилась, провела рукой по щеке мужчины.

— У него изначально не было шансов.

Взгляд мужчины потеплел, а объятия стали крепче.

— Я уже выбрал место для нашего дома. Только представь: широкий берег моря, желтый песок, высокий, заросший травой холм и небольшая пихтовая роща. За домом растет лес, чуть дальше поднимаются невысокие горы. Мы сделаем круговую веранду, чтобы любоваться рассветом над горами и закатом над морем. В горах поселим животных. Уже принято решение переселить не только людей, но и тех диких животных, которым удалось выжить. Это удивительно, но наш мир словно решил дать нам время. Извержения поутихли, землетрясений стало меньше. Ты не против, если мы дольше, чем планировали будем топтать здесь пол?

— Топчите, сколько угодно. А что с миром драконов?

— Разведку провели поверхностно, большего пока сделать нельзя — нет ресурсов, но результаты интересны. Материк действительно свободен. Люди есть, но на других частях суши. Уровень развития — по вашим меркам раннее средневековье. И три страны из нашего мира уже изъявили желание перебраться туда.

— Они понимают, что это изоляция?

— У них свои соображение. Расселение мира мало чем отличается от расселения, скажем квартиры, и если у тебя площадь страны 100 кв километров, то и в новом мире ты получишь примерно столько же. Вот они и выбрали — в изоляции, зато площадь раз в десять больше, чем у них сейчас. А насчет изоляции... Они надеются поддерживать отношения через порталы. Так что твои мысли о вечности их крайне обрадуют.

— Рано их пока обнадеживать, я еще ничего не решила. Знаю одно —

завтра отправимся смотреть твой пляж, холм и лес. Если уж меня лишили дома на озере в моем мире, пусть будет дом на берегу моря в другом.

— Будет, обязательно будет. И детских три. И комнат для гостей. Я готов даже дракона терпеть во дворе.

— Нет, дракон, пожалуй, будет лишним. Хотя меня радует, что ты допускаешь его появление. Однако пока мы бездомные, предлагаю праздновать. О будущем подумаем завтра. С Новым годом!

Бокалы встретились с мелодичным звоном.

— С Новым годом, любимая!

КОНЕЦ

Декабрь 2018 года